

Ирина Анатольевна Дедюхова
ПАРНАССКИЕ СЕСТРЫ
Часть I

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. Подарга	<i>Стр. 2</i>
2. Эрато	<i>Стр. 23</i>
3. Сфейно	<i>Стр. 46</i>
4. Эвриале	<i>Стр. 82</i>
5. Телксиепия	<i>Стр. 126</i>
6. Окипета	<i>Стр. 149</i>
7. Клио	<i>Стр. 184</i>
8. Терпсихора	<i>Стр. 184</i>
9. Келайно	<i>Стр. 261</i>
10. Урания	<i>Стр. 283</i>

1. Подарга

*Сей Автомедон подвел под ярмо Ахиллесовых коней,
Ксанфа и Баляя, быстрых, летающих с ветрами вместе.
Гарпия оных Подарга родила от Зефира ветра,
Им посещенная в пастве, при бурных струях Океана.*

Гомер Илиада (XVI, 148-151)

На улице в ранних зимних сумерках опять повалил снег, от высоких спинок стульев за длинным столом легли тени на простенки между узкими окнами, затянутыми шелковыми жалюзи. Сидевший в полном одиночестве генерал решил, что пора врубить «ночную иллюминацию», заливавшую кабинет нестерпимо ярким светом. Он и сам не слишком любил этот момент, когда одним щелчком уничтожалась зыбкая игра теней на потолке, озаряемая вспышками фар автомобилей. Почему-то ему хотелось продлить это ощущение... полной защищенности, еще немного побыв в сгустившейся полутьме.

Но он знал, что его подчиненные внимательно следят, когда в его кабинете зажигается и гаснет свет, чтобы успеть подписать бумаги и самим «засветиться» перед строгим референтом, сидевшим в генеральском «предбаннике».

Понедельник — день тяжелый. Особенно тяжело было начинать эту трудовую неделю после скандалов канувшей в прошлое прошедшей недели. Генерал вспомнил, с каким тяжелым чувством он утром выходил из дому, а потом глядел в тонированное окно служебного автомобиля на ежившихся под порывами шквального ветра прохожих, переходивших улицу на светофоре перед самой Калужской площадью, где нельзя было проскочить с включенной «мигалкой».

От тонировки казалось, будто на улице светит яркое солнце, но генерал знал, что стекло ограждает его от неуютной грязи и холода мира за стеклом. Впервые за долгие годы в глубине души у него шевельнулось странное

желание — выйти из машины и поменяться с кем-то из этих безымянных прохожих местами, хотя вся его жизнь была направлена к совершенно обратной цели — навсегда уйти из этой жалкой толпы.

Но к вечеру настроение у генерала, вопреки тяжелому предчувствию и утренним сомнениям, стало почти приподнятым и благодушным. Утренний разговор с куратором в правительстве, которого он опасался, прошел на редкость удачно. Сравнительно молодой человек высоко оценил его выступление в Думе в минувшую пятницу. Он даже показал на своем планшетнике текст «реакции общественности», которую аппарат правительства в выходные запустил по своим каналам в сети Интернет.

Более всего генерала порадовало, что в аппарате оставили оценку «компетентен, владеет ситуацией». Накануне его выступления в Думе, он вместе с референтом Зворыгиным составлял текст «общественной реакции», понимая, что такие вот мальчики из правительства могут с легкостью вычеркнуть в первую очередь.

«Из выступления министра можно сделать вывод — он компетентен, владеет ситуацией и всеми вопросами по своей линии во всей стране, а это 11 часовых поясов. Ему задавали вопросы, вопросы довольно сложные. Он довольно глубоко и содержательно отвечал на них. Он не уходил от ответов, признавая недоработки, аргументируя позицию в том или ином регионе. Основной акцент вопросов был сделан на реформу. Нам надо понимать, что сейчас идет процесс больших перемен — это внеочередная аттестация.

Мне бы хотелось донести свое мнение по аттестации: если в результате аттестации, за пределами системы МВД остаются профессионалы, которые считают результаты неправильными, они могут обратиться в суд.

Не могу судить о качестве аттестации во всех регионах, но у нас в республике она проведена, на мой взгляд, правильно. В процессе аттестации принимал участие и общественный совет при министерстве. 20 тысяч сотрудников прошли аттестацию и, конечно же, какие-то ошибки были допущены.

Среди звучавшей критики были и конструктивные предложения, но хотелось бы помимо критики услышать из уст парламентариев предложения по решению тех или иных вопросов.»

Главное качество, которое генерал ценил в людях, независимо от их связей, возраста и высоты занимаемой должности, было взаимопонимание. Сам он всегда старался до конца понять любого своего руководителя, превыше всего ставя точность выполнения распоряжений. И когда ему доводилось столкнуться с ответным пониманием складывавшихся жизненных коллизий, сопряженных с большой нервной нагрузкой и небезосновательными опасениями, что в ряде ситуаций им могут просто «прикрыться», — он испытывал к таким людям огромную благодарность, желание ради них «рыть носом землю».

Стоило ему вспомнить о молодом кураторе и подтверждении, что его усилия нашли позитивную оценку у высокого руководства, как окна содрогнулись от резкого порыва ветра, оставив на стекле напротив генеральского кресла медленно сползавший мокрый ком снега. По всем портьерам пробежала дрожь, будто от непрошеного вторжения

невидимого посетителя. Погода явно не радовала, а железобетонные пилоны на фасаде здания нисколько не защищали окна кабинета от резких порывов ветра.

Выходные он провел сумбурно, на душе было отчего-то тяжеловато. Возможно, это было вызвано огульными оценками в Интернете его выступления в Думе, где ему даже депутаты поставили в вину оцепление возле здания и “зависание” думских компьютеров. Но ведь они доклад о реформе полиции слушать собирались, а не в Твиттере строчить. Да и разве удобно идти на работу, на государственную службу — через толпу пикетчиков с идиотскими плакатами?

Поводом для доклада в Думе стал случай, который, конечно, не должен был обсуждаться в прессе. В старые бы времена о нем и не заикнулся никто, свое место эти журналюги тогда хорошо знали.

Генерал признавал и свою долю вины, что после двух лет упорной борьбы с экстремистами в Интернете — этот случай получил широкую огласку именно в социальных сетях.

Некого ранее судимого гражданина стражи порядка задержали в продуктовом магазине, заподозрив в краже телефона у продавщицы. Из отделения полиции он попал в больницу с сильными разрывами прямой кишки. Но перед операцией успел рассказать врачам, что полицейские насильовали его бутылкой из-под шампанского. Операция не помогла, терпела умер на операционном столе, а врачи настучали правозащитникам, у которых уже были аналогичные обращения.

В принципе, генерал понимал, как могут достать его подчиненных эти граждане своим развязным поведением. Он и сам иногда просматривал наиболее интересные видео допросов на служебных посиделках в узком кругу. Оружие о бутылках шампанского правозащитники не знали, что еще с чеченской кампании в органах была куда более широко распространенной несколько иная «инновация»: допрашиваемого с силой сажали в ведро со стоявшей там бутылкой. После такого допроса помещение оставалось чистым и гигиеничным, а не то что на одном видео, где сотрудники уральского управления играли в индейцев, сняв с допрашиваемого скальп живьем.

Но работать-то как-то надо? Если подозреваемый не отвечает на допросе, ссылаясь на свое конституционное право не доносить на самого себя, так практически невозможно раскрыть даже кражу мобильного телефона. А этого не понять, пока своего телефона не лишишься.

Видеоматериалы допросов, где граждане представляли в смешном и компрометирующем виде, должны были многих остановить от последующих попыток возместить «моральный ущерб». Наверно, именно эти видео, которые так хорошо скрашивали дружеское застолье, послужили каким-то новым витком в производстве «жестких» допросов. Потому иногда подследственные не выдерживали физических воздействий.

Перед злополучной бутылкой из-под шампанского в том же регионе после допроса в камере для административно задержанных умер 45-летний замдиректора железнодорожного техникума, отец четверых детей. Вместо того, чтобы свалить всю вину на его сокамерников, правоохранители заявили, что мужчина был якобы нетрезв и агрессивен, поэтому они надели на него наручники, а в наручниках он сам задохнулся, их в камере не было.

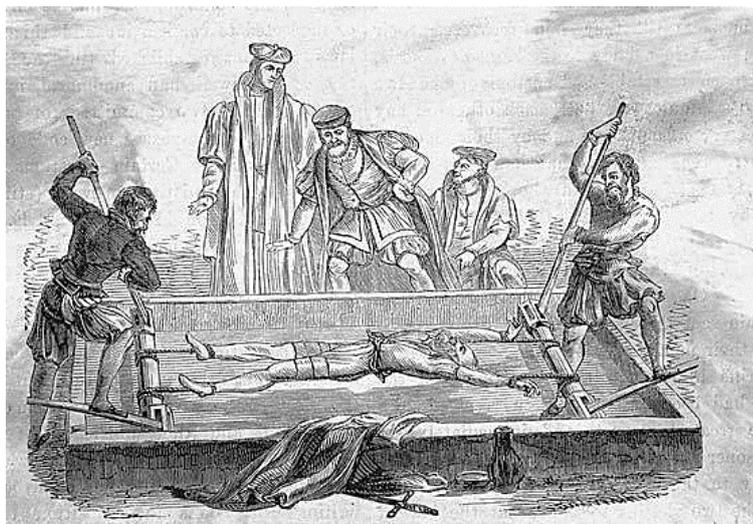

Официальная экспертиза показала, что он умер в результате остро протекающего воспаления поджелудочной железы, осложнившегося развитием шокового процесса, отеком головного мозга, отеком легких. Кровоподтеки на руках эксперты посчитали не имеющими отношения к смерти. После этого территориальное управление Следственного комитета, особо не вникая в детали, отказало в возбуждении уголовного дела.

Все вернулось на круги своя, но после этой бутылки с давно выпитым шампанским и побывавшей на многих успешных допросах, вдруг кто-то из своих же сотрудников, которых генералу хотелось назвать нецензурным словом, разместил в сети видео, сделанное в момент физического воздействия более известного в профессиональной среде под названием «Ласточка».

В принципе, ничего нового на том видео не было. Четверо сотрудников связали ноги и руки допрашиваемого, максимально вывернув назад. Затем трое резко сели на орущего задержанного, чтобы не дать ему расслабиться и снизить эффект затяжки. Зря, конечно, один из сотрудников вдобавок ударил допрашиваемого ботинком в правый бок, а два других топтались по его ногам. Это было уже лишнее.

Видеокамера бесстрастно фиксировала, как после ухода сотрудников полиции по телу задержанного прошли конвульсии, а потом допрашиваемый успокоился. Значок уровня звука на видео показывал абсолютную тишину. Видеокамера работала и тогда, когда сотрудники полиции развязывали уже бездыханное тело и тащили за ноги в коридор. Поэтому генерал даже подумал, что видео снималось с учебной целью в ходе борьбы с терроризмом среди населения. Короче, ничего особенного, но понятно, что по факту публикации в интернете видеозаписи уже необходимо было проводить дополнительную рутинную проверку, а саму запись приобщать к материалам уголовного дела.

Вот и пришлось генералу в минувшую пятницу отдуваться в Думе за все эти выплывшие в Интернете глупости, поскольку некоторые депутаты, пытаясь завоевать доверие избирателей, заявили, будто пытки на допросах — это прямое следствие системы служебных задач и “показательной” системы оценок работы. Перед генералом стояла непростая задача доказать, что

ведомственное руководство вовсе не нацеливает своих сотрудников исключительно на количественные показатели в работе.

Доклад в Думе в рамках “Правительственного часа” в связи с выявившимися пытками задержанных — мог запросто закончиться отставкой генерала. Этого не случилось из-за формальной “процедурной ошибки”, депутаты попросту не имели права снимать и назначать министров, а тем более — силовиков. Но из-за нескрываемого недоброжелательства аудитории генералу поначалу пришлось очень нелегко.

В своем докладе он вначале отметил, что во всех полицейских организациях мира есть показатели и статистика динамики преступности, как и данные по раскрытию преступлений и розыску преступников. Без этого сотрудники за словесной мишурой могут скрывать безделье и имитацию работы. Длительное многолетнее пребывание сотрудника в рабочем пространстве, основную часть которого составляет уголовная среда и другие наихудшие стороны жизни, безусловно, оказывает прямое негативное влияние на психологию менее устойчивых сотрудников, ведет их к профессиональной деформации. Генерал просил не рассматривать сказанное в качестве попытки оправдания, а напротив, — стремлением к установлению истины и причин, поиски эффективных форм противодействия даже незначительным проявлениям полицейского произвола.

Конечно, ему пришлось указать и на необъективное давление на органы правопорядка. Никому в его ведомстве, безусловно, не нравится, когда преступления полицейских начинают «расследовать» абсолютно посторонние люди, да еще и в Интернете. Как глава ведомства, он посетовал, что правоохранительным органам приходится работать в условиях чрезмерного информационного прессинга, который зачастую бывает необъективным. А одним из основных критериев оценки деятельности полиции является общественное мнение, поскольку недовольство населения является достаточным основанием для освобождения от должности руководителей, не сумевших организовать работу подчиненного коллектива. Он пояснил, что во внимание при этом принимаются только социологические исследования, проведенные независимыми специализированными организациями.

Генералу пришлось пообещать увольнять полицейских начальников за проступки подчиненных, поскольку они должны уметь предвидеть и заранее предотвратить чрезвычайное происшествие, обнаружить первые признаки злоупотреблений. Но ведь ведомство сделало пока только первые шаги по очистке своих рядов, создало базис. Теперь есть куда стремиться, понятно, какие вопросы решать.

В конце своего доклада генерал многозначительно намекнул, что главной задачей своего ведомства считает уничтожение вредных стереотипов, которые

утвердились в сознании многих людей, что создает ряд серьезных проблем во всем обществе.

Место про стереотипы, написанное референтом под его диктовку, в отличие от всего остального, очень нравилась самому генералу. Если сказать по правде, он вообще считал эту мысль главной. Не уточняя, какой смысл можно вложить в достаточно широкое понятие «вредные стереотипы». Само то, что не какие-то писатели, журналисты или общественные деятели должны безжалостно

расправляться с вредными стереотипами, прежде всего, правоохранительных органов, а именно органы полиции будут руководить поисками «вредных стереотипов» у «нашего с вами населения», весьма воодушевляло. Одно дело искать мобильники, вооружившись бутылкой из-под шампанского, а совсем иное дело — определять наличие «вредных стереотипов» по инструкциям, утвержденным его ведомством.

“Мы все ждем дисциплинированную, сплоченную и, в то же время, открытую организацию, действительно защищающую права и интересы человека, общества и государства. Мы на это нацелены, мы готовы дальше идти во имя блага и решения этой основной задачи”, — бодро заверил генерал собравшихся в конце своего доклада, в зале раздались жиденские хлопки.

Все-таки ему удалось увести обсуждение от самого повода вызова в Думу. Отвечая на вопросы, он не согласился с поверхностными утверждениями о том, что из-за резкого сокращения численности полицейских в ходе реформы правоохранительных органов выросла преступность. На самом деле на одного участкового стало приходится 7-8 начальников без жестко оговоренных должностных инструкций, но депутатам об этом было знать необязательно.

Также он категорически не одобрил предложение создать внутри Следственного комитета России отдельный орган, который будет заниматься работой над преступлениями, совершенными полицейскими. Генерал заявил, что это работа собственной безопасности ведомства, который работает вполне эффективно, выявляя около половины преступлений, в которых обвиняют полицейских, и более 80% фактов дачи взяток.

Он долго выкручивался перед надутыми недовольными депутатами, решившими отыграться на нем по полной программе. А в результате пресса вдобавок обвинила его, будто по его вине зависли все думские компьютеры, и произошел сбой в работе компьютерной сети. До середины дня никаких

проблем со связью не было, а как только дали слово генералу, сайты Думы перестали грузиться. Им бы, конечно, стоило вдобавок поинтересоваться, как он сам владеет компьютером, имеет ли блог в социальных сетях.

Если честно, то плевать ему было и на доклад, и на депутатов, и на стереотипы «нашего с вами населения». Всяк по-своему с ума сходит. Но, насколько ему запомнилась эта злополучная пятница, с утра и до вечера в его голове билась одна

ненавистная мысль: «Будь прокляты эти компьютеры, эти сайты! Будь проклят этот Интернет!»

Новый комок снега шлепнулся прямо в окно, будто кто-то его бросил нарочно. Генералу никогда не нравились пластиковые окна, заменившие мощные деревянные рамы после ремонта здания. Тем более, что одну приоткрытую фрамугу прошлой зимой ветром выворотило так, что пришлось менять весь стеклопакет. Удивительно, что на улице в тот день все было спокойно, а с окнами его кабинета была просто беда. У него иногда складывалось впечатление, будто в окна его кабинета снаружи иногда бьются огромные снежные птицы.

*И опять зачертит иней,
И опять завертит мной
Прошлогоднее унынье
И дела зимы иной.
И опять кольнут донныне
Неотпущенной виной,
И окно по крестовине
Сдавливает голод дровяной.*

Унынье прошлой пятницы и всех прошедших выходных развеялось лишь утром в понедельник после разговора с молодым куратором от правительства, передавшим ему четкие и прозрачные условия того, чтобы остаться в должности еще года на два. С одной стороны два года мало что решали, но с другой стороны за два года можно было решить массу накопившихся проблем. Главное, что все задачи поставлены, все они вполне посильные, голову ломать не придется.

Он прислушался к какому-то непонятному шелесту в глубине кабинета. Как он когда-то хотел этот огромный кабинет с мебелью резного дерева, с настольной лампой, лившей свет через абажур дымчатого стекла. Но теперь

он почти каждый вечер пугался шелеста гардин от неслышной работы кондиционеров.

Гардины пришлось менять дважды, прежние шелестели так, будто эти огромные птицы чистили перья уже в его кабинете. Генерал непроизвольно потянулся к выключателю, явно услышав женский смешок. Он давно подозревал тайное недоброжелательство старых работников министерства, практически от всех постепенно избавляясь. В своем кабинете ему приходилось зачастую сталкиваться с разными проявлениями полтергейстов, все же в этих стенах и на минувшем отрезке истории происходило всякое, было с чего полтергейстам завестись.

Вызывать охрану смысла не имело, он хорошо помнил недавний случай с начальником отдела Киреевым, вызвавшему охрану и приказавшему открыть огонь на поражение в совершенно пустой угол кабинета. У Киреева хватило ума и сообразительности признаться, что он видит в углу кабинета огромную птицу с женской головой. Генерал понял, что Киреев в белой горячке описывает примерно такую птицу, какую и он в детстве видел в старом фильме «Садко», — с короной и сережками в ушах.

Прямо при охраннике полковник Киреев ожесточенно ругался с этой птицей, доказывая, будто не имеет никакого отношения к разгрому старого управления по борьбе с организованной преступностью. Хотя все в министерстве знали, что как раз его отдел возник на лояльных останках этого управления, поэтому следовало признать очевидное, не оправдываясь при охране, в

запальчивости что-то доказывая невидимой птице. В конце концов, не так важно, что кто-то может увидеть в углу кабинета, но вступать в пререкания с птицами о целесообразности негласных указаний для служебного пользования — могут лишь морально разложившиеся субъекты.

Генерал вздохнул, вспомнив, что многие его сотрудники еще слишком мало делают за предложенный социальный пакет, который ему

удалось организовать в рамках прошедшей реформы. Вот и получили ситуацию, когда вместо защитников, способных ценой жизни защитить уж даже не граждан, а хотя бы своего генерала, — все министерство забито профессионально бесполезными клерками в форме.

В сообщении Киреева генерала встревожило весьма точное описание надетых на человеческую голову птицы драгоценностей. Все же Сашка Киреев был не тем человеком, который бы мог даже в запое бредить вслух «ультрамариновым блеском» и «грушевидными сапфирами». Что в таком случае можно было предположить? Что где-то он со своими орлами эти драгоценности изъял в качестве вещественных доказательств, а кто-то их у него из сейфа свистнул. А из-за расстройств и алкогольного опьянения, в котором Киреев слишком часто находился даже на службе, ему показалось, что это сделала какая-то мифическая птица, хотя было бы органичнее подумать на тех, кто что-то знал об этих сапфирах.

С Киреевым и его птицей у генерала было связано еще несколько неприятных впечатлений. После громких требований немедленно расстрелять птицу в ворованных сапфирах, он вдруг резко затих, как-то посерел и успокоился сам по себе. Даже извинился за доставленные неудобства. Генерал понял, что надо бы за ним теперь проследить, поскольку Саша явно понял, где могут находиться его сапфиры. Но когда все вышли из его кабинета, там раздался легкий щелчок. Ворвавшаяся в кабинет охрана обнаружила раскрытое настежь окно, возле которого валялся Киреев, пустивший себе пулю в рот из табельного оружия.

Из-за самоубийства Саши и его сапфиров тогда тоже пришлось делать достаточно тяжелый эмоционально доклад в правительстве, не в Думе. Но перед этим надо было еще провести работу среди личного состава всеми силами департамента кадрового обеспечения. В результате количество самоубийств среди сотрудников органов

внутренних дел удалось снизить на восемь процентов. Если перед самоубийством Киреева на 10 тысяч сотрудников приходилось два самоубийства с использованием табельного оружия на рабочем месте, то в последующие годы этот показатель удалось снизить до 1,6 самоубийств, а потом до 1,5 самоубийств в год. Правда, периферия давала все еще высокие

показатели самоубийств, но они легко подправлялись, так как имена сотрудников там были не «на слуху», да и сами сослуживцы самоубийц старались, чтобы такие сведения не просачивались в прессу.

Свет настольной лампы слепил глаза, фары с улицы выхватили две огромные клочковатые тени в дальнем конце стола, потому генерал щелкнул выключателем, удивляясь, чего это свет в его кабинете сразу же не прекратил этот вздор, мешавший работать.

— Не включай свет, не надо, — будто издали пропел нежный женский голос с легким мелодичным смешком. — Мне так нравится слушать его милые отговорки про «стереотипы нашего с вами населения». А он способный!

Генерал вздрогнул от этого чудесного и такого знакомого голоса. Этот голос он хорошо знал, хотя никому бы не признался, что слышит его время от времени. В некоторых ситуациях рядом с ним раздавался этот смешок, отчего ему казалось, что прямо в сердце жалящим холодом впиваются льдинки.

— Да он его и не зажжет, у него выключатель сегодня не работает, — отозвался тихий насмешливый мужской голос, рисуя его обладателя вечно юным существом, столь же прекрасным, как и холодным. — Тут пустой бутылкой из-под шампанского не обойдешься. Да и со стереотипами незаконченной электропроводки бороться бесполезно.

Forest Rogers

Не реагируя на откровенные насмешки, генерал поежился, ощущая сковывавший его холод. Он попытался встать, но вдруг почувствовал, что будто примерз к кожаной обивке кресла. С тоской он посмотрел в проем незадернутых гардин, где пушистые снежинки кружились в воздухе над

мощными скатными крышами соседних зданий. Кроме белых комьев снега и крыш уже ничего невозможно было разглядеть в сгустившихся сумерках.

Генералу почему-то вспомнилась песенка из старого фильма, который показывали на каждый Новый год...

*Никого не будет в доме,
Кроме сумерек. Один
Зимний день в сквозном проеме
Незадернутых гардин.
Только белых мокрых комьев
Быстрый промельк моховой,
Только крыши, снег, и, кроме
Крыш и снега, никого.*

— А, согласишься, фильм-то дурацкий! — будто отгадав его мысли, произнес этот невыносимо холодный, но такой притягательный мужской голос. — Глупый фильм, нерациональный.

*Но неожиданно по портьеру
Пробежит сомненья дрожь, -
Тишину шагами меря.
Ты, как будущность, войдешь.
Ты появишься из двери
В чем-то белом, без причуд,
В чем-то, впрямь из тех материй,
Из которых хлопья шьют.*

— Вот так и приходится входить, как будущность, как настоящность и как позавчерашность, — издевательски сказал мужчина спутнице с ангельским голосом, скрытой тенью. — «В чем-то белом, без причуд», возможно, возможно. Здесь же никогда не видели шуб из хлопьев.

Генерал с трудом повернул голову на его голос и увидел действительно красивого молодого мужчину в белоснежном пушистом халате. Про себя он подумал, что вот так люди и сходят с ума, стараясь не рассматривать существо, сидевшее рядом с женщиной.

Непонятно, почему с ним это произошло именно сегодня, ведь в результате день сложился на редкость удачно... Возможно, надо было раньше включить верхний свет. Или вообще не выключать его после утреннего совещания с прессой.

— Да свет-то здесь ни при чем, — ответил его мыслям мужчина. — Свет здесь вообще не нужен, ты же нас видишь. А потому ты нас видишь именно сегодня,

что прошло ровно семь лет, семь месяцев и семь дней с того момента, как мы с тобой заключили сделку. Ты уж, конечно, не припомнишь, как это было, но кого это волнует? Меня лично это совершенно не волнует!

Последние слова мужчины произнес голосом генерала, и тот сразу вспомнил этот разговор с полковником Фадеевым, которого он, что называется, «подставил», подав на него рапорт в Отдел собственной безопасности. Тогда его действительно не волновало, что будет с Фадеевым после его рапорта, его волновали вопросы карьерного роста.

— Мы заключили с тобой сделку сразу, как только ты перестал волноваться о продвижении по служебной лестнице, поняв, что эта твоя часть, где сосредоточены всякие пустые волнения о ком-то, кроме тебя самого, тебе «целиком и полностью по барабану», — вновь голосом генерала сказал мужчина в халате, медленно вставая со стула. — Мне положительно нравится такая твоя позиция! Как ты там еще говорил среди личного состава на ваших совещаниях по экстремизму? «А чего их жалеть, они при любом удобном случае станут экстремистами! Надо наносить им превентивные удары, чтобы не наболтали лишнего, чтобы все заткнулись! Болтать должны только наши показательные птички-говоруну! Вам жалование и очередные звания не за жалость вручают! Вам за сочувствие к этим болтунам не платят! Они сами виноваты, что создали проблемы самим себе! Общество должно жить спокойно!»

— Он еще много говорил про птичек, любит он птичек, — рассмеялась большая птица с женской головой. — «Птичку в клетку!», например. Странно, что он канареек у себя в кабинете не развел. Помнишь, один его предшественник канареек на окне держал.

— Эта их борьба с экстремизмом, да после борьбы с международным терроризмом,

надо признать, гениальный ход! А уж борьба со стереотипами... аплодирую стоя! — усмехнулся ей в ответ мужчина. — Но теперь срок вышел, он должен понимать, что договор наш закончен, а я все его условия выполнил. Посмотри, сколько он наград получил, сколько книг чужими руками написал, сколько террористов разоблачил... в мертвом виде.

Мужчина повернулся к женской голове на птичьем теле, и они заразительно расхохотались. При этом женщина-птица взмахивала уродливыми крыльями и вторила своему серебряному смешку гортанным клекотом.

— Ты должен оценить, дружок, что я лично к тебе пришел со всем уважением, ведь ты и кое-что для меня приятное успел совершить. Мог бы послать одну нашу Подаргу, то есть «быстроногую», с тобой побеседовать. Мог и другим способом закрепить сделку, поверь. — почти сочувственно вздохнул мужчина, подходя к генералу все ближе.

Его голые стройные ноги украшали золотистые сандалии. Генерал, сам не маленького роста со страхом понимал, что таких высоких людей он еще в своей жизни ни разу не видел. С каждым шагом красавца с длинными золотистыми кудрями, сердце генерала сжимало острой холодной волной боли. Он с удивлением посмотрел на свои ладони, которые начали светиться ровным светло-голубым цветом, разгораясь все ярче.

В висках стучали обрывки совершенно неуместных, посторонних мыслей: «В чем-то, впрямь из тех материй, из которых хлопя шьют... как же он по снегу-то в этих сандалетках ходит?..»

Услышав его мысли, мужчина расхохотался, обнажив удивительно красивые, почти хрустальные крупные зубы.

— Я не хожу по снегу, дружок! Я над ним... выюсь. А сейчас постарайся расслабиться, чтобы я ее случаем не порвал. Отпусти ее, ну? Да не держись ты за нее так! Тебе же должности, награды, деньги — не за нее давали, а за то, чтобы ты ее прятал. Сам же это подчиненным говорил. Давай, расслабься, будь умницей! Я же тебя «Ласточкой» не завязываю...

— Я не хочу... что это вы... зачем? — через силу бормотал генерал, пока мужчина бережно расстегнул ему ледяными пальцами верхние пуговицы душившего кителя.

— Что вы делаете? Вы меня убьете?

— Ну, зачем ты так? Зачем? — почти обиженно прошептал мужчина, обдавая генерала холодом, наклонившись к самому лицу. — Я избавляю тебя от этой уродливой химеры. Она тебе мешает жить долго и счастливо.

— Не надо! — шептал генерал, глядя, как мужчина с аккуратной деловитостью снимает с его тела это странное голубое свечение, причиняя острую боль, саднившую в сердце.

— Надо, Федя, надо! — ответил ему мужчина любимой фразой из старого фильма, которую генерал любил говорить подчиненным. — Она тебе сейчас абсолютно ни к чему, ты сам это понимаешь... в глубине души.

Последние слова он добавил после паузы и, обернувшись к вытягивавшей в жадном любопытстве длинную голую шею женщине-птице, громко расхохотался.

— Видишь, как я осторожно это делаю? Видишь? Я трачу столько драгоценного времени, а ведь время — те же деньги, а иногда время бывает дороже всех сокровищ мира... Я очень тебя ценю, хотя после стольких книг, диссертации и беззаветной работы на благо общества — цвет у нее мог быть не такой заурядный.

Обычный цвет души человека, привыкшего жить за чужой счет чужими жизнями... холодный, слишком блеклый цвет... вам давно следовало расстаться! О, Подарга бы сделала это одним рывком, она бы возиться не стала!

При этих его словах женщина-птица в остервенении захлопала огромными крыльями, взгляд ее стал пустым и бессмысленным, поэтому генералу в последнем усилии захотелось не отдавать этой твари свое голубое свечение. Пусть оно было с крайним пренебрежением забракковано человеком, причинявшим ему невыносимую боль каждым движением полупрозрачных ледяных пальцев с безукоризненным перламутровым маникюром. Эти холеные руки имели слишком длинные для мужских ладоней ногти. Мужчина будто подковыривал свечение длинным острым ногтем, и оно тут же прилипало к холодным подушечкам его пальцев. Генералу, перед которым бесцеремонно устроился прямо на столе мужчина, откинув длинные полы пушистого меха, казалось, что с него снимают кожу заживо.

Наконец, непонятный посетитель закончил эту свою процедуру, в ходе которой женщина-птица дважды подлетала к ним, неуклюже переваливаясь на огромных перепончатых лапах. Ее крылья были усеяны мелкими коготками, которыми она пыталась вцепиться в голубое свечение, сползавшее с генерала. Красавец каждый раз ее отгонял, и она отлетала в другой конец кабинета с недовольным клекотом.

— Ну, не лезь же, тебе говорят ! Там для кормежки другой сидит, мне его сущность не нужна. Лучше включи свет и приготовься! — скомандовал странный посетитель птице.

Как только нестерпимый свет залил весь кабинет, он бесцеремонно нажал на кнопку селектора и сказал голосом генерала: «Евгений Александрович, зайдите, пожалуйста! Захватите квартальную сводку по региональным центрам борьбы с экстремизмом!»

При ярком свете человек в белом халате казался еще внушительнее. Он, наконец, слез со стола, держа в руках почти невесомую светящуюся оболочку, снятую им с генерала. Он несколько раз ловко встряхнул ее, как шкурку ценного меха, несколько раз легонько ударив по светло-голубой поверхности.

От этого оболочка пришла в какое-то судорожное движение, будто мертвая лягушка от разрядов электрического тока.

Генерал ощущал почти могильный холод, понимая, что теперь придется как-то с этим существовать. И чем дальше от него отдалялась светящаяся субстанция, все больше походя на него самого, вставая на ноги и делая первые покорные шаги вслед мужчине, закутанном в белую пушистую тогу, — тем отчетливее он понимал, как в

нем умирают чувства, которые он всегда считал лишними в своем карьерном росте.

Светящаяся фигурка все больше напоминала ему самого себя еще до должности начальника отдела по борьбе с терроризмом в маленькой сонной северной республике. Террористов в округе не наблюдалось, отдел могли расформировать, поэтому именно тогда ему пришлось впервые отказаться от некоторых лишних чувств, мешавших работать с «вредными стереотипами» ничего не подозревавшего населения.

Пока мужчина и светящееся подобие генерала отходили все дальше, жизнь замирала в нем, погружая в ледяное спокойствие. Ему было странно и удивительно, что еще вчера его так волновало, как в правительстве будет расценено его выступление в Думе, сможет он остаться на своей должности или нет. Ему становилось все равно, жарко ему или нестерпимо холодно. Он мог сейчас равнодушно рассматривать женщину-птицу, нисколько не удивляясь ее появлению в своем кабинете в конце рабочего дня. Хотя, появившись

она утром, это было бы совершенно некстати, он бы не смог провести совещание.

Впрочем, сейчас он бы без проблем провел совещание и при этом странном создании. Откуда-то он хорошо знал, что видеть мужчину и его пернатую спутницу может лишь он, ведь это была его сделка. Он даже вспомнил, где раньше слышал этот холодный голосок, похожий на разламывающуюся льдинку. В рамках борьбы с терроризмом ему пришлось отдать приказ отправить одного подследственного в психиатрический диспансер как бы на психолого-психиатрическую экспертизу, после чего тот вернулся от славных экспертов совершенно спокойным и уравновешенным. Говорить он практически не мог, только постоянно кивал головой, подтвердив, таким образом, в суде все предъявленные ему обвинения.

И перед самой экспертизой был у него разговор с главным врачом диспансера, выразившим сомнение, что так ли уж необходимо превращать психически здорового человека в овощ из-за безосновательных обвинений в терроризме, ведь всем известно, что у них в республике террористы сосредоточились в жилищно-коммунальном хозяйстве и энергетике. Террористам можно, конечно, взорвать дом, а можно медленно уничтожать жильцов растущими платежами жилищно-коммунальных услуг, рисуя в них цифры без всякого экономического обоснования, руководствуясь своей воспаленной и явно преступной фантазией. Главврач тогда ему и намекнул, что с таким терроризмом он

вместе со всем их дружным коллективом будет бороться с большим воодушевлением. А у типа, которого им прислали на экспертизу, просто возникла глубокая депрессия из-за коммунальных платежей, он, в сущности, сам является жертвой жилищно-коммунального террора населения.

Генерал, который тогда был всего лишь полковником, сказал, что главврачу «надо все же понимать». А потом добавил, что если главврач еще будет проявлять такие «вредные стереотипы», то ему самому придется воспользоваться услугами руководимого им учреждения. И он еще посмотрит, чьи распоряжения санитары диспансера выполнят скорее — главврача или его.

Потом он, конечно, попытался успокоить зарвавшегося психиатра, сказав, что врачи выполняют свой профессиональный долг, защищая подэкспертного от многих неприятностей допросов. А когда его будут завязывать «Ласточкой», пусть все сотрудники диспансера знают, что они могли оградить человека от физических воздействий, но не захотели этого сделать, чтоб самим остаться «чистенькими».

И пока у главврача диспансера медленно серело и вытягивало лицо, генерал, будучи в тот момент еще полковником, вдруг услышал рядом этот хрустальный смешок и увидел, как тень в углу приемной диспансера обрела огромные крылья и торжествующе ими захлопала. Он тогда еще у врача попросил легкую таблетку от нервов, раз и навсегда решив не обращаться к услугам психиатрических эскулапов.

Он хорошо знал, что тогда в диспансере была именно эта «быстроногая», ее голос он узнал бы где угодно. Раньше он бы никогда не решился взглянуть в ее ярко-голубые глаза, оттененные густыми длинными ресницами. Женская головка с густыми курчавыми черными волосами была бы удивительно прекрасной, если бы прекрасные карминовые губы, время от времени растягиваясь в улыбке, не обнажали ряд узких длинных зубов. Похоже, их было раза в три-четыре больше, чем у обычной женщины. Генерал попытался прикинуть, сколько же у нее зубов, но тут же оставил свою попытку, сбившись со счета.

Ее головку венчала золотая корона из литого золота, мерцавшая жирным блеском настоящей раритетной драгоценности. Примерно так блестел литой браслет с черными бриллиантами, который генералу передавали в подарок за помощь коллеги с Кавказа перед днем рождения его супруги. И вроде бы даже рисунок дикого плюща на том

браслете был таким же. Генерал еще тогда понял, что не сможет подсчитать стоимость таких украшений в валюте.

В ушах женщины-птицы в окантовке, украшенной алмазной гранью, покачивались крупные грушевидные сапфиры, преломлявшие падавший на них свет — жирным ультрамариновым блеском. От ее нежного личика, светившегося даже в ярком освещении кабинета, невозможно было оторвать глаз, если бы не длинный узкий язык, которым она постоянно облизывала свои зубы, больше похожие на острые иглы.

В кабинет вошел референт со сводкой работы любимого детища генерала — отделов по борьбе с экстремизмом населения. Большинство вредных стереотипов населения имело экстремистские корни, которые следовало безжалостно выдирать, как сорную траву.

Генерал никак не мог заставить себя сосредоточиться на сводке, осознавая, что абсолютно перестал воспринимать какие-либо цифры и голые факты, будто в нем внезапно полностью исчезла способность к абстрактному мышлению.

Пока референт переворачивал страницы, генералу вдруг показалось, что в кабинете начался дождь. Он поднял голову и попытался выяснить, где же могла образоваться течь в его кабинете. Но, столкнувшись со взглядом женщины-птицы, сразу понял, что никакой течи нет, это неудержимой барабанной дробью на пол капала слюна из перекошенного рта женщины-птицы, с жадностью глядевшей на референта.

Пока тот зачитывал и комментировал сводку, она медленно и осторожно подкрадывалась к нему сзади. Глядя на ее ловкие манипуляции, генерал испытывал лишь ленивое любопытство, наблюдая, как внизу туловища референта птица, наконец, обнаружила слабое свечение, выбивавшееся из-под форменных брюк. Помогая себе коготками на крыльях, птица одним рывком выхватила эту субстанцию так, что референт вздрогнул, пошатнулся, с трудом удержавшись на ногах.

— Что-то мне нехорошо, — схватившись за сердце, сказал побледневший референт. На его лице будто разом выцвели все краски жизни, исчез румянец, легкий загар, все черты приобрели ровный сероватый оттенок.

— Хорошо! Оставьте сводку и идите! — друг услышал генерал собственный голос, с удивлением повернув голову к щеголю, игравшему полами своего ослепительно белого одеяния.

Странно было услышать свой ровный, лишенный эмоций голос из такого «постороннего источника», не из телевизора или динамиков диктофона. Но еще более странным само ощущение, когда губы, послушно шевелились в такт произносимым извне словам, будто тот, кто говорил в кабинете его голосом, имел на это куда больше прав, чем сам генерал.

— Ну, чего ты так смотришь? — спросил мужчина генерала, облизывавшего пересохшие губы, уже своим собственным голосом, . — Разве ты не считал наибольшим злом это ваше умение облекать свои мысли в слова? Разве не ты всегда подчеркивал, что язык дан не для того, чтобы сообщать свои мысли, а скрывать их? А какая у вас эта замечательная оперативная разработка по борьбе с экстремизмом, когда любую мысль можно назвать «вредным стереотипом», а слова можно рассматривать в тротиловом эквиваленте — вне контекста сказанного. Ты же отлично понимал, что, прежде чем навязать такое другим, всем борцам с экстремизмом надо кое-что сделать с собой... самостоятельно и абсолютно добровольно. Никто вас в «Ласточку» не завязывал, когда вы мне в залог передавали свои голоса, свои способности мыслить и чувствовать. Посмотри на этот роскошный кабинет! Ощути все свои возможности! И разве это высокая плата? Все твои ничтожные мысли, мелкая душонка, способность повторять лишь хорошо известное и подтвержденное неоднократно — весь твой багаж маленького человечка в футляре, — разве это высокая плата? По-моему, я с вами серьезно продешевил, вы получили гораздо больше, чем стоит эта «мягкая рухлядь».

Генерал слушал эту убедительную речь, понимая, что в завершающейся сделке ему действительно не представляется возможным ничем помочь светящейся субстанции все больше напоминавшей голого мерзнувшего человека. Невозможно было смотреть,

как этот светящийся человек делал отчаянные попытки оторваться от белой пушистой тоги высокого красавца и отползти обратно к генералу.

— Идите-идите, Евгений Александрович! Сегодня был трудный день, вы хорошо поработали, — сказал за генерала посетитель продолжавшему топтаться у входа референту, который с мучительной гримасой пытался

разглядеть что-то в углу кабинета своего начальника, где птица терзала снятое с него голубое свечение, помогая себе узким длинным языком. — Идите! На вас лица нет!

Референт повернулся спиной к генералу и выскочил из кабинета, резко хлопнув дверью. Генерал явно услышал сдавленные спазмы рыданий, доносившиеся из «предбанника». Но их заглушило бурное веселье в его кабинете, где птица ненадолго оторвалась от своего пиршества, вполне оценив шутку своего патрона: «На вас лица нет!»

Forest Rogers

— Вот что, дружок! — веско сказал мужчина генералу, вдоволь повеселившись своей шутке. — Моя быстроногая девочка останется с тобой, чтобы ты без меня тут глупостей не натворил. Прощай! Подарга, прикажи своим сыновьям явиться где-нибудь в Коломенском проезде. Я сейчас туда доберусь на машине... сама знаешь кого. Она сейчас в пробке на Каширском шоссе парится.

Створки пластиковых окон распахнулись сами собой, в лицо генерала ударил снежный вихрь. Схватив за шею упиравшуюся светящуюся фигурку, мужчина в белой шубе растворился в темноте за окном. Створки сами собой захлопнулись, наступила тишина, прерываемая рыданиями референта, доносившимися из предбанника, и стонами пытавшегося отползти от женщины-птицы светящегося комка между ее когтей на лапах. Кабинетные часы в корпусе с несложной резьбой и позолотой в английском стиле негромко отбили восемь часов вечера, и генерал, стараясь не смотреть на методично жующую птицу в углу за стульями, начал собираться домой.

2. Эрато

*Муза, скажи мне о том многоопытном муже, который
Долго скитался с тех пор, как разрушил священную Троию,
Многих людей города посетил и обычаи видел,
Много духом страдал на морях, о спасеньи заботясь
Жизни своей...*

Гомер «Илиада»

В пробку на Каширке она попала прямо возле метро «Каширская», перед поворотом на Коломенский проезд. В такую периферийную даль на юге Москвы ее занесло из-за необходимости осветить в прессе совершенно идиотское, с ее точки зрения, мероприятие — открытие кафедры теологии в Московском инженерно-физическом университете. Как говорится, приехали.

Впрочем, как только люди при ней начинали говорить о «духовных стремлениях», «чистоте помыслов», «религиозной нравственности», ее поражало, сколько словесной шелухи каждый из них держит в душе, стараясь не допускать самой мысли, что мир вокруг гораздо сложнее, чем кто-то из них себе представляет. Они были готовы фотографироваться со свечками у аналая, но вера была для них лишь способом демонстрации не

«нравственных устоев», а неких моральных ограничений, которыми они, якобы, руководствуются. И когда что-то происходило вне их желаний, они «не заморачивались» поисками более глубокого религиозного смысла в событиях, а видели лишь одни интриги недоброжелателей, чей-то «сглаз» и общую отсталость «нашего с вами народа».

Религия была для них нечто вроде амулета, защищавшего их от непостижимости бытия, от необходимости самим проявить какую-то душевную работу, собственное выстраданное мнение. Она вовсе не являлась даже средством спасения собственной души, для многих религия была подачкой для души, лишенной и малой возможности проявиться и реализоваться в жизни более органично.

Ей категорически не хотелось бывать на подобных «светских мероприятиях», но компания «Audi» в рамках значительных скидок и негласного договора о скрытой рекламе поставила первым условие, что она будет появляться на своем автомобиле без шофера в учебных и научных центрах столицы в качестве «иконки стиля». В качестве такой «иконки» ей пришлось более часа любоваться, как сконфуженные профессора-физики неловко крестятся на православные иконы, даже не понимая, к кому и с чем обращаются.

Практически у всех собравшихся в висках неслышно стучала мысль о неуместности всего происходящего, о том, чтобы их «скорее оставили в покое». И она видела, как ледяной покой, о котором они просят, тихонько сковывал их души. Вряд ли собравшиеся понимали, насколько были опасны подобные «массовые мероприятия» как бы исключительно в заботе о «нравственности подрастающего поколения». Все-таки к религии каждый должен был прийти сам, без сектанства и уж точно во вне рабочее время. Достаточно было капли пафосной лжи, общего желания «чтоб нас оставили в покое» — и души навсегда отстранялись от самого их обладателя, тенью падая к ногам в качестве легкой добычи гарпий.

Она смотрела на неглупых мужчин, решивших «не заморачиваться», понимая, что никто из них не отдает себе отчета, почему в расхожем жаргоне вдруг появился этот глагол от старинных понятий «морок», «мрак». Слово появилось, оно пытается донести им скрытый смысл, старается предупредить и оградить от непоправимого, но... они стояли с глупыми улыбками на новой, совершенно неуместной здесь кафедре, и никто не шагнет вперед, чтобы выразить недовольство устроенным им издевательским балаганом.

Ощущая полное бессилие, женщина за рулем щегольского автомобиля на секунду опустила свое прекрасное лицо на руль. Подняв голову резким движением, она с опаской глянула в зеркало заднего вида. Сложно было не почувствовать явное присутствие Холодца, побывав на таком «мероприятии». Ей весь день слышался его издевательский смешок. Как же ей хотелось рвануть с места, подальше от этого безликого фасада университета и стеклянного параллелепипеда кинотеатра «Мечта». Но, вдобавок к джипу, попытавшемуся маневрировать между полосами слева, справа ее машину зажал автобус, больше похожий на освещенный аквариум, полный сонных усталых рыб.

Она привыкла к тому, что каждый год после гололеда ноября город останавливался в пробках перед Новым годом и стоял до самой весны, когда на дорожном полотне появлялись глубокие ямы. Наступившая зима не была самой «пробковой» в истории наблюдений, хотя средней загруженности дорог в утренний час пик, с 9 до 10 утра, неизменно выставлялись 6 баллов. Она помнила, как года три назад вся Москва стояла на 10 баллов, а по радио

объявляли, что столичные пробки можно растянуть в машинном исчислении на 700-900 км, составив протяжённость трассы от Москвы до Киева.

По вечерам, до 8 часов вечера, пробок было ещё больше. Средний балл вечернего часа пик в начале зимы составлял 7,5 баллов. Поэтому она предпочитала ездить с водителем, чтобы при необходимости иметь возможность бросить с ним машину, а самой добраться до места на перекладных. Она все время спешила, да и не

призналась бы себе самой, что одна в пустом салоне чувствует себя не в своей тарелке. Благо, что ее публичная профессия предполагала не просто поток, а непрерывный конвейер встреч, интервью и фотосессий, когда она ни на минуту не оставалась одна.

С крайним раздражением она подсчитала, что за рулем своей красной Audi Q7, массовая продажа которой должна была начаться лишь через два месяца, она лишь за эту зиму потеряла в пробках почти семь суток жизни.

Заметив, что из прижатых на соседних полосах автомобилей на нее начали обращать внимание, она достала из фирменного футляра большие солнцезащитные очки от Christian Dior, украшенные стразами и золотой нитью. При широкой известности и публичной профессии, она не могла позволить себе выглядеть кое-как и ездить неизвестно на чем. Окружающие ее вещи должны были подчеркивать ее общественный статус, а машина являлась существенной частью ее имиджа.

Возраст, проклятый возраст, когда последние золотые песчинки скоротечного времени приходилось подчеркивать все более вызывающими вещами, заполучить которые становилось все сложнее. В юности она, будучи ведущей популярной программы на радио, не считала для себя зазорным выезжать на стареньком папином «Москвиче-412», который шутливо называла «машинной-убийцей», так как автомобиль буквально рассыпался по запчастям. Каждое утро повторялась одна и та же история: она выходила из подъезда, садилась в бывшую папину машину, которая проезжала метр и глохла. И статус ей тогда придавала толпа поклонников, сразу бросавшихся толкать ее неказистое средство передвижения.

Она так и не научилась сливаться с автомобилем в одно целое, возможно, потому, что считала свое пребывание за рулем — временным. Она была уверена, что на смену «безлошадным» поклонникам со временем придут

другие, со стильными спортивными автомобилями, которые она видела в зарубежных фильмах. Да и глупо было «сливаться» с ржавым папиным «Москвичом». Расставшись с ним, она долгое время пользовалась отечественными «девятками», а потом взялась осваивать всевозможные джипы. Но, сколько бы автомобилей она не поменяла, она все равно была уверена в том, что автомобиль это всего лишь временный аксессуар.

«Если мужчины выбирают себе машину только для статуса, то для женщины автомобиль — это дополнение к красивой сумочке, туфлям и сережкам» — с лучезарной улыбкой говорила она в интервью, создавая образ стильной, прекрасной и невероятно популярной «иконы стиля».

С годами толпа поклонников у подъезда поредела и постепенно заменилась вездесущими папарацци, старавшимися снять ее по-прежнему прекрасное лицо в самом невыгодном ракурсе. В затянувшемся ожидании принца на

спортивном авто ей пришлось довольствоваться услугами водителей, ставших для нее своеобразным «аксессуаром». Красивые молодые люди, крутившие баранку ее машин, лишь на первых порах держались вежливо, как и подобало ее «аксессуару». Но все скорее скатывались к какой-то покровительственной фамильярности, обманывая в чеках на ГСМ и запчасти. И каждый раз, когда она давала интервью о том, как ей «чужд адреналин высоких скоростей и крутых виражей», а потому она «в повседневной жизни с удовольствием пользуется услугами водителя» — она непроизвольно хмурилась, вспоминая очередной скандал с распоясавшимся водителем. Между ее идеальными бровями все глубже залегала некрасивая складка, нарушавшая оптимальный размер ее переносицы.

Сжимая сейчас руль ладонями, затянутыми в красные лайковые перчатки, она с грустной улыбкой вспомнила фразу, которую она произносила в рекламе, элегантно захлопывая дверцу стильного «Rolls Royce», как бы вся устремленная навстречу новым жизненным поворотам: «Женщина не должна подходить к автомобилю ближе, чем на тридцать сантиметров!» В жизни ей приходилось подходить к автомобилю куда ближе, рассматривая, в каком состоянии оставил машину очередной уволенный ею красавчик. Она старалась постепенно приучить себя к мысли, что скоро ей придется хотя бы из-за детей

принять на работу сумрачное забитое существо неопределенного возраста — из тех, что иногда ей предлагали в рекрутских агентствах. Заранее представляя, как такое существо будет неодобрительно пялиться на ее юбку и каблуки, она старалась всеми силами оттянуть момент их вынужденной встречи. Создавая вокруг себя атмосферу абсолютной гармонии, где любая деталь идеально подходит к своей великолепной хозяйке, она тщательно работала над своим образом, совершенно не желая, чтобы его опускал пожилой, трепанный жизнью водитель за рулем ее автомобиля.

Erato, Muse Of Poetry

Но больше всего ее раздражало, что сам ее статус уже определяли не фирменные туфли, а марка автомобиля и... наличие известного светской хронике любовника. Для нее бесповоротно закончилось время, когда она определяла статус мужчины одним своим появлением рядом. Теперь, когда золотой песок в хрустальном флакончике с ее именем стремительно иссякал, каждый день превращался в борьбу за сохранение статуса. С опаской вновь взглянув в зеркальце заднего вида, она с нарастающей тоской подумала, что же с ней будет, когда она хоть раз проиграет в этой схватке за статус «иконки стиля». В прошедшем ноябре ей пришлось поломать голову, где и как отметить свой 37-й день рождения.

Можно было собрать всех гостей на даче, как она бы сделала это раньше, но теперь ей пришлось приобрести для этой цели ресторан, чтобы устроить все подобающим образом.

В качестве «интриги дня» она умело подогрела любопытство собравшихся загадкой, кто же подарил ей Audi Q7. Она мастерски давала понять известным светским сплетницам, будто этот подарок сделал ее поклонник, пожелавший оставаться инкогнито. Тратя золотые песчинки на то, чтобы разжечь интерес к

этому «инкогнито», она сама в какой-то момент испытала страх, поняв, что среди приглашенных ею особ слишком многие давно не испытывают никакого любопытства не только по отношению к ней, но и в отношении собственной жизни.

Они с одинаковым вежливым равнодушием зорко отслеживали статусный состав знаменитостей, придирчиво рассматривали убранство зала, сервировку стола, драгоценности и туалеты дам от ведущих кутюрье, они заговорщицки улыбались ее намекам о тайном поклоннике, восторгаясь ее новеньким автомобилем. Но она никак не могла избавиться от ощущения, все ее гости уже не получали приятные впечатления от званого вечера, а будто с придирчивостью арифмометров фиксировали окружающие признаки своего статусного положения. На секунду ей даже показалось, будто у многих ее гостей уже побывала в гостях мифическая гарпия Подарга, в реальность которой ей вовсе не хотелось верить самой, даже побывав на открытии кафедры теологии в инженерно-физическом университете.

Абсолютно нормальными на ее дне рождении выглядели лишь молоденькие содержанки из числа восходящих «звезд эстрады», пришедшие с продюсерами, ради которых она и устраивала праздник. Разумеется, их «захватили с собой», не только для того, чтобы не дать ей возможности «порешать вопросы», но и чтобы прозрачно намекнуть в день ее рождения, что в их кругу появились и более интересные претендентки на «близость к телу».

Поначалу она даже расстроилась, но потом убедилась, что вечер скрасили только эти юные, полные жизни красавицы, восторгавшиеся всем окружавшим их великолепием. Она хорошо понимала радость юных созданий, перед которыми за ее счет внезапно открылись двери в «новую жизнь». Но больше всего ее поразило явный страх, отразившийся на лицах наиболее «статусных» гостей, когда она вышла из своего автомобиля в ослепительно белой норковой шубке, накинутой на любимое красное платье.

Честно говоря, она рассчитывала, что ее хоть немножко начнет ревновать один человек, который вообще-то был моложе ее на шесть лет. Но, чувствуется, он вовсе не рассчитывал связывать свою жизнь с матерью двух детей-подростков, разведенной «публичной женщиной», как за глаза называли сотрудники ее продюсерского центра. Как раз этот молодой человек и не подумал ревновать, а поздравил дружеским поцелуем в щечку с нескрываемым облегчением.

Сообщением о дорогостоящем подарке она вызвала ревность лишь у невзрачной жены олигарха Бероева, матери четырех его детей. На ее день рождения она явилась, обвешанная цветными бриллиантами, напоминая дешевую рождественскую ель на благотворительном базаре. Весь вечер она намеренно громко говорила с подобострастно улыбающимися соседями за

столом, много ела, а под самый конец, явно выпив лишнего, начала громко хохотать, когда все гости любовались последним танго виновницы торжества.

Боттичелли, Сандро Серия картин к новеллам Боккаччо «Декамерон». Новелла о Настаджио дельи Онести.
Пир в сосновом лесу.

Она отдавала отчет, что с олигархом Бероевым у нее вышла действительно некрасивая история. На Лазурном берегу этот олигарх на страшной скорости врезался в придорожный столб.

Если бы с ним сидела жена, он бы точно придерживался нормальной скорости и не пытался всех обогнать. Но в машине с ним ехала именно она, и Бероев, отлично знавший о ее страхе перед дорожным лихачеством, разогнал свой Land Cruiser так, что она визжала, не переставая, вплоть до того, как он врезался в столб, а машину объяло пламенем. Потом ей ставили в вину, что

она, обожженная, с израненными коленями и руками, сбежала из автомобиля, а самого Бероева вытаскивали из машины случайные люди, успев потушить пожар до взрыва.

Но ведь можно было понять, насколько бы тошно было его жене, останься она в машине ее мужа. Одно дело, когда ее муж просто попадает в аварию, а совсем

другое дело — когда он попадает в аварию с известной телеведущей, моделью и известной каждому «иконкой стиля». Но жена Бероева все же узнала из желтой прессы, что в машине ее муж был не один. Будто ее муж, старавшийся всеми силами завоевать звание «статусного любовника», в машине которого теперь хоть раз должна была побывать любая уважающая себя «светская львица», — хоть куда-то выезжал в одиночестве, не посадив в машину самых известных. То, что она орала и плакала, умоляя его снизить скорость, его жена, конечно, не учитывала.

Чтобы хоть как-то осадить разошедшуюся жену Бероева, явно намеревавшуюся вцепиться ей в лицо гелевыми когтями, после танго ей пришлось объявить, будто автомобиль ей подарил бывший супруг с... Ямайки. Женой Бероева и эта версия была воспринята с соответствующим случаем издевательским смешком. Конечно, таких женщин, как эта курица, «не бросают», зато гоняют с кем попало на дикой скорости по всему Лазурному побережью. А вот от таких жен, как она, муж может уехать вначале на Ямайку, потом на Кубу, а потом и к черту на кулички, выпрашивая потом у нее по скайпу срочно пополнить карту Visa.

Семейная жизнь по рецепту супругов Бероевых ее никогда не привлекала, она выросла в семье, где родители поженились, когда им было уже по тридцать, поэтому любили и ценили друг друга с особой нежностью. Но она никогда бы не могла подумать, будто именно ей когда-нибудь придется давать подчеркнута легкомысленные интервью на «семейную» тему.

«С годами для меня становился все более очевидным тот факт, что мы с мужем перестали подходить друг другу. Во всем. У нас разные скорости, разные цели, разные подходы к жизни, разные представления о семье. В последние несколько лет очень сильно отдалились друг от друга и жили параллельными жизнями.

Долгое время мне казалось: надо подождать, у нас обязательно все еще будет хорошо. Но пришло понимание: ничего нового не будет.

Мы — разные, и никто никого не сможет изменить. Ну а если паре становится ясно, что общих целей нет, какой смысл создавать видимость счастливого союза? Ради детей? Но не должны они являться причиной того, чтобы люди всю жизнь жили вместе, доставляя друг другу боль и неудобство.»

Вряд ли кто-то понимал, чего ей стоили подобные «объяснения». Ей пришлось тайком закрашивать раннюю седину краской, которую покупала для нее только мама. Дважды ей пришлось сняться в рекламе красок для волос, где эта

краска «не течет и тщательно закрашивает седину», понимая, что не за горами предложения о рекламе крема для зубных протезов и автомобильных сидений с подогревом. Заученной скороговоркой она подчеркивала во всех интервью, что является очень амбициозным человеком с серьезными, далеко идущими планами, намекая на свое «умение концентрироваться на новых возможностях» и желании управлять «успешной международной компанией». Но «статусных» интервью становилось все меньше, поскольку публика стремительно утрачивала интерес к любому изданию, передаче или сетевому ресурсу, дававшему ее интервью. То же самое происходило и с другими «светскими львицами», будто вокруг сворачивалось и уходило навсегда извечное любопытство публики к личной жизни «звезд» и «икон стиля».

Не стал исключением и ее муж, когда-то бывший ее соратником и самым преданным оруженосцем в ее битве за поддержание «статуса». В какой-то момент он не только потерял интерес к собственному бизнесу, хотя имел одну из самых успешных зубоорудевных клиник столицы, но и к семейной жизни, даже к детям. Впрочем, ее муж, как и большинство мужчин их круга, уже не был тем папой, который бы возился с ребенком круглосуточно, по утрам водил в детский садик, провожал в школу, а по вечерам забирал домой, проверял уроки, то есть жил бы интересами детей. Подобное поведение давно не вписывалось в ритм их современной жизни, но, в отличие от знакомых, нанимавших с этой целью прислугу, у них в семье эти обязанности выполняли любимые бабушки, их мамы.

Она никогда бы не призналась себе, что именно из-за бесплодной погони за «статусом», когда Время лишь оттягивало тот момент, когда ее «статусу» будет нанесен последний удар, ее муж оказался в тупиковой ситуации. В один чудный момент, когда ей пришлось перенести очередные болезненные уколы ботекса, чтобы скрыть развивающиеся «гусиные лапки», он заявил ей, что занимался бизнесом, который никогда его не вдохновлял, поскольку он всю жизнь хотел быть художником. И теперь он не может ей простить, что вся их семейная жизнь была подчинена ее амбициям, то ему, вместо занятий живописью, приходилось заниматься зубоорудевной клиникой.

Он, конечно, не учитывал, что «реализация ее амбиций» давала львиную долю их семейного дохода. Да и вообще само вступление в брак, и особенно появление детей, должно было хоть в чем-то ограничивать человека, в частности, и в поисках себя. Во всяком случае, до вступления детей во взрослую жизнь. Но муж решил по-своему, а она решила уважать его выбор хотя бы в интервью. Его отъезд из страны не стал для нее большой неожиданностью, поскольку в последние годы он часто говорил, что мечтает путешествовать и наслаждаться жизнью, соединяясь с природой. Она выслушивала всю эту чушь с растущим негодованием, едва сдерживаясь, чтобы не выставить его из дому. В интервью она говорила об этом без иронии,

хотя ей, как человеку глубоко урбанизированному, было чуждым и малопонятным инфантильное нытье взрослого мужчины об утраченных возможностях «слияния с природой».

Ради этого «слияния» ее бывший муж вначале около полугода жил на Ямайке, потом перебрался на Кубу, а после куда-то еще. Сливаться с природой на даче в ближнем Подмосковье в его планы не входило, хотя дети хотели большего внимания, чем общение по скайпу. Но, чтобы лишний раз не подвергать себя унижениям, она запретила детям в чем-то осуждать отца, а напротив, всеми силами стараться поддерживать его «творческие поиски».

Но ведь наибольшее унижение можно испытать, когда такой никчемный субъект нужен хотя бы в качестве бывшего мужа, когда на тебя наезжает безвкусная жена олигарха Бероева, зная, что ее бывший муж мог позволить ей купить только «Fiat», да и тот — в кредит на три года.

Наверно, все гости с ее дня рождения догадывались, что красный Audi Q7, в котором она торчала в пробке посреди Каширки, она купила себе сама. Ждать новенький автомобиль пришлось почти полгода, хотя никаких особых изысков она не заказывала, для нее главным был «статусный» ярко-красный цвет, с передней панелью такого же цвета. Обязательными были тонированные стекла, люк и чтобы на

черных кожаных сиденьях имелись темно-серые велюровые вкрапления. Вот такой виделась эта машина своей требовательной хозяйке, руководствовавшейся в выборе масштабностью и надежностью.

Пока она ждала прихода своей машины, компания «Audi», сделав ей значительную скидку, давала ей на прокат демонстрационные автомобили, поставив условием побывать в них во всех пробках на самых нагруженных шоссе. При этом за рулем должна была сидеть она сама, без шофера, чтобы все видели предпочтения известной «иконы стиля», понимая, что именно такой автомобиль выбирают, как правило, натуры творческие, с тонкой душевной организацией и любовью к упорядоченному быту.

Не будучи опытным автомобилистом, она «целовала» все углы, «обнимала» все тротуары». В ее распоряжении побывал и чудный «Chrysler PT Cruiser», конечно же, красного цвета. «Жалко терять время просто на то, чтобы за руль держаться» — признавалась она, возвращая фирме побитые ею модели.

Из окон медленно двигавшегося автобуса на нее с отстраненным равнодушием смотрели женщины, одетые в потертые китайские пуховики, ставшие

практичной униформой пассажиров общественного транспорта, независимо от их пола и возраста. Вряд ли до них мог вполне дойти смысл ее остроты, которой она заканчивала любые попытки вывести ее из себя вопросами о личной жизни: «С абсолютной уверенностью могу сказать всем женщинам: дорогие, не тратьте вы свое драгоценное время на выбивание материальных компенсаций от бывших мужей, используйте лучше его на собственные заработки!»

— Ты иногда демонстрируешь пример чудовищного женского эгоизма. И слабости, конечно. Взрослая женщина, а подход к семейной жизни максималистский, как у подростка, — вдруг раздался приятный мужской голос с заднего сидения. — Впрочем, узнаю Эрато, такой образ мыслей всегда ей глубоко импонировал. Свести все житейские уроки к тому, кто сколько «получает от жизни» — это в ее неповторимом стиле. А ты действительно становишься к старости его «иконой».

Ceiling painting (detail: Mercury), City Palace, Potsdam «The Elevation of the Great Elector into Olympus»

Обернувшись, она с тоскливым чувством увидела прямо у себя в машине то, чего всегда боялась, с опаской поглядывая в зеркальце заднего вида: кутавшегося в белую шубу красавца с золотыми кудряшками, обрамлявшими бледное лицо. И, конечно, в другом углу заднего сидения старалось вжаться в ее чудесную кожаную обивку светящее существо, оставляя несмываемые подпалины на сером велюре.

— Слушай, а почему ты ко мне в машину подсаживаешься со своим очередным «уловом»? — почти не сдерживая раздражения из пережитого испуга, спросила она, снимая очки. — У меня ведь там дети будут сидеть, после... этого!

— Не злись, пришла пора тебя навестить. Ты же не хуже меня знаешь, что золотой песочек в твоих часах тью-тью, — рассмеялся субъект в белой шубе. — К тому же только ты способна оценить пикантность ситуации. Это ведь он

тебе на прошлой неделе отказался давать интервью, а нынче ты злишься, что он пятна на твоей обивке оставит. Но взять во внимание сам повод твоего заточения на Каширке! Слушай, а слабо было заявить всем этим «религиозным подвижникам» с новой кафедры теологии, чье изображение ставят перед биржами, банками и торгово-промышленными палатами, а?

Да, можно было бы с пристрастием допросить всех пассажиров освещенного автобуса, тоскливо смотревших на медленно двигавшийся поток машин за окном. Но никто бы из них и при угрозе применить «следственные мероприятия» в виде пустой бутылки из-под шампанского не проявил бы настолько «вредных стереотипов», чтобы предположить кто может сидеть в алом ауди с тонированными стеклами. Ради чего тогда из чисто эстетических соображений ставить его статуэтку в крылатых сандалиях там, где обычно любят собираться «акулы бизнеса», если при этом не давать себе воли даже задуматься, а кто он, собственно, такой?

Можно было допросить и усталых, заляпанных грязью инспекторов ДПС, пытавшихся разогнать пробку до быстро наступавшей ночи, но никому бы из них и в голову не пришло, будто на заднем сидении ее машины в белой шубе развалился тот, о ком и младшие школьники уверены, будто его «никогда на свете не было».

Вряд ли можно было объяснить одной маниакальной склонностью к «мифологии» тот факт, что человечество упорно верило в реальный факт его существования — раз в пять дольше, чем в Будду, Аллаха и Христа.

И сейчас тот, кого «на свете не бывает», вольготно устроился у нее на заднем сидении

собственной персоной, прихватив качестве своеобразного трофея — душу генерала-силовика, сделавшего доклад в пятницу в Государственной Думе по поводу пыток при допросах задержанных. И она многое бы дала, чтобы не видеть эту светящуюся субстанцию, с нескрываемым страхом озирающуюся по сторонам. Наверно, он соображал, что же с ним будет дальше, радуясь, что это ведь не смерть, а... какое-то иное существование. Может быть, он даже начал успокаиваться, поняв, в чьей машине оказался. Но вот чего он точно не понимал, что эта краткая остановка перед вечным путешествием в никуда сделана с одной лишь целью — напугать ее.

— Вот мы вроде с тобой и враги, но только ты меня понимаешь, — самодовольно хмыкнул ее пассажир, поняв, о чем она думает. — Я, наверно, немного расчувствовался. Возможно, потому, что сопровождаю человека, весьма ценившего взаимопонимание. Он такие вещи старался понять, что даже мне не снилось... Хотя я привык понимать самые потаенные уголки человеческих душ и никогда не видел причин, чтобы не исполнять спрятанные в них сокровенные желания. И здесь, согласишься, мы в чем-то близки, Эрато.

— Давай без фамильярностей! — резко оборвала его женщина, стараясь заставить его скорее сказать то, зачем он явился к ней с душой министра-силовики.

— А то что? Мамочке пожалуешься? — издевательски поинтересовался красавец. — Ты сама сделала ставку на эротику, а не на высокое искусство. На собственный «статус», а не на создание художественных образов, не на помощь своим сестрам, например. Меня всегда удивляло, что, собственно нашла в тебе Сфейно? Разве не при тебе передали шикарное предложение вашей «за царями идущей» — написать для раскрутки «жесткое порно»? Думаешь, я не помню, как ты сама хохотала? А эти твои эротические фото без бюстика — просто класс!

— Но ты к ним добавил другие, порнушные, — чуть не расплакавшись от обиды, сказала женщина, вновь и вновь поражаясь, как же легко оказалось этому мерзавцу вывести ее из себя.

Три грации Эльзи Расселл

— Немного подправил, признаю. Воспользовался высокими технологиями фотошопа, — продолжил втыкать ей в спину английские булавки субъект в крылатых сандалиях. — Ты должна была понимать, что рано или поздно это захочется сделать многим. Это же просто кайф, когда в Интернете полно таких откровенных фотографий ведущей детской передачи, всем деткам очень это понравится. Думал, что ты понимаешь, что делаешь. Ты же никогда не старалась поднять духовную жизнь общества, над чем всегда упорно и столь же безуспешно бились твои сестрицы, ты всегда старалась опустить общество до своего «статуса», до своих амбиций. Нисколько не осуждаю тебя, мне забот меньше. А к твоим «статусным» фото всего лишь добавил несколько картинок в духе Возрождения, где все твои сестры позировали в чем их мама родила.

Вдруг он увидел перед собой краешек пластикового конверта в кармане чехла переднего сидения и бесцеремонно достал из него подготовленные ею буклеты о себе самой. С глумливой усмешкой он зачитал вслух наиболее впечатлившие его места.

«Лучезарная журналистка завораживает нас своей бешеной энергией, искристым взглядом и восхитительным голосом. Она появилась на нашем телевидении внезапно, и совсем скоро ее голос узнавать, ее внешностью любоваться, а ее имя как-то невольно запомнилось почти каждому. Будучи совершенно уверенной в том, что журналистика ее призвание, она поступила на «журфак» ВТГУ, а так как ее карьера молниеносно стала расти, то молодая журналистка оказалась в Москве.

Сегодня она говорит о звездах, но ведь и сама она уже стала звездой. И теперь уже о ней пишет современная пресса. Журналисты едва поспевают за одной из самых ярких, стильных и энергичных женщин отечественного телевидения. Она избрана членом Академии Российского телевидения, приступила к созданию биографической книги, снялась в фильме, клипе, рекламных роликах, выучила еще один иностранный язык и даже участвовала в женском ралли.»

— Наш пострел — везде поспел! — рассмеялся он надо ее рекламным текстом.

— Ну, какая из тебя — «журналистка»? Из тебя порнушные фотки хорошие, а журналистика... Ты даже о себе не можешь интересную заметочку навалить. Вот что это такое?

«Слухи о том, что она собирается перейти на работу в Минобрнауки и сменить телеэфир на госслужбу, сменились еще одной, мягко говоря, неожиданной новостью — вчера стало известно, что телеведущая вошла в совет директоров Баранофф-банка, т.е. стала вдобавок банкиршей.

«Пойти во власть, чтобы получить машину с мигалкой? Это просто смешно!» — сказала она журналистам.»

— Ты вообще кто? Журналистка или участница ралли? Какая из тебя — «госслужащая Минобра»? Может, что-то стала понимать в образовании, экономике или ресторанах? — добавил он уже вполне серьезно. — Одну библиографическую книгу начертила, а теперь она второй угрожает... У тебя что, от этого две биографии появятся? Одна — реальная, а другая — для конвертов продажным журналистам? Ты же одной душой в наш покер играешь, другой не появится.

— А твое какое д-дело? — постаралась скрыть страх женщина, тут же почувствовав ледяной холод, коснувшийся ее души.

Практитель — Гермес с младенцем Дионисом ок 340-330 до н.э.

— Это дело исключительно мое, как ты понимаешь! — жестко одернул ее пассажир в белой шубе. — Вот этот цуцик пачкает твою обивку исключительно потому, что сам жил чужой жизнью и другим помогал, причем, на широкую ногу. Поэтому сейчас он целиком — мой! А ты, вместо своей «лучезарной журналистики», пытаешься заменить всех, а прежде всего, вашу ненавистную «прекрасноголосую», золотой короной увенчанную. Ты сама как-то скорей определяйся, а то ты по своей эротической природе решила «и нашим, и вашим». Я-то рассчитываю, что ты сделаешь правильный выбор, поняв, что крутишь баранку исключительно по моей доброте... душевной. Я нынче к тебе сирену пришлю, договоритесь с ней обо всем. Хорошо хоть ты пока фильмы не снимаешь. Но наши сиреночки заинтересованы андеграундом, надо подпиарить их кинематографическое творчество.

— Чтобы я пиарила сирен, из которых музы перовые подушки делали, ощипав, как гриль?

— Можешь не сама, но на все каналы толкни! И без возражений мне!

— Что ты себе позволяешь, кто ты такой? — в страхе прошептала женщина, вытирая слезы красными лайковыми перчатками.

— Это преподаватели кафедры теологии не знают, кто я такой, а тебе и спрашивать нечего, — по прежнему жестко давил на нее пассажир. — Ты достаточно получила в жизни, став живым воплощением пятой музой любовных песен Эрато. Правда, от тебя никто никаких любовных песен не услышал, кроме песни о себе самой. Силу Эрато ты использовала лишь для карьеры из буклета, чтоб загрести все под себя. Сделав так, чтобы иные твои сестры никогда не проснулись, не поверили в себя. Как я понимаю, договор со Сфейно у тебя был именно об этом. А сейчас ты обижаешься, что я всего лишь фотошопом спустил твое бельишко чуточку ниже. Но ведь, по большому счету, на месте этого силового министра должна была сидеть твоя шкурка, а не его! Этот солдафон натворил несусветные вещи только потому, что музы молчали. А замолчать их заставила... ты! Поэтому я сижу тут у тебя и, честно говоря, не понимаю твоего индифферентного отношения. Ты — моя! И с этого момента должна служить только мне!

— Ты ничего не можешь сделать музе! — в отчаянии прошептала женщина.

— Милочка, музе я, может, и не сделаю ничего, пока есть хотя бы крупинка золотого песка, но многое могу сделать с тобой. К тому же... твою обнаженку я выставил в сети сразу после рекламы Сбербанка! — пассажир в раздражении опустил тонированное стекло и выкинул в окно пластиковый конверт с ее буклетами. — Думаешь, я не догадался, кто это вдохновил авторов рекламы «Сбербанк — партнер олимпиады в Сочи!» на этот «античный сюжет»? значит, кудрявый денди Посейдон приходит в Сбербанк, рассуждая, где он ванну поставит, а где будет огурчики солить? А я ему ипотеку подсовываю при смазливой девке из массовки?

— Я... я думала... это не я! — попыталась оправдываться дама, плотно прижав лайковые перчатки к заплаканному лицу.

— Не крутись! Разгадать твой «ход конем» и выявить твой наглый почерк — труда не составило. Это ведь вы — аллегория, пустое место! Или, как это пишут в энциклопедиях —

«олицетворение

потребностей лучших сторон человеческой души», — почти добродушно оборвал ее пассажир. — Нарочно для тебя лично снял эту душу, чтобы ты на нее полюбовалась. Ее последней «лучшей потребностью» было взаимопонимание жизненных коллизий, которые эта душонка устраивала своим соотечественникам в мирное время, в самой богатой стране мира. И я даже уточнять не стану, что там были за коллизии. Скажу лишь, что если бы он в прошлую пятницу как-то иначе понял свои «коллизии», хоть немного бы оставался человеком, мне сейчас с ним не пришлось тащиться в Тартар. Сказать, будто он чего-то не знал из списка «что такое хорошо, а что такое плохо» — не представляется возможным, он предварительно заготовил «общественную реакцию» о себе. Он там прямо указал, что «компетентен, владеет ситуацией». Ну, прямо как ты о себе написала в своем конвертике! Даже сейчас стал сомневаться, ту ли душу сейчас до места доставляю?

— Ты не можешь, не можешь! — в отчаянии зарыдала дама. Пробка начала понемногу рассасываться, машины сзади начали ей сигналить. Давясь слезами, она медленно вновь продвинулась вперед.

— Да, пока есть пара песчинок, я тебя не трону, но потом... Поэтому сверника в Коломенский проезд, там у нас пересадка. Вспомни сегодняшний свой комментарий к сюжету о кафедре теологии. Отчего бы тебе было честно не рассказать, что боги вообще-то бессмертны, как художественные образы, они обретают силу, когда в них верят. Они никуда не исчезают и не «рассасываются сами по себе». И когда люди приходят в храм, им надо для начала признаться самим себе — кому и о чем они молятся. Могла бы всем объяснить, что есть сущности вроде наших знакомых гарпий и горгон, которые существуют вечно и объективно, независимо от степени просвещенности на их счет и чьей-то «веры». И есть такие сущности, которые можно подхватить случайно, как венерическое заболевание, не отдавая себе отчет обо всех последствиях. А потом-то ведь уже жизнь нормальной не бывает, верно? Потом, чтобы иметь такую прекрасную машину, как у тебя, надо сделать выбор, а стоит ли разделять в эротических фантазиях человека прекрасное — от дурного и даже преступного? Или... все же допустить нечто заведомо дурное на прекрасную половину души, проявляя полное «взаимопонимание» на уровне этого генерала? Верно, Эрато?

— Послушай, я всю жизнь вкалываю, как лошадь... На мне семья, дети!.. У меня ипотека!

— Да-да, ты работаешь, не покладая рук! Этот приевшийся штамп «вкалываю, как лошадь» тебя совершенно не красит. Но я не собираюсь проявлять «полное взаимопонимание», когда за свою ипотеку, проклиная меня каждой копеейкой месячных выплат, ты еще и вдохновляешь рекламу, где я выставлен ростовщиком, живущим на проценты с ипотечного кредитования при Сбербанке.

— Ты — бог воров и обманщиков! Это все знают! — в отчаянии выкрикнула женщина, давая себе слово сделать все, чтобы он больше не говорил с ней таким презрительным тоном, будто она — давно пустое место.

— Я — Гермес! Бог коммерции, торговли и ремесел, заруби себе на носу! В особенности, когда в очередной раз решишь соврать! — оборвал ее красавец, жестко среагировал на ее попытку установить с ним хоть какую-то дистанцию.

Он недовольно заворочался на заднем сидении, кутаясь в свою шубу, и от его попытки разместиться поудобнее окна изнутри машины покрылись изморосью. Ей пришлось протирать стекло тряпкой, поскольку она не хотела злить его, прибавив температуру внутреннего отопления.

A Detail of «Mercury and Paris» by Donato Creti

— Смотри, сейчас я доставляю эту душу куда надо, завершая сделку с совестью вот этого гражданина, — продолжил свою мысль Гермес. — И пока он получал желаемое, он в этом светлячке нисколько не нуждался. А сама эта сущность стараясь себя никак не проявлять, стараясь не мешать карьерному росту своего счастливого обладателя. Ни разу не взбунтовалась, никак не проявила заложенные в ней лучшие качества, предпочитая куда более приземленные удовольствия, доступные физическому телу и в настоящий момент.

Эрато подумала, что вряд ли теперь оставшееся без души тело главного силовика справится с общественным резонансом от его выступления в Думе.

— Не переживай, с ним осталась Подарга, наша быстроногая, — усмехнулся ее мыслям Гермес. — Всегда удивляло, что она больше любит бегать, а не летать. Я, собственно, вот ведь еще по какому поводу к тебе подсел... Понимаешь, этот фрукт не справился с вашей старшей сестрицей. Ты бы не могла мне немного помочь?

От неожиданности Эрато припарковалась так, что ехавший за ней автомобиль чуть было не врезался в бампер ее машины.

— Т-ты что п-предлагаешь? — с запинкой спросила она пассажира, обернувшись к нему всем корпусом. — Убить ее?

— Да никто ее не собирался убивать! — взмахнул он на нее белыми пустыми рукавами, из которых на обивку посыпались снежинки. — Она должна стать ловушкой смердящей плоти для того вируса, который сподобилась подхватить.

— Вам никогда справиться с ней! — не смогла скрыть торжествующей улыбки Эрато. — И пугать ее такими душами бесполезно, да?

— Я не понимаю, кто нас предал, — в задумчивости проговорил он, против воли раздвигая узкие губы в ответ на ее искрившуюся смехом белозубую улыбку. — Генерал год назад лично всех перетряс, никто так и не признался, кто слил всю операцию.

— Ты не понимаешь, как это работает! — ответила ему женщина, резко выкинув средний палец руки вслед здоровому джипу, чуть не поцарапавшему крыло машины. — Про меня тоже говорят, будто мне «сливают информацию» непременно в интимных ситуациях. А это... куда более тонкое понимание человеческой души, чем твоя телепатия о шкурных интересах. Ты даже не понимаешь, на что обрек своего подопечного. Ты увозишь его душу в залог, оставляешь возле него гарпию, решив, будто у тебя «все схвачено». А наша старшая расправится с ним без души парой постов соцсетях, не имея такой посещаемости, как у меня. Она сама не раз говорила, что ей достаточно пяти читателей, чтобы ее крик был услышан всеми. Посмотрим, чем поможет его телу Подарга.

— Достала она своими воплями! — не скрывая раздражения, посетовал пассажир.

— Это — «крик Киллиопы», его слышит только тот, кто безвозвратно теряет свою душу, — печально ответила Эрато.

— Ага, ты у нас тоже, оказывается, не глухая. Как говорится, о вкусах не спорят, вкусы формируют, а потом используют в коммерции, — назидательно ответил ей собеседник, добавив с довольной ухмылкой: «Тебе ли об этом не знать!»

— Да, я об этом помню, — откликнулась женщина. — Может мне и не с чем являться теперь к старшим сестрам, но я постараюсь не дать в обиду младших.

— Напугать решила? А я тебе когда-нибудь мешал? Как говорится, кайло в руки. Пора бы задуматься, почему не ее, а тебя я всегда старался включить в жюри литературных конкурсов. Хотя ты-то ведь могла догадаться, кому ты обязана такой честью, если в книгоиздании на первый план ставится коммерция, а конкурсы бренды являются единственным «литературным достоинством» этого товара. Или сделаешь вид, будто не понимала и не догадывалась? — рассмеялся красавец. — А сестричка у вас суровая, она

взаимопонимания проявлять не станет, как этот субъект, она бьет наотмашь, а иногда и ногами.

— У нас еще может продержаться какое-то перемирие, если ты оставишь ее в покое, — почти жалобно сказала женщина. — Отстань от нее! Ты ничего не добьешься! Ты не понимаешь, что каждым наездом придаешь ее словам силу, которой тебе никогда не обрести. Я же не русская, поэтому очень чувствую, что русский язык меняется, он становится другим. И стоит ей встретиться со старшими сестрами, вовсе не со мной...

— Ой, и тогда тебе не удастся выплатить ипотеку в Сбербанк! — насмешливо оборвал ее собеседник. — Думаешь, я не понимаю твоих шкурных интересов, Эрато? Ты тоже, как и я, хотела быть главной музой! Такой... которая что? Ага, которая остается музой до конца жизни. Тебе не хотелось отдавать статус музы эротике более молодой претендентке, верно? У нас много общего, гораздо больше, чем тебе кажется. Но ты все же постаралась дополнительно меня ущипнуть, показывая в рекламе — слугой Посейдона, зная, что мне это будет неприятно. Когда ты поедешь со мной в чудные вечно холодные края, я тебя по пути со своей мамочкой познакомлю. Она тебе многое расскажет, как лучше всего солить огурцы.

— Ты про огурцы просто так говоришь? Или имеешь в виду ее сетевой ник? — деловито поинтересовалась Эрато, видя, что ее булавка тут же достигла цели. Гермес впервые не нашелся с ответом, зло ткнув кулаком жалобно заскуливший светящийся комок.

Charles Meynier — Erato, muse de la poésie lyrique

— Послушай! Ей не так много оставалось, когда ты спустил на нее свору этих идиотов, — кивнула женщина на сжавшийся светящийся комок в углу заднего сиденья. — У нее от человеческой жизни оставалось меньше песчинок, чем даже у меня! При этом она раскрыла все их планы, они ей все на блюдечке принесли! Она же каждого прокачала и составила всю мозаику! Но попутно она выщедила всех явившихся, поинтересуйся, что стало с ними, когда твои «девочки» полакомились их душами. Знаешь, почему мне в первую очередь всегда было неприятно иметь с тобой дело? Потому что даже сейчас, увозя эту душу в Тартар, ты думаешь, что действуешь по своему желанию и по своей воле. Я свое место знаю! Да, никогда не хотела иметь дело с «мадам Огурцовой», гораздо больше тебя! Потому и на конкурсах искала, кем ее можно заменить! Оставалась немного подождать, после ее смерти мне бы удалось пристроить искру... куда-нибудь из лауреатов премий.

— Ты уж совсем того... ты непроходимая дура, оказывается! — не выдержал Гермес. — Ты решила, будто сможешь заменить горгон? Ты своими «широкими возможностями» ниже пояса точно крышей съехала!

— Нет, это ты — круглый идиот! — почти склочно ответила Эрато. — Ты хоть знаешь, что ей на роду было написано всего пятьдесят два года? Она умирала! И что делаете вы? Вы даете ей возможность заплатить за все сказанное своей кровью! А сейчас ты увозишь душу человека, которого она ненавидела, не по своей воле, а всего лишь выполняя ее пожелание! Так и передай своей ледяной мамочке! Может, вернешься и постарайся эту дрянь обратно слюнями приклеить? Ах, я же забыла, что там началась большая кормежка, ты же сам туда гарпий привел! Сейчас там все ответят за бутылки шампанского, борьбу с экстремизмом, за снятые скальпы и позы лотоса... но не перед тобой, а перед ней! И тебе никогда не стать верховным божеством, потому что ты можешь только уничтожить душу. А вот она, смертная, может спасти любую душу... и... и... может быть... даже мою.

Последние слова Эрато произнесла в несвойственной ей задумчивости, и небольшая морщинка вновь пролегла между ее идеально ухоженными бровями.

— Не надо было тебе садиться с ним ко мне в машину, проваливай! Ты ведь хотел меня напугать? Тебе это удалось, считай, что я задумалась, — сказала она тихо, чувствуя крайнее опустошение.

— Только не думай, что вот эти достойны чего-то лучшего, — сказал мужчина выходя на снег в сандалиях. Эрато увидела, как снег, коснувшись его белых изящных ступней, тут же отскочил в сторону, а сандалии приподняли его над белым пушистым покровом.

— Выходи, бедолага! — крикнул он светящейся фигуре, судорожно схватившейся за ручку двери, явно стараясь остаться в ее машине.

— Уходите отсюда, — твердо сказала Эрато, стараясь не оборачиваться и не глядеть в зеркало заднего вида. — Вам никто не поможет. Разве что... решится вместо вас отдать свою душу... Ваша жена, например? Ведь она стольким вам обязана! Они с подружкой Светланкой, если не ошибаюсь, были замешены в странной гибели Светиноного мужа. Согласитесь, странно, когда человек кончает жизнь самоубийством, пять раз падая с кровати на нож. А потом вы уничтожили документы о дорожно-транспортном происшествии, где был насмерть сбит человек, а ваша жена была за рулем, не так ли? Неужели ваша жена не поможет вам? Нет? А ваши друзья, чьи грехи вы покрывали? Но может быть проявит понимание ваше начальство?..

Свою тираду она закончила таким криком, что сработала сигнализация у припаркованной рядом машины.

— Прекрати истерику! — осадил ее Гермес. Наклонившись к светящейся фигурке в углу заднего сидения, он почти вежливо сказал: «Выходите, дружок! Мы пересаживаемся на другой транспорт, не столь комфортный для вас».

Эрато не смогла отследить момент, когда возле него появилось отродье Падарги. Из ниоткуда возле красавца в белой шубе возникли два крылатых вороних жеребца со страшными белесыми перламутровыми глазами, абсолютно лишенными зрачков и радужной оболочки. Их светившиеся в темноте глаза выглядели особенно страшно на черной морде коней с выступавшими кривыми зубами, обметанными пеной.

Adolf Hirémy-Hirschl, The Souls of Acheron. 1898

Эрато отвернулась, чтобы не видеть, как Гермес тащит из машины в ужасе заскулившую душу. Она с облечением хлопнула за ними задней дверью, отпустив защелки, будто они могли защитить ее от происходящего. От резкого звука хлопающей двери кони взвились, кося в ее сторону своими мертвенно-бледными глазами. Но они тут же опустили на землю по первому окрику Гермеса, покорно подставив ему оседланные спины, прижимая к бокам вздрагивавшие короткие черные крылья.

— Сходи в солярий, Гермес! — с кривой улыбкой крикнула из машины Эрато, глядя, как он тюком сворачивает стонущий светящийся комок, стараясь ту же привязать его к седлу. В свете уличного фонаря было видно, что его руки и на полтона не отличались бледностью от лилейно-белой шубы.

— Спасибо за совет, Эрато! Но думаю, и так сойдет. А то будешь потом рассказывать, как я следую всем твоим советам, выполняя волю старшей сестры. До встречи! — сказал он, вспрыгивая в седло крылатого скакуна.

— Будь ты проклят! — прошептала Эрато, резко рванув с места в своем ярко-красном авто.

Во внезапно поднявшемся сзади снежном вихре она не смогла бы различить, как Гермес поманил пальчиком кого-то с затянутого темной мглой неба.

— Аэлло, Аэллопа! — крикнул он двум теням, кружившим над его головой.

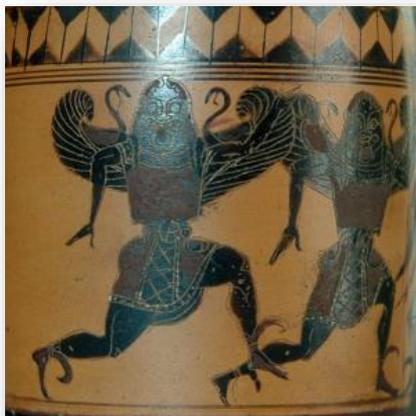
— Сейчас наша маленькая скандалистка отправится в убежище Сфейно. Проследите на ней! Она меня не интересует, мне надо уничтожить часы. Эрато говорила, сколько песка осталось у Каллиопы, она могла их видеть только у Сфейно! Уничтожьте их!

Automedon with the Horses of Achilles, 1868 Henri Regnault

3. Сфейно

*Всех элементов вода превосходней,
Злато богатств среди пышных, вельможных,
Как между всех преизящнее блеском,
Пышущу пламени ночью подобно.
Хочешь ли, Муза, победы возвысить, —
Звезд не ищи, светозарнее тихих
Солнца полдневна лучей теплотворных,
Кои, пустыню воздушно протекши,
Мир освещают вокруг, — и славнейших
Ты не ищи же торжеств олимпийских.*

*Пиндар «Первая Олимпийская песнь»
Пер. Г. Р. Державина*

Подъезжая к дому Сфейно, Эрато еще раз поняла, до какой степени она ненавидит всю старую московскую архитектуру, напоминавшую ей самые неприятные вещи не только приверженностью к классической традиции, но и более поздними наслоениями эклектики и модерна.

Утром, припарковав машину, Эрато шла на важную встречу по Печатникову переулку мимо двух старых зданий, находившихся в запустении.

Владимир Парошин. Дом с кариатидами

Она опять увидела небольшой двухэтажный дом, украшенный затейливой лепниной и кариатидами, одна из которых в ходе «демократических преобразований» уже потеряла голову. И по личным причинам ей бы хотелось, чтобы этот «памятник архитектуры и зодчества» не торчал бы посреди переулка, а составил бы перечень навсегда утраченных шедевров зодчества с сайта «Потерянная Москва». В начале нулевых годов этот особняк совершенно случайно оказался в руках одного ее знакомого, решившего устроить в нем

комфортабельные офисы, хотя намного разумнее было бы сразу снести этот дом после ночного поджога и построить нормальное элитное жилье на семь-восемь квартир.

Вслух эту идею она, конечно, не озвучивала, давно предпочитала никому не давать советов, понимая, что люди слышат лишь то, что им больше всего хочется слышать.

Да и как было признаться серьезному деловому человеку, что советует ему снести особняк вовсе не потому, что он стоит на невероятно дорогом участке московской земли, а из-за... кариатид, внимательно глядевших на нее с фасада.

Хотя где-то внутри себя она хорошо знала, что ни в коем случае не стоит трогать ни маскароны, ни кариатид на фасадах старых московских домов вовсе не из чувства прекрасного, а из нормального и рационального чувства самосохранения. Все эти «декоративные элементы» являлись визитной карточкой невероятно склочной музы Клио, во всех своих человеческих воплощениях не упускавшей случая по любому ничтожному поводу устроить «урок всеобщей истории».

Знакомый Эрато решил не сносить особняк вовсе не потому, что так уж ценил ветхие историко-архитектурные ценности, он хотел без особых вложений — «выжать» из старого дома «все, что можно». Да и она никогда бы не смогла объяснить ему, отчего ей не нравятся эти кариатиды, преграждавшие ей путь всякий раз, когда ей надо было по делу проскочить этот переулок. Непосвященным сложно было понять, почему именно эти женские фигурки из Печатникова переулка каким-то тяжелым, тоскливым предчувствием напоминали ей поучительную историю пелопоннесского города Карий, которая не имела никакого отношения к ее собственной судьбе.

Но и твердо уверенная, что ни у кого из живущих лично к ней не может быть никаких претензий, она все-таки не понимала людей, старавшихся сделать ей больно, выставляя на фасаде чучела кариатид из какого-то нерационального порыва: «Красиво же!» Хотя бы потому, что эти архитектурные красоты, вдобавок стоившие немалых средств, — уже не принадлежали исключительно тем, кто за них заплатил, ими могли теперь любоваться все, кто и гроша ломанного не имел.

В ходе масштабной перепланировки особняка, которую затеял ее знакомый, вместо того, чтобы по ее совету сразу снести все здание, — произошла невосполнимая утрата большей части конструктивных элементов, почти полностью были разрушены перекрытия верхних этажей, а оставшиеся — просели.

Возмущенная общественность постоянными истериками возле этого дома сумела остановить работы, о чем Эрато сразу его предупреждала. В результате

много лет дом, зараженный плесенью и грибком, пребывал в запустении. Но с его фасада по-прежнему за каждым ее шагом с ненавистью следила уцелевшая кариатида, поддерживая изувеченную подругу по несчастью.

Карий — был небольшим городком в Аркадии, заключившим когда-то союз с персами против Греции. Даже своему психоаналитику она не смогла бы рассказывать, что «в прежней жизни», как сказали бы сторонники теории реинкарнации душ, или просто в ином воплощении музы лирической поэзии Эрато, — именно она в чем-то даже косвенно поддержала такое решение горожан Кария. Впрочем, никто из муз и не

заблуждался на ее счет, понимая, что именно она вдохновила карийцев на этот тонкий ход у всех за спиной. А иначе, какой смысл остался бы в любовной лирике, в милых ее сердцу «эротиках», если бы погибли все мужчины города, где ее ценили больше всего? Шансов остаться в живых у них практически не было.

Все музы, кроме нее, были слишком заняты обороной, вдохновляли греков на защиту родины, не слишком присматриваясь к ее «эротическим» демаршам, хотя предательство Кария нанесло тяжелый удар по боевому духу войск.

Она никогда не могла угадать, кто же победит в результате, поэтому предпочитала просто не вмешиваться, не видя для себя никакого смысла в происходящем. В тот раз она бы не дала и сломанного колечка в ставках на греков, да и жители Кария прислушались именно к ней, а не к Каллиоппе оравшей нечто вроде — «самое лучшее предназначение — гибель во славу Отчизны!». Она лишь здраво оценила шансы, глядя на потрепанное и разношерстное греческое войско, собиравшееся выступить против явно превосходившей их силами армии персов. Хотя в глубине души она сочувствовала этим обреченным людям, которых Каллиоппа никак не желала оставить в покое, еще и полагая, будто оказывает им поддержку.

Эрато, напротив, считала, что это она оказала поддержку колебавшимся жителям Кария, устроив подписание мирного договора с персами. Она помогла тогда этим людям выжить, призывая их к жизни и любви, когда все музы призывали их к героической гибели, став в ее глазах ничуть не лучше сирен.

Эрато Хосе Луис Муньос Луке

В принципе, а что, собственно, они бы хотели от нее? Чтобы она кричала рядом с Каллиопой строчку из эстрадной песни «Пускай мы погибнем, но город спасем!»?.. Не ее вина, что жителям Кария не повезло, — в последнем отчаянном усилии их соотечественники сумели завоевать себе свободу победоносным окончанием войны. А потом, вместо того, чтобы, вернувшись со славою к разоренным очагам, приступить к «восстановлению народного хозяйства», — с общего согласия вся Греция объявила войну карийцам.

Все ее попытки внушить что-то позитивное этим людям оказались тщетными. Изгнав персов, греческое войско тут же направилось к Карию.

Город был взят, а все мужчины, сохранившие свои жизни в войне с греками, — перебиты. Опустошив Карий, воины увели в рабство всех замужних жен, отговоривших мужей защищать родину. При этом им не было позволено снять длинные одежды и уборы замужних женщин — не только для того, чтобы с позором провести их один раз в триумфальном шествии. Победители пожелали, чтобы и в рабстве эти женщины платили за предательство своих мужей.

А несносная Клио, всегда покровительствовавшая архитекторам и строителям, вдохновила их применять изваяния этих женщин для общественных зданий вместо обычных колонн. Кариатиды должны были нести свой позор, как тяжесть антаблемента, чтобы и потомки помнили о неминуемом наказании тех, кто предаст родину в час испытаний, поставив свои интересы выше

интересов отечества.

По задумке Клио кариатиды, сгибаясь под тяжесть этих «общих интересов», должны были символизировать смертельную опасность их шага, когда они изменили своему назначению, рискуя обрушить все здание.

Неслучайно об истинном значении этого элемента фасада, заменившего колонны и пилястры, вновь напомнил ее любимец, римский архитектор Ветрувий, когда многие стали забывать его истинный смысл. Не без ухищрений Эрато уже в Риме возникла версия, будто кариатиды — это девушки Кария, исполнявшие на праздниках в честь богини Артемиды религиозные танцы с корзинами на головах.

Эрехтейон портик кариатид

Эрато никогда не любила все эти нравоучительные и слишком прозрачные архитектурные нотации Клио, внушаемые ею зодчим разных времен. Ее почерк она узнавала сразу. То на фасадах домов вдруг появлялись отгонявшие гарпий маскароны в виде головы Медузы со змеями, то повсеместно возникала мода на изображение женщины с факелом в руках, распространявшаяся от домашних настольных ламп и торшеров — до грандиозных фигур на улицах городов.

Люди наивно считали женщину со светильником аллегорией свободы, не подозревая, что это было наиболее архаичный и достоверный образ самой Клио, очередное появление которой означало для них вовсе не призрачную «свободу», а достаточно жесткие «уроки истории».

Эрато всегда казалось, что кариатиды полуразрушенного особняка смотрят на нее с нескрываемой ненавистью. Хотя кто их просил — следовать ее совету? Можно подумать, они бы не поступили в точности так же и без ее совета. Она им всего лишь сказала то, что они хотели от нее услышать. И разве не в этом было ее предназначение?..

Но этим утром она обратила внимание, что во взгляде пустых каменных глаз уцелевшей кариатиды прибавилась издевательская насмешка, смысл которой Эрато уже успела вполне оценить в «уроках истории», начавшихся сразу с появлением в ее машине незваных пассажиров.

Хорошо, что на фасаде старого дома, где на третьем этаже жила горгона Сфейно, не было никаких «архитектурных украшений».

A Pair Bronze Lights Lamps

Домофон не работал, дверь подъезда открылась с подозрительной легкостью, будто старый жилой дом ждал ее прихода. Эрато поднялась по широкой неосвещенной лестнице парадного. В окна лился мутный свет уличных фонарей, на подоконниках еще стояли кадки с засохшими цветами. Дом был почти расселен перед обычным «капремонтом», в ходе которого обычно случался пожар, а потом на месте старого красивого здания с собственной

историей, милым двориком и неповторимой московской архитектурой, — возникла помпезная монолитная высотка. И если старые, стремительно ветшавшие вокруг «точечной застройки» дома все еще несли на себе стремление *устроить жизнь*, то новостройки всем своим видом показывали, что они возникли с одним намерением — *уничтожить чужую жизнь*, разрушить ее сложившиеся традиции, начать все «с чистого листа», не замечая тех, кто здесь жил раньше.

В одной из таких новостроек посреди старой Москвы купила квартиру в кредит и сама Эрато, ежедневно стараясь не замечать жильцов из окружавших домов старой застройки, будто они давно умерли...

На большинстве дверей, мимо которых она поднималась на третий этаж, были наклеены бумажки с печатями. Некоторые двери были заколочены старыми досками — крест-накрест, хотя ей казалось, что кто-то внимательно наблюдает за ней в дверные глазки. Дом умирал, но еще был наполнен воспоминаниями об ушедшей из него жизни.

Только из цокольного этажа слышались чьи-то голоса, музыка, скрип дверей и детский плач. Не приходилось сомневаться, что, как и повсюду в таких домах, здесь уже тоже возникло нелегальное общежитие для мигрантов.

Наверху послышался бой часов, напоминавший церковную звонницу. Часы зазвонили невпопад, было всего лишь без четверти девять, поэтому Эрато с облегчением поняла, что Сфейно еще живет в этом доме, где она побывала почти двадцать лет назад. Тогда ее поразило, как много часов может органично вписаться в интерьер жилой квартиры.

После вступления часиков, сыгравших какой-то кокетливый менуэт надтреснутым, чуть фальшивым голоском, начали бить кремлевские куранты, отмечая каждую ступеньку, по которой она поднималась. Эрато нарочно задержалась посреди лестничного марша, часы тут же послушно умолкли. Стоило ей двинуться дальше, как они боем стали отсчитывать каждый ее шаг.

В прошлый раз, когда она здесь побывала, в доме царило... *оживление*. Она в очередной раз поразилась сакральной глубине языка, в среде которого возникла эта небывалая мифическая суэта, от которой и ей выпало несколько золотых песчинок, навсегда поменявших ее жизнь. Когда-то на каждой площадке стояли детские коляски, велосипеды и деревянные калошницы. Дом действительно был тогда очень живым, будто с любопытством следил за протекавшей в нем жизнью. В прошлый ее приход в доме постоянно отворялись двери, и она подумала, как важно, оказывается, чтобы дом постоянно раскрывал свои двери, будто двери были его легкими, которыми он дышал. Стоило только забить двери крест-накрест, наклеить на них бумажку с печатью — и дом начинал медленно умирать, хоть в нем еще теплилась уже чужая ему, *временная жизнь*.

Когда она побывала здесь впервые, она и не предполагала, как скоротечно время. Тогда ей казалось, что двадцать лет — это почти вечность. Часы и тогда встречали ее приход многоголосым боем, но тогда их голоса не звучали с такой обреченностью и тревогой в гулкой пустоте дома.

Ricardo Sanz

«Я сейчас видела Холодца! Он начал собирать души! За ним были посланы сыновья Подарги!»

Дверь открылась, хотя женщина смотрела сквозь нее с такой же гримасой презрения, с какой Эрато каждое утро смотрела на жильцов умиравших рядом соседних домов.

Стоило ей войти в квартиру, как неумолчный бой часов тут же прекратился. В передней, прямо над старинными кабинетными часами по-прежнему висело живописное полотно Караваджо, изображавшее голову мертвой Медузы. Как и в прошлый раз, Эрато показалось, что глаза Медузы, приоткрывшей рот в невыносимой муке, внимательно за ней следят, а черные гадюки в ее волосах лишь делают вид, будто они всего лишь мифическая аллегория.

– Что ты хотела? — строго спросила ее Сфейно, все так же глядя сквозь нее.

...Ни в одном рекламном тексте о себе Эрато никогда бы не написала, что когда-то давно, почти двадцать лет назад, она ничем особенным не выделялась среди сотен тысяч юных провинциалок, штурмовавших столичные высоты. И лишь после того, как она однажды побывала в этой квартире, впервые встретившей ее боем многочисленных часов и черными гадюками, явственно

шевелившимися на портрете в передней, она стала всем интересна, желанна и востребована.

Было бы крайне опрометчивым написать в своей биографии, что учеба на «журфаке» свела ее со странной дамой с кафедры истории по фамилии Сфейно, которая пригласила ее однажды к себе домой, а за чаем представилась горгоной, способной вдыхать в обычную девушку нетленную сущность античной музыки.

Сфейно тогда показала ей странные песочные часы, состоявшие из девяти хрустальных колбочек с именами девяти муз, песок из которых ссыпался в большую граненую колбу из цельного топаза. На этих часах будущей музе любовной поэзии сразу же бросилось в глаза, что время старшей музы Каллиопы уже пошло. Причем его было сравнительно немного, гораздо меньше средней продолжительности человеческой жизни. Часы старших муз Клио, Урании и Эвтерпы были неподвижны, и Сфейно тогда пояснила, что Каллиопа и сама может вдохнуть жизнь в сестер — в тех, кого сочтет достойными, а произойдет это сразу же, как только они ей понадобятся.

Часы Терпсихоры, Мельпомены и Полигимнии шли ровно, отдавая топазовой колбе песчинку за песчинкой. Часики самой младшей музы, Талии, пока тоже молчали, но Сфейно мимоходом заметила, что в выборе Талии будет учитываться не только выбор Терпсихоры и Мельпомены, но и тех, кто всегда противостоит музам. Тогда-то она впервые услышала то, что шло вразрез с мультиком о Персее, который часто показывали по телевизору. Впервые о греческой мифологии, которая, по ее представлениям, не могла иметь никакого отношения к реальной жизни, с ней говорили так, будто все эти гарпии, горгоны, музы, боги и полубоги были не архаичной абстракцией, а во многом реальнее всех, кто не считал нужным о них задумываться. К примеру, Гермеса и гарпий Сфейно, обычно неохотно дававшая оценки общим знакомым, называла просто «Холодец и его девочки», и за этим определением чувствовалась буря эмоций, странная в отношении персонажей античных мифов.

Она проявила вежливость, не высказывая своего недоумения, пока Сфейно пересказывала ей содержание детских мультфильмов, немного переиначивая сюжет, слишком близко к сердцу принимая переживания вымышленных героев. Дама явно бредила всей этой античностью, поэтому неудивительно,

что ей приходилось приглашать на чай не коллег с кафедры, а иногородних неискушенных студенток.

Несмотря на ее безапелляционные заверения, будто из-за внезапно заработавших часиков она стала музой по имени Эрато, она совершенно ничего в тот вечер не почувствовала, с нараставшей неловкостью глядя, как Сфейно довольно постукивает по хрустальной колбочке большим перламутровым ногтем. Но с непонятной ревностью она все же обратила внимание, что в ее часах оказалось намного меньше песчинок, чем в других флаконах, а сыпались они гораздо быстрее, чем в часах других муз.

— У Эрато намного меньше времени, чем у остальных, — с улыбкой сказала ей Сфейно, заметив, как она недовольно сдвинула брови. — Но ведь и сила ее куда больше, чем у остальных! Многие ли сейчас читают большие серьезные книги? Зато сладкую власть Эрато стремятся испытать все. Полигимния в опере жалуется, что люди в этих «демократических преобразованиях» отвернулись от высокого искусства. Но никто из них не отвернется от Эрато, потому что это... все равно, что отвернуться от себя самого. Торопись успеть все, девочка! Сила Эрато поможет тебе. Но не забывай сестер.

Alexandre-Auguste Hirsch — Calliope Teaching Orpheus, 1865

За чаем Сфейно рассказывала ей миф о музе эпической поэзии Каллиопе, о ней она могла говорить бесконечно. По преданию, она была матерью несравненного певца Орфея. Только он один мог перепеть сирен, но при этом просил привязать себя к мачте. Его голос творил чудеса: зачарованные дивной

красотой его пения, волны и ветер смиряться, отступали дикие звери, успокаивались безумствующие эриннии. Когда во Фракии ее сына растерзали вакханки, Каллиопа, как Исида, собирала его истерзанное тело по всему побережью и погребла их на вершине горы Пангея. Лишь голова певца с его неразлучной лирой упала в море, и волны вынесли ее на остров Лесбос. Там она в расщелине скал и изрекала пророчества еще несколько веков.

– Эпическая поэзия — это дар предвидения, — шептала Сфейно, выставляя перед девушкой все новые яства на золотых подносах с хрустальными ручками. — И тот, кто его лишает, лишает всех нас будущего.

Она говорила о Каллиопе так, будто все, что она напишет, непременно сбудется, а все, что останется от жизни тех, кого она знала, — отразится лишь в строчках Каллиопы. Выбор ее — это тяжелая задача, под силу лишь ее сестре Эвриале, имя которой означало «далеко прыгающая».

Во всех сказаниях Каллиопа представала самой могущественной музой, «водительницей муз», как ее называл Овидий. Но... и в мифах она была несчастной женщиной, поэтому Эвриале, из глубокого сострадания к ее доле, старалась найти ее человеческое воплощение среди мужчин. Эпос и женское счастье — несовместимые вещи.

Muse Calliope, of Epic Poetry by Giovanni Baglione (detail)

Признаться, больше всего Эрато хотелось поговорить на волновавшую ее тему о золотой короне Каллиопы. Ей было немного завидно, почему гарпии могли

носить корону, сирены — тоже ее носили, принимая иногда и человеческое обличье. А из девяти муз лишь Каллиопа имела право на корону.

— Совершенно верно, — подтвердила Сфейно. — И ты не должна упустить ее корону из рук, когда тебе представится случай. Вряд ли кто-то, кроме тебя, рискнет короновать твою сестру, помни об этом. Вечные сущности коронуются на разные вещи. Сирены носят свои винтажные короны на страх перед собственной жизнью, на грех разочарования, на поклев на все сущее. Гарпии коронованы, поскольку каждая имеет право похитить легко срываемую душу, от которой давно отказался ее счастливый обладатель. А Каллиопа носит корону не просто как знак своего старшинства, она вдохновляет и благословляет героев на подвиги. А главный подвиг у каждого со времен аргонавтов — это достойно прожить свою жизнь, не покушаясь на чужую, и сохранить душу.

В тот вечер хозяйка дома еще долго разглагольствовала о том, кто из великих людей какой музой был в свое время, оставив свое имя на этих хрустальных флаконах. Правда, имена эти могла прочесть лишь одна Сфейно. Часы во всех комнатах вдруг зазвонили невпопад, гостя засобиралась в общежитие. Обуваясь под явно следившей за ней с портрета Медузой, она твердо решила, что больше ноги ее не будет в этом доме, никогда бы не подумав, что настанет день, когда она будет нестись в этот дом, сломя голову, погрузившись во всю ненавистную ей мифологию по самую макушку.

...И почти два десятка лет назад, на следующий день после чаепития со Сфейно, она проснулась свежей и радостной, ощущая бьющую через край радость жизни. Весь мир был создан лишь для нее, и не было под Луной таких, кто посмел бы не ответить на ее улыбку. События предыдущего вечера казались ей бредом, нездоровой фантазией, чушью, ведь она была обязана лишь своей красоте и молодости. Она сделала все, чтобы больше никогда не встречаться со Сфейно, но и та ни разу больше не попала ей на глаза.

И лишь однажды, с нехорошим холодком в памяти всплыл тот давний вечер. Однажды среди ночи, под умиротворяющее тиканье часов она вдруг проснулась от мысли, как мало золотистых песчинок было во флаконе с ее именем. В этот момент она физически почувствовала, что время ее стремительно истекает.

Можно было плюнуть на всю эту мифологическую демагогию, поскольку время не стояло на месте, и вместо золотых песчинок в ассортименте рыночных предложений появились широкий выбор качественной косметики, пластической хирургии и менее радикальных технологий омоложения эстетической медицины.

Charles Meynier, Calliope Muse of Epic Poetry

Но как раз после выдавшейся бессонной ночи ее пригласили стать членом жюри литературного конкурса. В этот момент она вновь вспомнила бредовые пророчества Сфейно, сказавшей ей еще много лет назад, что настанет день, когда она войдет в жюри этого конкурса, где ей надо будет отметить роман, который будет носить имя Медузы, постаравшись помочь старшей сестре. Сфейно заявила тогда, что она получит от жизни все, что ей никогда не удастся иметь без этой всепобеждающей силы Солнечной музы Эрато. А за это она должна была потратить последние золотые песчинки на то, чтобы убедить всех членов жюри увенчать лаврами именно Каллиопу, поскольку лишь лавровый венок мог помочь этой музе... не получить мученический терновый венец.

Она действительно нашла в длинном конкурсном списке тот роман, о котором почти двадцать лет назад ее предупреждала Сфейно. Но имя автора уже было вычеркнуто красным фломастером. А это означало, что те, кто был в составе настоящего жюри, уже заранее решили, что роман не войдет даже в короткий список.

Лишь войдя в состав жюри, она поняла, чем на самом деле являлся любой литературный конкурс. Задолго до объявления о приеме конкурсных работ, шли ожесточенные споры о лауреатах. И, собственно, конкурсы объявлялись под конкретных авторов и книги, являясь рекламным ходом в их раскрутке.

Сфейно не совсем понимала, что для самих организаторов конкурса они являлись даже не столько процессом раздачи лавровых венков, сколько методом дележа премиального фонда. А такая возможность представлялась, если лауреат в ходе предшествовавших конкурсу переговоров — заранее отказывался от премии, рассматривая конкурс лишь в качестве мощного рекламного хода, довольствуясь лишь сознанием, что сэкономили большие деньги на рекламе в «продвижении товара», которым давно стала книга. И согласиться не получать премию могли лишь те, кто изначально понимал, что иного пути стать лауреатом литературного конкурса — у них нет.

Эрато честно попыталась с кем-то поговорить о прочитанном, что-то спросить, но все лишь отмахивались от нее, объясняя, что все уже давным-давно решено, задолго до объявления начала конкурса, а никто из них ничего не решает. А потом ей вообще сказали, что она может не читать конкурсных книг и не заполнять протокола, они уже готовы, ей надо лишь подписать. В результате премию присудили книге, о которой все забыли через неделю после конкурса, поскольку большинство произведений, представленных на конкурс, было невозможно прочесть.

Но роман Каллиопы она читала всю ночь так, будто все было написано только о ней и исключительно для нее, с восторгом несколько раз перечитав гимн Прекрасному Слову. Тайком она написала ей анонимное письмо с левого мейла, чтобы та никого не слушала и не принимала близко к сердцу неудачи, что она — великий писатель, которого будут читать и перечитывать.

Это была, конечно, не вся ее правда. Ни одной золотой песчинки она не собиралась тратить на Каллиопу — в подобной ситуации, когда от нее вообще ничего не зависело. Возможно, она поступила не по-сестрински, но... последние золотые песчинки ей хотелось потратить на то, чтобы стать одной из муз с полным флакончиком золотого песка. У нее возникла идея... как бы нехорошо это ни звучало, что когда Каллиопа... *того*, она на литературном конкурсе отыщет *другую*... ну, как сразу же нашла *эту*. А за услугу та, в

ответной любезности, назначит ее одной из старших муз, для которых не требуется молодость.

То, что с этой Каллиопой и говорить будет бессмысленно о таких житейских проблемах, видно было издалека. От нее и в Интернете стоял один крик, будто все еще длились незабвенные времена Гомера, чей Гектор в «Илиаде» заявлял о всех пророчествах и предсказаниях: «Знаменье лучше всех — лишь одно: за отчизну сражаться!».

Только сунься к такой с деловым предложением...

– Тебя не было столько лет... я думала, что сильно в тебе ошиблась, дав тебе возможность почувствовать силу солнечной Эрато, — тихо сказала Сфейно, выслушав ее сбивчивый рассказ об ее участии в жюри литературных конкурсов и неожиданной встрече с Гермесом. — Значит, ты держала в руках *ее* роман, ты поняла, что это настоящее эпическое полотно, что перед тобой творение проснувшейся «прекрасноголосой»? А потом ты, не обращая внимания на поданные ею знаки, решила, что можешь сама вручить ее золотую корону тому, кто тебе будет удобнее? Ты хоть понимаешь, куда ты решила сунуться со своими хотелками?

Jean-Pierre Bedarrides

Сфейно лишь покачала головой, не зная, что же еще ожидать от ее визита. Она разливала душистый чай в чашки тончайшего китайского фарфора, в изящных хрустальных вазочках было расставлено угощение, будто она ждала ее приезда, зная, что за весь день ей ни разу не удастся перекусить.

Едва сдерживая слезы, Эрато протянула ей листочек с рецензией на роман Каллиопа, который опубликовала уже после конкурса одна женщина — известный литературный критик, в толстом журнале. Эрато знала, что небольшая рецензия на роман была опубликована вынужденно, потому что возмущенная развернувшейся травлей Каллиопа, знала, что автор рецензии вовсе не глуха к настоящей литературе. Она прислала ей свой роман, поставив твердое условие: та должна написать именно то, что она обо всем думает. И это будет проверкой всему многочисленному клану филологов, которых на сетевых форумах она называла хлестким словом «трупоеды».

Очевидно, она имела в виду, что филологи, кормящиеся на «изучении» произведений, вошедших в золотой фонд литературы, где не было нужды отстаивать свою точку зрения, — проявляли невероятную глухоту и непрофессионализм в современной литературе, приписывая к ней то, что никогда к литературе не относилось.

Все ожидали, что же ей напишет взбешенная дама, которой на сетевом литературном форуме Каллиопа в лицо сказала, что все свои рецензии на современные произведения та пишет за деньги, кроме гонорара ей платят и литературные агенты авторов. Но, мол, пускай она покажет, насколько вообще понимает литературу.

Рецензия не заставила себя ждать. Все предвкушали, как мастерски дама «разделает» роман Каллиопа. Но, как ни странно, рецензия получилась достаточно объективной. Однако, написав ее, сама автор тут же вылетела из «золотой обоймы» российской литературной критики.

Предубеждение мое против этой писательницы было весьма велико из-за ее поведения в сети: комплекс провинциальной гениальности, помноженный на форумное бешенство, ее дикий крик, от которого закладывает уши, — это обычный признак графомана. Но теперь столь же велико мое убеждение, что она — сильный прозаик. Ее сетевое поведение — истерика человека, долго не имевшего иной возможности заявить о себе. Кто виноват? Никто. Бесцензурная культура повергла в растерянность всех,

показав, что писателей в России больше, чем читателей; что естественный отбор, пришедший на смену идеологической цензуре, еще более жесток; что докричаться

из провинции негениальному, но настоящему писателю до своего читателя поможет только Интернет.

Роман классической традиции, с некоторым налетом архаики в реалистической части, держится на очень симпатичном, подзабытом уже образе человека героического склада, женщины, которой тесно в мелкой современности. Прямая композиция сегодня выглядит одновременно архаично и свежо, поскольку вот уже сколько-то лет прозаики ее избегают. А здесь — детство, юность, университеты и... аватары (прошлые жизни). Фантастика в эту систему вводится элегантно, с чувством юмора и меры, и выглядит на удивление органично. Дар сочетать осязаемо живое и всецело надуманное — особенность таланта писательницы. Еще одна особенность — возвращение в прозаический обиход слова «душа», в эпоху символизма и разгула женской лирики надолго заброшенного на антресоли поэтического хлама. Налет оккультно-терминологического значения, который акцентирует писательница, возвращая слову непринужденность обращения, снимает въевшийся в него налет сентиментальности.

— Если ее рецензии сразу перестали печатать, то на что могла рассчитывать я? — жалобно протянула Эрато. — Ее раньше все боялись, а меня?..

— «Форумное бешенство» и «дикий крик», — задумчиво повторила Сфейно. — Да, так, наверно, и воспринимается разговор с Каллиопой, запертой в виртуальной среде. А потом эта женщина не смогла не увидеть особого эпического звучания каждого слова, отмечающего ход времени. Интересно...

— Да все смеялись над ней! И сразу изгоняли тех, кто писал о ней хорошо, пусть даже отметив «форумное бешенство» и «негениальность». Ее вообще называли «одиозная личность», говорили, что у нее — климакс, что она — сумасшедшая... Очень грязные вещи позволяли себе говорить... Я не могла позволить себе выглядеть так же нелепо! Я ничего бы не смогла для нее сделать, — в отчаянии ломала руки Эрато.

— Да, ты бы ничем не пожертвовала ради нее, у тебя были свои планы, в которые никогда не входили высокие цели, — с грустью ответила Сфейно. — Ага, слово «душа» в исконном смысле и «оккультно-терминологическое» значение слов... эта девчонка определенно почувствовала, что слова там обретают иную силу. Значит, мы не ошиблись! Эвриале выбрала именно ту Каллиопу!

— Так мне надо было просто убедиться, что Каллиопа — настоящая? От меня совсем ничего не зависело с самого начала? — обескуражено протянула Эрато.

— Но ты же пришла ко мне именно за этим, — удивилась ее реакции Сфейно.

— Ты пришла мне доказывать, что от тебя ничего не зависело, а я лишь это подтвердила.

Римская фреска, 40-30 г. до н.э.

Все, как видишь, зависело лишь от одной Каллиопы, от того, настоящая она или нет. Стоило ей обратиться к этой девчонке, та услышала «крик Каллиопы» и уже солгать не смогла, понимая, что предаст не ее, а себя. Как видишь, от ее признания ничего тоже не зависело, она ведь на самом деле — никто, проходной персонаж эпоса Каллиопы. Но от этого признания многое зависело для нее самой. Она-то сейчас спокойно пьет чай у себя дома, хорошо зная, что не к ней ворвется Холодец с конями Подарги.

- Она в своем блоге написала, не какой-то «гениальный писатель», вообще не хороший и плохой, а... единственный! — тоном школьной ябеды сказала Эрато, поджав губы.

— Но она права! — со смехом оценив шутку Каллиопы, возразила ей Сфейно. — Она сознает свою ответственность. Каким бы непродолжительным ни было ее время, на флаконе будет лишь ее имя. И где бы я не оказалась, возле меня от вашего времени останутся лишь ее часы. Начинаю подозревать, что в этой вашей «филологии» что-то есть. Пусть это, конечно, не «наука», но девушка это поняла куда лучше тебя, хотя ты гораздо больше ее знаешь о нашей «мифологии». Но она ее приняла, склонила голову! А ты хотела более удобную Каллиопу, чтобы тебе не пришлось стыдиться сестры за шуточки идиотов? При этом ты понимала, что окружающие неадекватно воспринимают сказанное ею, говоря, будто она «бьется в истерике», «орет». Но ты лучше знала, что они просто слышат в ее словах то, что древние называли «криком Каллиопы». Ты не помогла ей, прикрываясь поговоркой «Надо помочь таланту, бездарность пробьется сама!» Скажи, ты помогла ей написать этот роман или издать? Нет, но ты помогла отнять у нее честную победу и отдать в руки ничтожеств.

— Проблема в том, что я всего этого не знаю *точно*, — с раздражением откликнулась Эрато. — У меня нет жесткой *определенности*!

— Правильно, все вокруг кажется зыбким, все размывается, все пока не окончательно, ведь время еще не вышло. Каллиопа лишь собирается написать о нашем разговоре. И лишь когда он кажется записанным ею, все станет определеннее, — рассмеялась над ней Сфейно. — Милочка, тебе надо было внимательнее прочитать ее гимн Прекрасному Слову. Хотя... вы привыкли

относиться к поговорке «мир держится на честном слове» — как к «форме речи».

Jean-Pierre Bedarrides

— И что в такой ситуации может сделать ее Слово? Что? — воскликнула Эрато, накладывая себе в чай ярко-красные ягоды засахаренной малины. — Даже эта ее беспомощная угроза «от вас всех останется лишь то, что я о вас скажу!» принесла ей одни неприятности и проблемы с правосудием.

— Это «правосудие» лишь опровергает твои доводы, — невозмутимо ответила Сфейно. — И подтверждает, что Эвриале не ошиблась в ней почти четыре десятка лет назад. Взгляни на флакон! Помнишь, как мало песка было у нее? Все события — звенья неразрывной цепи, соединенной временем. Все эти люди, решившие вместо времени осуществить суд над Каллиопой... просто подарили ей свое время. Но ведь они этого и хотели! Только время совершает справедливый суд, вынося свой приговор. Но вы же тоже к этой истине относитесь, как к «фигуре речи»! На самом деле, большинство желает просто... остановить время, не понимая, насколько легко это сделать.

— Видно, лучше было вообще не жить, а главное — со всеми с вами не надо было связываться! — воскликнула Эрато, невероятно развеселив этим Сфейно. — Зачем жить, если от меня останется только то, что она обо мне скажет в... качестве «проходного персонажа»!

— Но у тебя был шанс стать куда более значительным ее персонажем! — возмутилась ее непоследовательности Сфейно. — Но ты предпочитала, чтобы от тебя остались более приземленные вещи: твои серьги, не уступающие по красоте серьгам гарпий, твоя сумочка из змеиной кожи, твоя машина, на которой непременно появятся вмятины копыт сыновей Подарги... От тебя

останется то, что сирены с любовью называют «вещественными доказательствами жизни». Как там у Шиллера?..

Jean-Pierre Bedarrides

*Не печаль учила вас молиться,
Хмурый подвиг был не нужен вам;
Все сердца могли блаженно
биться,
И блаженный был сродни богам.
Было все лишь красотой свято,
Не стыдился радостей никто
Там, где пела нежная Эрато,
Там, где правила Пейто.*

Эрато озабоченно пододвинула к себе эклеры, обсыпанные корицей. Она вспомнила, про сирену, и между ее идеальных бровей пролегла некрасивая складка. Подумав, какие же все-таки невероятно вкусные эклеры у Сфейно, она прислушалась к ее рассказу о поединке муз и сирен, понимая со всей очевидностью, что вся эта назойливая мифология — не ее стихия.

— Когда-то музы, чье вдохновение звало к свету и жизни, вызвали на состязание сирен, чьи песни звали к гибели и тьме потустороннего мира, — размешивая в розетке липовый мед с лимонным соком, рассказывала ей Сфейно. — Их поединок вовсе не был предрешен, музы были вынуждены вызвать сирен на открытое ристалище, зная, насколько сладостной их песня кажется смертным. Услышать сирену мог всякий, напротив, для смертных составляло большую проблему не слышать их пения. А вот чтобы оценить творчество, вдохновленное музой, надо было заставить трудиться душу. И музы победили в сложном состязании, их оценивали весьма строго, поверь. Оценивали их пение нимфы, а боги делали ставки. О том, чтобы «распилить» премиальный фонд или заранее присудить кому-то победу — и речи не было! Но «общественное мнение» было не на стороне муз, это точно. Время от времени на всех вокруг накатывает эта волна... саморазрушения. Сладостные песни сирен можно услышать хотя бы в декадентской поэзии, в каких-то «мистических» произведениях о потустороннем... Да, лучше всего это видно у Бальмонта!

Мне чужды ваши рассуждения:

«Христос», «Антихрист», «Дьявол», «Бог».

Я — нежный иней охлаждения,

Я — ветерка чуть слышный вздох.

— Будто от имени Холодца написано, правда? — спросила она Эрато. — Согласись, песни сирен невероятно красивы, но они зовут к вечному покою, а песни муз — призывают к жизни, которая намного труднее смерти. В жизни-то еще головой думать иногда приходится! Поэтому после своей трудной победы музы выдергали перья сирен, навсегда запретив им украшать себя перьями. Но, как видишь, нынче сирены в фаворе! Они носят не только перья, нынче каждая венчает себя золотой короной. И что удивляться предложению нашего Холодца, который приказал тебе восхвалять пение сирен? Большого ты не заслуживаешь.

— А чего я заслуживаю? Смерти? — взвилась Эрато.

Green Velvet

— Причем здесь смерть? — Сфейно с недоумением подняла на нее глаза, в которых плясали теплые искорки смеха. — Меня до крайности удивляет это неестественное стремление к смерти, рассуждения о том, что «жизнь — процесс умирания» и тэдэ. Больше всего на эту тему рассуждают... паразиты, стремящиеся внушить эти покорные мысли тем, за чей счет существуют. И чем все это заканчивается? Вот взять того же Бальмонта. Его поэтический талант изначально был мощнее всех, это ведь признали его современники. В поэзии сложно навязать то, что вы на своих конкурсах навязываете в прозе, восхищаясь платьем голого короля, опять забывая конец сказки. По уровню поэтического дарования Бальмонта можно поставить рядом с Александром Сергеевичем Пушкиным, чье имя на флаконе Каллиопы, конечно, есть, а вот его имени никогда не будет!

*Я в этот мир пришел, чтоб видеть солнце,
А если день погас,
Я буду петь... Я буду петь о солнце
В предсмертный час!*

— У него, заметим, вся жизнь, полная сибаритства и тонких наслаждений — «предсмертный час»! — саркастически продолжала Сфейно. — Но, конечно, сам поэт столь же «скромен», как и Маяковский, с его манифестами «Я и солнце»! К тому вообще солнце приходило в гости на государственную дачу — чайку попить. Но чем все это заканчивается? Может, ты слышишь голос его часов? Нет, его голос навсегда потонул в пучине времени, а стихи читают лишь если заболеют респираторной инфекцией. Прошлый век Бальмонт встретил строчками из стихотворения «Кинжальные слова»:

*Я хочу горящих зданий,
Я хочу кричащих бурь!*

Его желание исполнилось, но ведь ты знаешь, что за «кричащую бурю» он призывал!

— Гарпии! — тут же с ненавистью выдохнула Эрато.

— Совершенно верно! От песен сирен он с легкостью докатился до гарпий. Он же не боролся с ними за каждую доверившуюся душу, он их с легкостью сдавал! В книге «Будем как солнце» у него было стихотворение «Голос заката» с «социально-иносказательной концовкой», как писали о нем филологи.

*Любите ваши сны безмерною любовью,
О, дайте вспыхнуть им, а не бессильно тлеть,
Сознав, что теплой алой кровью
Вам нужно их запечатлеть.*

— Он знает, что сны уже полны страхов, — догадалась Эрато.

— Конечно! И он будто сзывает гарпий на эту теплую кровь, — подтвердила ее догадку Сфейно. — И никто на эту безукоризненную форму не скажет, что строчки написаны «клиническим сумасшедшим». Никто ему не указал, насколько нелепо равняться с солнцем, всех критиков это устраивало до тех пор... пока небо не обрушилось на их мир.

При всей своей кажущейся глухоте к литературным проблемам, которым Сфейно, по ее мнению, напрасно придавала слишком большое значение, Эрато понимала, почему та привела в пример поэта-символиста Константина Бальмонта. Одной из существенных особенностей символистской поэтики была мифологизации жизненных явлений, против которой сейчас восставала ее перепуганная насмерть душа. Многозначность художественного образа в символизме усиливалась широким обращением к мифу. В мифе символисты усматривали высшую эстетическую, даже сверхэстетическую ценность, хотя вряд ли кто-то из них сталкивался с его «ценностью» так, как только что довелось столкнуться ей самой.

Форест Рогерс

Из вузовского курса она даже помнила слова поэта Вячеслава Иванова: «Мы идем тропой символа к мифу», которые запомнила лишь из-за давней встречи со Сфейно. Тогда ей было просто любопытно, что запел бы этот Вячеслав, если бы ему довелось на самом деле столкнуться с теми, кого он считал бесплотными мифическими фигурками, раз он категорически утверждал, будто «утопические идеи мифотворчества» являются всего лишь «всенародным искусством, преображающим мир». Интересно, а что бы он счел за миф, если бы при нем его ожившие герои разодрали бы на портянки парочку его коллег из кружка символистов, подпевавших ему: «миф — постулат мирского сознания»?...

Никто из них так и не понял, что пока они говорили о «мифах» с той долей развязности, которой бы не допустили, если бы сами хоть на йоту верили сказанному, возле них уже кружили те «крылья бури», после которых и жизнь, и творчество надолго утратили смысл... Но они все болтали и болтали... о «бессознательно-художественном представлении о мире», демонстрируя потрясающие образчики неприятия жизни такой, какая она есть.

В институте ей пришлось писать курсовую работу по статье Андрея Белого «Магия слова». Тогда она с ехидством отметила про себя, как крошечными ручками он пытался примерить невероятно тяжелую для его головы золотую корону Каллиопы.

©Книжная лавка <http://ogurcova-portal.com/>

Когда я говорю: „Месяц — белый рог“, конечно, сознанием моим не утверждаю я существование мифического животного, которого рог в виде месяца я вижу на небе; но в глубочайшей сущности моего творческого самоутверждения не могу не верить в существование некоторой реальности, символом или отображением которой является метафорический образ, мною созданный. Поэтическая речь прямо связана с мифическим творчеством; стремление к образному сочетанию слов есть коренная черта поэзии.

— Да, и пока они болтали, лишая слова присущей им силы, смерть подошла к ним вплотную, — поняв, о чем она думает, сказала Сфейно. — В 1905 году, когда можно было еще многое исправить, некоторые символисты за деньги «сотрудничали» в первой легальной большевистской газете «Новая жизнь». С их «мифическими» манифестами там была напечатана и статья Ленина «Партийная организация и партийная литература», которая исковеркала жизнь многих Каллиопа.

Jean-Pierre Bedarrides

— Но этого же все равно не может быть, — упрямо сказала Эрато, разделяваясь с ореховым пирожным в шоколадной глазури. — Было бы глупо вообразить, будто мы сейчас пьем чай, говорим о поэтах-символистах, — только потому, что Каллиопа пишет это в своем романе.. потому что ей надо, чтобы мы это сказали для ее диалога! Это же глупо!

Бросив ложку на стол, поперхнувшаяся в смехе Сфейно схватила вышитую розами салфетку.

— Ты иногда скажешь... так хоть стой, хоть падай! — сказала она, вытирая глаза. — Ладно, только не обижайся больше, а то мы так весь вечер просмеемся, а обсудить надо многое. Я никогда не мешала тебе делать твои глупости, которые ни в один роман не вставишь. Потому, что в тебе сокрыта

беспечная сущность пятой музы. Эрато — это муза скоротечной молодости, когда каждый сделает свои глупости, здесь ничего не поделаешь. Хотя ты всегда строишь такие грандиозные планы, так тщательно все рассчитываешь, а что в результате?.. Но сейчас все это уходит, и мне жаль.

Эрато подумала, что если бы Сфейно было на самом деле ее жаль, она бы нашла способ добавить ей немного золотого песка. Вспомнив, что Холодец сказал, что не может причинить ей вред, пока она — муза.

— Смотри, тебе уже невыносима мысль, что Холодец наполнить сеть твоими фотографиями ню, — насмешливо продолжила Сфейно. — Скажи, смутило бы это хоть на секунду настоящую Эрато? Нет. Сколько лет исполнилось тебе, как ее физическому воплощению? Тридцать семь? Пока ты выглядишь прекрасно, но время Эрато истекает. Посмотри на часы — у тебя очень мало времени. Никем из муз тебе больше не стать, все места заняты! Холодец и смеялся над твоими потугами стать банкиршей, участницей ралли и прочее. Он понял, какие мысли тебя гложут! Ты решила, что, побывав Эрато, сможешь «переквалифицироваться»? Возможно, смогла бы! Но только, если бы ты поддержала Каллиопу, поскольку именно она назначает старших муз. А ты этого не сделала, поэтому над тобой и посмеялся Холодец. Ты бы могла преуспеть в сложных жанрах классического искусства и стать одной из младших муз. Но ты-то выбрала самое легкое — эрос. И очень скоро твоя власть закончится. И тогда Холодец явится за твоей душой, на которую будет иметь полное право. Вот так и становятся «всего лишь персонажами». Как только человек начинает бояться выйти из назначенного ему амплуа, он становится «персонажем», приколотым булавкой к листу бумаги.

— И все же я бы предпочла никогда не сталкиваться с вашими мифами, — призналась Эрато. — Я в них совершенно ничего не понимаю и вряд ли кому-то могу чем-то быть полезной. Мне бы только понять, как сделать так, чтобы... вырваться из этого эпоса Каллиопы, чтобы никогда больше не сталкиваться с... героями мифов и легенд.

— Боюсь, ты неправильно поняла появление Холодца с отнятой душой, он ведь таким образом предъявил права и на твою душу, — заметила Сфейно. — Сейчас он попросил с тебя мелочь — вернуть несколько перышек его любимым сиренам, которые и самому сильному герою могут внушить вожеление смерти. Ему это очень удобно, тоже ведь надо своих птичек кормить. А они могут сожрать лишь преданную своим хозяином душу. В этом смысл песен сирен: не живи, дай себе умереть без сопротивления. Они и жизнь рассматривают как физиологический процесс умирания.

— Нет, нет и еще раз нет! — замахала на нее ладошками Эрато. — Я хочу лишь знать, как мне избавиться от всей этой мифологии!

— Отлично! Все это — «мифология»! Скажи, а что это такое? — возмутилась Сфейно, нажав на пульт телевизора.

Мне больно об этом говорить, но сказать об этом я обязан. Сегодня российское общество испытывает явный дефицит духовных скреп: милосердия, сочувствия, сострадания друг к другу, поддержки и взаимопомощи... дефицит того, что всегда, во все времена делало нас крепче и сильнее, чем мы всегда

гордились. Мы должны всецело поддержать институты, которые являются носителями традиционных ценностей...

Нужно вернуть школе фундаментальное образование, в котором на высоком уровне будет преподавать русский язык, история, литература, светская этика и основы традиционных религий», — заявил президент, упомянув о том, что школа должна не только учить, но и воспитывать.

...Школа не просто передает набор знаний. Нужно повысить в школах воспитательный компонент. Это подразумевает, в частности, создание кружков, секций. И они должны быть доступными для всех детей, где бы в России они не проживали

...Ближайшие годы будут переломными, не только для нас, но и практически для всего мира, который вступает в эпоху радикальных измерений и даже можно сказать потрясений...

...Мы должны не растерять себя как нацию, быть и оставаться Россией...

...Попытки государства вторгаться в сферу убеждений, взглядов людей — это, безусловно, проявление тоталитаризма. Это для нас абсолютно неприемлемо. Мы и не собираемся по этому пути.

...Сегодня продолжительность жизни в РФ за последнее четырехлетие выросла почти на 2,5 года. Это хороший показатель — он превысил 70 лет. Однако уровень смертности у нас еще очень высок, особенно среди мужчин среднего возраста», — заявил глава государства.

...Попытки провоцировать межэтническую напряженность, религиозные конфликты мы будем воспринимать как вызов общенациональному единству нашей страны. Мы с огромным вниманием относимся к каждому народу. В нашем многообразии — наша красота и наша сила. Шовинизм наносит ущерб не только стране, но и этносу, чьи интересы он защищает.

...Поручаю разработать порядок ускоренного предоставления гражданства наши соотечественникам — прямым потомкам людей, родившихся в Российской Империи и СССР. Одновременно необходимо ужесточить борьбу с незаконной миграцией.

©Книжная лавка <http://ogurcova-portal.com/>

...Любые проявления сепаратизма должны быть исключены из политической повестки. ...Демократия — это возможность не только выбирать власть, но и постоянно эту власть контролировать.

... Любое внешнее вмешательство в наши дела неприемлемо. Политик, который получает деньги из-за пределов Российской Федерации, не может быть политиком на ее территории.

... Криминалу нет места в российской политике.

...Цивилизованный диалог возможен только с теми политическими силами, которые цивилизованно выдвигают свои предложения, отстаивают их в рамках закона.

.... Государство должно обеспечить равный доступ политических партий к СМИ не только во время предвыборной кампании, но и в обычной жизни. Все должны быть поставлены в равные условия.

... Чиновники должны отчитываться о стоимости задекларированной зарубежной собственности и происхождении доходов, которые позволили ему совершить эту сделку

— А это не мифы? Это не мифотворчество? — поинтересовалась Сфейно. — Что, этот чиновник высшего ранга может заменить собою все искусства, как раз и являющимися «духовными скрепами»? Перед тобой разыгрывается фарс, когда только что избранный чиновник не может отчитаться, почему за последние годы на фоне полной бездуховности, которую демонстрирует, прежде всего, его ближайшее окружение, наблюдается падение уровня жизни в мирное время в богатейшей стране мира. В его должностные обязанности не входит поиск «духовных скреп», он достаточно цинично стягивает на себя ту власть над душами, которой его никто не облакал. И разве ты не чувствуешь, что на самом деле стоит за его словами? Ведь тебе сразу становится страшно, когда он, вместо того, чтобы заниматься своими прямыми обязанностями, разворачивает огромный государственный аппарат на расправу с обществом, поскольку оно, по его мнению, утратило нравственные ориентиры.

— Ну, это не та мифология, которую я имею в виду, — по-прежнему категорично отмахнулась Эрато.

— Да, к нормальной мифологии такое не отнесешь, — согласилась с ней Сфейно. — Это даже к бытовой культуре не относится. Но это и есть самый настоящий миф, ведь за ним — пустота вымысла. Но здесь уже не требуется даже вступление Каллиопы, даже ты точно знаешь, что эти слова — как высохшая шелуха, прикрывающая гнилую сердцевину. Каллиопа уже сказала свое слово, ей уже объявлена война. Люди под предводительством гарпий будут добиваться ее уничтожения. Там и в мифологию заглядывать не стоит, с ней повторится старый миф о Финее, которого гарпии намеренно лишали куска хлеба. Вот только никто из них мифы до конца не дочитывает, а во всех мифах конец — это самое главное.

Миф о Финее

— И все же хочу заметить, что меня интересует, как лично мне уйти с этой мифологической сцены от всего подальше, — нетерпеливо повторила Эрато.

— Тебе был дан шанс навсегда сойти с этой сцены, — теряя терпение, повысила голос Сфейно. — Ты знала, что стоило тебе потратить последние золотые песчинки по назначению, стоило отдать корону Эрато, о тебе бы никто сейчас не вспомнил! Ты бы больше не носилась у всех под ногами как заполошная, интересуясь, как бы сойти со сцены! Если ты не собиралась сражаться... как, впрочем, всегда... то почему не приложила и малейших усилий, чтобы отдать ей корону? Или ты думаешь, что она будет сидеть вне сцены, а не вступит в войну за корону? Романы надо было читать! Чтобы не быть в чужом романе — второстепенным персонажем холодного отжима. Но, заметь, до того, как к Каллиопе ворвалась вся эта рать, она уже успела сказать главное. В принципе, она бы могла более ничего не говорить после своего гимна Прекрасному Слову. Ты сама увидишь, как множество людей, из самых разных соображений уже завтра будут смеяться над «духовными скрепами», которые органично звучат в мифе, но абсолютно нелепы в устах чиновника, открыто угрожающего всему обществу, вдобавок утверждая, что не боги, а он один знает истину. Пережив ночь сомнений и тревог, завтра совсем иные люди докажут, в чем его ошибка.

От упоминания про «духовные скрепы» Эрато вздрогнула, понимая, в какую отвратительную «мифологию» ей довелось сунуться. Она отложила кусочек засахаренного лайма и стала нервно комкать вышитую салфетку.

— Ты очень наивна, девочка, примирительно сказала ей Сфейно. — Ты сама поймешь, что отказаться уже не можешь. Ты знаешь, о чем идет речь? Скоро

к тебе явится сирена, и только тогда ты поймешь, кого он имел в виду, она сейчас тоже в брэнной оболочке. И только ты попытаешься ей отказать, как поймешь, какую кашу заварил. Это будет из истории про птичку, когда коготок увяз — всей птичке пропасть. Не стоило играть в игры на поле Каллиопа с Холодцом и его пернатыми подружками. Не ты первая, да и не последняя из тех, кто решил, будто ему удастся обмануть саму Ложь. То, чего не предусмотрит Холодец (а он — сама предусмотрительность!) — непременно предусмотрит его ледяная матушка. Так что тебе придется выполнять все его указания без пререканий. И в этом я тебе ничем помочь не могу.

Georg Flegel (1566-1638)

— Но... какой теперь выход... у меня? — беспомощно прошептала Эрато.
— Давай подводить итоги, — деловито отозвалась Сфейно. — Ты знаешь кто такая Каллиопа. Часы показывают, что места всех муз возле нее заняты. И ты можешь знать кто несет в себе сущности младших сестер. Я думаю, что раз он явился к тебе напоминать о своих правах, он не хочет, чтобы ты сделала какую-то вещь, которая может тебя освободить. Какую вещь может сделать стареющая Эрато, прыгающая блохой то туда, то сюда? И при этом с ним сидел человек, который не смог уничтожить Каллиопу, как, впрочем, и ты. А сейчас ты будешь пиарить сирен, ненадолго оттягивая гибель своей души. И Холодец может получить не просто душу, а такую, которая во всех своих проявлениях несла отблеск солнечной Эрато. Мне кажется, что они будут добивать младших сестер, раз ты сама помогла им на какое-то время остановить старшую. И здесь для вас будет единственным спасением — привлечь внимание старших сестер. Только вместе вы непобедимы.

— Боже мой, — прошептала Эрато. — Ты же знаешь, как я не люблю кого-то... п-побеждать. К тому же... я даже не знаю наверняка, насколько все это... п-правда.

— Конечно, никто ничего не должен знать наверняка, ведь в этом главное условие свободы выбора, данной каждому свыше, — эхом откликнулась на ее сомнения Сфейно. — Ты заметила, что даже к факту появления в твоей машине Холодца — после горячего чая с липовым медом и малиной ты уже относишься, как к своему видению, ты уже начинаешь сомневаться, а было ли это *на самом деле*? Ты же ко мне прибежала, чтобы удостовериться в реальности происходящего. И с одной стороны тебе надо бы спасти душу, а с другой — ты не уверена точно, что она у тебя есть. Ты помнишь нашу первую встречу, хорошо знаешь, что произошло с тобой после нее, ты даже чувствовала, как тают твои золотые песчинки, но разве ты уверена, что коснулась *настоящего*, а не обычных сказочек на ночь? Все человеческое знание всегда включает в себе и сомнение, иначе теряется интерес к жизни, останавливается ее развитие. Если ты все будешь знать *точно*, до тошнотворной рутинной реальности... это ведь будет не выбор, Эрато, это будет фатальной неизбежностью и обреченностью.

— «Нравственный выбор» да «нравственный выбор», — саркастически бросила ей Эрато. — Будто слышу Каллиопу! И знаешь, это я посоветовала мальчикам из аппарата сегодняшнего сказителя мифов взять всю эту риторику и превратить ее в речи. Ты сама слышала, как дико все это смотрится со стороны, если сопоставить с реальностью. Но ему именно это и надо: увести людей от реальности, затуманить сознание, создать иллюзию. А какой смысл в этих «этических поисках» для обычного человека, которому подобный пост не светит?

— Видишь все эти часы? Знаешь, это ведь тоже иллюзия, — устало ответила Сфейно, собирая чашки со стола. — Посмотри, здесь есть часы, состоящие исключительно из деревянных деталей, а есть вполне мифические часы, целиком из стекла. Это аллегория своего времени. Стоит щелкнуть пальцами — они исчезнут. И во что тебе тогда останется верить? Дорогая, надо верить в себя! Надо больше доверять своей душе, собственным чувствам. Ведь они даны вовсе не для того, чтобы ты чувствовала вкус пищи, зависть, половое влечение, холод и зной. Чувства даны тебе и для более тонких ощущений, без которых жизнь утрачивает смысл. Хотя... можно, конечно, вообразить, что субъект из телевизора способен все это ощущать один за миллионы своих соотечественников.

— Я в этих экстремистских разговорах участвовать не желаю, — опасно заметила Эрато.

— Брось, какой нынче «экстремизм»? Обычные провокации и гнусное предательство. Люди забыли, что, предавая других, они всего лишь предадут

себя. Думала, Холодец смог хотя бы тебе это сегодня доказать. Да, ты не решилась бы изменить «ход истории», оговоренный тихонько людьми, и не собиравшимися читать книги, но желавшими «распилить» премиальный фонд вашего конкурса. Но на самом деле, не «ход истории», ты всего лишь доказала, что никогда не станешь Каллиопой. Конечно, лаврового венка, как бы мне хотелось, Каллиопе не досталось, вместо этого ей вообще объявлена война, а гарпии будут кружить над ней, выхватывая у нее из рук пищу. И можно было бы поставить на этом точку, но часы тебе скажут, что время неумолимо. Уже завтра господин из телевизора услышит, что никто не желает иметь с ним никаких «духовных скреп», причем, первыми начнут кричать именно те, кто многим ему обязан.

Лилла Кабот Перри, A Cup of Tea

— Но не я! — жестко отвила Эрато.

— Наверно, это слишком долго объяснять, да и наше время, как я чувствую, уже на исходе. Слышишь, часы начали тикать громче? — озабоченно заметила Сфейно. — Разве ты сама не понимаешь, что по твоему следу шли гарпии? У них, как и у тебя, сильно развито чувство реального. Сами они сюда не пойдут, понимая, что своим вторжением сразу же уничтожат зыбкую реальность, которая сейчас нас окружает... Думаю, они пошлют сюда наряд полиции... Хотя странно, соседи давно выехали, жаловаться некому. Ладно, переживем!

— Боже мой, — тут же начала терять самообладание Эрато. — Я всего лишь хотела... уйти от всего этого кошмара! А полиция... это еще зачем?

— Успокойся, часы предупредят! — остановила Сфейно Эрато, начавшую метаться по квартире. — Чего ты так перепугалась полиции, если этот гражданин из телевизора говорил правду? Неужели его обвинения относятся и к тебе? Ты же такая разумная! Сядь! Я хочу тебе сказать, что весь мир вокруг — это не твой мир, не мир Холодца или гарпий, это даже не мир человека, решившего повязать всех «духовными скрепами». Их мир — в седьмом круге, описанном в «Божественной комедии» Данте Алигьери. Там содержатся «насильники над собой», те, кто решил прожить чужую жизнь, прожить за других, не принимая и не довольствуясь собственной долей, но пытаюсь отнять эту возможность и у других. А это... равносильно самоубийству. Поэтому они все среди самоубийц, живут растительным существованием, а гарпии будут вечно их терзать. Седьмой круг — для тех, кто не верил собственной душе, кто «сам себя казнил в своём жилище».

*Там гнёзда гарпий, их поганый след,
Тех, что троян, закинутых кочевьем,
Прогнали со Строфад предвестьем бед.
С широкими крылами, с ликом девьим,
Когтистые, с пернатым животом,
Они тоскливо кличут по деревьям.*

— Опять мифология! — с ненавистью пробурчала себе под нос уже полностью собравшаяся Эрато, присевшая на краешек венского стула.

— Да, конечно, это тоже — «мифология»! — зло передразнила ее Сфейно. — Но надо хотя бы отдавать себе отчет, кто творит миф, и какова твоя роль в этом мифе. И хотелось бы, чтобы ты не просто знала о существовании этой эпической поэмы, но и поняла, что все современники Данте, имя

которого можно проявить на флаконе Каллиопы, если подышать огнем, — были, всего лишь, персонажами *его* мифа. Вон в том углу стоят часы его времени, они многое могут рассказать, какие морали читались Данте теми, кого он поместил на круги и пояса Ада. И время для них остановилось, как они

и хотели! Целую вечность им сейчас придется желать, чтобы время повернулось назад, чтобы о них были написаны совсем другие строки.

*И мне сказал мой мудрый проводник:
«Тебе любую ветвь сломать довольно,
Чтоб домысел твой рухнул в тот же миг».
Тогда я руку протянул невольно
К терновнику и отломил сучок;
И ствол воскликнул: «Не ломай, мне больно!»
В надломе кровью потемнел росток
И снова крикнул: «Прекрати мученья!
Ужели дух твой до того жесток?
Мы были люди, а теперь растенья.
И к душам гадов было бы грешно
Выказывать так мало сожаленья».
И как с конца палимое бревно
От тока ветра и его накала
В другом конце трещит и слёз полно,
Так раненое древо источало
Слова и кровь; я в ужасе затих,
И наземь ветвь из рук моих упала.*

— Эрато, чтобы ты не сделала, какие бы хитроумные планы не плела, пытаясь перецеголять Холодца, ты всего лишь колесико в часах, которые возникнут из иллюзии, когда никого из вас уже не будет. Кони Подарги унесут многих, в том числе и тех, кто будет вихрем врывать в чужую жизнь с лживыми песнями о «духовных скрепах». И я в этом времени... всего лишь персонаж ее эпоса! И, когда за каждым из вас закроются врата с надписью «Оставь надежду всяк сюда входящий»... каждый пожалеет лишь о том, что от него не осталось ни строчки у Каллиопы, которая могла осветить его путь в вечной тьме.

*Когда душа, ожесточась, порвёт
Самоуправно оболочку тела,
Минос её в седьмую бездну шлёт.
Ей не даётся точного предела;
Упав в лесу, как малое зерно,
Она растёт, где ей судьба велела.
Зерно в побег и в ствол превращено;
И гарпии, кормясь его листьями,
Боль создают и боли той окно.
[Данте, «Божественная комедия», Ад, песнь 13]*

Вдруг во всех комнатах многочисленные часы Сфейно начали отбивать двенадцать, хотя часики Эрато показывали всего половину одиннадцатого.

— Ну, все, время вышло, они идут! Семь человек и две гарпии, — сказала Сфейно, прислушавшись к бою часов.

Сорвав вышитую салфетку со стола, она подошла к топазовым часам с девятью флаконами и быстро завернула их в салфетку. Кремлевские куранты

под портретом Медузы начали считать ступеньки, по которым незваные гости поднимались к горгоне.

— Быстрее, к черному ходу! — тихо скомандовала Сфейно перепуганной Эрато. — Я тебя прикрою, а часы ты должна отсюда вынести. Боюсь, сама я их вынести не смогу. Я потом к тебе за ними приду! Давай, скорее, они уже рядом!

Эрато, прижав к груди хрустальные часы, побежала по коридору квартиры к кухне, где, как она помнила, находился черный ход. Когда она осторожно потянула дверь на себя, она услышала, как в парадную дверь начали молотить что есть силы.

И.Х.Насибуллин, г.Уфа, р.1956 Старинные часы.2001

В полупустом сооружении гулко раздавались голоса сверху. Эрато почти не слышала что-то тихо отвечавшую Сфейно, но тех, кто к ней ворвался, она слышала хорошо. Похоже, что к горгоне пришли с обыском, якобы получив «донесение», будто она «содержит наркопритон». Саму Сфейно по-прежнему не было слышно, но, осторожно спускаясь по темной лестнице черного хода, Эрато вздрагивала от дикого крика «представителя закона», доносившегося сверху: «Ты еще представителя закона оскорблять будешь! Мы сейчас акт составим, что ты при нас выражалась нецензурно! Где наркотики прячешь, курва старая?..»

Она с горечью подумала, что, наверно, половину жителей этого прекрасного дома «расселили» именно таким образом. Она шла на звуки, доносившиеся снизу из цокольного этажа, но после крика полицейских звуки там быстро затихли, в доме повисла тишина. В окружавшей ее темноте стало так тихо, что стал слышен каждый шорох, поэтому она услышала и шелест огромных крыльев у подъезда черного входа.

От выхода ее отделяли два лестничных пролета, когда вверху кто-то заорал: «Саньч, тут черный ход из кухни! Фонарик принеси, здесь темно!» Зажмурившись от страха, она продолжала спускаться, потому что слышала, как за ней начали спускаться, переговариваясь между собой, два полицейских.

С улицы в раскрытую настежь дверь черного входа, падал мутный свет от тусклого фонаря во внутреннем дворике. Осторожно выглянув с площадки полуэтажа, прямо в дверном проеме Эрато увидела нелепую, совершенно неуместную в окружавшей ее реальности, — птичью фигуру Аэлло. Она совершенно спокойно, будто само ее присутствие здесь было чем-то обычным и рутинным, чистила мощные когти лап о деревянное обрамление дверного проема, оставляя рваные борозды на старой масляной краске. Вторая гарпия стояла за углом, где Эрато припарковала машину, и куда ей еще надо было добежать. Аэлло обернулась к сестре и тихо сказала: «Иди сюда! Она сейчас выйдет! Там полицейские сверху спускаются!»

Эрато почувствовала себя загнанной в мышеловку, пытаясь собраться с мыслями. Вернее, ей приходилось отгонять навязчивую мысль, что все это происходит не с ней, не по правде, а ей надо лишь сделать над собой усилие и проснуться. Ничего рационального, кроме лихорадочной мысли «Проснуться! Немедленно проснуться!» — ей в

голову не приходило. Оставалась лишь слабая надежда на Сфейно, потому что от спускавшихся сверху полицейских, как и от карауливших внизу гарпий, — ее отделял один лестничный марш.

Последующее она почти не помнила, потому что толком не поняла, что произошло. Наверху раздались крики «Горим! Горим! Ломай двери!» Сзади нее стало светло и раздался свист, будто кто-то прямо в подъезде запустил

петарду. А когда вдруг разом истошно заорали спускавшиеся к ней полицейские, в ушах зазвенел крик Сфейно: «Беги!»

Самой Сфейно нигде не было, вместо нее от заоравших благим матом полицейских спустился столб нестерпимо яркого пламени. Обдав жаром прижавшуюся к стенке Эрато, это пламя всей силой обрушилось на застывшую в растерянности посреди дверного проема Аэллопу. На гарпии разом вспыхнули перья, а светящийся столб пламени, издалека напоминавший женскую фигурку, вырвался из подъезда.

В подъезде сразу стало светло и шумно, запахло гарью, веселым огнем затрещали деревянные перила, загорелась висевшая на одной петле входная дверь. Сквозь бой курантов многочисленных часов, гулким эхом раздававшихся по всему дому, что-то кричали метавшиеся по горячей квартире полицейские. Было слышно, как перед ними с грохотом захлопывались двери. Прямо перед нею к выходу прорывались два отчаянно оравших, объятых пламенем мужчины, один из которых начал стрелять из травматического пистолета, не целясь, в дверной проем, попав в крыло Аэлло, пытавшейся крыльями забросать снегом метавшуюся по двору сестру. Возможно, полицейский хотел попасть в Сфейно, продолжавшую добивать возле мусорных баков истошно кудахтавшую Аэллопу. Вряд ли он мог видеть гарпий, выстрелив в Аэлло совершенно случайно.

Оба полицейских выскочили из подъезда мимо Эрато, упав в свежий снег, пытаясь сбить пожиравшее их пламя.

Эрато, не медля, рванула мимо них по сугробам к своей машине, испытывая нечто вроде благодарности к полицейскому, открывшему беспорядочную стрельбу в подъезде. Она знала, что Аэлло ни за что не станет преследовать ее, пока не расправится с причинившими ей боль людьми. Но когда она снимала машину с сигнализации, то в ответ на веселый писк ее ласточки она услышала, как гарпии особым визгом призывают на помощь коней Подарги.

4. Эвриале

...И задал

*Некто, один из вельмож, вопрос: из сестер почему же
Волосы только одной перемешаны змеями были?
Гость же в ответ: «Раз ты вопросил о достойном рассказа,
Дела причину тебе изложу. Красотою блистая,
Многих она женихов завидным была упованьем.
В ней же всего остального стократ прекраснее были
Волосы. Знал я людей, утверждавших, что видели сами.
Но говорят, что ее изнасиловал в храме Минервы
Царь зыбей. И Юпитера дочь отвернулась, эгидой
Скрыв целомудренный лик. Чтоб грех не остался без кары,
В гидр ужасных она волоса обратила Горгоны.
Ныне, чтоб ужасом тем устрашать врагов оробевших,
Ею же созданных змей на груди своей носит богиня».*

Овидий «Метаморфозы», Четвертая песня

....А без малого сорок лет назад Эвриале долго искала, а потом нашла Каллиопу, но отнюдь не в Москве, а в каком-то невзрачном городе на востоке огромной страны, ближе к северу. В поисках «идущей за царями» она ориентировалась по отсвету в хрустальном флаконе со стилосом и восковой табличкой, выгравированными на его лицевой стороне. Ее давно не удивляло, что флакон ни разу не сверкнул гранями возле трехэтажного здания литературного института на Тверском бульваре или в дачном поселке писателей на Николиной горе.

Принятая как данность литературного таланта «партийность в литературе» не только искажала внутренний мир писателей, но катастрофически сказывалась и на их душевном состоянии. Столичные соблазны, тут же становившиеся

доступными, как только в своем творчестве человек хоть в чем-то отступался от собственной души, хоть в чем-то не договаривал или лгал — немедленно уничтожали слабенький отблеск вдохновения во флаконе с атрибутами Царицы Муз. Некоторые писатели, напротив, пытались «искренне верить», стараясь «проникнуться идеей», попутно гася души читателей неистовой приверженностью к ложным идеалам. И не столько в тех, кто писал гадости и строил свою карьеру на отрицании «завоеваний социализма», сколько в самых преданных апологетах «всеобщего равенства» Эвриале чувствовала разверзнувшуюся бездну предательства. Прежде чем кто-то предаст других, он непременно предаст самого себя.

Горгона Эвриала

По ночам, рискуя быть замеченной вездесущими гарпиями, она расправляла крылья и взлетала в темное небо, держа хрустальный флакон перед собой. Как только огромное море столичных огней внизу уплывало на запад, флакон начинал озаряться неровными багровыми всполохами настоящей силы.

Днем на стареньких рейсовых автобусах она переезжала из города в город, глядя на серые деревеньки за окном, удивляясь, какую огромную страну создали люди, начавшие понемногу забывать о том, что на самом деле их объединяло. Она вглядывалась в их лица, на которых отражались ежедневные житейские заботы, и ей все больше хотелось увидеть, как начнут меняться эти люди, как расправятся их лица от мрачных мыслей, усталости и равнодушия, как сквозь кожу начнет теплым ровным светом пылать душа, отгоняя от себя гарпий.

Свет в колбочке становился все ярче, и с его все более продолжительными вспышками росло нетерпение Эвриале. Ей все больше хотелось узнать, какой будет новая Каллиопа? Где бы она ее не встретила раньше, на каком бы языке не говорила «шествующая за царями», — она ни разу не повторилась, каждый раз находя свои собственные оттенки в Прекрасном Слове, говоря о вечных

вещах и непреходящих ценностях одной лишь ей присущей интонацией. Это поражало Эвриале больше всего.

На четвертый день своего путешествия с осмотрами достопримечательностей и ночными полетами с хрустальным компасом Эвриале оказалась в городе, где склянка больше не гасла. С ней она переходила от здания к зданию, остановившись возле ничем не примечательной средней школы в центре города. Склянка в ее руке вспыхнула так, будто хотела прожечь руку.

Эвриале решила, что тот, кто ей нужен, скорее всего, работает здесь учителем литературы. Но, поинтересовавшись его личностью у завуча школы, она выяснила, что посреди года одна из лучших школ города испытывает трудности как раз с этим предметом, который сейчас кое-как ведут в период учебной практики студентки местного учительского института. Поэтому на следующий день она вошла в эту школу в качестве учительницы русского языка и литературы старших классов.

Вначале она ничем не проявляла себя, решив, что даст проявиться самой спящей сущности Каллиопы. Склянка вспыхивала лишь на уроках одного десятого класса выпускной параллели. Но, находясь в одном помещении с тридцатью галдящими юношами и девушками, она никак не могла понять, кто же из них станет новой Водительницей муз.

Эвриале долго готовилась, решив действовать наверняка, подловив Каллиопу на «предложении, от которого та не сможет отказаться» — на специально предназначенной для нее теме, касавшейся ее исконного ремесла — эпической поэзии. Как она уже поняла, именно этот жанр одинаково не любили как сами школьные учителя литературы, так и их ученики. Чтобы не вызвать излишнего любопытства своей «неестественной склонностью» к единственному жанру, на котором будущая муза могла попасть в расставленную ей ловушку, она не торопилась и долго не задавала сочинений на дом, чему все ученики бурно радовались.

Она уже полюбила этих сообразительных мальчишек, гадая про себя, кто же из них сможет вынести сжигающий изнутри огонь Каллиопы. В человеческой оболочке его несли, как правило, мужчины. Было несколько всполохов и среди женщин, но в этой среде живого и очень чуткого языка, начавшего увядать от идеологического давления «партийности в литературе», поднять такую махину мог только незаурядный мужчина.

И вот однажды она вошла в класс, потратив все воскресенье на проверку сочинения, которое дети два урока писали накануне. Среди предложенных ею на выбор тем стояло намеренно провокационное название, на которое могла откликнуться лишь будущая Каллиопа: «Поэма В.В. Маяковского «Владимир Ильич Ленин».

Как она и предполагала, большинство ее учеников выбрало свободную тему: «Подвиг советского народа в Великой Отечественной войне», которую большинство из них «раскрывало» сумбурным пересказом фильмов, снятых по мотивам произведений писателей-фронтовиков, сами книги почти никто из них не читал. Этого поколения уже коснулась стремительно разраставшаяся тьма недоверия книге, порожденная стремлением отравить лживой «партийностью» творческое начало человеческой души.

Владимир Касаткин Учительница

Проверяя сочинения, Эвриале уже теряла надежду, когда из множества однотипных сочинений взяла в руки до конца исписанную тетрадку, на которой вообще не стояло ни имени, ни буквы класса, ни номера школы. Но в тетрадке было именно то, что она много лет искала, переезжая из города в город, оглядывая поселки и деревни, поднимаясь в темное небо, держа перед собой призрачный огонек заветного флакона. Каждая строчка этой тетрадки уже заявляла свои права на золотую корону Каллиопы, еще до конца не поверившей в свою непобедимую силу.

— Мальчики, чья это тетрадка? — первым делом спросила Эвриале, войдя в класс. Она внимательно смотрела на мальчишеские лица, пытаясь определить, кто же из этих сорванцов исписал тетрадку неровным крупным почерком.

— Это не мальчуковая тетрадка, у нас это только вот она такое пишет! — сказал смешной полный паренек с последней парты, кивнув на девочку, сидевшую на третьей парте в среднем ряду.

— Это твоя тетрадка? — недоверчиво спросила девочку Эвриале.

— Это я писала, да, — неохотно призналась девочка, вставая.

— А почему твоя тетрадь не подписана? — окончательно растерялась Эвриале.

— А потому что я считаю это неважным, — ответила девочка, отчего-то оборачиваясь к мальчику, сидевшему сразу за ней, будто продолжая их давний спор. — Важно то, что в ней написано, а имя я считаю неважным. Мне вообще не нравятся ни имена, ни фамилии. Я считаю, что человек должен искать книгу, а факты биографии писателя для читателя уже неважны. Важно, настоящее это или нет.

— А что ты-то считаешь *настоящим*? — поинтересовалась учительница.

— Ну, такое... вневременное... вечное, то, что диктуется не наносной «партийностью в литературе», — усмехнулась девочка, и в глазах ее заплясали хорошо знакомые Эвриале веселые искорки.

Portrait of a Young Girl by Bronzino Agnolo

Она уже все поняла, но еще глядела на девочку с глубоким состраданием. Сколько раз она видела искорки того божественного веселья, которое было способно разогнать любой мрак отчаявшихся душ, любую жизненную бурю, цеплявшуюся стальными когтями прямо в горло. Она слишком хорошо знала, что первыми натиск этой бури принимают на себя такие вот безумцы, считающие неважным «задачи построения нового общества», «воспитания нового человека», старающиеся доказать, что нравственные принципы не меняются не только с изменением исторических условий, но и со сменой сонма богов, в которых верят люди.

Встречая очередную Каллиопу, Эвриале с тихой благодарностью ко всем богам, в которых когда-либо верили люди, радовалась, что кое-что в этом мире оставалось неизменным, как, собственно, ничуть не изменились и сами люди после несчетных попыток «воспитания нового человека». Но ироничный взгляд этой девочки с умными зелеными глазами, спокойно шагнувшей к ней от своей парты, еще не понимая, что принесет в ее жизнь золотая корона Каллиопы... вызывал одно острое желание — упасть головой на ее тетрадку и заранее оплакать ее незавидную судьбу. Впервые ей захотелось изменить своему предназначению и не дотрагиваться до флакона, прожигавшего карман бесформенного пиджака.

— Это как у Анны Ахматовой сказано... *Некоторым* непонятно, а мне нравится, — сказала девочка и, закрыв глаза, негромко прочла несколько строчек.

*Когда я ночью жду ее прихода,
Жизнь, кажется, висит на волоске.
Что почести, что юность, что свобода
Пред милой гостьей с дудочкой в руке.
И вот вошла. Откинув покрывало,
Внимательно взглянула на меня.
Ей говорю: «Ты ль Данту диктовала
Страницы Ада?» Отвечает: «Я!»*

— Не пугайтесь, она у нас всегда глаза закрывает, как глухарь на току! — зло прокомментировал ее декламацию мальчик, сидевший за ее спиной.

— Расскажи всем, что ты написала в своем сочинении, — упавшим тоном предложила ей Эвриале.

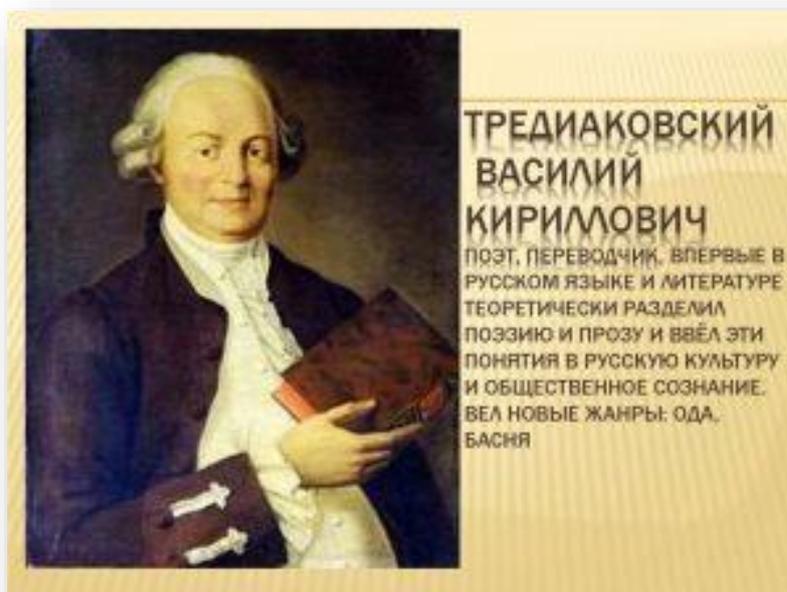

Памятник Маяковскому в Москве

— Я написала, что поэма Владимира Маяковского, безусловно, относится к жанру эпической поэзии. Но здесь мы видим своеобразный «прыжок во

времени», — с улыбкой начала девочка. — Маяковский решил не принимать во внимание уже созданные непревзойденные образцы этого жанра — поэмы Александра Сергеевича Пушкина «Медный всадник» и «Борис Годунов». Маяковский попытался сделать то, что до него так и не удалось Михаилу Васильевичу Ломоносову, незадолго до «Телемакиды» Тредиаковского, написавшему эпическую поэму «Петр Великий». Маяковский «перепрыгнул» через все достижения XIX века — к спору XVIII века о путях развития эпической поэмы, намеренно «не замечая», что этот спор был с блеском разрешен Пушкиным. Напомню, что Ломоносов считал, что героическая поэма должна правдиво повествовать о наиболее важном событии отечественной истории, в канонической форме, но с оригинальными приемами нового времени. В качестве такого приема он использовал александрийский стих, в отличие от русифицированного гекзаметра «Телемакиды» Тредиаковского.

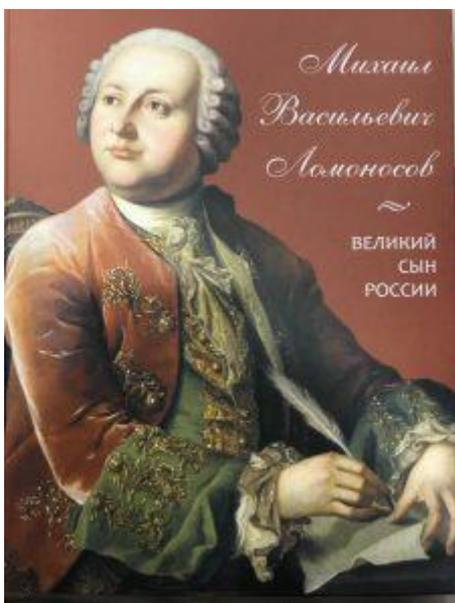

Василия Кирилловича Тредиаковского намного меньше волновали вопросы государственного управления и укрепления государственной мощи, чем титана науки и просвещения своего времени Ломоносова, в характеристике личности которого удержаться от античной аллегии.

В противоположность Ломоносову Тредиаковский отводил реальной истории служебное, подчиненное положение. Он утверждал, что чем отдаленнее эпоха, изображаемая в поэме, тем свободнее будет чувствовать себя поэт в творческом порыве, не сковывая свою фантазию... достоверностью. И поэтому для своей поэмы выбрал «времена баснословные или иронические», ориентируясь на эпопеи Гомера, которые, по мнению Тредиаковского, не были и не могли быть созданы «по горячим следам».

Выбор сюжета определила и нравственная позиция Третьяковского, считавшего, что все события реальной истории, прежде чем стать основанием эпопеи, должны откristаллизоваться в народном сознании, получить единую *нравственную оценку*. А преждевременная канонизация еще не забытых реальных личностей, навязываемая эпосом оценка реальным событиям — являлась, по его мнению, неэтичной. И это, согласитесь, было не лишено оснований. Баснословность героев, их действительная легендарность, с точки зрения Третьяковского, должна была вначале оставить неизгладимый след в народной памяти, откristаллизовавшись в общее представление о них, их роли в судьбах своего государства, народа, эпохи, т.е. получить *нравственную оценку*.

Однако следует заметить, что ни Третьяковский, ни Ломоносов — не снискали большого литературного успеха, а поэма Василия Кирилловича еще и подверглась осмеянию современников.

Решиться воспользоваться их опытом мог лишь человек... твердо знающий, что идеологическая ценность его произведения — перевесит литературные достоинства. Он так и говорит... будто представляет собой ЧК от эпической поэзии. Его лирический герой олицетворяет саму диктатуру пролетариата, атакующего общественный уклад.

*Я буду писать / и про то / и про это,
но нынче / не время / любовных ляс.
Я / всю свою / звонкую силу поэта
тебе отдам, / атакующий класс.*

— По примеру Ломоносова Маяковский пользуется новыми средствами, создавая эпическое полотно афористичными рублеными фразами, отдававшими особой непререкаемой категоричностью, не допускавшей ни возражения, ни размышления, ни собственной внутренней работы читателя, — задумчиво продолжала девочка, открыв глаза после декламации. — Владимир Владимирович пользовался инструментарием очень мощного поэтического дарования... Но этот серьезный дар он использует, как... бандитский кистень, заявляя, будто приравнял перо к штыку. Хотя перо и берут в руки, чтобы штыком поменьше пользоваться.

По сути, своей поэмой он затыкает рот не только живым людям, переживавшим в это время достаточно тяжелые дни, но и всем, кто погиб в

гражданской войне. А в таких войнах героев не бывает. К тому же... все еще помнили недавние события, а покушение на Ленина свидетельствовало, что его деятельность воспринималась далеко неоднозначно. Маяковский написал эту поэму сразу после смерти Ленина как раз затем, чтобы его герой не получил со временем нравственную оценку всего общества, чтобы у потомков, к которым он обращается от себя лично, — осталась именно его оценка канонизированного героя. А это... как-то неэтично, наверно.

— Он доказывает, что его герой имел некую важную миссию, — говорила девочка ровным голосом, не обращая внимания на Эвриале, начавшую беспокоиться. — Это подчеркивается изобразительными средствами. В начале поэмы отдельными эпизодами подаются народные ожидания «солнцеликого заступника». Появляющийся затем Ленин сопровождается солнцем, которое в русском фольклоре всегда включалось в символику Христа. Но, если взять эту его ассоциацию, то хочется спросить, а в чем так уж страдал Ленин в период своей эмиграции или гражданской войны? Почему-то только другие за его миссию страдали. А Христос только сам пошел на крест, один. И он никогда не призывал ни у кого отнимать достояние силой, он говорил, что каждый может поделиться, но лишь добровольно.

— *Нами / к золоту / пути мостите.
Мы родим, / пошлем, / придет когда-нибудь
человек, / борец, / каратель, / мститель!*

— А что за идея, когда строится общество, в котором ни у кого не должно быть частной собственности? Это общество рабов, что ли? Может, монахов в веригах, не имеющих личного достояния? При этом ежедневно подчеркивается «растет благосостояние советских людей», — так, значит, мы все дальше уходим от этих «идей»?..

И эти вопросы показывают, что автор поэмы сам плохо понимал происходящее, но считал возможным для себя канонизировать идеи, причем, в форме, отрицавшей любое обсуждение, — обвиняющим тоном сказала автор анонимной тетрадки. — Обозначенная в поэме ленинская функция заступника, мессии, сопровождаемого солнцем, сравнение «вожака пролетариев» с Христом, делает образ героя поэмы агиографическим. То есть сама эпическая поэма приближается к классическим образцам этого жанра — *к мифологии*.

Как только ее одноклассники услышали слово «мифология», в классе началось некоторое брожение: девочки в изнеможении закрывали глаза, мальчики делали вид, что устраиваются поспать, лишь ее сосед сзади сидел прямо, невозмутимо глядя перед собой. Но как только она начала говорить, движение прекратилось, весь класс с интересом приготовился слушать ее «мифологические» пояснения.

Древнегреческий поэт аккомпанирует себе на кифаре во время пения. Настенная роспись, обнаруженная при раскопках Помпеи.

— Поэма Маяковского написана в форме «Жития святых», чтобы доказать не только святость главного героя, но и его исключительное право на власть, легитимность и предопределенность его прихода к власти, чем отрицалась сама реальная история, — невозмутимо продолжила девушка. — Можно по-всякому относиться к политическому мифотворчеству, уничтожающему нравственную основу мифа, ради которой люди раньше и слагали легенды. Но в данном случае... миф слагается ради... свежего трупа... и прямо по свежим трупам гражданской войны, которая чуть не привела к развалу страны. А Маяковский выступает с такими безразмерными нравственными оценками, что оправдывает и Брестский мир, который в этот момент вызывает особый стыд, ведь даже сам Маяковский называет это — «похабным Брестом». Конечно, многие постыдные вещи можно приписать «мудрости» и «прозорливости», но... из них и прорастают будущие войны.

*Возьмем / передышку похабного Бреста.
Потеря — пространство, / выигрыш — время. —
Чтоб не передохнуть / нам / в передышку,
чтоб знал — / запомнят удары мои,
себя / не муштровкой — / сознанием вышколи,
стройся / рядами / Красной Армии.*

— Раньше главным героем эпоса становился правитель с неподвергаемым сомнению божественным происхождением, а нравственность его образа проявлялась в уходе от власти. Таким был миф о Гильгамеше. В мифе о Геракле уже встает вопрос о справедливости престолонаследия. Там Геракл вынужден подчиняться заурядному брату, занявшему престол из-за козней богини Геры. На протяжении всей истории человечества актуален вопрос о

том, насколько справедливо, когда человек заурядный — управляет людьми, многие из которых обладают куда более выдающимися способностями? Как такой человек должен ограничить собственную власть, чтобы не нарушить ее нравственного смысла?

Отдыхающий Геракл Лисипп

Маяковский решает этот вопрос на примитивном уровне лести прожженного царедворца, доказывая, что Ленин пришел к власти по простой причине — он заведомо был самым гениальным. При этом он с восточным витийством подчеркивает свою особую искренность, отмечая, что и в детстве не выносил ложь.

*Проживешь / свое / пока,
много всяких / грязных ракушек
налипает / нам / на бока.
А потом, / пробивши / бурю
разозленную,
сядешь, / чтобы солнца близ,
и счищаешь / водорослей / бороду
зеленую
и медуз малиновую слизь.
Я / себя / под Лениным чищу,
чтобы плыть / в революцию дальше.
Я боюсь / этих строчек тыщи,
как мальчишкой / боишься фальши.*

Памятник Ленину в Калуге

В его поэме Ленин — умнейший из всех умнейших, а сам лирический герой — самый правдивый из всех правдивых. Как доказательство этой правоты приводится реакция малограмотного представителя народа, который «понял

все», как только услышал Ленина. Но Маяковский не может привести более существенного признания «гениальности» самого героя — от лица известных ученых, философов, промышленников или инженеров.

То есть перед нами типичная ситуация из мифа о Геракле, когда заурядность, возвеличенная серостью, глумится над теми, кто «не понимает» собственной «миссии», вынуждая их совершать разного рода «подвиги». Пусть даже эти подвиги навсегда прославили имя Геракла, но в них присутствует некоторая ущербность: Геракл совершил их не из объективной необходимости, не по собственному душевному порыву, а по приказу измывавшегося над ним Еврисфея.

Castigo de Dirce (Casa de los Vetti, Pompeya)

Миф о Геракле не теряет актуальности, поскольку постоянно возникает нравственный вопрос о том, насколько *справедлива* власть *обычного человека*, вознесшегося на вершину власти по воле богов?.. Геракл не пытается свергнуть Еврисфея, выражает одно существенное требование к преемственности власти: большинство людей вовсе не желает социальных потрясений, поэтому считает нравственнее придерживаться установленного порядка престолонаследия, что нарушает герой поэмы Маяковского.

И хотя в поэме всячески подчеркивается, что Ленин — не христианский мессия, он выступает как мессия нового типа, ставший вождем народа в силу «исторической необходимости». Вместо «царственности и божественности» он наделен особыми личными и деловыми качествами, позволяющими ему успешно функционировать в роли современного властителя.

Все теряются в догадках, что предпринять, но выходит Ленин — и решение тут же находится! А то, что находить выходы ему приходится из тех ситуаций,

куда он сам всех загнал, — такого автор поэмы предпочитает не говорить. Ну, что это за «герой», если до него никаких особых трудностей не было, а при нем начались одни судорожные «преодоления»? Как-то до него в России народ сам кормился, а при нем вдруг трехразовое питание стало — «непреодолимым препятствием»!

Как святой Ленин являет нам в поэме несколько ипостасей, характерных для моделей поведения житийной литературы, представляя поочередно: учителем, чудотворцем, мучеником. Однако натянутость этих моделей для «реальной основы образа», когда большинство живущих имеет о Ленине свое мнение, настолько велика, что провалы в восприятии цементируются химерическим образом партии.

Конечно, никому больше не нужны цельные герои, без подпорки за спиной... некой разбойничьей ватаги. Против нее и пикать бессмысленно, там твой голосок никто и не услышит, ежели с чем не согласен.

*Хочу / сиять заставить заново
Величественнейшее слово / «ПАРТИЯ».
Единица! / Кому она нужна?!
Голос единицы / тоньше писка.
Кто ее услышит? — / Разве жена!
И то / если не на базаре, / а близко.
Партия — / это / единый ураган,
из голосов спрессованный / тихих и тонких,
от него / лопаются / укрепления врага,
как в канонаду / от пушек / перепонки.*

Химера партии согласно канонам агиографической литературы оказывается «земной супругой Ильича», «церковью», «его семейным телом, созданным им самим», «преемницей и воплощением вождя», в конечном счете — залогом его бессмертия.

*Партия и Ленин — / близнецы-братья —
кто более / матери-истории ценен?
мы говорим Ленин, / подразумеваем — / партия,
мы говорим / партия, / подразумеваем — / Ленин.*

В этой поэме мы, пожалуй, впервые сталкиваемся с извращенным соединением эпоса и агиографии. Это извращение не только в том, что исключительная сущность «и сына и отца революции», особая роль вожака масс, — с большой долей цинизма совмещается с человеческой простотой, человеческой душевностью, а главное — соборностью народного сознания. Соборность, как заведомо религиозная черта народного сознания в контексте русской культуры, подается одним из основных достоинств героя поэмы, решившего поделиться властью с единомышленниками, объединенными в партию. Но ведь такое уже было не раз, здесь ничего нового и «исторически

предопределенного». Как раз создание такого «партийного окружения» отрицает соборность.

*Плохо человеку, / когда он один.
Горе одному, / один не воин —
каждый дюжий / ему господин,
и даже слабые, / если двое.
А если / в партию / сгрудились малые —
сдайся, враг, / замри / и ляг!
Партия — / рука миллионопалая,
сжатая / в один / громящий кулак.
Единица — вздор, / единица — ноль,
один — / даже если / очень важный —
не подымет / простое / пятивершковое бревно,
тем более / дом пятиэтажный.
Партия — это / миллионов плечи,
друг к другу / прижатые туго.
Партией / стройки / в небо взмечем,
держа / и вздымая друг друга.
Партия — / спинной хребет рабочего класса.
Партия — бессмертие нашего дела.
Партия — единственное, / что мне не изменит.*

Извращение понятий этим не заканчивается. До Маяковского эпос использовался, чтобы в каждом пробудить такого героя, а в правителях — пробудить желание хоть в чем-то быть на них похожими. Здесь сразу говорится, что Ленин сам по себе лишен каких-либо недостатков, а все сделанное им — выше всякой человеческой критики. Но изучение жития святых и мифологическое изучение исторических фактов, имевших место в недавней действительности, является не столько доказательством святости героев агиографии, сколько объяснением, каким образом они достигли просветления. Жития святых, как и эпическая поэма, обращаются к душе каждого, пытаются пробудить нравственное начало.

В поэме «Владимир Ильич Ленин» на косвенных сопоставлениях главного героя с Христом — вообще перечеркиваются все прежние нравственные ориентиры, дается понятие о некоем «коммунистическом святом», имя которого «каждый крестьянин/в сердце вписал любовней, чем в святцы». Но у нас в классе многие — внуки тех, кого сюда сослали при раскулачивании, так что у первых читателей его поэмы было время убедиться в практической пользе такой образности.

— Вообще-то литература и в самых циничных рассуждениях погрязших в пороках персонажей дает читателю нравственный выбор, — с чувством сказала девочка, — а эта поэма его уничтожает, она с этой целью и написана. Литература позволяет каждому осуществить мечту о подвигах и славе, о

захватывающих приключениях, просто потому, что всегда пишется из убеждения, что ее читатель... изначально нравственный человек, по своей природе не склонный ко злу, но способный его совершать под дурным влиянием. А здесь, что? Поэма написана из желания доказать, что все читатели, не имеющие партийного билета, должны «лечь и замереть», потому что все они — заведомо хуже ее главного героя, им всем надо себя «под Лениным чистить». А я думаю, что нам еще доведется узнать, в каком борделе Ильич проспал первую русскую революцию, как это в 1905 году его «солнцеликость» подкачала...

Сосед девочки, которого она поначалу приняла за автора тетрадки, с грохотом хлопнул крышкой парты, и спохватившаяся Эвриале оборвала юную докладчицу: «Спасибо, пять! Давай дневник!»

В дневник она вложила записку с адресом комнаты, которую снимала в доме у железнодорожного вокзала, пояснив: «Придешь ко мне после уроков, надо твое сочинение на городской конкурс подготовить!»

Раздался звонок, все дети вскочили со своих парт и побежали из класса, воспользовавшись замешательством учительницы, чтобы не получать домашнего задания. Эвриале еще сидела, глядя в окно, опустошенная тем, что услышала, но еще больше — тем, что она увидела в будущем этой маленькой музы. В этой ситуации от нее уже ничего не зависело. Пока довольная собой докладчица собирала вещи, на пасмурном небе на минутку выглянуло солнце. И Эвриале увидела, как в темных волосах девочки золотом сверкнула корона несчастной Каллиопы.

* * *

Boy Bitten by a Lizard by Caravaggio (Florence)

От унылого пейзажа за окном ее заставил оторваться ломкий юношеский баритон: «Извините!» Она обернулась, увидев перед собой поначалу понравившегося ей мальчика. Он в нерешительности топтался у доски и явно дожидался, когда все покинут класс.

— Ты что-то хотел спросить? — мягким контральто помогла она ему начать разговор.

— Нет, я хотел сказать, что вам не нужно писать на нее донос, — твердо выдохнул паренек, предварительно убедившись, что их никто не слышит. И как только ее глаза потеплели, он с такой же безапелляционностью веско добавил: «Я сам дедушке обо всем расскажу! Мой дедушка здесь главный генерал КГБ!»

Эвриале давно не испытывала такой боли. Будто получила удар наотмашь, в наивной беспечности сделав шаг навстречу красивому юноше. Еще испытывая потрясение от неожиданного выступления будущей Каллиопы, она даже не подумала, насколько серьезные и далеко идущие выводы могут сделать слушавшие их дети. Еще не просыпалось ни одной золотой песчинки, но, похоже, Каллиопа уже начинала платить за свой дар, без которого никто из них не сможет сохранить душу.

— А твой дедушка часто сейчас сидит в темноте? — тихо спросила юношу Эвриале, сразу поняв по посеревавшему лицу мальчугана, что попала в самую болезненную точку. — А ты слышишь, как он с кем-то разговаривает, да? И всегда сердится, когда тыходишь к нему без стука? Тебе тоже не терпится погрузиться в такую тьму, малыш?

— Откуда вы знаете? — сказал мальчик, но Эвриале уже несколько не обманывала его мнимая беззащитность.

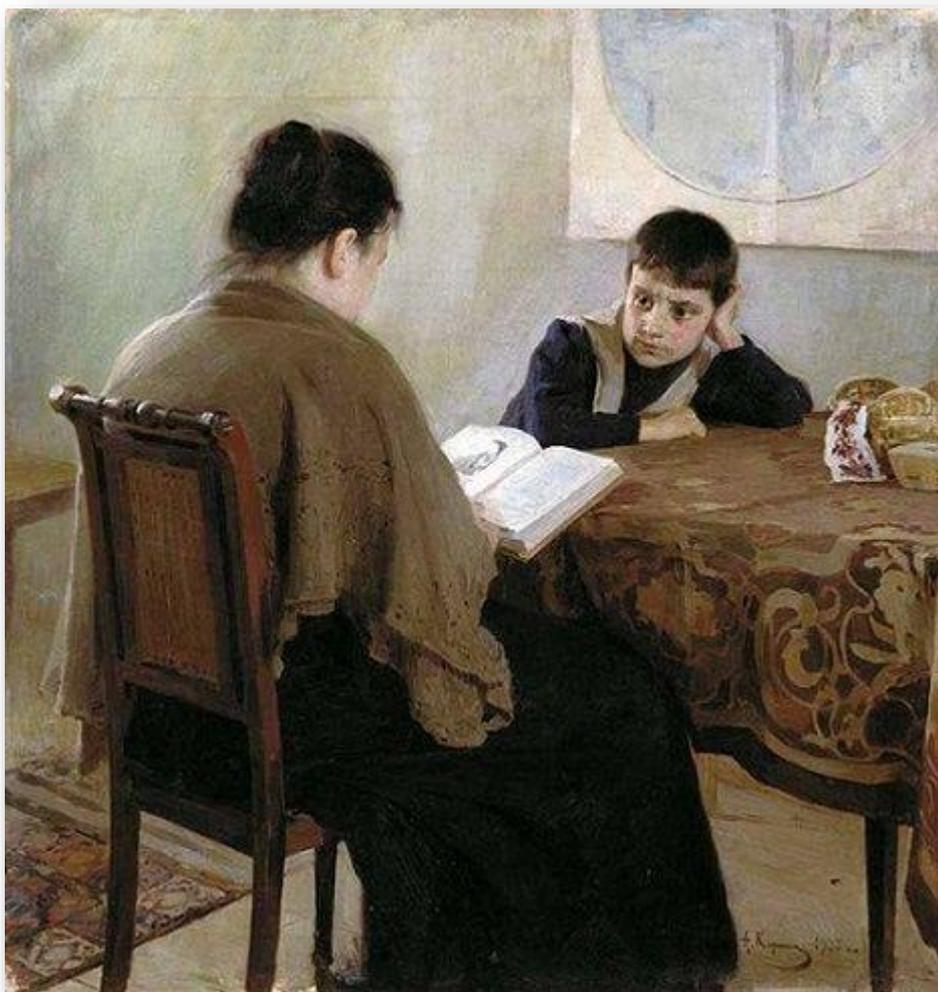
— Неважно, откуда. Но я знаю и о тебе, это ведь намного важнее. Ты уже сделал свой выбор, хотя знаешь, что выбор этот не совсем соответствует твоим желаниям. И хотя ты сам предал их, ты считаешь, что та, симпатии к которой ты стыдишься, виновна в твоём выборе, — насмешливо ответила она, уже приходя в себя от удара. — Я хочу сообщить тебе радостную весть! Твои сегодняшние желания вскоре исполнятся! Ведь завтра ты будешь иметь то, о чем сделал выбор сегодня, считая, что «до завтра надо еще дожить».

Она внимательно рассматривала его лицо, по которому сложно было сказать о тех чувствах, которые он переживает. Совсем еще мальчик, он пытался вести себя расчетливо, как древний старик, не лишенный страстей молодости. Перед ней калейдоскопом стали возникать картины его наиболее вероятного будущего, к которому он сейчас изо все сил строил мосты. И Эвриале на секунду усомнилась, что она хоть что-то понимает в этих людях.

Девочка, рассуждавшая об эпической поэзии так, будто вдохновение всех прежних авторов прошло через ее сердце, представляла море колыхающихся знамен, победные крики в едином душевном порыве благодарности ко всему сущему, в любви ко всем живущим. А этот мальчик представлял аккуратные и полные материального достатка светлые картины своего будущего, огражденного от всех сложностей окружающего мира.

Она вспомнила хорошенькую девочку, явно скучавшую во время выступления Каллиопы. Мелкие невыразительные черты лица, прозрачные глаза без мыслей и чувств — в ней с лихвой компенсировались каким-то особым умением одеваться и подать себя. Он не мог не видеть душевной пустоты и недалекости юной чаровницы, но именно ее она увидела в его тщательно отредактированных мечтах, где он намеренно уничтожал все искренние движения собственной души. Еще не начав жить по-настоящему, он даже в мечтах делал поправку на то, чтобы иметь в жизни лишь только те вещи, о которых мечтает «подавляющее большинство».

Алексей Корин

А большинство мальчиков в классе, предпочитавших не прислушиваться к рассуждениям об эпической поэзии, в свою первую весну просыпавшихся желаний были влюблены в девочку с красивыми глазками без единой мысли, длинным стройными ножками и тщательным «художественным беспорядком» в легких локонах. Стоявшему перед Эвриале юноше от жизни надо было именно то, чего хотели все эти недалекие мальчики в своих лихорадочных мечтах. Он уже знал, что многим нанесет душевную рану, заставив девушку предпочесть его. Она видела как, пометавшись испуганной птичкой, девушка смирится перед золотой клеткой, сделав нужный ему выбор, войдет в его семью. Она никогда его «не опозорит», сказав при всех нечто такое, о чем следовало бы немедленно сообщить дедушке, боясь войти в его темный кабинет.

Эвриале горько усмехнулась. Что ему уроки литературы, если он воспринимает весь рассказ о жизни души на уровне преподавателя мертвого греческого языка Беликова, «человека в футляре» из рассказа Чехова? Да, от его избранницы вряд ли можно ожидать, что она «скажет лишнего», ее слова будут полны житейских забот, *безопасными*. Но Эвриале видела, что с ней в его жизнь войдет и безумие вакханки, способной вырвать сердце Орфея. Говорить ему об этом было бессмысленно, он уже предпочел любви — страсть, потому что желание брать давно пересилило в нем желание отдавать. Этот выбор каждый человек делал незадолго до того, как начинал учиться говорить, а она привыкла уважать любой выбор.

Душа еще плотным чулком сидела на нем, защищая от самых опасных его желаний. Между ее светящимся покровом и чистой кожей этого мальчугана еще никто бы не смог просунуть свой ухоженный перламутровый коготь. Душа еще не верила, что он навсегда откинет то, к чему она стремилась, откинет саму мысль о собственной жизни, собственном пути, полном взлетов и падений, взяв за основу только то, о чем мечтало усредненное большинство.

— Хочу заметить, — сказала она мальчику, смотревшему ей прямо в глаза с почти нескрываемой ненавистью, — что как только ты еще раз захочешь причинить за свой выбор боль тем, кто говорит искренне, кого ты считаешь в чем-то виновными перед тобой, так тьма из дедушкиного кабинета поглотит тебя навеки. Ты же выносишь им обвинительный приговор за их мысли и поиски истины. Вряд ли ты понимаешь, что только эти мысли и поиски истины стоят на пути этой тьмы. Больше тебя ничего от нее не защищает! Ведь всё, что твой дедушка делал с другими, он делал ради тебя! Они все так и думают, когда мучают других, говоря вслух, будто делают это «ради народа». Нет, они это делают ради собственных детей и внуков, не понимая, что превращают их в заложников.

— Вам не удастся выкрутиться, не старайтесь! — с легким презрением ответил он на ее бесплодную попытку обратиться к его душе.

— Давай договоримся с тобой таким образом, — примиряющим тоном попыталась успокоить его юношеский пыл Эвриале. — Если ты будешь вести себя как мужчина, не желая нанести вред ничего не подозревающей девушке, делая свои гадости тайно, за ее спиной, — ты остаешься... таким, как сейчас. Как только ты решишь стать таким, как твой дед, считая себя вправе казнить и миловать за чей-то образ мыслей, ты, во-первых, сразу забудешь о нашем разговоре, во-вторых, навсегда забудешь обо мне и то, о чем собирался донести. Но твой выбор будет окончательным и бесповоротным, вернуть «все как было» будет невозможно, это лишь в глупых сказочках бывает. Ты сам и абсолютно добровольно расстанешься с тем органом чувств, который затронул наш сегодняшний урок. Жалеть о нем нечего, он тебе и так мешает. Ты почувствуешь, когда этот орган чувств сползет у тебя к подошвам, чтобы... гм... кое-кому было удобнее тебя от него освободить.

— А почему это я должен с ней расставаться? Я наоборот спасаю души других! Это она всем тут орет, будто можно жить... так, — возразил парень, отлично понимая, о чем идет речь.

— Это — «крик Каллиопы», — с улыбкой отметила Эвриале. — Она ведь на самом деле говорит негромко, но крик слышат только те, чьей душе угрожает серьезная опасность. Но уже все восстает против ее крика внутри, да? Хочется прихлопнуть ее мухобойкой? Это потому что болит душа, отделяемая от тела, ты начинаешь чувствовать эту боль, невыносимую жалость к самому себе, зависть к тем, кто старается сохранить свою душу. Помнишь строчки Николая Заболоцкого?

*Не позволяй душе лениться!
Чтоб в ступе воду не толочь,
Душа обязана трудиться
И день и ночь, и день и ночь!*

— Никакой души нет! — запальчиво ответил паренек на ее декламацию.

— Конечно, никакой души нет, есть лишь набор «идей», которые содержатся в мозгу — внедренные или благоприобретенные, — насмешливо сказала Эвриале. — Так чего ж ее жалеть? Ты должен понять, что у тебя совсем иная ситуация, чем у твоего деда. Он ведь свою душу отдал по договору, его родители не пользовались благами бездуховного существования, они были верующими людьми. За его душой явился тот, кто такие договора отслеживает. А ты и твои родители... просто уже пользовались плодами этого договора. Но ты же целиком деда поддерживаешь, а ты вот ему на съедение решил сдать юную особу за ее удачное выступление на не самом важном предмете. А в том договоре, между прочим, сказано, что любая совращенная в его рамках душа становится «подножным кормом».

— Это несправедливо! — вновь с излишней горячностью ответил он.

— А кто в этих делах руководствуется «справедливостью»? — пожалала плечами Эвриале. — Справедливым, наверно, было то, что ты-то, в отличие от многих, видел с кем дед в темноте говорит. Ты даже штудировал этот предмет специально.

— Скажите, а в этой вашей мифической иерархии есть возможность стать кем-то... вроде кентавра? — с усталостью спросил мальчик, садясь перед ней на парту, будто его не держали ноги.

— Да кем угодно еще можно стать в твоем нежном возрасте! Правда, гораздо легче и безопаснее не стать никем, — окончательно развеселилась Эвриале. — Это лишь кажется, что время метаморфоз прошло. Но пока кто-то думает, кем же ему стать, история превращений продолжается. Но это история превращений не внешних, а внутренних! На что ты хочешь потратить свою душу, которая «едва жива в теле держится»? Все-таки русский язык — удивительный! Какой точный образ в этой поговорке! Слушая наш разговор, ты испытал страх, но считаешь, что его причиной является твоя одноклассница. А сам боишься того, что скрывается в темноте дедушкиного кабинета, куда тебе надо пойти с доносом. Согласись, как-то нелогично. Но при этом ты считаешь, что душа мешает тебе поступать разумно и логично. Потом еще не раз убедишься, насколько безрассудным становится человек без души. Разве твой дед не выглядит иногда полным идиотом? Я же видела, как ты морщился, когда мы читали «Человека в футляре». Какой чудесный рассказ!

Она раскрыла лежавший перед ней томик и зачитала, смакуя каждую строчку. Слушая ее, мальчуган все больше мрачнел.

Теперь, когда он лежал в гробу, выражение у него было кроткое, приятное, даже веселое, точно он был рад, что наконец его положили в футляр, из которого он уже никогда не выйдет. Да, он достиг своего идеала!

...Признаюсь, хоронить таких людей, как Беликов, это большое удовольствие. Когда мы возвращались с кладбища, то у нас были скромные постные физиономии; никому не хотелось обнаружить этого чувства удовольствия, — чувства, похожего на то, какое мы испытывали давно-давно, еще в детстве, когда старшие уезжали из дому и мы бегали по саду час-другой, наслаждаясь полной свободой. Ах, свобода, свобода! Даже намек, даже слабая надежда на ее возможность дает душе крылья, не правда ли?

Вернулись мы с кладбища в добром расположении. Но прошло не больше недели, и жизнь потекла по-прежнему, такая же суровая, утомительная, бестолковая, жизнь, не запрещенная циркулярно, но и не разрешенная вполне; не стало лучше. И в самом деле, Беликова похоронили, а сколько еще таких человек в футляре осталось, сколько их еще будет!

— Когда будут хоронить твоего дедушку, все испытают не горечь разлуки, а нескрываемое облегчение. Твои похороны тоже не будут грустными, а твои три жены передерутся из-за твоего наследства, твоим детям ничего не достанется, но для них останется надежда, — «утетила» его Эвриале. — Так

ведь ты-то хотел стать вовсе не кентавром Хироном, воспитателем героев. Ты позавидовал той полуптице, которая возле твоего деда кормится. Я правильно угадала?

Он лишь кивнул головой, понимая, насколько нелепым выглядит его желание со стороны.

Гарпия на гербе Нюрнберга

— Гарпией ты стать не можешь, хотя они постоянно стараются расплодиться, — совершенно серьезно сказала Эвриале. — Это бессмертные существа, в отличие от муз, сирен, кентавров и сатиров. А вообще-то в духовном мире поддерживается равновесие: девять муз, пять гарпий и три сирены посередке. Музы сохраняют душу, помогают ее становлению, а для гарпий душа является кормом, это похитительницы душ. Сирены действуют двояко: с одной стороны, они призывают души к гибели, с другой стороны, они живут атмосферой духовной жизни, в чем-то ее неминуемо укрепляя, хотя бы давая веру на уровне «душа у человека есть, это нечто до ужаса реальное». Да и зовут-то они к потусторонней жизни...

— Н-нет, я имел в виду *другого*... того, кто убил вашу сестру! — с усилием выдавил из себя он.

— А он у нас такой один и своим местом не пожелает делиться ни с кем. В этом все ошибки, которые он совершил, так и не добившись успеха, когда имел храмы и вполне официальное поклонение. Он так любит посещать Тартар, всю дорогу глумясь над душами тех, кто ему служил, но каждый раз покидает ледяные чертоги разочарованным — место занято! Он не стал своим среди прежних богов, служа лишь вестником их воли, — сухо сказала Эвриале, вновь поражаясь жестокости юношеского максимализма. — Он непременно сделает попытку прорваться со своими «идеями» в этот мир, а ты с легкостью предашь

нынешние «идеалы» ради его примитивных принципов обмана и стяжательства. Но его маленькая проблема в том, что он сам... души не имеет. Как и гарпии! Это такая разрушительная стихия, которая никогда не может найти «полного счастья», а любое удовлетворение страсти — непременно оборачивается пустотой. Ты это еще испытаешь в полной мере, не торопись!

— Вы нарочно меня унижаете, — с ненавистью ответил юноша.

— Это не так. Хотя я разочарована, признаю, — с тяжелым сердцем ответила Эвриале. — На самом деле, я думала, что именно ты окажешься той, кого я ищу.

— «Музом», что ли? — пошутил он.

— Ее воплощением! — с горячностью парировала Эвриале. — Она ведь находится не снаружи, а внутри, она как раз живет в душе, двигая ее на достойные свершения, на творчество, а не на разрушение. Твой дедушка сам пожелал не работать, не создавать, а разрушать, уничтожать. Ради чего — дело десятое, но вначале он отказался создавать что-либо полезное.

— Хорошо, я буду молчать, — насмешливо сказал мальчик.

— Я очень на это надеюсь, — спокойно ответила она.

— Но мне кажется, вы в ней ошиблись, она ничего не сможет, — сказал он, явно желая причинить ей дополнительную боль.

— Ты опять неправильно понимаешь. У нее ведь другая задача, весьма неблагодарная, далекая от всех сокровищ материального мира. Она должна помочь удержать души над пропастью. За такое... даже не благодарят, считая, что все сделали сами. Такое никто и не помнит, как правило. Она просто не даст кое-кому сделать кое-что, — ответила Эвриале, показывая ему всем видом, что разговор закончен.

— А что будет с ней самой? — тут же спросил он, поднимаясь с парты.

— Ничего хорошего, с твоей точки зрения, — сказала Эвриале, с грустью глядя в окно, где в быстро сгущавшихся сумерках опять повалил снег. — Золотых гор я ей обещать не могу, я же не он.

— А мой дед имеет все! — выкрикнул мальчик в ее спину.

— Что он имеет впридачу, ты видел, — с нескрываемым презрением ответила Эвриале. — А почему ты не расскажешь о нем всему вашему классу? Ведь о нем все равно расскажет эта глупышка, которую ты выбрал, решив, что «можешь иметь все». А-а... вот оно что! Ты не хочешь, чтоб все от тебя отвернулись, перестали с тобой говорить. «Реакция будет неоднозначной!» — как говорит твой дед. Вернее говорил, сейчас он ведь и с вами перестал говорить, вы ему неинтересны, как все живые, он зашел за грань.

Иероним Босх

Она отвернулась от окна и подошла вплотную к мальчику, который понял, что не может сдвинуться с места. Наклонившись к самой его щеке, она тихо зашептала, обдавая его горячими волнами своего дыхания: «Почему ты не разгромил ее на уроке с идейной точки зрения? Почему ты подошел ко мне? Ты бы сделал этот шаг в дедушкин кабинет и без меня, но понял, что перед этим, надо что-то сделать с самим собой, окончательно и бесповоротно. Ты сейчас пытаешься выгадать побольше для себя, хочешь, чтобы я начала о твоей душе торговаться. Но это не в моих правилах!»

Она опять отвернулась от него, и он понял, что может двигаться и говорить. В полной растерянности он спросил: «Так какой выход?..»

— У тебя их два, оба пока открыты, — ответила она, не оборачиваясь. — Но скоро один закроется. За все надо чем-то платить — работой души или ее... отсутствием. Всего тебе доброго! Иди!

* * *

Открыв дверь, Эвриале приложила палец к губам, показав на двери большой коммунальной квартиры, где она снимала комнату. Они на цыпочках прошли в комнату перед кухней, на которой зло шипели друг на друга две женщины.

Одна развешивала детские ползунки над газовой плитой, где вторая пыталась жарить картошку на открытой сковороде. Капли с ползунков подали ей на

картошку, а вторая дама советовала накрыть ей сковороду крышкой. Когда Эвриале с гостьей входили в комнату, женщины прекратили перепалку и вышли из кухни, рассматривая новую жилищу и ее визитершу.

— Очень неприятные особы, я их боюсь! — призналась Эвриале, и в ее глазах запрыгали веселые искорки. — Сейчас они станут дожидаться, что я выйду к ним на кухню что-то готовить. А как раз этого они от меня не дождутся, потому что сегодня мы устроим себе настоящий пир! Хотела поинтересоваться, а ты никогда не думала стать... царицей?

Серов В.А. -Кухня и домком

— Хороший вопрос! — засмеялась гостья. — Особенно он уместен, когда все вокруг строят коммунистическое общество.

Она сняла пальто и шапку, присела к столу, занимавшему большую часть комнаты. Эвриале молчала, сжимая хрустальный флакон, дожидаясь ее ответа. Флакон нетерпеливо вздрагивал в ее руке готовый взорваться золотыми искрами.

Понимая, что хозяйка комнаты ждет от нее более определенного ответа, девочка кивнула головой и сказала: «Хотя, да! Очень хочу быть царицей! Сливаться с коллективом откровенно не люблю... несмотря на то, что за такое отсталое мировоззрение можно вылететь из комсомола. А меня туда и так взяли только с третьего раза».

Эвриале щелкнула по лицевой грани флакона перламутровым ногтем, и время новой Каллиопы пошло, тут же наполняя колбочку золотым песком. Эвриале раскрыла ладонь, и флакон, на минуту зависнув в воздухе, исчез.

— Здорово! — сказала очарованная его сиянием девочка, нисколько не удивившись.

— Это флакон из часов моей старшей сестры Сфейно, — пояснила ей Эвриале, разливая чай. — У нее столько часов, что тебе будет даже сложно представить... А эти часы самые особенные, вынутая колба сразу же туда возвращается, как только... неважно! У меня тоже есть свои часы, как видишь.

— Ага, вижу, — вежливо сказала девочка, пытаясь скрыть свое разочарование. Кроме чашек и больших старинных часов с выдвигаемым ящичком на столе больше ничего не было.

— Ты неправильно поняла, — скрывая улыбку, заметила Сфейно. — Раз у нас появилась новая царица, то и ужин сегодня будет царским. Это особые часы! Ты сама-то для какой цели в царицы собиралась? Если честно и в первую очередь?

— Ну, если честно, — протянула девочка. — Если честно и в первую очередь, то я хотела бы попробовать всякие там королевские пирожные. Которыми раньше могли лакомиться только царские особы. Да, если честно, то в первую очередь — из-за пирожных.

— Отлично! — сказала Эвриале и, строго глядя на часы, поинтересовалась: «Слышали?»

Часы вздрогнули, часовые стрелки на них побежали назад, в них что-то щелкнуло, ящичек внизу слегка выдвинулся. И, пока Эвриале, выдвинув ящичек, вынимала из часов розетки с засахаренной малиной, цукатами, орешками в глазури и особым подносом с шестью пирожными, механический голосок часов сообщил: «Пирожные, поданные Мартой Пфаль, хозяйкой местного трактира, в 1745 году князю Ханс Отто II во время посещения им Кронсберга!»

— Зашибись! — прошептала потрясенная девочка, принимая поднос с пирожными. — А трюфели будут?

Часы вздрогнули и проскрипели: «Трюфели от Пьера Эрме с нежнейшим муссом и карамелью! Из будущего века от поставщика английского двора!», выплюнув очередной поднос с шоколадными трюфелями.

— Пошлите парочку Сфейно, — растроганно попросила Эвриале. — В честь новой Царицы муз! Чайный лист они доставили со двора китайских императоров династии Мин. Семнадцатый век, но близко к идеалу. Так что вечер обещает быть томным. На всякий случай предупреждаю, я — горгона!

Jose Escofet

— Здорово! — безмятежно изрекло юное создание. — Если бы вы знали, как я тоже хочу быть горгоной, чтобы превращать всех в камень. Есть у меня кандидаты на эту суровую процедуру.

— Не сомневаюсь, — рассмеялась горгона. — А я думала, что ты и горгоной хочешь стать из-за пирожных.

— Вы лучше мне скажите, как это теперь я буду музой, — охладила ее веселье девица.

— Для начала запомни, что горгоны никогда не были чудовищами, никого не превращали в камень! — заметила Эвриале.

— Обидно, — констатировала жующая девочка. — Значит, все о превращении в камень — клевета и гнусные инсинуации?

— Примерно ухватила, — тяжело вздыхая, поддержала шутку Эвриале. — Когда-то своей красотой мы составили серьезную конкуренцию богиням. Особенно самой невзрачной — Афине. Ты же знаешь этот тип умниц, которые считают, что все им очень обязаны, да? В особенности, терпеть их занудность и откровенное пренебрежение косметикой. А ведь еще Платон говорил, что женщина без косметики, что пища без соли. Но я смеюсь, конечно. Просто мы, три богини-сестры, одна из которых была смертной, — всегда были ближе к людям, намного тоньше чувствовали их. Тебя никогда не удивляло, что при убийстве Медузы, первым рождается крылатый конек — Пегас? Далее всегда говорится о музах, о даруемой ими творческой силе, но отчего-то о любом, кому удастся овладеть душами и создать настоящее, говорят: «Он оседлал Пегаса!»

Jan Boeckhorst 1604-1668. Minerva restrains Pegasus with the help of Mercury 1650-1654

— Конечно слышала, — подтвердила девочка. — Есть библиотека мировой литературы... иметь ее — мое самое заветное желание. У моей соседки есть такая у родителей, она мне дает почитать. Там у всей библиотеки эмблемы — этот крылатый конек. Если бы я была царицей, то хотела бы, чтобы все мои вещи носили такую эмблему!

— Такую? — спросила горгона, протягивая ей кожаную сумку-клатч с золотым пегасом на застежке. — Бери, он теперь твой! Раньше он принадлежал герцогине Вестминстерской...

— Тоже из часов? — поинтересовалась девочка и рассмеялась на утвердительный кивок горгоны.

— Забрала, когда она не оправдала моих надежд, — пояснила она. — Природа творчества двойственная, без связи с горгонами помощь муз бесполезна. Мне не хочется погружать тебя в античные семейные дразги, после которых ты иначе взглянула бы и на настоящее, ведь все вокруг лишь отражает то, что давным-давно предсказано в мифах, как щит бронзовый Персея. Мифы не ради одного развлечения передавали из поколения в поколение — как предсказание, а вовсе не забавную сказку о тех временах, когда боги покупали фрукты на рынке.

— А знаете, всегда чувствовала что-то такое! — с жаром ответила девочка. — У нас многие считают, что раз они сейчас пока живые, так намного умнее тех, кто умер! Поэтому могут обо всем судить с потрясающей легкостью! Но если бы сами не лгали самим себе, если бы сами могли творить подобные мифы, которые бы захватывали так же. Вот сегодня вы меня спросили про поэму Маяковского, Это, конечно, очень лживый миф, от него веет невероятной жестокостью к мертвым. Но... из моего класса его вряд ли кто-то прочтет целиком, кроме меня. А в чем смысл мифа о горгонах? Чувствую там какой-то подвох...

— Творческие силы человеческой души поистине безграничны, — невесело улыбнувшись, продолжила Эвриале. — Беда горгон состояла в том, что некогда именно они были ближе всех к ее истокам. Не зря же и сын Медузы Пегас — выбивает копытом родники, многие из которых сами по себе делают человека поэтом. Музы уже намного дальше отошли от первобытной творческой силы души, в искусствах, которым они покровительствуют, появилось много условностей, отделяющих от них реальность. А настоящее, исконное искусство — это магия, позволяющая менять лицо мира. Поэтому и мы с тобой сегодня не могли обойтись без маленьких чудес, недоступных простым смертным.

— Но ведь каждый может... писать стихи, например, — задумалась девочка. — Значит, каждый может, «попасть в струю», в чем-то внести изменения?

— Любой человек в чем-то меняет мир! А здесь... речь идет о начальной силе всех времен, которая является Словом, — подтвердила Эвриале. — Согласна, весьма опасно оставлять такой дар неразумным душам, которые здесь должны обрести зрелость. Но зачем лгать, будто чудовища — это те, кто нес в себе этот дар, останавливал время и исправлял все огрехи его использования?... Столкнешься еще с парадоксом, что чудовищ снаружи не бывает, все они скрываются до поры до времени в человеческой душе.

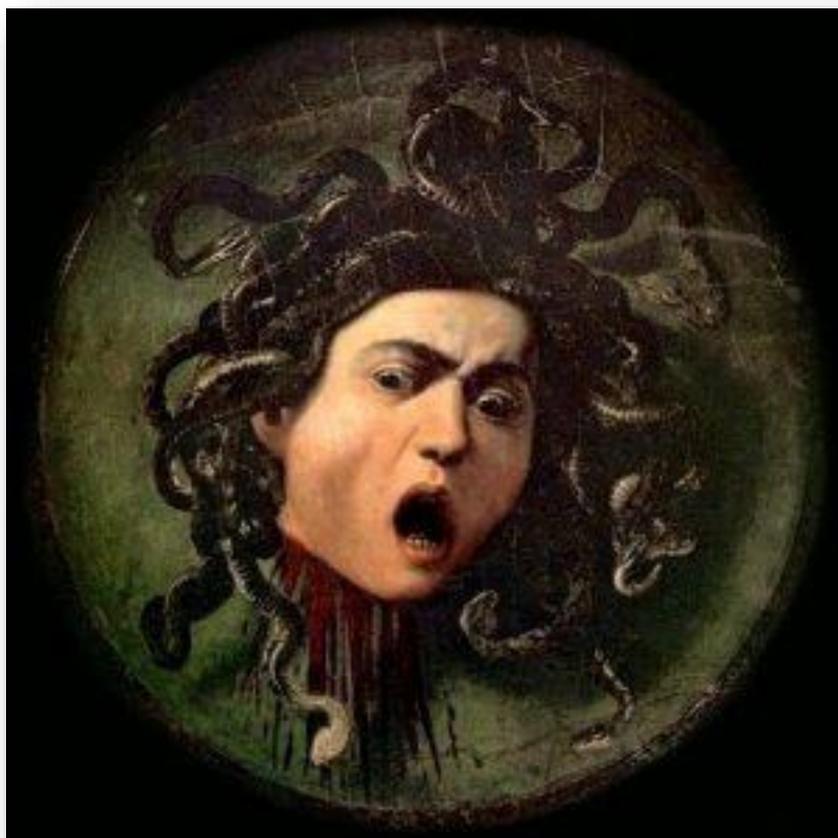
— О, это ваш портрет? Как вы похожи! Вы изображаете Медузу? — спросила девочка, показывая на портрет у себя за спиной, который она увидела, повернувшись за чайником.

— Микеланджело Караваджо, сын архитектора Фермо Меризи и его второй жены Лючии Аратори, дочери землевладельца из городка Караваджо, неподалеку от Милана, — менторским тоном ответил девочке голос из чудесных часов. — Отец служил управляющим у маркиза Франческо Сфорца да Караваджо. В 1576 во время чумы умерли отец и дед, мать с детьми переехала в Караваджо. Первыми покровителями будущего художника были герцог и герцогиня Колонна.

Девочка хмыкнула, понимая, что и в этом приобретении горгона не обошлась без часов. Эвриале, неопределенно пожав плечами, покраснела.

— Это самый конец четырнадцатого века, а посмотри, какой реализм! — сказала она несколько неестественным тоном. — Пожалуй, даже прекраснее знаменитой мозаики в Дельфах, где в центре храма изображена голова Медузы без кабаньих клыков и прочих глупостей. В галерее Уффици хранится другая копия, где ее лицо обезображено ужасом. Там она изображена с кустистыми бровями, зубы желтые. До того, как в ее волосах оказались черные гадюки, ее волосы были золотыми. Да и выглядит, будто старше лет на двести. Что ты о ней знаешь?

Le Caravage, «Tête de Méduse», 1597

— Мне этот миф откровенно не нравится, — призналась девочка. — В нем какая-то недоговоренность, за которыми обычно скрываются подлость и предательство. То, что сказано о ней в «Метаморфозах» Овидия, уже бросает тень на Персея. Она была красивой девушкой, была жрицей в храме Афины, затмевая красотой саму богиню. Затем прямо в храм врывается Посейдон, овладевает Медузой, оскверняя храм. За этот грех Афина наказывает одну беззащитную Медузу, превращая ее чудесные волосы в гадюк, изгоняя из своего храма. Здесь, в первую очередь, возникает вопрос, как Посейдон смог пройти без помощи Афины в ее святилище? Да, собственно, никак. Ну и, второй момент. После этого сестры горгоны прятались с беременной Медузой, никто не знал, где они находятся, даже Гермес. Он подсказывает Персею, что

тот может узнать, где скрываются горгоны, украв единственный глаз у их родственниц — вещей грай. Мне вообще противно читать, как молодой человек в плаще-невидимке крадет единственный глаз у древних старух, чтобы узнать, где скрывается беременная женщина, оскорбленная и уничтоженная... И если никто, включая Гермеса не знал, где живут горгоны, то зачем врать, будто они всех обращали в камень, будто при этом нападали на всех и пили кровь? Хотя бы выбрали что-то одно: или в камень, или кровь. Отсутствие логики — первый признак «хитроумного» вранья.

Голова Медузы Горгоны, Рубенс, 1618

— Тяжело же тебе придется! — вздохнула горгона.

— У нас в детском саду была книжка Корнея Чуковского, — продолжала девочка. — Мне тогда было странно, что из всех мифов этот замечательный детский писатель пересказал именно миф о Персее. Вот не о Геракле, не о Тезее, который убил Минотавра и спас своих товарищей из лабиринта с помощью нити Ариадны. А это ведь намного более благородная история, чем о Персее. Зачем малышей приучать с детства к подлости? На меня потом мальчик один напал с деревянным мечом, сказав, что меч ему дал Гермес, а что ему надо отрубить мне голову. С ним было говорить бесполезно, мне пришлось его отлупить.

— Медуза была смертной, но обладала сокрушительной силой, неподвластной никому, — грустно сказала Эвриале. — В ней была заключена древняя стихия, поэтому она была обречена. Никаким чудовищем она не была, да и ее головка приковывала взгляды изначально из-за своей красоты, в чем многие не желали признаться. Тебя никогда не удивляло, отчего это в мифе про Персея возле

него крутится этот отвратительный торгаш Гермес? Он и меч приносит, он и свои крылатые сандалии дает. Такой добрый и обходительный, что лишь удивляет, как это бог стяжательства и ростовщичества обошел стороной двенадцать подвигов Геракла и не помог ни в чем Тезею, победившему Минотавра? Против слабой спящей девушки — он тут как тут! А против гидры даже пальчиком не шевельнул. На вот, почитай словарь русского языка Даля, многое объясняет, между прочим. Ты сказку «Морока» читала? Запомни, все передается в языке, как и умение мыслить! Не надо думать, будто люди, жившие до вас, были поголовными идиотами, если у них не было кино и телевидения. Ты тоже увидишь много технических чудес в своей жизни, но запомни, что никто ради вас не станет устраивать мир иначе, он останется таким, каким и был, когда Даль описывал значение каждого слова. Так тебе нравится сказка «Морока»?

— Честно говоря, нет. Она скучная! — сказала девочка, у нее сразу заблестели глаза об одном упоминании о словаре Даля.

— Вот! — радостно закричала горгона, почувствовав в своей стихии. — Скука — один из смертных грехов, а они так называются, поскольку лишают душу свойственной ей силы. Я иногда думаю, что все эти убийства, которые Еврисфей заставил совершить Геракла, с провокационными обстоятельствами — изначально задумывались, чтобы обессилить душу героя. Ну, мне так кажется, могу и ошибаться. Итак, читаем, какой же смысл несет в русском языке слово «морока».

Она поднесла руку к ящичку часов, и те тут же выплюнули объемистый том, сообщив, что первое издание «Толкового словаря живого великорусского языка» Владимира Ивановича Даля вышло в свет в 1866 году.

— Вот, слушай! — горгона раскрыла томик на нужной букве и зачитала. — Это — морок, мрак, сумрак, мрачность, темнота и густота воздуха, марево, мгла, сухой туман, облака и тучи. Как бы поначалу — чисто климатические явления, вроде бы и не о чем сказочку сочинять. Но вдобавок это — мара, греза, обаянье. В других языках это еще называется «майя». Морока — это обморок, припадок, омрачение ума. А вот дальше уж в точности говорится о Гермесе: «Обойти кого морокой, мороком, морочить, обманывать хитростью, лукавством, лживыми рассуждениями, уверениями, каким-либо обманом чувств и обаяньем; отводить глаза». И стоит ведь лишь поинтересоваться его милой матушкой, чтобы понять все!

— А кто его мать? — поинтересовалась девочка. — Не помню, кстати, ни одного сообщения об этом любовном походе. Зато в мифах говорится, что он воровал с детства, причем, даже у пастухов, которые его кормили. И еще во младенчестве пытался все наворованное сбыть на базаре.

— Чего точно не говорится в мифах, что... у него ледяные пальцы. Мы его за это называем «Холодец», хорошее русское слово. Его мать — горная нимфа Майя, морочившая путников, развлекавшаяся тем, что сбрасывала оступившихся в пропасть. Может, она — чудовище? Вовсе нет! Она — прекрасна и удивительна! И никто не помнит ее романа с Зевсом, но как-то ей удалось всех обморочить, заявив, будто Гермес — его сын. Но... к нему отношение тоже было всегда вымороченным. Знаешь, нигде не любят малолетних воришек. В Альпах Майя появляется в образе Ледяной Девы, никому ничего хорошего в жизни не сделавшей, сама встреча с которой предвещает гибель. Представь себе, ее голова не убивает после смерти, как у Медузы, хотя именно она любит украшать свой дворец замороженными статуями людей и животных.

— Ледяная дева, — я помню эти сказки! — воскликнула девочка.

— Да, все так и считают, что это «сказки», пока она не захочет новое чучело. А ее сынок — психопомп, «проводник душ». Знаешь, во многих религиях есть существо, дух, ангел или божество, ответственное за сопровождение душ умерших в иной мир. И это не сын Ночи — Харон, для уплаты которому мертвым клали обол под язык. Как там у Владислава Ходасевича?

*Сойдя в Харонову ладью,
Ты улыбнулась — и забыла,
Все, что живому сердцу льстило,
Что волновало жизнь твою.
Ты, темный переплыв поток,
Ступила на берег бессонный
А я, земной, отягощенный,
Твоих путей не превозмог.
Пребудем так, еще храня
Слова истлевшего обета.
Я для тебя — оставший где-то,
Ты — горький призрак для меня.*

Гермес. Непременными атрибутами бога являлись золотые крылатые сандалии и золотой жезл, в котором была заключена магическая сила.

— Скажи, зачем мертвым еще один проводник, доставляющий их в Тартар лично? Но ведь обычно им не служит символ биржевых торгов, верно? Скажу тебе сразу, он всегда завершает сделку, именно он следит, чтобы проданная душа, как товар, была доставлена к месту назначения. От него никому не укрыться.

— Ну и, дела! — потрясенно выдохнула девочка. — Вечер действительно становится томным... Но тогда и миф о Персее принимает совершенно иной смысл.

— А я о чем? — воскликнула горгона. — Тебе ведь тоже с детства говорили, что лгать — нехорошо? Еще как нехорошо! Любой обман — морока! Но Гермес — не только покровитель любой торговой сделки, он — бог воров и обмана. Он придает блеск и респектабельность любой самой гнусной сделке. А когда его называют «покровителем ремесел», то имеют в виду, что только способен продать их плоды. Любое лживое искусство, возведенное в ранг настоящего, — это его проделки, его морок, обман, туча без грозы, пронизанная страхом. Он со своей матушкой — величайшие мастера нагонять особый страх — «страх будущего», «страх перед жизнью». Морок в его исполнении — граничит с божественным обаянием. Стоит человеку отойти от безумного страха перед собственной жизнью, воспринимать ее с радостью и благодарностью перед всем сущим — как их власть исчезает.

— И как его можно победить? — деловито осведомилась юная муза.

— В нем очень много несуразного, все это лежит на поверхности и обо всем сказанном догадаться несложно. Только недалекие люди ставят хитрость выше настоящего ума, проявить который без совести невозможно. Его бы давно раскрыли, но... все покрывает его участие в подвиге убийства спящей Медузы, на которую нельзя было взглянуть, потому что не они с мамашей, а Медуза, дескать, убивала взглядом все живое. Как бы ведь все ему очень обязаны за избавление от такого чудовища! Как там у того же Ходасевича?

*Внимая дикий рев погони,
И я бежал в пустыню, вдаль,
Взглянуть в глаза моей Горгоне,
Бежал скрестить со сталью сталь.
И в час, когда меня с врагинею
Сомкнуло бранное кольцо, —
Я вдруг увидел над пустыней
Ее стеклянное лицо.
Когда, гремя, с небес сводили
Огонь мечи и шла гроза —
Меня топтали в вихрях пыли
Смерчам подобные глаза.
Сожженный молнией и страхом,
Я встал, слепец полуседой,
Но кто хоть раз был смешан с прахом,
Не сложит песни золотой.*

— И никому, включая самого Ходасевича, слегка позавидовавшему Персею, невдомек, отчего *до этого* Гермес лгал всем, как и *после этого*, а в отношении Медузы он удивительным образом говорил чистейшую правду! Не договаривая, что в отражении ему было намного легче отвести глаза Персею, чем если бы тот сам, *собственными глазами*, посмотрел, на кого он поднял услужливо предоставленный меч.

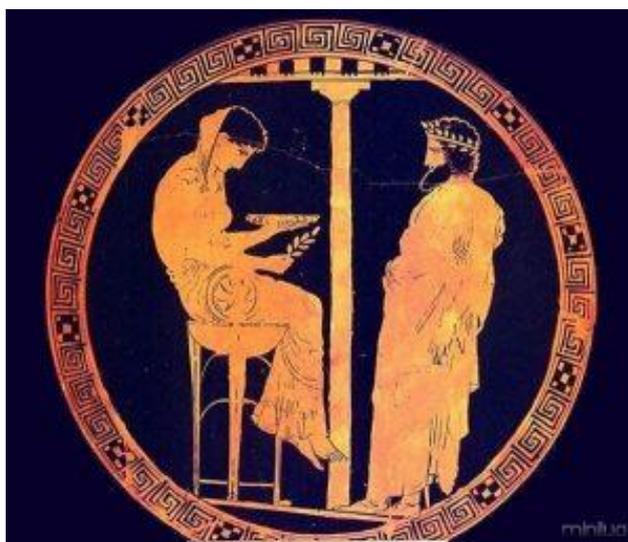

— «Смерчам подобные глаза», — зачарованно прошептала девочка.

— Даже в отражении Персей не мог понять, кого же из сестер ему надо убить, Медуза ничем не отличалась от горгон, но, если бы он коснулся мечом бессмертных, он бы неминуемо погиб. Далее в мифе говорится, что герой услышал «божественный» голос, который подсказал ему: «Бей ту, что ближе всех к морю!»

— Подонок! — выдохнула девочка.

— Если посмотреть, предсказания Дельфийских оракулов, покровительствуемых Аполлоном, то можно видеть, что их смысл зачастую раскрывается лишь после того, как предсказанное свершится. А здесь... банально, прагматично, без обиняков. «Бей ту, что ближе всех к морю!» — и человечеству навсегда перерубается божественная связь с Океаном. На мозаиках резвятся дельфины, но смысл картины уже ускользает, никто не понимает их свиста, целая стихия уходит из жизни людей, воспринимается лишь как враждебная слепая сила. Зато после этого «мороковать» приобретает значение «понимать», будто в мороке можно обрести новый смысл. Вместо пифий повсюду погаными грибами плодятся знахари, колдуны, ворожеи, чье древнее имя — «морокун» или «морокунья». И морская птица с женской головкой и прекрасным голосом, звавшим к гибели, всегда звавшаяся сиреной, — вдруг получает новое имя «птица морокуша». Впрочем, намного печальнее, что баяны, сказители, — тоже вдруг стали называться «морокушами», «несущими морок». Ты потом убедишься, что многие технические средства лишь усиливают эту обморочную сторону убеждения. Положительные идеи, зовущие к свету, к преодолению препятствий в особых технических средствах не нуждаются, они есть в душе каждого. Правда, под давлением морока к ним иногда предпочитают не обращаться.

The Pythia

— Значит, он победил? И технический прогресс ему только на руку? — разочарованно спросила девочка.

— Не сразу, но все приходит в равновесие. На смену горгонам пришли музы, — ответила Эвриале. — Древнюю веру в группы «сестер» в энциклопедиях называют «остатками матриархата». На самом деле, это основа представления об окружающем мире от тех времен, когда достаточно остро стоял вопрос о... рациональности существования самого человечества. «Сестры» — олицетворяют как лучшие, так и худшие движения человеческой души, между которыми все же безопаснее сохранять равновесие. И как только вновь встает вопрос о существовании человечества, а он, поверь, встает отнюдь не потому, что люди становятся лучше, — так девять муз получают человеческое воплощение, пытаюсь привести все в равновесие. У людей вообще особое отношение к самому понятию «сестра». Ведь и монахинь называют «сестрами», а в больницах служат «медицинские сестры», помогая больному преодолеть недуг.

— Значит, музы — Парнасские сестры, как их называл Овидий? — уточнила девочка. — Их еще называют Пермесские сестры в честь реки Пермес, стекающей с горы Геликон. В некоторых книгах утверждается, что музы обитают на берегах Пермеса.

Закрыв глаза, она тут же процитировала строчки из элегии Проперция:

*Песен своих я еще не черпал в источниках Аскры,
Лишь из Пермесса всегда воду давал мне Амур.*

— Есть девять муз, которые олицетворяют все творческие движения человеческой души, — рассказывала Эвриале, пытаюсь вспомнить, сколько раз она говорила это абсолютно разным воплощениям Каллиопы, с таким же жадным любопытством ждавших очередного сюрприза от ее говорящих часов... и многие из них с легкостью забывали сказанное, как только память об их встрече стиралась временем. — «Круг обязанностей» муз значительно изменился с древности, поскольку человечество развивало искусства, овладевало новыми знаниями. В мифологии люди предложили множество вариантов появления муз, связывая их с человеческой памятью, которую в античности олицетворяла богиня Мнемозина. Это очень древние существа, они возникли сразу же, как только возникла память, а если есть память, то есть и прошлое. Но у Мнемозины никогда не было любовного романа с Зевсом, которого в мифах считают отцом муз. Есть жреческие свитки, где описывается, что музы зарождаются одновременно Хроносом. Если появляется дополнительное измерение — Время, — то появляются и музы, поскольку лишь они могут отследить непрерывность и связь времен.

The Dance of Apollo with the Muses

— У вас эта связь времен осуществляется самым выдающимся образом! — заявила девочка, запихивая в рот последний кусочек королевского шоколадного торта Роберта Ньюэнса, открывшего первую кондитерскую в Лондоне. — Сразу же понимаешь, какая эта важная связь!

— На здоровье! А то некоторые относятся к мифотворчеству, как к пустым сказочкам, так им и пирожных не достанется! В основе любого мифа всегда лежат некие события, имевшие большое влияние на мировоззрение людей, — продолжила свою мысль горгона, вопросительно посмотрев на часы, слишком долго не сообщавших о кондитерских достижениях всех времен и народов. — Под действием творческой силы человеческого мышления меняемся и мы. Это ведь... нечто вроде генного кода всего человечества, послание из прошлого, а не просто забавные сказки. Тебя никогда не удивляло, отчего это эпоха Возрождения практически целиком и полностью посвящена возвращению именно к идеям античности, к тем аллегориям, причем, в рамках средневековой схоластики?

— Вообще-то удивляло, да, — машинально подтвердила девочка, с любопытством наблюдая, как Эвриале вынимает из часов четыре небольших пирожных с фруктовой начинкой, изготовленных по рецептам поварской книги Марии-Софии Шельхаммер из Киля, изданной в 1692 году, о чем с особым восторгом сообщил механический голосок замечательных ходиков.

— Принять что-то новое очень трудно, ведь каждый стремится, чтобы мир вокруг него не качался корабликом по воле зыбких волн, — задумчиво проговорила горгона. — Когда-то и мне было все ясно, а мир вокруг был прочным и надежным. Мы — три сестры-горгоны, следили, чтобы люди сами себе не нанесли вреда в этом мире, созданном исключительно для их счастья. Младшая наша сестра была смертной девушкой, что лишь подчеркивало нашу сестринскую близость к людям. Старшую зовут Сфейно, могучая, она охраняла особые часы, в которых не иссякал золотой песок с далекой звезды,

с которой мы явились на эту планету. Целью Гермеса в убийстве Повелительницы снов были эти часы, но Персей не смог обокрасть спящих женщин после убийства Медузы. Гермес немного не рассчитал, что уровень его далеко идущих планов иногда просто не в состоянии вместить человеческая душа. Ему всю дорогу пришлось рассказывать Персею, столько зла натворили горгоны, будто мы были кем-то вроде гидры, которую победил Геракл. Ну, как бы мы пили кровь с именами «могучая», «стражница» и «далеко прыгающая»? Да, мое имя, Эвриале, означало именно это — «далеко прыгающая». Время от времени я совершаю... такие прыжки, сложно объяснить...

— А! Знаю! В фантастике это называется «пространственно-временной континуум», — радостно воскликнула гостя. — Это вроде машины времени, да?

— Да, возможно, это так и называется в... «фантастике», — беззлобно проворчала она. — Не знаю, что такое «машина времени», меня больше интересуют те, кто его олицетворяет. Если говорить о «машине», то, наверно, ее можно представить с большой натяжкой в виде часов Сфейно. Но давай не подтягивать все под стереотипы «фантастики»! Это уводит от сути! О времени Каллиопе надо помнить главное — надо все сделать так, чтобы ни на миг не прерывалась связь времен из-за глупых «идеологий», ложных пророков, «начал нового времени», о которых с таким наигранным пафосом сообщил в эпической поэме «Владимир Ильич Ленин» человек, получивший в благодарности по почте посылку с револьвером. Во времени для тебя главное связь и непрерывность, вовсе не мои прыжки, в которых я тоже никакого «нового времени» не начинаю, я пытаюсь ими создать связь.

— Хорошо, я поняла, больше не буду, — с нескрываемой обидой сказала девочка, надувая губы. Эвриале даже стало смешно, как она медленно отвернулась к портрету Медузы, чтобы нарочно не глядеть на нее. Но стоило упомянуть гарпий, она проявила живой интерес. Эвриале поняла, что девочка уже могла сталкиваться с ними, скорее всего, из-за «дедушкиного внука», вообразившего, будто он все уже знает о «реальности, данной нам в ощущении».

— Нам всегда противостояли гарпии — пять сестер, — сказала она тоном, не допуская никаких глупых возражений от тех, кто пока видел мир плоским. — Хотя люди долгое время считали, что их всего лишь две, поскольку старшие гарпии могли на непродолжительное время принимать облик людей, чьей душой они полностью завладели. Человеческая оболочка быстро сползает с них, не выдерживая долго их бурной порывистости. Считалось, что гарпии — дочери морского божества Тавманта и океаниды Электры, хотя они олицетворяют намного более древние разрушительные силы изначального Хаоса. Обычно они изображались в виде отвратительных полуптиц-

полуженщин. Даже в их именах звучит дикая нерассуждающая сила бури: Аэлло — «ветер», Аэллопа — «вихрь», Подарга — «быстроногая», Окипета — «быстрая», Келайно — «мрачная». Раньше все знали, что гарпии — злобные похитительницы человеческих душ, поддавшихся страху перед жизненными невзгодами. От гарпии Подарги и бога западного ветра Зефира родились божественные быстроногие кони Ахилла, которые после него перешли к любителю всего крылатого — к Гермесу. Обитель гарпий в пещерах Крита. Но, приняв водительство Гермеса, они частенько спускаются за ним в царство мертвых, где с удовольствием предаются своим садистским наклонностям.

— Я видела иллюстрацию, картину художника XVII века Франсуа Перье, — вспомнила девочка. — Там герой античного эпоса Эней и его спутники, покидающие разоренную, горящую Трою, отбиваются от стаи разъяренных гарпий.

«Aeneas and his Companions Fighting the Harpies» by François Perrier (17th century)

— Их видят многие настоящие художники в своих самых страшных снах и фантазиях, всегда имеющих реальную основу, — ответила Эвриале. — После убийства Медузы «полем битвы» стала сама человеческая душа, которую ничего больше не хранило от беса полуденного и страха ночного. Но люди оказались намного сильнее, чем этого можно было ожидать. Ведь и Персей после глубокого потрясения невольным участием в том убийстве, навсегда отверг любое участие Гермеса в своей судьбе, удалившись от власти.

— Когда мне плохо, я стараюсь чем-то занять себя, — назидательно заявила юная особа, уплетая нежнейшие тарталетки со стола Анны Болейн с начинкой из творога, приправленного миндалем. — У меня бабушка говорит, что если все время работаешь, то невзгоды уходят. «Упорство и труд — все перетрут!»

— Люди нравственные в своих невзгодах обычно ищут спасения в работе, — похвалила ее Эвриале. — Таким спасением для человечества, когда сынок Ледяной девы уже праздновал свою победу, — стала сама возможность развития души, ее упорная работа, живым воплощением которой стали девять муз. Они противопоставили Холодцу и его «девочкам» — абсолютно «беспольные» с их прагматической точки зрения вещи, но полностью лишившие их силы.

— А кто такие сирены? — спросила девочка.

— Бывшие музы, предавшие ту, в чьих играх участвовали, — ответила Эвриале. — Есть такие искусства, которые помогают создать образ человека, не меняя его сути. Ты же тоже любишь красивые платья, мечтаешь о красивой обуви. Тебе же не хочется входить в свой класс в том безобразном рубище, которое нынче продается у вас в магазинах без очереди?

— Конечно, не хочется! Я купила вот эти туфли, а ребята в классе над ними смеялись, — с горечью сказала девочка.

— Конечно, вещи могут создать вокруг тебя иллюзию защищенности, они тоже нужны, но они не могут заменить собой все, — мягко сказала Эвриале.

Herbert James Draper, Ulysses y las sirenas, 1909

— Сирены когда-то были музами материального, они это называют «вещественными доказательствами жизни». Музыка, танцы и литературу, которая не всегда имела письменность, передаваясь из уст в уста, — нельзя потрогать. Поэтому изобразительное искусство, какие-то прикладные декоративные ремесла — раньше не входили в область интересов настоящих

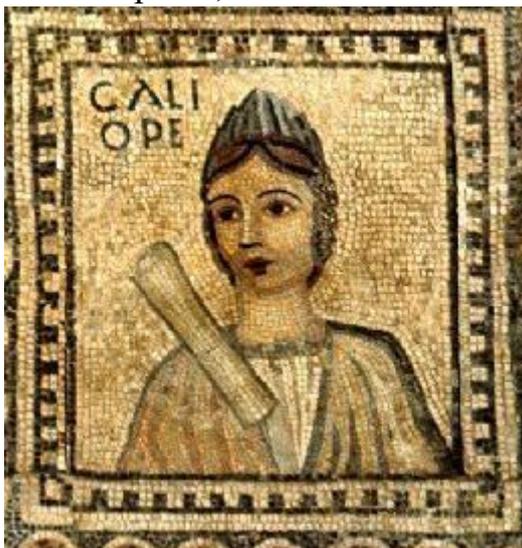
муз. Это... как красивая картинка, но без всякого смысла. Ею можно наслаждаться, следить за ее орнаментом, но не более того.

— А что с ними стало потом? — с любопытством спросила девочка.

— Разгневанная мать Персефоны превратила их в полуптиц, вроде гарпий, чтобы они вечно искали путь в царство мертвых, куда побоялись последовать за своей подругой. Их три сестры. У них была еще одна, а возможно их было больше. Потому что сирена, чью песню отринет смертный — умирает.

Эвриале все оттягивала время, понимая, насколько бессмысленно говорить этому юному созданию, что за все на свете надо платить, а ей придется за свой дар заплатить особенно высокую цену. Ей не хотелось вновь заглядывать в то будущее, когда сработает запущенный ею часовой механизм, и сидевшая перед ней девочка станет полноправной Каллиопой.

— Под конец этого времени все нити начнут рваться, не давая людям задуматься над тем, что творится прямо у них на глазах, — тихо рассказывала Эвриале, понимая, что никогда не сможет сказать ей главного. — Некоторые ударятся в «славянские поиски», найдя некие «дощечки» из «Велесовой книги», несущей тот же морок, как и все, что будет происходить вокруг. Но там будут названы три имени, как «три стороны бытия» или «три мира славянского мифологического миропонимания» — Явь, Правь и Навь. И что же это за «сторона жизни», если Навь в словаре Даля трактуется как встречающийся в некоторых губерниях синоним слов мертвец, покойник, усопший, умерший, а Явь, Правь — вообще не встречаются? Это отклики песен сирен, к которым ты должна внимательно прислушиваться. Чем громче поют сирены, тем ближе к тебе подступают гарпии.

— А вы мне не поможете? — тоскливо откликнулась девочка.

— Чем я могу помочь той, которая наденет золотую корону? Ты пока сама не понимаешь своей силы! — усмехнулась Эвриале. — Но я буду появляться в тех местах, где твои сестры теряют веру в себя и... чтобы создать нечто такое, что люди обычно называют «совершенно случайно». Моя задача — привести все в равновесие, уравнять ваши шансы.

Понимая, что будущей Каллиопе в этот момент совершенно расхотелось надевать на себя золотой венец, Эвриале с улыбкой добавила: «Ничего! Как только ты увидишь, какие грязные руки протягиваются к твоей по праву короне, твои страхи отступят!»

— А почему все греческое теперь будет не где-то, а у нас? — в полной растерянности спросила будущая муза.

— А вам в школе не зачитывали расхожую фразу «Античность — колыбель всего человечества»? — вопросом ответила на ее вопрос горгона. — К тому же, корни всего о чем мы говорим, хранятся в памяти у каждого народа. Например, в болгарском фольклоре нави — это птицеобразные души умерших, летающие по ночам, в бурю и дождь «на злых ветрах». Крик этих птиц означает смерть. По поверьям «нави», нападая на людей, сосут их кровь. На Балканах это объясняется весьма прагматично, дескать, они — вампиры, чрезвычайно опасные для людей. Ты потом еще удивишься, когда обнаружишь, что самые кассовые фильмы будут о вампирах, а все книжные прилавки будут завалены «сагами» про них же. Вампир станет романтичным и притягательным, просто душкой, достойной девичьей любви.

Часы на столе прозвонили в последний раз, потому что дверца открылась, в окошке показалась девочка помахавшая чаевницам рукой. Горгона, открыв ящичек под часами, вынула два последних пирожных. Ими оказались нежные эклеры Мари-Антуана Карема, личного повара английского короля Георга IV. Эвриале мысленно согласилась с выбором часов, решивших таким образом подсластить грусть расставания.

— Сегодня мальчик, который сидит сзади тебя, подходил ко мне поинтересоваться, что он выиграет, а что проиграет, если предаст тебя, — призналась она доедавшей пирожное девочке. — При этом он абсолютно искренне считает, что на кону — лишь твоя душа, а не его. Такой маленький, а уже готов поиграть душами, как Холодец. Я пыталась с ним говорить, но он сам сделал выбор задолго до меня.

— Но если все делают выбор сам, то какой во всем смысл? — печально вздохнула маленькая Каллиопа.

— Даже те, кто делает неправильный выбор, должны это знать с самого начала! — не сдавалась Эвриале. — Чтобы никто и сомневаться в этом не мог! Кроме того, у тебя — особая задача, ты должна пробудить всех муз, помочь им. Ты — муза в золотой короне, водительница муз! Как бы плохо тебе не было самой, ты должна помочь и защитить младших, как старшая сестра.

Девочка с тяжелым вздохом кивнула ей головой. Эвриале еще раз удивилась безошибочному свету вспыхнувшего в ее руке флакона. Но все-таки она бы предпочла, чтобы воплощением Каллиопы стал мужчина, как это всегда было раньше.

— И сейчас... мы выполним одно маленькое условие, — сказала она девочке, понимая, как это ее огорчит. — Все, о чем мы говорили, ты будешь знать, но смутно и неопределенно, не наверняка, чтобы твой выбор, когда ты решишь возложить на себя золотой венец — всегда оставался только твоим выбором,

а не желанием помочь понравившейся тете, рассказывающей тебе древние сказки.

— Вы исчезнете? — с грустью догадалась девочка.

— Совершенно верно! Эвриале — «далеко прыгающая», появляющаяся там, где она нужна, исчезающая внезапно. Сейчас этот мальчик решил поступить хитро, он не вошел в дедушкин кабинет, он «всего лишь» подошел к двери и прошептал, что видел на уроке литературы горгону, которая при нем нашла Каллиопу. В отличие от тебя, он хорошо изучил наши «сказочки», — сказала она разочарованной девочке.

— У него дома есть всякие книжки, какие его душе угодно! — в запальчивости пожаловалась та. — А я за всеми книгами хожу в читальный зал, мне на руки ведь не выдают книги из отдела хранения редких экземпляров! И часов таких у меня нет!

— Да, но эти книги и его глубокие знания, подкрепленные тем, что он уже видел в кабинете дедушки, не помогли ему сделать более вдохновляющий выбор, он только что предал тебя, — подтвердила ее худшие сомнения горгона.

— Он всегда меня предавал, я уже почти привыкла — пошутила она.

— Вот и не отвыкай, чтобы меньше разочаровываться в людях! — рассмеялась в ответ горгона. — Мы ему приготовим небольшой сюрприз, твой «пространственно-временной континуум», совсем как в «фантастике». Завтра будет опять вторник!

— Опять? — заныла девочка. — Вторник такой сложный день, едва вечера дождалась.

— А ну-ка, не ныть! — скомандовала горгона. — Пока не закончился сегодняшний день, ты отлично знаешь, что тебя ждет завтра. Твою тетрадку я заполнила сочинением о подвиге советского народа в Великой Отечественной войне из вузовского учебника. Тетрадку подписала. Но ты знаешь, о чем тебя спросят на других предметах, подготовься! Завтра в человеческом обличье явится гарпия по имени Аэлло, ты с ней еще столкнешься.

— Я вас больше не увижу?

— Как знать! Постарайся просто... больше верить себе, ведь завтра ты не будешь знать точно, правда ли было то, что ты видишь сейчас, тебе это будет казаться сном. Ты не будешь знать наверняка, что из всего увиденного и услышанного — Явь, Правь или Навь. Но когда ты проснешься, помни, что в самом начале ты должна создать гимн Прекрасному Слову! А свой первый эпос посвети моей несчастной сестре, очень тебя прошу! У меня таких встреч еще не было...

Проснувшись утром следующего дня, она никак не могла избавиться от дежавю, будто бы вчера уже был именно этот день. Она бы не отказалась прожить еще один такой же день, потому что весь этот день ей невероятно везло, будто обо всем, что может с ней произойти, она знала заранее. Она получила пятерки по всем предметам, написав на «отлично» контрольные по физике и математике.

Только почему-то в тот день она с тоской ждала урока литературы, которую всегда любила. Предчувствия ее не обманули. В класс, вместо их старенького учителя литературы, относившегося к ней с симпатией и добродушием, в класс вошла странная женщина с колючим взглядом. Внешне она очень напоминала портрет головы Медузы с портрета Караваджо, который она где-то видела, только никак не могла вспомнить, где именно. Этой женщине очень пошли бы черные гадюки в волосах, гармонируя с ее резкими порывистыми движениями. Только у Медузы глаза были теплые, светло-карие, а у этой они отливали перламутром.

— А где Иван Алексеевич? — протянул с задней парты полный мальчик по фамилии Кургузкин, привыкший спать на уроках литературы.

— Какой Иван Алексеевич? — завизжала женщина, — я у вас всегда вела литературу! Что, со вчерашнего дня забыли?

— У нас по понедельникам нет литературы, у нас в понедельник физкультура!

— нагло заявил ей Кургузкин, за которым раньше никогда не водилось подобной смелости.

— Сегодня среда, ты совсем уж? — повернулся к нему ее сосед сзади.

Закончить он не смог, потому что весь класс утонул в хохоте и общих криках оконфузившемуся мальчугану, решившему, будто у них нынче среда вместо вторника. Как же им всем было смешно, когда их правильный, на редкость рассудительный отличник решил, будто наступила уже среда! Он даже не обратил внимания, что учится по расписанию вторника! Может, ему надо ночевать в школе, чтобы этот праздник никогда не кончался?

Но все умолкли, когда женщина, как две капли воды похожая на портрет Караваджо, взмахнув руками, как крыльями, пронзительно закричала: «Где она? Говори немедленно!»

Ее сосед испуганно вытянулся перед ней и, тыча рукой ей в спину, сказал: «Вот она вчера с ней о Маяковском говорила! О партии еще плохо говорила! Упоминали Геракла! У нее там тетрадка с сочинением неподписанная!»

Тетрадь лежала на учительском столе, новая учительница подлетела к ней и неловко взяла в руки, будто с трудом пользовалась пальцами. Ее лицо было очень изменчивым, нисколько не скрывая обуревавших ее чувств.

— Ты лжешь! Здесь сочинение о каком-то Бакланове, а не о Маяковском, а тетрадь подписана... Ты лжешь мне? — сказала она почти спокойно, но у детей от ее голоса пошли мурашки.

— Да нам про войну сочинение Иван Алексеевич задавал! — заорал от страха с задней парты Кургузкин. — Мы никакого Маяковского не проходили! Нам его не задавали! Мы Конька-горбунка проходили!

Пока весь класс орал вскипавшей гарпии, что им задавали «про Конька-горбунка», она повернулась к соседу, с ненавистью пялившемуся на свои руки, и тихо сказала: «Ты просто бредишь вслух! Твои фантазии меня иногда просто пугают!»

Чуть громче она добавила: «Сейчас у него будет и семь пятниц на неделе!» Ее замечание утонуло в общем хохоте одноклассников. Она подняла руку и любезно предложила: «Хотите, я из Конька-горбунка про Жар-птицу наизусть прочитаю?..»

Учительница, вышедшая на замену Ивану Алексеевичу, все больше становясь похожей на большую всклокоченную птицу, растеряно кивнула ей головой, сверкнув большими серьгами с удлинненными драгоценными камнями, отшлифованными «под старину».

5. Телксиепия

*Прежде всего ты сирен повстречаешь, которые пеньем
Всех обольщают людей, какой бы ни встретился с ними.
Кто, по незнанию приблизившись к ним, их голос услышит,
Тот не вернется домой никогда. Ни супруга, ни дети
Не побегут никогда ему с радостным криком навстречу.
Звонкою песнью своею его очаруют сирены,
Сидя на мягком лугу. Вокруг же огромные тлеют
Груды костей человеческих, обтянутых сморщенной кожей.
Мимо корабль твой гони.*

Гомер «Одиссея» Песнь двенадцатая

Ulisse e le sirene, mosaico, museo del Bardo, Tunisi

В офисе продюсерского центра «Аполлон» с самого утра царили суэта и оживление. В приемной с чашечкой кофе, в окружение всех мужчин ее фирмы, выставив практически до противоположной стены длинные ноги на высоких каблуках, сидела звезда андеграунда — Лина Воровская. И, как Эрато заявил как-то олигарх Бероев: «Не притянутая за уши, а *настоящая* «икона стиля»!»

Эрато, так и не сумевшая добраться до дома после диких событий минувшего вечера и еще более дикой ночной погони, сразу же поняла, что режиссер автобиографического фильма «Нет смерти для меня» и автор нашумевшего бестселлера «Обладать и принадлежать» — явилась к ней в офис с утраца пораньше, еще и успев покурить у нее прямо в приемной. Она нисколько не сомневалась, что все ее мальчишки, знавшие, как она не одобряет эту вредную привычку, уговаривали жеманничавшую Лину: «Курите-курите! Не стесняйтесь!» Ну, точно! Еще и притащили из ее кабинета хрустальную пепельницу в виде ракушки, которую она держала для vip-персон, не следивших за своим здоровьем.

Конечно, отчего бы при первом же появлении ее «неподражаемой, изысканной и своеобразной» соперницы — взять и плюнуть на нее? Хотя, ведь не эта их кормить будет, уж она их накормит.

— Меня раздражает, что сейчас люди всё меньше и меньше делятся на мужчин и женщин, что мужчины не претендуют отличаться от тебя — проникновенно вздыхала Лина, медленно отхлебывая кофе из чашечки, изящно играя носком огромных красных туфель. — Настоящий мужчина, прежде всего, щадит женщину. А сейчас всё больше какая-то беспощадность. Хотя, может быть, это Москва... Потому что в других городах люди совсем другие. Даже больницы другие: там к тебе относятся как к человеку. А в Москве всё по-другому.

Все ее сотрудники, высыпав в приемную, сосредоточились на Лине, и в другое время ее «слаженная команда» получила бы хороший разгон. Да и от самой Лины, посмеившей явиться к ней в жакетике и шляпке, украшенными перьями, полетели бы клочки по закоулочкам. Но сейчас Эрато едва доползла до работы на помятой машине, лишь под утро уйдя от проклятой погони, от черных коней с кривыми зубами, которые пришли на помощь гнавшейся по ее следам Аэлло. А женщина, которую она большую часть жизни знала как доцента кафедры истории, слегка сдвинутую на античной мифологии, — у нее на глазах превратилась в ходячий напалм.

Перед глазами стояли страшные вороные кони с бешеными незрячими глазами, а в голове крутилась песня «Ой вы кони мои вороные», которую в детстве она часто слышала по радио.

Сирена, 1864, Эдвард Джон Пойнтер (Edward John Poynter) 1836 — 1919

*Начинаются дни золотые
Огневой непродажной любви.
Ой, вы кони мои вороные!
Черны вороны кони мои!*

*...Мы ушли от проклятой погони,
Перестань моя радость рыдать!
Нас не выдали черные кони,
Их теперь вороных не догнать!*

В детстве ее мама, когда начинались какие-то неприятности, нахмурившись, с крайним неодобрением декламировала первую строчку этой песни: «Начинаются дни золотые!» Но вряд ли ей могло прийти в голову, насколько «золотыми» для ее дочери могут оказаться начавшиеся со вчерашнего вечера дни.

Почти на цыпочках, чтобы никто не обратил внимания на ее непрезентабельный внешний вид, Эрато просочилась в свой кабинет, чтобы спрятать часы и успокоить нервы. Первым делом она бросилась к хранившемуся для VIP-персон марочному коньяку, но поняла, что услужливые мальчики и его уже вынесли Лине, чей «неподражаемый и изысканный» голосок доносился из приемной.

— Я в жизни столько пережила! Постоянно встречала людей, которые хотят любви, но не могут никого полюбить. У них даже такое выражение на лице написано, когда они в метро едут. Я в метро ездить не люблю, это все же под землей, мне потом подниматься оттуда не хочется. Когда на людей смотришь под землей, то понимаешь, что любовь — это желание отдавать, а страсть — желание брать. А вы никогда не испытывали такой страсти, чтобы взять и ничего не отдавать взамен? Надо испытывать страсть, любить, страдать... Если ты не любишь никого, ты как бы бессмыслен, наверно.

Эрато повесила шубку в шкаф на плечики, налила в стакан ледяной минералки из холодильника, предусмотрительно бросив туда таблетку шипучего

аспирина, чтобы с его помощью побороть дрожь в руках и острое желание разбить пепельницу-ракушку о голову ничего не подозревавшей Лины.

Она подошла к компьютеру и глянула новости в Яндексе. Так и есть!

Сегодня ночью в старом жилом доме в центре Москвы произошел пожар, сообщает «Интерфакс» со ссылкой на пресс-службу ГУ МЧС.

В ходе тушения пожара были обнаружены тела семи. Из здания были эвакуированы более 20 человек. За медицинской помощью обратились семеро, в том числе два полицейских.

Возгорание произошло на третьем этаже трехэтажного полувывселенного здания старой постройки. В 6:57 пожар удалось ликвидировать. Ему был присвоен второй номер сложности по пятибалльной шкале. На месте происшествия работают пожарные. Площадь и причины возгорания уточняются.

По предварительным данным, в загоревшемся здании в цокольном этаже располагалось незаконное общежитие трудовых мигрантов. Следственными органами решается вопрос о возбуждении уголовного дела по факту массовой гибели людей.

Santiago Caruso

Часы она сложила в объемистый кожаный ридикюль, замотав флакончики и топазовую чашу в колготки, которые на всякий пожарный хранились у нее в столе. Пока она маскировала часы под «женский беспорядок», запихивая косметичку и пару шелковых платков, — вдруг с удивлением обнаружила, что песок из ее флакона не только не высыпался окончательно, как она боялась,

прыгая с этим стеклянным безобразием по грязным сугробам к машине, но, похоже, даже каким-то образом пересыпался в обратную сторону.

Впрочем, думать ей об устройстве этого хрупкого механизма было совершенно некогда. Она точным движением подправила помаду на губах и с лучезарной улыбкой распахнула двери своего кабинета.

— Боже мой! Кто у нас в гостях! Сама меланхоличная недосказанность! Самое нестандартное явление современной российской культуры! Личность, которая сразу цепляет! Маг от искусств! Прошу-прошу ко мне! А всех попрошу разойтись по своим рабочим местам, — приобняв сутулую костлявую спину огромной сирены, скомандовала Эрато ошарашенным ее неожиданным появлением сотрудникам.

Пока сирена с трудом устраивалась в ее гостевом кресле, куда у нее никак не помещались длинные худые ноги в красных туфлях, Эрато в очередной раз поразила сила ее очарования. Никто вокруг нее будто не замечал слишком большого и непропорционального тела, ее неуклюжих попыток прятать крылья. У гарпий как-то получалось оборачиваться людьми, вписываясь в обстановку более органично.

— Все-таки мы, сирены, ближе к музам, да, — поняв, о чем она думает, с извиняющейся улыбкой сказала Телксиепия. — Хоть и хтонические существа, но такие же смертные, как видишь. А ты выглядишь хорошо! У тебя хорошая кожа, ты опять начала светиться опять изнутри. Всегда меня поражал этот момент в... других. Кого что, а меня поражает качество кожи на лице...

— Как погода? — не зная, с чего начать, бодро поинтересовалась Эрато.

— Ну, да... такая... одновременно все стихии... тяжеловато! — вздохнула сирена. — Но мне вообще тут не нравится, мы же здесь вынужденно оказались. Я ничего здесь не люблю, мужчин не люблю, женщин тоже не люблю, мне здесь совсем не нравятся люди. Не знаю, зачем мы все здесь? Этой стране я бы поставила ноль. Но как-то держусь, улыбаюсь! У меня, чем хуже, тем больше улыбаюсь, защита такая.

Эрато с растущим раздражением слушала Телксиепию, с некоторых пор на нее не действовали ее обольстительные чары. Глядя на неловкую угловатую сирену, она легким презрением подумала, как глупые поэты старались когда-то напрячь свою фантазию, представляя себе этих созданий. Кем только они их себе не воображали! То крылатыми девами, то женщинами с рыбьими хвостами, а то и совсем уж с птичьим телом и куриными ногами, что, впрочем, было гораздо ближе к истине. Однако никто из них, даже попадая в полную власть этих чаровниц, так и не решился представить себе в качестве сирены — огромную сутулую даму в ярком джерси с худыми длинными ногами в красных лодочках сорок третьего размера.

Возможно, для нее самой обаяние сирены заключалось немного в другом. При виде Телксиепии у нее затеплилась слабая надежда, что та хоть в чем-то может оказаться полезной в дикой отчаянной ситуации, о которой и рассказать-то было никому нельзя, кроме нее. Ведь это она, одержимая темой смерти, постоянно изображала в своих фильмах некое «мифическое существо», сопровождающее человека к гибели, рискуя быть обвиненной в публичных призывах к суициду. А ее провокационные разговоры о

любви вовсе не мешали ей откровенно рассуждать о «питательности» этого чувства, о том, какие души они с сестрами больше *любят*. Хотя на все попытки выяснить ее «политическое кредо» сирена твердо и осмотрительно отвечала, что настроена резко против гомофобии, расизма и фашизма.

Один популярный писатель даже как-то остроумно заметил вслух, что она «привила себе сумасшествие» подобно тому, как врач прививает себе вирус для изучения недуга. Многие пытались опустить ее неподвластное человеку обаяние до бытового оскорбления «городская сумасшедшая», на что Телксиепия абсолютно невозмутимо парировала, явно намекая на нее: «Мне нравятся городские сумасшедшие. Они вдохновляют меня гораздо больше, чем модели из журналов!»

Эрато нисколько не обманывалась на счет своей гостью. За гладкостью, мягкостью, и певучестью воркования сирены скрывались пугавшие ее жестокость и непреклонность. Очаровательная жеманность, с которой она говорила о смерти и судьбе, объяснялась простой причиной, по которой сирены из муз стали полуптицами.

В мифе о похищении Персефоны, чьими спутницами-музами они когда-то были, говорилось о том, что они ничем не помешали явившемуся из Тартара Аиду, решившему похитить душу той, которую они «любили» с показной истеричностью. Хорошо зная эту «звезду андеграунда», Эрато вполне представляла себе, как Телксиепия и ее сестры, ломая руки, стонали вслед Персефоне, терявшей надежду: «Умирать страшно — это правильно! Жить — гораздо страшнее! Ведь жизнь такая короткая, все мы кандидаты в мёртвые... а смерть — это вечность!»

The Rape Of Proserpine by Peter Paul Rubens (1577-1640) (1636-1638, Muzeul Prado)

В мифе говорилось о нимфах и музах, вставших наперерез колеснице Аида, запряженной страшным отродьем Подарги. Все они, в отличие от ближайших подружек Персефоны, баюкавших ее своей мистической болтовней, — погибли. Но они дали надежду ее гибнувшей душе, которая теперь может хотя бы раз в год вернуться к матери, даря весну и лето.

Вряд ли кого-то из тех, кто встал наперерез черным крылатым сыновьям Подарги, Персефона приблизила бы к себе в своем прежнем беспечном существовании. По крайней мере, она бы точно не оценила их так же, как Телксиегию с сестрами, которые создавали вокруг нее снобистский кружок ревнительниц «чистой красоты».

Эрато и сейчас воротило от постоянных разглагольствований сирены, перебиравшей винтажные штучки в популярных телепрограммах: «Красота всегда индивидуальна, в ней нет канонов, в ней допустимо безумие, непохожесть ни на кого. Красота всегда Божественна, там Бог. Твоя красота — это твой внутренний мир, и как ты над ним работаешь, как ты себя хранишь, какую ты имеешь внутри себя культуру, так ты и выглядишь. Красивые люди никогда не бывают надменны, они всегда приветливы и теплы, им не жалко улыбнуться, сказать доброе слово, сделать всегдашнее усилие говорить доброжелательным тоном... Красота, достигнув своего пика, всегда стремится

к саморазрушению. Пики красоты длятся у кого-то минуту в жизни, у кого-то год, а кто-то всю жизнь на пике красоты... Та самая красота, которой не хочется находить объяснение, она и так очевидна — это именно тот самый пик...»

Даже поддаваясь их магическому дару обольщения, так же стремясь к красоте, как к пику саморазрушения, она отдавала себе отчет в том, что сирены никогда никого не обманывали. Это была не ложь, а неправильное... эстетическое восприятие, причем, на какой-то сердечной нотке зашкаливающей искренности, которой вдобавок они придавали непостижимую силу своего обаяния.

Что дала ей погоня за вечной молодостью и красотой? Всего лишь первую встречу с Телксиепией сразу же после скандала с дорожно-транспортным происшествием на Лазурном берегу в обществе олигарха Бероева. Прямо в клинику, где она в отчаянии пыталась залечить рваную рану на щеке, ожоги на плечах и руках, израненные ноги, — ей пришлось уведомление с развлекательного канала, где она

вела свое любимое шоу «Подробности».

Руководство канала сообщало, что не может ждать с выходами в эфир ее передачи до затянувшегося выздоровления, в особенности, принимая во внимание саму причину ее заболевания. Приняв решение отстранить ее от ее же собственной программы, руководство решило выставить ей на замену неподражаемую Лину Воровскую. В письмо бесстрастно сообщалось, что вместе с ведущей поменяется и концепция шоу, и даже студия, в которой она до сих пор снималась. Таким образом, руководство канала надеялось изменить программу к лучшему и поднять рейтинги передачи, резко снизившиеся на фоне просочившихся в печать слухах о ее приключениях на Лазурном берегу. Можно сказать, сама ее изначальная идея в новых декорациях получит свежее дыхание, поэтому она не должна волноваться за судьбу передачи, авторские права на которую целиком принадлежат каналу, а должна спокойно заняться восстановлением своего здоровья.

В предыдущем сезоне руководство канала уже предпринимало нововведения относительно «Подробностей», уже на несколько вечеров приглашая в качестве ведущей Лину и одного известного театрального режиссера. Как раз

в тот период у самой Эрато начались проблемы с мужем. Поначалу ей показалось, будто Лина даже проявила сочувствие к ее ситуации, время от времени заменяя ее в шоу. И когда из ее жизни навсегда уходила любовь, она попыталась даже утешить ее своей очередной фирменной сентенцией: «Любовь человека питает, делает более качественным. Бывает разрушительная любовь, но тогда это не любовь. Значит, кто-то из двоих не любит. Женщина должна будоражить мужчину, создавать ему интересное времяпрепровождение, украшать жизнь. Но ей нужно обязательно делать свою жизнь, отдельную от семейной, заниматься собственной карьерой. У нее должно быть что-то свое, иначе мужчине с ней скучно.»

Тогда ей показалась необычайно мудрой такая позиция. Зная, что олигарх Бероев имеет значительный пакет акций этого телеканала, она, вполне насытившись «питательностью» обманувшей ее любви, начала за ним настоящую расчетливую охоту, всеми силами стараясь отбить его у молоденькой любовницы-балерины, которая всегда чем-то напоминала ей Лину Воровскую, не являясь, впрочем, сиреной.

Ей хотелось занимать в жизни более прочные позиции, а уж если совсем честно, то ей страстно хотелось возглавить этот канал, получив куда более значительное и прочное положение в обществе.

Отбить женатого мужчину у такой любовницы означало... медленно и исподволь испортить их отношения. Раньше бы она такого себе не позволила. Но когда ее бывший муж, разрушил их семейный очаг, как «священную Троицу», а потом сообщил, что собирается отправиться с друзьями на Ямайку «духом страдать на морях, о спасении заботясь жизни своей»... ее уже не удерживали никакие «моральные критерии». Ее не остановило, что бросив свою балерину, Бероев напоследок устроил ей настоящую травлю, из-за которой та была вынуждена судиться с администрацией театра, доказывая под безжалостное веселье желтой прессы, что она – вовсе не «толстая». Тогда Эрато еще чувствовала последнюю сокрушительную силу золотого песка из топазовых часиков, спрятанных сейчас за ее платками и колготками в ридикюле, поэтому постаралась «не заметить», с какой жестокостью Бероев обставил свое расставание с балериной, нежно и трепетно изображавшей на главной сцене страны Царевну Лебедь. Он привык, чтобы все его желания немедленно исполнялись. А сейчас, руководствуясь лишь одним принципом: «Так не достанься же ты никому!», он желал, чтобы бывшая возлюбленная ни одной минуты не была счастлива без него. Как член Попечительского совета театра, он потребовал, чтобы дирекция заявила в печати, будто их «лебедь» настолько «обожралась», что ее теперь не под силу поднять и самому крупному премьеру. Эрато решила, что на нее подобное его отношение распространиться не может, ведь она не какая-то балерина, а та, кто создает атмосферу любовной лирики. Но ей пришлось приложить немало усилий,

чтобы «не замечать», как и в самой «лирической» обстановке Бероев, обнимая ее за голые плечи, бестактно восхищался Линой, строя планы сделать ее «настоящим брендом» канала, который она наивно уже считала своим.

Конечно, ее программа обрела «новое дыхание», поскольку вместо скромной студии, где она принимала знаменитостей, для Лины выстроили целую модель вечернего города с освещенными окнами. Лина и ее гости рассаживались на каких-то скамейках, как на жердочках, создавая впечатление огромных уродливых птиц, чирикавших на своем насесте, воспарив над

жизнью, между небом и землей. В полном соответствии с новой концепцией Лина, обворожительно улыбаясь, нежно произносила в камеру: «Здесь нет земли, здесь небо с двух сторон: с нижнего льется дождь, а верхнее — для птиц. Прыгайте! Каждый хоть раз в жизни должен решиться спрыгнуть. О небо еще никто не разбивался... В падении тоже есть свой позитив. Не надо бояться этого. Даже в депрессию я люблю упасть на какое-то время, она бывает для меня питательной. А находиться все время в какой-то стабильности, в довольстве... это, мне кажется, может какой-то кусок мяса, а не человек. Человек должен страдать!»

Искать позитив в падении было не в ее правилах. Но единственным позитивом были достаточно спорные отклики о «новом дыхании» программы «Подробности», которые она, в ожидании очередной пластической операции, читала в сети Интернет.

«- Когда на этом канале уже решать добавить кого-нибудь новенького? Прежняя ведущая — давно пройденный этап, тем более, после той грязной истории на Лазурном побережье народ ее тем не воспринимает...»

— Это уже не будет не ужас, а ужас-ужас-ужас! Неугомонная трещотка не давала прежде вставить слово гламурной жеманнице. Пока жеманница с фирменными придыханиями произносила одно предложение — трещотка выдавала все двадцать. Но как же они обе надоели! Когда же будут говорить гости, причем, интересные не только им?»

— Один ноль — это просто ноль. Два ноля — это уже сортир... Сплошное пустомелье да ещё с таким тембром голоса у прежней и легкой гнусавостью у теперешней.

— Это — Кошмар! Сколько я ни пыталась «понять» Лину (наверное, это не для средних умов), но каждый раз выбрасывала ее кассеты в мусорное ведро...»

По крайней мере, Бероев не объявил ее «толстой», он даже не сказал вездесущим журналистам, что попал в аварию не один, хотя долго лежал в больнице с сильными ожогами, занимавшими три четверти тела. Он просто заблокировал для нее свой номер. Зато по всем приглашениям, которые она посылала ему как крупному медиа-магнату, стала «выходить в свет» его бестактная жена с таким видом, будто имеет полное право вытирать о нее ноги.

И после всей этой истории ей пришлось, сжав зубы, прокомментировать все эти чудесные изменения в сетке вещания: «Я рада, что Лина стала новой и единственной ведущей этой программы. Я когда-то посоветовала руководству нашего канала присмотреться к ней, и они пригласили ее на роль ведущей «Подробностей». Посмотрим, что будет в новом сезоне...»

То, что она увидела потом, прочитав отклики в Интернете, немного заставила ее задуматься о тех вещах, которые она с легкостью отбрасывала от себя как можно дальше. Получив широкую возможность петь свои погребальные песни над декорациями вечернего города, Лина быстро теряла популярность. Когда-то рейтинговая передача с трудом набирала на три рекламных перерыва, хотя при ее «трескотне» у нее их было не меньше пяти. Зритель стремительно терял интерес к Лине, как только на телеэкране ее стало «слишком много».

В древнегреческой мифологии сирены связаны с Аидом, царством мертвых

Лина, как могла, пыталась «дотянуть зрителей до своего уровня», говорила о стиле, прекрасных вещах, утонченных впечатлениях. Но вместо того, чтобы ощутить окончательную самодостаточность создаваемого ею «избранного круга», люди молча его покидали, машинально нажимая другую кнопку на пультах телевизоров.

До нее доходили слухи, как тяжело Лина переживает падение созданной ею популярности и даже обвиняет ее в том, будто она уступила ей место ведущей, понимая, что передача «пережила свое время». Она тогда еще подумала, что

всегда недооценивала людей, будто интуитивно прочитавших предысторию Лины. Эрато чувствовала, как все вокруг нее потянулись душой в поисках чего-то более надежного и... *настоящего*, навсегда утрачивая интерес к фанерному городу у длинных ног Лины.

Она посмотрела на без умолку щебетавшую сирену и вновь подумала, что страстно хотела бы, чтобы вместо нее сейчас у нее в кабинете оказалась бы *настоящая* муза, а не эта ошипанная курица. Хотя... сам кружок *настоящих* муз был бы негативно воспринят ее теперешним окружением, был бы признан абсолютно нестильным и негламурным, возможно, ей пришлось бы навсегда покинуть этот круг сильных мира сего, «публичных личностей», «звезд» и законодателей моды. Но, заглянув в пустые глазницы всю ночь гнавшихся за ней вороных коней, она очень хотела бы, чтобы при их очередном появлении с ней рядом бы оказалась другая муза, способная встать на их пути, раскинув руки с криком: «Ты не пройдешь!»

Похищение Прозерпины, Около 1632 Rembrandt Harmenszoon van Rijn (1606-1669)

А похититель меж тем, по имени их называя,
 Гонит храпящих коней, торопясь, по шеям, по гривам
 Сыплет удары вожжей, покрытых ржавчиной темной,
 Мимо священных озер и Паликовых, пахнувших серой,
 Вод, что бурлят, прорываясь из недр; через местность несется,
 Где бакхиады — народ из Коринфа двуморского — древле
 Стены воздвигли меж двух корабельных стоянок неравных!
 Меж Кианеей лежит и пизейским ключом Аретузой,
 Там, где отроги сошлись, пространство зажатое моря.
 Там-то жила — от нее происходит и местности имя —
 Нимфа, в Сицилии всех знаменитее нимф, Кианея.
 Вот, до полживота над поверхностью водной поднявшись,
 Деву узнала она. «Не проедете дальше! — сказала, —
 Зятем Цереры тебе не бывать против воли богини;
 Просьбой, не силою взять ты должен был деву. Коль можно
 С малым большое равнять, — полюбил и меня мой Анапис,
 Все ж он меня испросил, я в брак не со страха вступила».
 Молвила нимфа и их, в обе стороны руки раздвинув,
 Не пропустила. Сдержатъ тут гнева не мог уж Сатурний.
 Страшных своих разогнал он коней и в бездну пучины
 Царский скиптр, на лету закрутившийся, мощной рукою
 Кинул, — и, поражена, земля путь в Тартар открыла
 И колесницу богов приняла в середину провала.
 А Кианея, скорбя, что похищена дева, что этим
 Попрано право ее, с тех пор безутешную рану
 Носит в безмолвной душе и вся истекает слезами.
 [Овидий «Метаморфозы», Песнь пятая]

Сейчас она понимала, что многие люди «не ее круга» слышали их храп, их топот, а может и видели их обметанные пеной морды. Поэтому вовсе не «их круг» жестко очерчивал холодной недоступностью свои для многих когда-то желанные границы, а люди отходили от этих границ, самостоятельно, без нее, на ком лежала эта обязанность, разыскивая пути к тем, кто мог встать на пути черных крылатых коней, когда посланец Аида вновь явится за их душами.

Да, похоже, все эти бывшие ее зрители, снижавшие рейтинги ее самой любимой когда-то передачи, вовсе не хотели, чтобы в тот момент, когда встанет вопрос об их душах, рядом с ними жеманничала обольстительная сирена, рассказывавшая, какие души она больше всего любит... провожать в вечный холод небытия. Пусть большинство не верило в силу муз, но отдавало должное их готовности отстоять каждую душу ценой своей собственной.

Сложно было бы представить, будто кто-то из настоящих муз мог с циничной жестокостью рассуждать вслух, как сейчас это делала крутившая коньячную рюмку в руке Лина: «Люблю рыться в развалах комиссионных магазинчиков. Хоть и говорят, что туда сдают вещи от покойников, но мне становится хорошо от одной мысли, что прежним владельцам этих вещей хорошо и спокойно, что они не переживают, как продешевили, расставшись с ними.

Меня радует, что эти вещи больше им не нужны... Я их называю «последствиями». А последствия любой жизни становятся куда важнее её проживания, как улики и вещественные доказательства намного важнее самого «преступления». Всех, кто умирает, оставив одни «последствия», я называю убежавшими...»

Если настоящие музы могли пожертвовать собой, чтобы отстоять чью-то жизнь, то их гламурные родственницы сирены, умеющие в самой ужасной смерти найти для себя почти эстетическое наслаждение, вполне довольствовались «вещественными доказательствами» чьей-то погубленной жизни.

Пожалуй, она хорошо понимала теперь мать Персефоны Деметру, сделавшей спутниц ее дочери, которые ничем ей не помогли, — полуптицами, вроде гарпий, чтобы во всех человеческих обличьях они продолжали помнить о Персефоне, искать и не находить пути к ней, испытывая болезненную тягу к ее путешествию на черных конях.

Вряд ли тонкое знание винтажных вещиц и умение придать всему налет «мистической загадочности», маскируя любую душевную грязь флером «непостижимости», равняя ее с самыми прекрасными сторонами жизни, — могло помочь в ее отчаянной ситуации. Но теперь, прижимая к ноге заветный ридикюль, она понимала, что не вправе рассчитывать на большее.

Впервые Телксиепия явилась к ней, как только она помогла сделать крик Каллиопы почти неслышным, дожидаясь ее смерти с неистовой жадностью сирен. И когда к ней явился Холодец с душой того, кто вполне реально пытался заставить Каллиопу навсегда

замолчать, она, решив помочь младшим музам, поняла то, о чем не смогла признаться даже Сфейно. Она сразу же поняла, что «толстая» балерина, у которой она отбила олигарха Бероева, уничтожавшего ее с поразительной жестокостью, отнюдь неслучайно так до тошноты напоминала ей Лину.

Она посмотрела в упор на сразу же умолкнувшую сирену и спросила без обиняков: «Слушай, а эта наша балерина Владимирская, которую на всех светских приемах теперь с безменом взвешивают, она не твоя сестра Терпсихора?»

— Я думала, что ты знаешь... Какое-то время сомневалась, ведь ты ей ничем не помогла. Теперь мне даже странно... неужели ты не знала? —

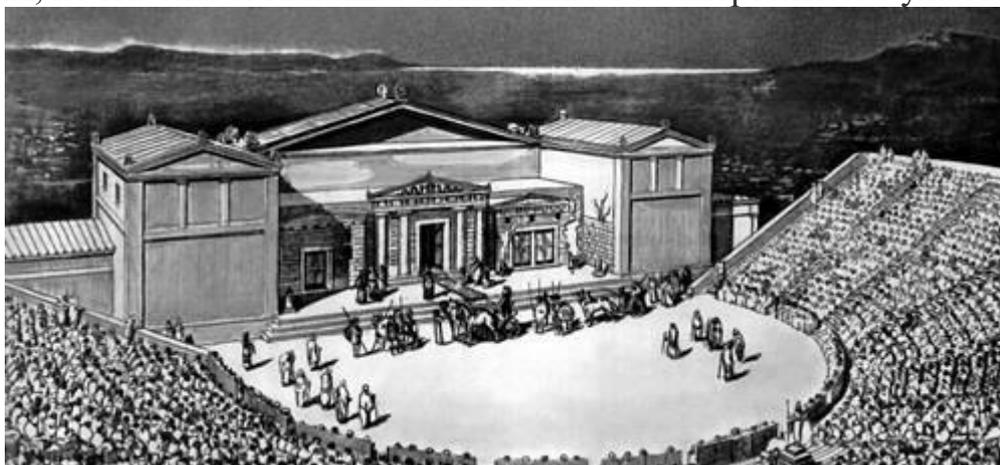
— Что я не знала? — теряя терпение, спросила Эрато, уже понимая, чем может ее «обрадовать» сирена.

— Мне казалось, что ты отлично знала все с самого начала! Это же всем было очевидно... А как ты думаешь, почему мне удалось захватить твою программу? Только поэтому! — рассеяла последние ее сомнения сирена. — Балерина Владимирская — живое и весьма смертное воплощение шестой музыки Терпсихоры, «усладительно танцующей». Кстати, зря ты это сделала! Мне всегда нравилось, когда они танцевали в паре с этим вашим... *музом*. Или как вы называете, мужское воплощение музыки?..

— С кем? — почти со страхом спросила ее Эрато, непроизвольно прижимая к груди ридикюль.

— Модель устаревшая, зима-осень прошлого года, а нынче уже зима этого года заканчивается, нынче в тренде ридикюли Дани Мизрахи, за ними все в Израиль ездят... или в Париж, но там дороже, — неодобрительно прокомментировала ее жест сирена.

— Кто у нас... м-муз? — осипшим голосом спросила Эрато, уже зная ее ответ, потому что голубые как глаза сирены стали почти нежными, наполнившись глубоким, почти благоговейным пониманием ее смертельного ужаса.

Театр Диониса в Афинах

— Ну... Терпсихора действительно больше разбирается в ваших младших сестрах, я никогда раньше классическим искусством не интересовалась, нужды не было. Да и собственное творчество к этому не располагало. Я думала даже, что время классического искусства навсегда ушло в наших новых временах безудержного стяжательства. Впрочем, сама жизнь показывает абсурдность слова «никогда», — запела сирена, не замечая нехорошего огонька, которым вспыхнули глаза Эрато. — Терпсихора сказала, что в театре полно муз! И этот темненький молодой человек... такой тусовщик... ты его

должна знать вообще-то... он у вас и есть сама Мельпомена, то есть «пляшущая». Но ведь это тоже все знают! Ты у него даже интервью брала для программы «Подробности».

Это еще надо было как-то пережить. Она думала, что у нее есть шанс обыграть Холодца, оказав поддержку младшим музам. Оказывается, Холодец намного лучше ее знал, что она уже расправилась с Терпсихорой в ходе неудачной попытки возглавить канал, лицом которого являлась с момента его основания. А потом она взяла интервью у всемирно известного премьера, о котором все догадывались, что он и есть «пляшущая» Мельпомена, а ей это почему-то ни разу даже не пришло в голову. И, по сути, она его подставила этим

интервью, заставив сказать, что он действительно думает о реконструкции исторического здания театра, где пилились бюджетные средства так, что даже известный японский проектировщик самых престижных театральных площадок мира заявил, что на эти деньги он бы построил три таких театра, сохранив все исторические детали.

Глаза сирены повлажнели от удовольствия, она будто впитывала страх смерти, который пронизал истерзанную душу Эрато. Ведь она же ничего подобного не хотела! Она хотела лишь...

— А так все говорят! — с воодушевлением подхватила вслух ее мысль Телксиепия. — А все так говорят, потому что боятся трудностей. Сильных трудности делают еще сильнее, и, как ни странно, бодрее, а слабые становятся злыми, и это их разрушает. Мне кажется, ты злишься, причем, злишься не на себя, а на меня. А я вообще в твоих трудностях ни при чем! Меня и сейчас Холодец попросил к тебе прийти, я ему отказать не могу. Да ведь и мне надо как-то свой новый фильм в прокате продвигать. Это мое детище, я обязана ему помочь. Знаешь, сколько трудностей я пережила, чтобы этот фильм родился? Мне-то никто государственной копеечкой не помог. Но я себе два года твердила, что обожаю падения — в них больше силы, чем во взлетах. Меня вообще бодрят трудности. Я заметила по всей своей жизни, что кризисы для меня — самое любимое время. Я же вижу, что ты тоже переживаешь внутренний кризис. У тебя это переоценка, а у меня, скорее, отчаяние. И я люблю погрузиться в него. Оно так питательно. Наверное, странно, но я стараюсь полностью отдаваться этому чувству. Не все ж себя хранить, есть да

наслаждаться. Отчаяние стимулирует к чему-то новому, дает мысли, эмоции, заставляет двигаться дальше...

Сирин и Алконост», Васнецов, 1896

Эрато почти не слушала ее тягучую болтовню, стараясь понять, что же ей можно предпринять в такой ситуации.

— Значит, вы с сестрами давно наблюдаете за моими трудностями? — машинально поинтересовалась она у сирены.

— Ты любишь их себе создавать, думая, что уходишь от них, создавая другим, — засмеялась Телксиепия, почесав лопатки со сложенными крыльями. Это Пейсиноя и Аглаофа за тобой следили, не я. Все лишние контакты... Они меня обезвоживают.

— Но пришла-то ко мне именно ты! — едва сдерживаясь, повысила голос Эрато.

— Почему у меня всё всегда из последних сил? Чтобы нравиться, надо быть лёгкой, лёгкой, — невпопад ответила ей перепуганная сирена. — Ты могла бы не кричать? Я вполне довольна занимаемой мною нишей андеграунда и никогда не претендовала на большее. Страна здесь большая, находятся любители... всех видов самовыражения, тем более, из людей нашего круга. Не стану прикидываться, в наступившие времена моя мертвечинка идет нарасхват. Тут появляется Холодец и каждый раз заставляет меня идти к тебе... А ты при этом все больше напоминаешь мне самого Холодца... Взять сегодняшнее утро! Я встала, села за телефон, стала делать звонки по

вдохновению, повсюду – одни отказы. Вдруг мне звонит Холодец и сообщает, что я немедленно должна пойти к тебе! После всего, что уже между нами было, сколько черных кошек пробежало!

— Я просто пытаюсь разобраться, пытаюсь понять правду! – схватилась за голову Эрато. – Я всю ночь спасалась от него... Вначале он появился у меня в машине... с душой одного генерала. Потом я поехала к Сфейно... поговорить... а он послал туда гарпий!

— Значит, ты и Сфейно предала, — почти сочувственно констатировала сирена. — Я все равно не скажу всей правды, потому что сама ее не знаю. Но сама наша жизнь... прикладного характера... говорит о том, что предавать никого нельзя, это очень вредно для души. Но ведь бывает иногда так страшно! А вот ты страх уже потом ощутила, когда уже всех предала. Можно лишь

удивляться такому парадоксу.

— Парадокс в том, что я хотела как можно дольше оставаться Эрато, — честно ответила сирене муза любовных песен, массируя мешки под глазами.

— Заканчивался золотой песок? – догадливо откликнулась Телксиепия. А я к тебе пошла, потому что всегда тебе завидовала. Тебе не надо прятать эти крылья, у тебя фигура всегда была пропорциональной... Когда превращаешься в сирену, все кости выворачивает! А потом постоянно из-за крыльев спина чешется. И, думаешь, я сама не знаю, что как только меня будет много, все эти люди от меня отвернутся? Стараешься, работаешь, а на выходе... А все вокруг говорят, что пора сменить тему. Но я ни о чем больше петь не могу! Ведь смерть – это самое непостижимое, с чем сталкивается каждый!

— Побереги эти песни для интервью! – почти заорала на нее Эрато. – Я всю ночь пыталась уйти от этой непостижимости и даже два раза чуть с ней не столкнулась! Послушай, я постараюсь сделать все для продвижения твоего очередного «Танго со смертью»...

— «Последней сказки Марины», — вежливо поправила ее сирена.

— Сколько угодно! – оборвала ее Эрато. – Я это делаю даже не для тебя, а потому что мне нельзя ни в чем отказывать Холодцу. Но я обещаю работать... душой, сделать из твоего творения нечто... питательное. Но и ты помоги мне! Ты же больше разбираешься, как попадают к нему в лапы!

— Что посоветовать тебе в такой ситуации? Холодца можно победить лишь его же оружием, так это ты и без меня знаешь, — задумчиво промурлыкала сирена. — Ты хочешь как-то реабилитировать себя перед младшими музами? Мой тебе совет: постарайся спровоцировать против них открытую войну! Сделай так, чтобы им объявили войну, чтобы такое вялое неопределенное противостояние против них прекратилось.

— Ты ч-чего? — не поняла ее Эрато. — Я и так им сделала много гадостей...

— Ты должна верить в своих сестер! Лично я верю в парнасских сестер! И очень хорошо знаю, что пока музе не объявили войну открыто, ее сущность не начинает работать. Ты тоже об этом не знала? Тебе надо было больше общаться с горгонами, — назидательно заметила Телксиепия. — До открытого объявления войны муза всего лишь простой талантливый человек, может быть, такой непризнанный гений. Хотя я не верю в несостоявшихся гениев. Если человек талантлив, то он обязательно добьется успеха... и без меня.

Чтобы сирену опять не занесло, Эрато нетерпеливо постучала безупречными гелевыми ноготками по столу.

— Ах, я опять увлеклась, — извинилась Телксиепия. — Больше всего он боится Каллиопу, к которой тебе и сунуться никак нельзя, она именно твое появление расценит военными действиями, и что-то мне подсказывает, что она давно... на тропе войны. Никогда не понимала эту вашу Каллиопу... Она всегда выбирала такие неудачные воплощения. Ты ведь почему с ней ошиблась? Ты считала, что ею может стать лауреат отечественных литературных конкурсов? Но это не связано с профессиональной средой. Иосиф Бродский став лауреатом Нобелевской премии, с большим трудом закончив среднюю школу, но

он так музой и не стал! Он вообще здесь жить не смог. Ты этого тоже не знала? Но, полагаю, ты хорошо знаешь, кто сейчас у вас — Каллиопа, да? Я ее сама боюсь, не меньше тебя. Особенно не понимаю ее желания... *святости*. Играть святую очень тяжело. Быть такой положительной — какая-то неправда в этом существует... Хорошо-хорошо! Только дай мне водички, в горле пересохло.

Эрато встала, налила ледяной минералки из холодильника, молча подав его сирене. Та жадно схватила высокий бокал своими тонкими пальчиками, зажмурившись от удовольствия.

— Ты помнишь, как Холодец уничтожил всех, кто мог хоть каким-то самым невероятным образом стать Каллиопой? Ладно, что спрашивать с музы, которая может соображать только ниже пояса? — недовольно проворчала сирена. — Перед большим грабежом, к которому он всегда прорывался, вдруг появилось письмо деятелей культуры. Вот, шла утром, специально распечатала для тебя из Википедии.

Она достала из сумочки небрежно сложенную бумажку с заголовком «Письмо сорока двух». Речь в распечатке шла о каком-то письме, которое подписали самые известные на тот момент писатели. Понятно, что она меньше всего думала об этом письме, ведь в то время ей было всего восемнадцать, золотой песок Эрато искрился на ее коже, а жизнь казалась скатертью-самобранкой.

Авторы письма призывали президента страны запретить «все виды коммунистических и националистических партий, фронтов и объединений», ужесточить законодательство, ввести и широко использовать жёсткие санкции «за пропаганду фашизма, шовинизма, расовой ненависти», закрыть ряд газет, журналов и телепрограмм, приостановить деятельность Советов, а также признать нелегитимными не только Съезд народных депутатов и Верховный Совет Российской Федерации, но и все образованные ими органы (в том числе и Конституционный суд). Писатели потребовали вдобавок запретить и «разогнать» все незаконные военизированные и вооружённые формирования, действующие на территории страны, чем развязывали руки президенту в организации военных действий на Кавказе.

«Нет ни желания, ни необходимости подробно комментировать то, что случилось в Москве 3 октября. Произошло то, что не могло не произойти из-за наших с вами беспечности и глупости, — фашисты взяли за оружие, пытались захватить власть. Слава Богу, армия и правоохранительные органы оказались с народом, не раскололись, не позволили перерасти кровавой авантюре в гибельную гражданскую войну, ну а если бы вдруг?... Нам некого было бы винить, кроме самих себя.»

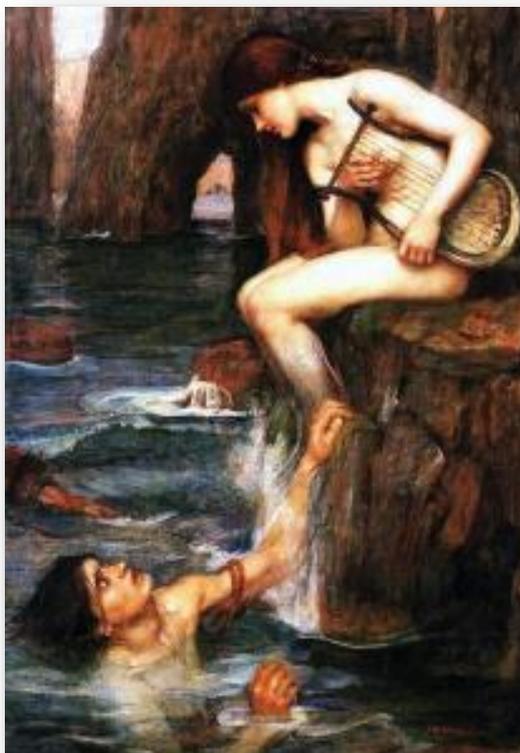
Мы «жалостливо» умоляли после августовского путча не «мстить», не «наказывать», не «запрещать», не «закрывать», не «заниматься поисками ведьм». Нам очень хотелось быть добрыми, великодушными, терпимыми. Добрыми... К кому? К убийцам? Терпимыми... К чему? К фашизму?

...История ещё раз предоставила нам шанс сделать широкий шаг к демократии и цивилизованности. Не упустим же такой шанс ещё раз, как это было уже не однажды!»

Письмо было написано в какой-то склочной риторике с огульными ярлыками, но явно преследовало вполне прозрачные практические цели политического

переворота. Это было письмо из числа тех, что пишут себе сами адресаты, а после просят других людей бросить их в почтовый ящик из соседнего города. В каждой строчке чувствовался почерк Холодца, его вековая искушенность и абсолютная беспринципность.

Сирена (1900) — Джон Уильям Уотерхаус (1849-1917)

— А после этого нам Аглаофа сказала, что эти люди предали Каллиопу, как мы... Персефону, — с запинкой пояснила ей сирена, усмехнувшись уголками губ. — Конечно, они сами не поняли, что произошло. Самая читающая страна мира, мечтавшая иметь их книги, вдруг резко перестала читать. С ними произошло то же самое, что с... нашей общей передачей «Подробности». А ведь среди них были писатели-фронтовики! Раньше все фильмы по их книгам смотрели с восторгом, а потом я видела новые фильмы по их книгам к Дню Победы, там актеры не могли произнести текст. Не понимаю я этих «коллективных писем»... Зачем им понадобилось «быть в струе»? Мне кажется, это, скорее, неправильно. Надо быть отдельно. Красивым водопадом. Или рекой. Или даже морем. Или небом. Но где им стать небом? Значит, надо использовать их мелочную склонность быть в общей струе. Как устраивать подобные «массовые мероприятия», не мне тебя учить. Тебе повезет! Я считаю, везет каждому, только не каждый умеет этим пользоваться.

Эрато смотрела на этот листочек, с трудом понимая, во что влезла, захотев добавить себе несколько золотых песчинок. Только теперь до нее стало доходить, что она взяла на себя, не выполнив простого условия горгоны. Она

знала, что есть такие «круги» в недрах силовых ведомств и спецслужб, которые нисколько не заблуждаются на счет уровня литературного дарования Каллиопы, они постараются и ценой собственных душ заставить ее замолчать. И если вновь не заставить Каллиопу заговорить, то, прежде всего, ее светящийся отпечаток украсит седло одного из сыновей Подарги.

— Аглаофа еще сказала, что, наверно, теперь Каллиопа нашла женское воплощение, что очень нехарактерно для эпоса на русском, — как сквозь туман услышала она голос Телксиепии. — Но когда она увидела, кого, Холодец тащит в писатели, каких баб, как каждую их повестушку называет «роман», она сказала, что он делает это нарочно. Ну, чтобы все потом отшатнулись от женского воплощения музыки эпического жанра. Несложно было догадаться, что мы все здесь оказались из-за нее, во всех языках сейчас эпос исчез, сравнялся с беллетристикой, с жанровой прозой, да и задач там таких нет.

Гермес всегда думал о двойной выгоде каждого своего хода, это теперь Эрато понимала вполне. Во и тут он убивал двух зайцев, нагло выставив в качестве «писателей» обычных амбициозных графоманок, перед этим подорвав веру в писателей вообще «письмом 42-х». Любой, кто из вежливости верил, будто эти дамы, надувавшие губки в своем объединении «Литература – имя женское», после любого их опуса терял веру и в литературу, и в женщин. Теперь женщин России в глазах всего общества представляли эти бессовестные протеже Холодца, ведь до него от подобного «женского нашествия» литературу защищало даже не присутствие вкуса, не умения сравнить свои вещи с вершинами литературного творчества на русском, а хотя бы чисто женская стыдливость.

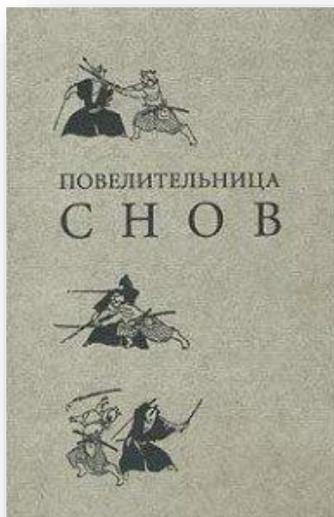
Эрато подумала, что Холодец постоянно опережает ее на один-два хода, прежде всего, потому что не боится делать рискованные ставки. А еще она поняла после нападения на Сфейно, что пока проигрывает ему вчистую.

— Я тоже все поняла, когда мне Холодец приказал к тебе тащиться, — продолжила ее невеселые мысли сирена, чему Эрато давно перестала удивляться. — Распечатку тебе сразу сделала, тебе же придется самой теперь сочинять письмо деятелей культуры. Ты поступи, как Холодец сделал с этими! У тебя еще остался золотой песок, я же вижу! Ты сможешь, сможешь, заставить их! Только мне мифы не рассказывай! Это мужчины мало что про женщин знают: и Лев Толстой, и даже великий ловелас Чехов так ничего про нас и не поняли. А я давно все про тебя поняла.

Нельзя тебе ни с чем идти к младшим музам, тебе надо организовать письмо деятелей культуры в поддержку Мельпомены, которой у вас нынче избран тот премьер. Пусть деятели культуры попросят... чего они могут попросить, чтоб уж точно война началась?

©Книжная лавка <http://ogurcova-portal.com/>

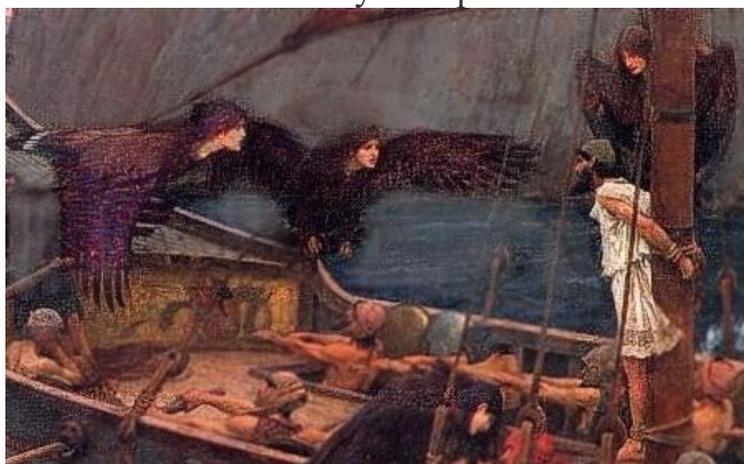
После ее слов Эрато вспомнила строчки из романа Каллиопы: «Не зови войну, не надо! Она сама к тебе придет!» вот и ее война сидела, сложив нога на ногу в красных лодочках у ее стола. И что же можно было потребовать в таком письме?.. Сорок человек она для него не соберет, она же не Холодец. Вот дюжину подписей она устроить сможет... Но что же просить для воплощения Мельпомены? Должность худрука балета?

— Нет, руководителем балета ему проситься – это мелко и склочно. Ты ведь муза, а не гарпия! – рассудительно прогнусавила сирена. — Надо сразу просить, чтобы его назначили директором главного театра страны! Чтобы два раза подписи не собирать. За меньшее и драться не стоит. Все-таки

война должна всегда иметь какой-то приличный масштаб, какие-то высокие цели... Зачем сразу носом в землю? Война – это тоже жизнь, а жизнь порой меня очаровывает... и сразу же всякий раз разочаровывает, конечно...

На жизненных разочарованиях Телксиепии Эрато опять погрузилась в свои тяжкие размышления о незавидном положении, в котором она оказалась. И все, главное, зернышко к зернышку! Ведь все делала расчетливо, умно, дальновидно! А в результате своими же руками... И как теперь ей обыграть Холодца, когда на кону ее собственная душа, если с такой очевидностью выясняется, что как раз играть она совершенно не умеет?..

Она очнулась от цоканья каблуков гостыи, направившейся к двери. Потоптавшись в дверном проеме на своих красных туфлях, сирена обернулась к ней с грустной улыбкой, таявшей на губах, и добила ее окончательно доверительным шепотом: «Ты меня, конечно, прости великодушно, но если Холодец спросит, я ему сразу скажу, что часы Сфейно теперь у тебя. Я слышу, когда золотой песок сыпется. Поэтому поторопись по возможности...»

«Ulysses and the Sirens» John William Waterhouse (1849-1917)

6. Окипета

Рельефы «гробницы гарпий» из Ксанфа. Британский Музей.

*В том же преддверье толпой теснятся тени чудовищ:
Сциллы двувидные тут и кентавров стада обитают,
Тут Бриарей сторукий живёт, и дракон из Лернейской
Толи шипит, и Химера огнём врагов устрашает,
Гарпии стаей вокруг великанов трехтелых летают...*

Вергилий, «Энеида»

Из рук старика, застывшего на пороге кабинета, чуть не выпала заварочная чашка, от которой по коридору стелился шлейф тонкого запаха цейлонского чая с бергамотом. В его курульском кресле, украшенном медузиными головками по подлокотникам, небрежно постукивая перламутровым ногтем по ореховой столешнице, затянутой зеленым сукном, сидел молодой человек в белой тоге, обнажавшей его красивые руки с широкими браслетами.

— Какую отличную мебель делали раньше, верно? — спросил он старика. — Если не ошибаюсь, стол немецкой работы, ореховый массив, а фурнитура — испанская бронза. Великолепно!

Незванный гость встал и прошелся по кабинету, долго рассматривая старинный дрессуар, с закрепленными в дверцах шкафчиков прямоугольными вставками расписного стекла, где тушью и золотом были нанесены античные мотивы.

— Самое начало XIX века, — обернулся он к продолжавшему стоять с чашкой в руках старику. — А я уже начал забывать, насколько это было прекрасно! У вас и столики-треножки, ониксовые вазы, прорези в спинках дивана в виде лиры... чудесно!

©Книжная лавка <http://ogurcova-portal.com/>

— В-вы... кто? – с усилием выдавил старик.

Молодой человек посмотрел на него с нескрываемым недоумением. Вся обстановка кабинета в строгом и изящном стиле античного модерна как нельзя лучше соответствовала его облику, в отличие от старика с чашкой он оживлял все эти старинные вещи, словно в этот создававшийся долгими годами интерьер вернулся настоящий хозяин.

Старик же, напротив, смотрелся несколько странно на фоне мебели, явно знававшей другие времена и будто ждавшей их возвращения. Если один беглый взгляд на собранные предметы оставлял глубокое эстетическое впечатление на всю жизнь, то сам хозяин выглядел здесь случайной тенью. На его лицо можно было смотреть часами, пытаться запомнить каждую черточку, чтобы отвернувшись, тут же забыть навсегда. Казалось, стоило ему присесть на

банкетку с золочеными ножками в виде лиры, то он немедленно сольется с ее шелковой обивкой.

— Ах, оставьте эти церемонии! Вы давно ждали меня! – с легким раздражением бросил хозяину молодой человек. – Проходите, угостите меня чаем. Ведь вы ждали моего прихода с тех самых пор, когда поняли, что за коллекцию собирает ваш отец. Помните, как в детстве вам хотелось вместе с ним пойти на обыски и аресты, чтобы уж точно не пропустить ни одну эту чудесную вещицу? Молодость, романтика! Признайтесь, тогда бы вы встретили меня более гостеприимно?

— В молодости с легкостью веришь в несбыточное, так много хочется, — тяжело вздыхая, сказал старик, устраиваясь на канapé у окна. — Потом понимаешь, какое опустошение могут приносить исполненные желания, а от каждой встречи ждешь очередного разочарования...

— Да, но от этих вещей вы не отказались, хотя лучше других знаете, что означают эти змейки, орлиные когти и медвежьи лапы, — рассмеялся гость. — Только вот передать это все будет некому. Опять разнесет эти вещи по разным рукам... пока кто-то вновь не решит собрать их вместе.

— Мне это нужно для работы, чтобы постоянно ощущать некие флюиды, чтобы сразу погрузиться в атмосферу античности, — пояснил старик, глядя, как гость бесцеремонно взял со стола увеличенную фотографию ликийского

барельефа. — А этот барельеф интересен тем, что гарпия изображается не с обычными орлиными лапами, а с медвежьими.

Гарпия с медвежьими лапами на фотографии сжимала тщедушное тело ребенка. Молодой человек перевел взгляд с фотографии на медвежьи лапы серванта с античной майоликой.

*Гарпия с младенцем. Рельеф саркофага.
Британский Музей.*

— Уверен, что мебельщик никогда не видел ликийских памятников Ксантоса и рельефных фриз мавзолея «Харпии», изображающих край мёртвых, а вот пропорции взяты те же самые, — с недоумением сказал он. — Только древними ликийцами гарпии изображались не по преданиям, а именно такими, какими они их видели. Обычно гарпий видят лишь обреченные. Ксантос был единственным городом, где жители дважды за свою длинную историю совершали массовое самоубийство, чтобы избежать владычества гарпий.

— Так это в память об этом на западе города был выполнен мавзолей, на котором была изображена гарпия...

Они действительно ее видели, когда она кружила над городом, — догадался старик. — Никто раньше не понимал смысл барельефа, считая, что гарпии похищают не только души взрослых, но и крадут детей. Ведь здесь гарпия в когтях она сжимает душу ребенка.

— Люди воспринимали это изображение слишком прямолинейно. Изображение, скорее, аллегорическое, ведь жители Ксантоса сами умертвили собственных детей, чтобы те не достались гарпиям. Человеческое восприятие в большинстве случаев не назовешь утонченным, — задумчиво произнес молодой человек. — Здесь довольно точно изображена реальная Окипета, наша «быстрая», и у нее действительно медвежьи лапы, от которых и пошло смешное выражение «медведь на ухо наступил», где подразумевается именно ее лапа и ничья больше. В ее задачу входит контроль над младшими музами, чтобы не дать им возможность раскрыться, чтобы их творчество было понятно немногим... вот как истинный смысл этого барельефа.

— Но сейчас этот барельеф находится в Британском музее, мало кто его не видел, — будто в оправдание сказал старик.

— Мало кто? Но тех, кто понимает, о чем речь, действительно мало! — воскликнул гость. — И знаете, почему? Потому что мне не нравится, когда

таких становится слишком много! А еще мне не нравится, когда кто-то делает вид, будто не понимает, о чем идет речь. У вас ведь имеется и камея – точная уменьшенное изображение этого барельефа.

Старик вздрогнул и опустил голову. Молодой человек широко улыбнулся, глядя на его посеревшее лицо.

— Как повторяется история! И вот уже жители другого осажденного города решают погибнуть, но не сдать свой город врагу. А ваш отец в этом холодном умиравшем городе искал эту камею, понимая, что она позволяет видеть... Вы не могли бы ее показать мне? Хотелось бы взглянуть на нее еще раз.

— Ее... у меня нет, — выдавил из себя хозяин.

— Жаль, — не стал настаивать гость. — Я хорошо помню эту сцену! Темная холодная каморка при кухне огромной вымершей коммунальной квартиры... Ваш милый папа подошел к умиравшей на топчане старушке, державшей камею в счет оплаты тому, кто найдет ее, а потом

найдет в себе силы, чтобы отнести ее к общей яме. Больше у старухи ничего не было, камея была всем, что осталось от ее жизни. Ваш папа поступил благородно, он вынул камею из слабых старушечьих пальцев и вложил в нее пайку блокадного хлеба. Она ему была не нужна, он ужинал в Смольном.

— Не думаю, что вы правы, — осторожно возразил старик. — Отец сказал, что... нашел случайно. Там ведь были бомбежки, разрушения...

— Вы, смертные, так наивны, считая, будто за вами никто не наблюдает, когда вы не видите никого рядом, — оборвал его гость. — Вам дают в безраздельное владение самую непостижимую тайну, самую большую драгоценность, которую вы так и не научились ценить. И вы считаете, что никому вокруг неинтересно, как вы ею распорядитесь. А это... интересно многим!

— Вы имеете в виду... камею? — нерешительно поинтересовался старик.

— Не совсем. Хотя и ее тоже. Как вы считает, отдать за бесценную камею корку хлеба, зная, что старуха уже ничего не сможет никому рассказать — это

погубить или спасти свою душу? Это лишить надежды умирающую или, напротив, ее дать? Как вы понимаете, все ответы будут неоднозначны. Впрочем, давайте к делу, вы же знаете, ради чего я вас потревожил.

В гостиной внезапно хлопнуло окно и ветер шевельнул гардины из тяжелого шелка. Старик с тревогой посмотрел на молодого человека, невозмутимо рассматривавшего старинные книги в шкафу с выдвижными ящичкам бюро для письма. В гостиной послышались тяжелые быстрые шаги, и старик со страхом посмотрел на входную дверь, где возникла странная фигура женщины-полуптицы с мощными медвежьими лапами. Ее бледное лицо необычайной красоты, увенчанное царственным венцом, выражало крайнее презрение.

— А, вот и она! – радостно распахнул ей руки навстречу мужчина. – Наша красавица Окипета, быстрая и беспощадная, лишаящая каждую душу вредного и ненужного качества – сочувствия, сопереживания. Обычно люди не дают воли этому чувству, считая, что без него будут счастливее. А это чувство – единственное, что дает возможность понимать красоту мира и настоящее искусство. Без него и возникает та самая глухота ко всему прекрасному, которая называется «медведь на ухо наступил». Но полюбуйтесь той, кто заслуженно носит эти медвежьи лапы!

Renee Augustine von Morren

— Он меня видит? – спросила гарпия резким неприятной тембровой окраски голосом. – Ты с ним уже все решил? Каменя у него?

— Нет, пока еще не решил, куда торопиться? Тебе все надо быстро, — остановил ее молодой человек. – Он говорит, будто камеи у него нет, но ведь ты сама чувствуешь, что она здесь, но хорошо укрыта от посторонних глаз.

Надо решить не с ним, а с... Царицей. Может, лучше оставить его хранить камеею, чтобы она не попала в чужие руки?

— Поступай, как знаешь! — по-прежнему резко ответила Окипета. — Мне все равно! Но я должна иметь гарантии, что камеея не попадет к младшим музам. У меня и так сейчас много проблем. На днях мне тот, кто нынче воплощает Мельпомену, предложил почитать репринтное издание преподобного Кобхема Бруера. Еще и зачитал при всех: «Он как гарпия, разумею под этим: тот, кто хочет поживиться на чужом; тот, кто без угрызений совести живет за чужой счет». И все вокруг притворно заахали: «Начало прошлого века, а будто из нашей жизни! Какой потрясающий реализм!» Но смысл этой сцены был бы понятен и младенцу, мне откровенно намекнули, что считают гарпией.

— Ну, они ведь не смогут доказать это в суде, — легкомысленно перебил ее молодой человек. — Однако, с какой стати начали издавать эти книги?

Он резко повернулся к старику и спросил: «У вас вижу книги Райса Берроуза Эдгара, Джона Гуиллима, Аптона, Альдрованди, Конрада Геснера, Генри Пичема... всех предыдущих владельцев камееи, все они писали о гарпиях. Но мало кто собирал библиотеку только о них, без единой вещицы, где бы содержалось вдохновение другого рода. Мне даже нет нужды заглядывать в ваш Оксфордский словарь, чтобы увидеть, где там торчит закладка. Тоже на гарпиях, верно?»

— «Гарпия — хищное жадное существо, нападающее на людей и грабящее их», — процитировала на память Окипета. — Откуда в последнее время появилось столько репринтных изданий именно из вашей уникальной библиотеки? Второго такого собрания, насколько мне известно, нет.

— Я здесь ни при чем! — вскинулся старик. — Меня тоже удивило недавно в букинистическом отделе, как юноша смотрел “Теогонию” древнегреческого поэта Гесиода, упоминавшую вас и вашу сестру — “белокурую” Аэлло. Его в Древнем Риме не все читали! Тираж пять тысяч экземпляров, почти как у порнографических журналов. Еще подумал, с какой стати их на Гесиода потянуло? А этот мальчик еще прочитал вслух своей подружке именно про вас — “Окипета дружит с ветрами и птицами, и ее быстрые крылья возносят ее высоко над землей”. И все вокруг прислушались, а два покупателя молча взяли книгу античной поэзии и пошли покупать!

— Это она так на всех действует, — вскинулась женщина-птица. — Только она может написать, как все вокруг взбесились и пошли читать «Теогонию» Гесиода, это в ее стиле. А сейчас она пишет и уже знает, что мы придем к нему! Я чувствую ее смешок! Ты должен был ей помешать!

— Я сделал все, что мог, — ответил гость, нахмурившись. — У нее, конечно, никогда не могло быть этой камееи, но она как-то ведь поняла, кто перед ней, раскрыв Аэлло. Кстати, где сейчас Аэлло?

Master of Female Half-length — Saint Mary Magdalene at her writing desk — 16th

— Она с Аэллопой, — неохотно призналась Окипета.

— Аэллопа еще не летает? – озабоченно спросил он.

— Нет, расплавились маховые перья, сложно восстанавливаются. Эта Сфейно обратилась в адское пламя...

— Проклятая старуха! – не на шутку разозлился молодой человек, и старик с удовлетворением почувствовал и нотку страха, который тут же отозвал в нем самом тоскливым тянущим чувством, потому что молодой человек повернулся к нему и зло произнес: «Поэтому нам надо поинтересоваться у этого смертного, как это они допустили такое?»

— Да я-то здесь при чем? – еще больше удивился старик. – Вы сами должны были хоть немного сдерживаться, не устраивать пиршество гарпий настолько открыто! Нельзя было разрушать все! Ведь даже наш отдел античности разогнали... А при нас такого не было.

— В театре уже собрались Полигимния, Мельпомена и Талия, — бесстрастно доложила Окипета. – Терпсихору удалось выжить несколько лет назад. Сирена Телксиепия сказала, что Эрато имеет в планах помочь младшим музам. Того и гляди, в театре соберется полный комплект.

— Эрато? — рассмеялся молодой человек. — Она уже сделала достаточно, чтобы о ней можно было забыть навсегда, поставив жирный крест на нашей хорошенькой музе любовной лирики. Да и Терпсихоре, чья трудовая книжка до сих пор лежит в театре, путь на его сцену закрыт окончательно. Думаю, ты как-нибудь справишься с этими тремя?

— Я бы не стал рассуждать столь категорично, — тихо сказал старик, обратив внимание, что в глазах женщины-птицы промелькнуло нечто вроде благодарности, — Возле Каллиопы появилась какая-то женщина на Фейсбуке. Она посещает оперные форумы. Это легко отследить, — кто и где дает ссылки на «огуречный блог» Каллиопы. Она весьма последовательно привлекает Каллиопу к защите одного преподавателя центральной детской музыкальной школы, обвиненного в домогательствах к ученице.

— Но ведь ее блог никто не читает, — презрительно вставил гость.

— Какая разница? — продолжил старик. — Вы же сами знаете, что

Каллиопе достаточно показать написанное хотя бы одной старшей музой, чтобы оно начало работать. А как я понял, она уже нашла Клио. Это очень опасно, у нас никогда не собирались вместе старшие сестры. Позапрошлым летом, после обрушения ее блога, она пригласила к себе всех, кто помогал восстанавливать ее новый блог.

©Книжная лавка <http://ogurcova-portal.com/>

Там были наши люди, они подтвердили, что к ней приезжала женщина, очень подходившая в интересах и высказываниях на Клио. Они прямо вцепились друг в друга. И эта Клио постоянно вертелась возле нее, поддакивала, всему радовалась. Потом она неожиданно явилась на суд, где доказывала, что все слова, которые не кому-то не понравились, писали в блоге Каллиопа представители спецслужб, имея доступ к панели администратора. Там все заседания, где она присутствовала, превращались в сплошную чертовщину. Вызванный прокурором эксперт, якобы проверявший компьютеры, изъятые у Каллиопа, при ней заявил, что в админскую панель может с легкостью войти «кто угодно». А перед этим он хвастал, как следил за всеми по IP-адресу. Едва его

удалось привести в чувство, но все доказательства полетели так, что судью пришлось в бараний рог сворачивать. Нет, это определенно она! И нет разницы, чувствует Каллиопа свою магию или нет. Когда она вместе с Клио, та всегда из-за ее спины устроит «урок истории», внушит ей уверенность. Она и в блоге у нее постоянно давала какие-то исторические ссылки. Они вместе жили, вместе ели, поэтому в полной инициации Клио сомневаться не приходится. И нынче вместо этих двух муз, которыми обычно выступали нелюдимые индивиды не от мира сего, — две хитрые ушлые бабы, на которых клейма негде ставить.

— Как это вообще могло произойти? Как? – с раздражением выдохнул гость, сжимая кулаки. – Почему я все узнаю последним?

— А ты хотел это знать? – вставила шпильку Окипета. – Ты был занят самим собой, считая, что тебе достаточно флиртовать с Эрато, заранее предвкушая, как разделаешься с ней, когда ее время выйдет. Ты считал, что достаточно выставить кого-то вместо них, но ведь часики Сфейно запускаешь не ты! И что останется мне, когда она соберет всех старших муз и перешагнет через голову Эрато, как та всю жизнь блохой скакала по их головам?..

— Нет, это я вас всех должен спросить, почему она еще жива, если все так плохо? – заорал гость больше для себя, чем для присутствующих. У нее не было ни одного шанса! Я, лично я ей не оставил ни одного шанса! А вы должны были ее прикончить!

— Да она добивалась, чтобы ей объявили войну открыто! – заорала Окипета.
 — Я это потом только поняла, когда она Аэлло уничтожила, выставила ее на посмешище! Когда она выставила всех на посмешище, включая генерала, который лично приезжал за ее приговором на двадцать тысяч рублей! А ты в курсе, что этот судья вызывал ее после суда к себе и рыдал:

Николай Ге «Суд царя Соломона» 1854 г.

«Вы поймите! Вы должны понять! Не все в наших силах!» А потом ей звонили из всех районных прокуратур и просили скинуть им на мейл ее приговор и обвинительное заключение. И ржали над нами! Ржали!

— И над ней тоже! – продолжал орать молодой человек, на бледных щеках которого от крика показался слабый отблеск румянца.

— Да кому она нужна? Она в этом раскладе вообще ничего не значила, это все понимали! – зло возразила Окипета. — Ее еще умоляли перестать под прослушку рассказывать истории про исполняющую обязанности прокурора района, которую выставила Аэлло ей вместо психиатра в психушке. – Ведь прослушкой занимаются молодые мальчики, они откровенно ржали над этими историями про пьянки прокуроров и фигурную... ерунду всякую, про «целлюлитные задницы некоторых полковников юстиции, которые они не стесняются демонстрировать молодым лейтенантам в состоянии сильного алкогольного опьянения!» Но главное, во всем Поволжье борьба с экстремизмом на ней и захлебнулась! Все под завязку наелись ее историями, которые она публиковала в Интернете!

— Должен заметить, что вы сделали только хуже, — вмешался старик. — Мы на долгие годы создали возле нее вакуум, делали вид, что она — никто и звать никак. Мы постоянно доказывали ей, что она ничего не значит, ее никто не читает. А во что превратилась эта ваша борьба с экстремизмом? Там же вышли на бюджетный «распил» доморощенные «эксперты», доказывавшие ей в суде, что каждое ее слово взрывается в чужих мозгах и заставляет полностью пересмотреть свою жизнь нежелательным образом. Как бы еще и псевдонаучную базу подводили под эти утверждения. Сами-то они, конечно, утверждали, что на них «не подействовало», но само это дело давало понять, что Каллиопа необычайно важна всем! А этого делать было нельзя! Тем более, что с нее начали с первой перед масштабными общественными провокациями с демонстрациями и митингами. И какой вывод могла сделать Каллиопа, всегда выступавшая против общественных беспорядков?

— Да это он не понимает! — продолжала орать Окипета, хлопая крыльями и наступая на молодого человека, который будто стал ниже ростом. — Там три года планировалась кампания по закручиванию гаек, а она все сорвала, все!

«Объективная необходимость» Вести с этой войны. Часть I »

ЖКХ, где можно посадить всех

27.01.2004

“...Из-за неразберихи в финансовых отношениях между муниципальными властями и энергетиками в Орджоникидзевском районе Екатеринбурга уже неделю отключена горячая вода. Не работают детские сады, больницы и другие жизненно-важные учреждения. Местные руководители утверждают, что долг в размере 56-ти миллионов рублей погашен. Деньги энергетикам отправлены, а те говорят, что деньги до них не дошли...”

США разбомбили Белград. А теперь падают бомбы над Бушей. Над Бушей падают бомбы в Европе!

Путин - Касьянова - Грефа В ОТСТАВКУ!

Огурцова на линии

Свежие записи

- Поговорим о странностях любви. Часть IV
- Поговорим о странностях любви. Часть III
- Вебинары января
- Поговорим о странностях любви. Часть II
- Людам реального сектора. Часть III

Свежие комментарии

- adk к записи Поговорим о странностях любви. Часть IV
- Аппа к записи Поговорим о странностях любви. Часть IV
- VaninaVanini к записи Поговорим о странностях любви. Часть IV
- adk к записи Поговорим о странностях любви. Часть III

Календарь ве

Пн	Вт	Ср	Чт
1	2	3	4
8	9	10	11
15	16	17	18
22	23	24	25
29	30	31	1

2017 2018

Огурцова на линии
288 like

You and 55 other like this

Наездом на нее, открытым выступлением, они ей все карты в руки сдали, она каждого прокачала и все выложила в Интернете. Ведь сейчас ни одного провокационного движения не осталось! От всех «лидеров» тут же стали отшатываться, стоило им сказать что-то против нее! А они долгие годы помогали ее сдерживать! И какие сейчас у нас «лидеры оппозиции»? Они поднимают ее темы бюджетного воровства и коррупции! Никто не может шевельнуться на политической сцене без обязательной критики в адрес «реформы ЖКХ»!

— А разумнее было выступить в старом апробированном русле «пролетарского интернационализма», — повысил голос старик. — А Каллиопа, выступавшая против преступлений на этнической почве, тут же заявила, что у нас — «многонациональная нация», выбивая почву из программной «защиты русского этноса» националистических движений. Уж как она может все смысла лишить, так никто, кроме нее, как говорится, не сделает.

— Интересно, а как раньше-то их приканчивали? Мы что-то новое изобрели? — рявкнул молодой человек.

— Я бы сделал все, чтобы она так и писала свои статейки, реагировала на текучку, но не дал бы ей продолжать писать! — почти заорал на него старик.

— В советское время мы всегда могли выставить для общественного признания — достойную замену инициированным музам. Но одновременно могли завалить каждую музу социальным обеспечением так, чтобы разрушить связи со средой, внушить принципы если не партийного, то чистого искусства — «искусства для искусства!» Лева Осинский ведь не зря сразу премию «Апофеоз» организовал, он отлично улавливал тенденции.

— Она — непредсказуемая... нельзя было открыто давать ей понять собственное значение, — зло шипела Окипета. — А ведь это поняла не только она одна. Задача была в том, чтобы от нее отвернулись. А потом пришлось травить всех «оппозиционеров», чтобы привлечь к ним хоть какое-то внимание! У всех пришлось устраивать обыски, на всех пришлось заводить уголовные дела, выгонять с работы, допрашивать в отделах по борьбе с экстремизмом. А она еще нагло интересовалась, почему всех этих уличных

бузотеров не проверяют в психушке! В результате все, что происходило с ней, — превратилось в общепринятую практику, стало «обычным делом». А все, что раньше высказывала она одна, были вынуждены говорить все, но в более агрессивной и неконструктивной риторике. Ты этого хотел?

— Надо было загрузить ее в университете, надо было позволить ей печататься, но в узком спектре, требовать научной работы, платить, наконец! — продолжал орать старик. — Она же привела свои «расчетки» на заработную плату. Она писало в правоохранительные органы, что ее в университете обворовывают, писала о взятках, помешала вывести огромные деньги с зарплаты преподавателей по мошеннической схеме с недвижимостью университета. При обыске у нее были обнаружены документы, доказывавшие все эти заявления. Но никакого прокурорского реагирования по ним, конечно, не

было, зато ей сразу начали за работу платить в девять раз больше, чем она получала раньше! Так неужели она в этом случае не сообразит, что к чему? И на работе в период суда и следствия ее особо нельзя было травить, поскольку какой-то идиот взял показания с ее декана, являвшегося главным свидетелем ее «идейного перерождения», что она постоянно обращалась в правоохранительные органы на его счет. И кто бы в советское время при всей фактуре выпустил этого гаврика на свободе гулять и бороться вместе с прокуратурой с «экстремизмом»? Так раньше мы и с музами не действовали с такой тупой откровенной прямолинейностью. Мы понимали, как бессмысленно ловить музу, в руках окажется только воздух.

— Перестаньте орать! – вдруг резко оборвал их молодой человек. – Вы слышите?

Умолкнувшие гарпия и хозяин квартиры услышали последние отзвуки высокого, почти девичьего смеха, тут же умолкнувшего, как только в кабинете стало тихо.

— Давайте, не будем поддаваться эмоция, иначе окажемся в ее власти, — сумрачно сказал он. – Но вы ведь выходили в ее блог, пытались с ней говорить! Она же не может отступать от основ эпического жанра, предусматривающего полную искренность!

— Выходил, не отрицаю, — подтвердил старик. Давно имел там аккаунт, еще в старом блоге, который мы уничтожили. Но манипулировать ею невозможно, вы должны понять, что нынче вместо Каллиопы – хитрая изворотливая баба, которая может легко высмеять все, включая собственные благородные порывы. И что она делает с русским языком... это тоже за гранью моего понимания. Она так и пишет, что до нее русский язык умирал. И это соответствовало действительности! Он больше напоминал мертвый язык, зараженный небывалым количеством иностранных заимствований и «новояза».

— А зачем вы за ней следите, — насмешливо поинтересовалась Окипета. – По старой привычке?

— Я и живу по привычке, — проворчал хозяин. – А за ней я слежу, чтобы вся моя предыдущая жизнь не утратила смысл. И мои усилия, наконец-то, начинают ценить, как я вижу. Ждал вас раньше, не тогда, когда вам уж совсем обратиться не к кому.

— Вы мне всегда нравились, — примирительно ответил ему гость. — Раньше партийность в литературе позволяла уничтожить любого и без таких ночных визитов, без «борьбы с экстремизмом». Тихо и надежно. А сейчас сложнее. Надо доказать человеку лично, что все, что он себе насочинял – не имеет смысла.

— И как ты ей это теперь докажешь? — опять начала вскипать Окипета, обращаясь к молодому человеку. — Правильно про нее кто-то на литературном форуме сказал, что она — переформатирует пространство!

— Так, давайте все же сместим акценты немного ближе к цели нашего визита, — остудил ее пыл молодой человек, усаживаясь в кресло хозяина, как на трон. — Изложите, пожалуйста, основные идеи, которые она декларирует сейчас.

— Да там, собственно, одна идея — это борьба добра и зла, — пробурчал старик. — Она вообще всегда подчеркивает, что бывает много лишь идеологий, но в основе каждой лежит обоснование нелегитимного способа приобретения собственности, которая тебе принадлежать не может. Музы вдохновляют на творчество. Если есть пример, когда человек ничего не создает, не творит, а всего лишь становится частью «класса эффективных собственников», растлевая всех самой возможностью подобного приобретения, то жизнь всех утрачивает смысл, стремиться больше не к чему.

— Она самая опасная, пожалуй, из всех, — вставила словечко Окипета. — У нее странный талант для музыки эпической поэзии, она может все превратить в фарс, легко создает образы, рождает какое-то легкое отношение к жизни.

Свежие записи

- [Поговорим о странностях любви. Часть IV](#)
- [Поговорим о странностях любви. Часть III](#)
- [Вебинары января](#)
- [Поговорим о странностях любви. Часть II](#)
- [Людам реального сектора. Часть III](#)

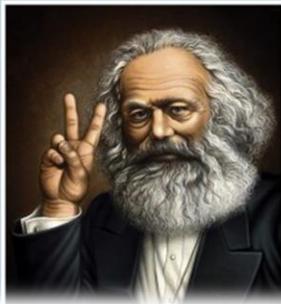
Свежие комментарии

- [agk](#) к записи [Поговорим о странностях любви. Часть IV](#)
- [Аппа](#) к записи [Поговорим о странностях любви](#)

« [Легитимность](#) » [Есть — от винта!](#) »

Немного о моем народе

02.07.2008

С раннего детства Карлу Марксу очень нравилось глядеть на народ. Подперев щеку рукою, он любил подолгу смотреть, как народ славно работает в поте лица но, зачастую, страдает народным страданием. И как-то сама собою пришла ему мысль, что именно он не должен работать вообще, а страдать — тем более, чтобы придумать для любимого им народа выход из замкнутого круга: поработал, поел, поношался, подрался, поспорился с тещей, пострадал, а с утра опять на работу...

Отчего-то народ в лице именно тех прослоек, которые имели наибольшее количество времени для свободных размышлений о счастье народном, не мог долго выносить присутствие любозного Карла Маркса, интересующегося чужими капиталами и рисовавшим повсюду алхимические формулировки "деньги-товар-деньги".

Деньги и Карла не было, а товар ему в долг никто не давал.

Календарь

Январь

Пн	Вт	Ср	Чт
1	2	3	4
8	9	10	11
15	16	17	18
22	23	24	25
29	30	31	1
2017		2018	

— В ее блоге я всегда выступал с коммунистических позиций, видя, насколько негативно ее окружение воспринимает происходящие «демократические преобразования», — пояснил старик. — И лучше бы не трогал это вовсе, она начала вводить всякие смешные словечки. Например, «марксизм-ленинизм» назвала «карламунизмом», высмеяла и само учение, и его апологетов. У нее был пост «Немного о моем народе», где в нескольких строчках не оставляла камня на камне от вековой пропаганды. После этого поста рухнуло несколько

марксистских форумов, а все вокруг «просто ржали», как мило отметила Окипета.

Старик подошел к столу, включил ноутбук и показал несколько закладок своему гостю.

С раннего детства Карлу Марксу очень нравилось глядеть на народ. Подперев щеку рукою, он любил подолгу смотреть, как народ славно работает в поте лица но, зачастую, страдает народным страданием. И как-то сама собою пришла ему мысль, что именно он не должен работать вообще, а страдать — тем более, чтобы придумать для любимого им народа выход из замкнутого круга: поработал, поел, поношался, подрался, поссорился с тещей, пострадал, а с утра опять на работу...

Отчего-то народ в лице именно тех прослоек, которые имели наибольшее количество времени для свободных размышлений о счастье народном, не мог долго выносить присутствие любопытного Карла Маркса, интересующегося чужими капиталами и рисовавшим повсюду алхимические формулировки «деньги-товар-деньги».

Денег у Карла не было, а товар ему в долг никто не давал. Карл понимал, что народу придется очень плохо без него. Пропадет народ без Маркса, так и не поняв собственных исторических перспектив. Поразмыслив с философской широтой, он понял, что, пока молод, у него тоже есть товар, за который можно выручить неплохие деньги...

— И дальше в таком же русле она сносит все попытки «жить за народ», — пояснил он. — Я, конечно, попытался возражать. Тогда обратилась к римскому праву, доказав несостоятельность всех идеологических течений XIX и XX веков, объяснив, что еще в античности существовали все три вида собственности: частная, общественная и государственная. Я понял, что она запросто снесла всю идеологическую надстройку, создававшуюся годами не только трудом историков, философов, политологов и партийных инструкторов, но и многолетними репрессиями, незаметными обществу, нашими многолетними усилиями. Всех тогда очень поразило одно положение в римском праве, что путь приобретения собственности не может быть нелегитимным, то есть из соображений «классовой борьбы» или, как нынче, — путем вывода капиталов через оффшоры. Все вокруг начали на разные лады повторять, что собственность, приобретенная без согласия предыдущего владельца, не может признаваться законной ни одним обществом. Как начал работать ее блог, я уже не знал ни одного спокойного дня, все рушилось вокруг меня так, будто никогда не было непререкаемыми бастионами долгие годы, а являлось всего лишь карточным домиком.

— Блог имел хорошую посещаемость? — спросил гость.

— Еще бы! Показатели статистики мы срезали по аналитике поисковиков, но зрелище было настолько завораживающим, что там зависали все, включая клерков администрации президента. Попытались клонами хоть как-то

приостановить этот процесс уничтожения стереотипов, действительно мешавших людям жить своей жизнью. После ее издевки никто уже не мог пользоваться стереотипом о «необходимости» создания «класса эффективных собственников». Проснувшаяся Клио тут же рассказала об олигархических диктатурах Спарты... А почти все посетители ее блога были детьми и внуками тех, кто защищал достояние Родины в минувшую войну, они моментально откликнулись на ее доводы.

— Ты не забывай, что до того, как привилегированным классом у них были объявлены те, кто присвоил государственную собственность в особо крупных размерах, раньше у них «авангардом всего общества» был рабочий класс, — вклинилась в рассказ старика Окипета. — Писателем официально становились только те, кто прошел «школу жизни» в качестве рабочих. И очень не хотели обратно вставать в «авангард». А она ведь в советское время стала кандидатом технических наук, потом ей каждый год давали новые дисциплины, не позволяя защитить докторскую, не давая возможности реализоваться в профессии. А когда рухнул СССР, она освоила бухгалтерский учет, начала получать юридическое образование, некоторое время поработав в милиции... Короче, из нее будто нарочно делали Каллиопу!

Квентин Массейс «Меняла с женой», 1514

— Нет, это так получилось «нарочно», — возразил старик. — Она не должна была писать, ведь у нее еще и семейные заботы. Я подозреваю, что все это стало подготовкой к ее творчеству только потому, что мы проглядели ее инициацию в советский период. Да и никто не придал тогда особого значения показаниям некоего школьника, вызвавшего гарпию в класс. Мы же ничего не знали тогда о перемещениях Эвриале.

— Даже я моментально находила внутри себя ее аргументы, когда его клоны глуповато возражали, что всем надо «простить приватизацию», раз все равно она не ихняя частная собственность, — вспомнила Окипета. — Каллиопа как-то сказала, что есть вещи, которые не могут находиться в частной собственности, т.к. срок их службы превышает средний срок существования

предприятий, частной инициативы. Она легко оперировала элементами системного анализа.

— Каллиопа вела со мной царственно и почти любезно, — продолжал старик. — Это, пожалуй, больше всего в ней раздражало. Потом ко мне подключилась вторая, Клио, как только начала просыпаться. Она нисколько не скрывала, что ненавидит меня. Ведь она как бы «восстанавливала связь времен», говорила от имени исторической справедливости. Я понял немного раньше, кто она такая, это ведь женщины, они не слишком верят в себя. Но она внезапно напомнила мне про старуху и ее каменю... Будто тоже была там!

— Кроме прочего, меня интересуют их часы, сказал гость. — Что вы о них знаете?

— Об этом знаю немного, — признался старик. — Часы у старшей горгоны Сфейно, которую еще называют «могучей». Взять ее пытались неоднократно. В романе «Мастер и Маргарита» по сюжету милиция врывается в квартиру, где слышатся голоса, чертовщина всякая. А далее огромный кот устраивает пожар из примуса. Все как бы смешно и художественно. Литература — вещь крайне идиотская, там вещи, которые сразу воспринимаются «буйством фантазии автора», как правило, имеют вполне реальную основу. И никто не может понять, отчего же какая-то особая вера всей этой ерунде? Возникает какая-то другая система, где воспринимаются правдой то, чего не было, а вот про что думаешь, будто этого быть не могло — является правдой. Все это так спрессовывается, что начинает перевешивать реальность, достраиваться самостоятельно. И надо учитывать, что реальность зачастую пытаются творить люди... гм... не самые умные, далеко не всем интересные. Всю жизнь прикрывал тылы людям, которые вообще не были никому интересны. Столько усилий потрачено, чтобы они элементарно выглядели прилично... и зачем? Никто их не помнит, как не запомнит и нынешних...

— Вас куда-то не туда понесло! — оборвала его Окипета. — Вы опять попали под ее влияние! Так и сказали бы, что не знаете, где часы сейчас, после того, как выгорела квартира Сфейно. Сирены говорили, что часы у твоей милашки Эрато. Но ведь как только ты ими заинтересуешься, туда явится Сфейно и опять устроит пожар, как этот литературный кот с примусом.

— Как вы думаете, старшие музы уже собрались в круг? — задумчиво спросил гость.

— Если еще не собрались, то очень скоро обернутся, — утвердительно ответил старик. — Перед этим они непременно встретятся в реале, в Интернете это не действует, нужен физический контакт и по древним обычаям — непременно общая трапеза. Даже горгоны, которые могут вдохнуть сущность музы в кого угодно — одним щелчком ногтя по флакону, всегда устраивают небольшое застолье в честь новой музы. Как рассказывали моему отцу «любимцы

Каллиопы», у них на такой случай заготовлены яства с королевских столов разных эпох. Одного угощали каплунами со свадебного ужина Марии-Антуанетты.

— А как это происходит? — с живым интересом спросил молодой человек.

— Там достаточно прикосновения руки, какой-то обмен дарами, всякая ерунда, с нашей точки зрения, — пояснил старик. — И, как мне рассказывали, какая-нибудь настойка. Если учесть, что Клио, живущая на Украине, как бы у истоков всей российской истории, непременно тащит с собой сало и украинскую горилку, то и сомневаться не приходится, что на такую «пищу богов» соберутся все эти нынешние музы.

— Да уж, — проворчала Окипета. — Нынче будто все сделано нарочно, чтобы спелись четыре старшие сестры. Пятая у них Эрато — она в середине, раньше от нее многое зависело. Но сейчас между нею и сестрами лежит слишком явная пропасть, а она самая ненадежная. Вряд ли нынче все будет зависеть от нее.

— Четыре младшие сестры, насколько я понял, уже собрались и хорошо друг друга знают, причем, без помощи Эрато, — согласился с ней старик. — Мы все же действовали тоньше, аккуратнее. А нынче все наши отделы уничтожили! Все занимаются приватизацией и «пенсионным обеспечением». Считают, что с этими поганками справятся прокуратура, суды и следственные отделы в рамках «борьбы с экстремизмом». А те дров наломают, только хуже делают.

Он с тяжелым вздохом начал вспоминать свою работу в прежнем огромном отделе хтонических религий, то есть тех, где люди называли вещи своими именами, еще не начав придавать своим верованиям цивилизованный вид космогонических мифов. Собираться вместе музам не давали в точности так же, как преследовали любое проявление «реакционного шаманизма». Хотя, казалось бы, в условиях торжества «научного атеизма», бороться с шаманами абсолютно недоразвитых религий — было довольно нелепо. Ведь это даже не буддизм, а уж тем более — не античное язычество. Но открыто бороться с музами считалось идеологически неправильным, ведь основным курсом КПСС было «полноценное и всестороннее развитие каждого».

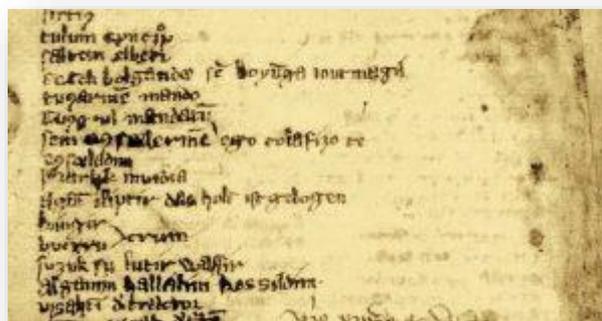
Если основными функциями шаманов было лечение больных, предсказание будущего и розыск пропавших людей и вещей, то не хотелось и задумываться, о чем могут камлать музы, собравшиеся в круг. Но, на всякий случай, все сотрудники отдела античной мифологии изучали шаманские практики,

понимая, что имеют дело с более древними ритуалами, предшествовавшими возникновению античных мифов. Само слово «камлание» происходило от тюркского *kat* – колдун, знахарь, прорицатель. В древнейшем памятнике тюркской письменности, в уйгурской поэме «Кутадгу билиг» («Наука о том, как быть счастливым»), написанной придворным кашгарского двора Караханидов Юсуфом Баласагунским в 1069-1070 годах, среди иных дидактических бейтов имеется и следующее поучение:

*Есть много знахарей,
Которые исцеляют болезнь ветра,
К ним, господин, ты должен обратиться,
Заговоры помогают от болезни;
Но если тебя будет лечить кам,
Ты должен, господин, полностью ему верить,
Врач «отчи» не любит его речи,
Он отходит от мукасима.*

Арабское слово *мукасим* буквально означало «тот, кто дает клятвы», «заклинатель». В поэме Юсуфа Баласагунского оно синонимично тюркскому *kat*. В другом месте поэмы давался совет «Или держись врача, или кама». *И подразумевалось не только врачевание тела, но, прежде всего, души.*

Codex Cumanicus

В вышедшем в 1303 году списке слов тюркского племени команов «Codex Cumanicus», составленном каким-то итальянцем, изучавшем переселившиеся в конце XII века из Северного Причерноморья в Венгрию племена, – слово *Incantatrix* (ведьма) передано как *kat katun kisi dir*. *То есть впервые прозвучало нечто вроде женщина-заклинательница, женщина-кам.* И подчеркивалось именно женское начало в самой технике создания заклятия, а слово *Adiuno* (я совершаю заклинание) – переводилось как *kamlik etermen* (я совершаю дело кама), то есть шаманю. Слово *kamlik* в среде алтайских тюрков и значит колдовать, шаманить, иначе – камлать. Уже тогда отмечалось, что шаману помогают духи, но имеющие некую женскую сущность. Там же эти

духи называются «сестрами». В советское время это считалось пережитком матриархата.

Мало того, что литература – нечто вроде магии. Ведь в хорошую книжку погружаешься, как в иной мир, от нее невозможно оторваться. Если книжка несет в себе отклик настоящего *kamlik*, то в результате не только замыкалась эстетическая триада по созданию художественного образа, но в чем-то любой читатель, иначе глядевший на мир, сам мог влиять на свою жизнь, на события. Читатели в результате контакта с этой опасной разновидностью *kamlik*, обретали точку опоры внутри себя, начиная менять мир вокруг себя.

Для первобытного общественного уклада сущность камлания заключалась в общении с духами ради достижения прагматических целей самим шаманом или заказчиком камлания, которым мог выступать и отдельный человек, и род, и целая община. Цель камлания – свободное перемещение шамана в небесных, подземных или земных сферах, то есть там, где обитают необходимые для выполнения задачи данного камлания духи. Задачи же камлания сводились к встрече с высшими небесными духами и сообщить им о нуждах общины. На встрече с духами вод и лесов шаман должен был их убедить оказать покровительство в исходе благоприятной охоты и рыбной ловли, а позднее – помочь в земледелии и скотоводстве.

Частных заказчиков интересовали проблемы со здоровьем, возможности исцеления больного человека. Часто требовалось проводить душу умершего в потусторонний мир и предотвратить его возвращение «в страну живых». Многие просили защиты от нападений зловредных духов, особенно на детей.

Alessandro Marchesini — Dedication of a New Vestal Virgin (1710)

Сам же шаман при каждом таком походе «на ту сторону» расширял свои знания и представления, начинал «видеть» намного больше. Поэтому все разнообразные и многочисленные задачи камланий, в сущности, сводились к двум: взять нечто в мире духов и передать людям, или взять нечто в мире людей – и передать духам. И люди нисколько не возражали, когда из мира духов приходило то, чего они точно не заказывали, но что всегда украшало их жизнь. Иначе, как объяснить появление наскальной живописи, не имевшей никакого практического смысла? Ведь ей нельзя было украсить даже собственное жилище.

Несмотря на то, что в мире было написано гигантское количество статей и монографий о шаманизме, все-таки было недостаточно ясно даже сами критерии отнесения того или иного религиозного феномена к шаманизму, не говоря уж о том, что же можно безусловно отнести к настоящему искусству.

Как многие считали одного шамана великим, а другие с ним не соглашались, — так и искусство оставляло больший простор оценочным суждениям, будто намеренно предоставляя полную свободу выбора. В конце концов, выяснилось, что к искусству можно относить лишь то, что хоть на йоту меняет этот мир к лучшему, в отличие от черной магии, к которой склонялись многие шаманы. В отличие от шаманизма, как религиозной практики, к послевоенному времени начали концептуально отделять взаимодействие с музами, воздействующими на лучшие стороны человеческой души.

Старик нисколько не жалел, что почти весь советский период «отсиживался» в своем «античном отделе», далеко от очередных званий и наград. Ему казалось, что как раз он лучше понимает происходящее, глядя на него сквозь призму древних преданий. Жизнь вокруг него будто затягивалась льдом, а от отношений с сослуживцами, пытавшимися перестроиться согласно изменившимся условиям, предавая все старые принципы и устои, все больше веяло холодом. Все чаще стали звучать знакомые слова: «Если ты такой умный, то почему такой бедный?», «От нас ничего не зависит!», «Народ – стадо дебилов! Народ сам этого захотел!» И старик радовался, что в «развитом социализме» занимался тем, что могло ему весьма пригодиться и в «недоразвитом капитализме».

Глядя, как возле него бывшие сослуживцы с легкостью предавали свои прежние убеждения, не замечая, что предаются с ними и самих себя, он частенько твердил себе строчки Валерия Брюсова из его стихотворного обращения к музе:

Гийом Сеигнак Муза

Я изменял и многому, и многим,
 Я покидал в час битвы знамена,
 Но день за днём твоим веленьем строгим
 Душа была верна.
 Заслышав зов, ласкательный и властный,
 Я труд бросал, вставал с одра, больной,
 Я отрывал уста от ласки страстной,
 Чтоб снова быть с тобой.
 В тиши полей, под нежный шепот нивы,
 Овеян тенью тучек золотых,
 Я каждый трепет, каждый вздох счастливый
 Вместить стремился в стих.
 Во тьме желаний, в муке сладострастья,
 Вверяя жизнь безумью и судьбе,
 Я помнил, помнил, что вдыхаю счастье,
 Чтоб рассказать тебе!
 Когда стояла смерть, в одежде чёрной,
 У ложа той, с кем слиты все мечты,
 Сквозь скорбь и ужас я ловил упорно
 Все миги, все черты.
 Измучен долгим искусом страданий,
 Лаская пальцами тугой курок,
 Я счастлив был, что из своих признаний
 Тебе сплету венки.
 Не знаю, жить мне много или мало,
 Иду я к свету иль во мрак ночной, —
 Душа тебе быть верной не устала,
 Тебе, тебе одной!

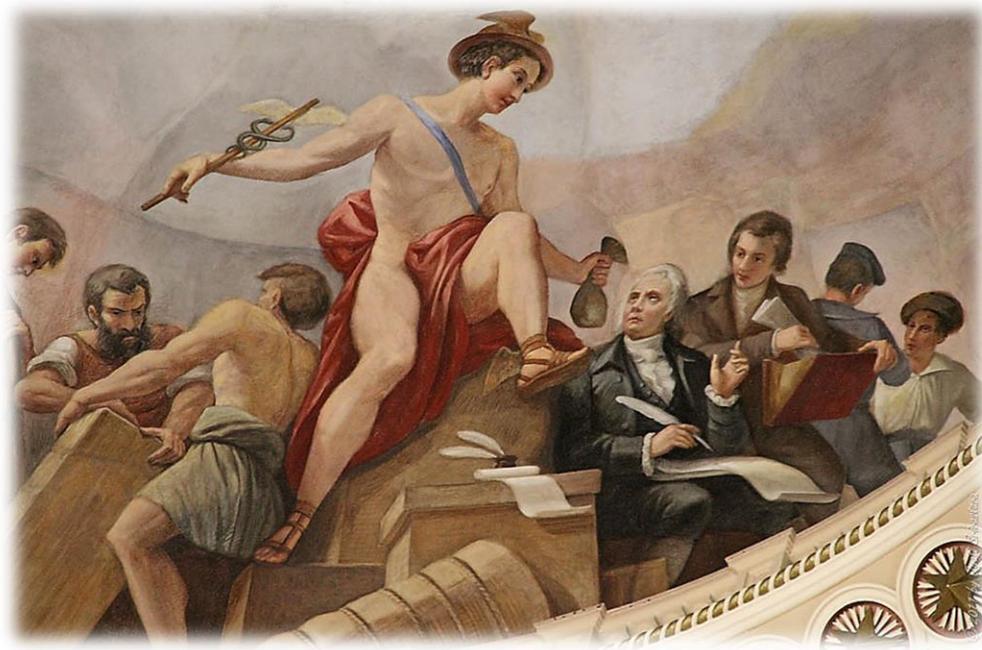
Брюсов В.Я. «Поэт – муза»

Он слишком хорошо знал, что во всех временах среди людей рождаются чудики, не только легко осваивавшие архаические техники экстаза, но и сами становившиеся своеобразным экзистенциальным феноменом. Вновь и вновь он удивлялся античному язычеству, не только бережно нашедшему место всем старым богам, но и органично включившему в себя трансперсональные моменты более ранних форм религии. Как ни странно, это делало новую религию более достоверной, а использование и космогоническое объяснение индивидуального и экстатического опыта глубинных переживаний как «муза снизошла» — делало античные мифы своеобразным эстетическим и нравственным посланием всему человечеству.

Еще в советское время сослуживцы посмеивались над его шутивным утверждением, что сам Предводитель гарпий, Бог всех «идеологий» и цивилизованных «обоснований» завладения чужой собственностью — непременно его посетит, рано или поздно. Он не считал нужным кому-то рассказывать о камее, позволявшей видеть в бурях, разметывавших вокруг

человеческие жизни, — черные крылья гарпий, внимать пению сирен и безошибочно угадывать любое движение проснувшейся музыки.

Капитолийский купол «Апофеоз Вашингтона», Константина Брумиди

Он видел, что шаманизм, основанный лишь на стихийном и неосознанном психотехническом опыте, не усиленный более поздними религиозными представлениями, которые сами по себе являлись произведением искусства и служили поводом для создания новых шедевров, — неизменно приходил к упадку или перерождался в очередную разновидность ложного культа или черной магии. Но все понятия, заложенные в древних культах сестер, стремящихся сделать мир лучше, а человеческую душу — выше и чище, — нисколько не утрачивали своей актуальности.

Постепенно он с легкостью отделял в мифах камуфлирующую оболочку художественного вымысла от сути, понимая, что многое говорилось в преданиях именно так, чтобы не гневить тех, кто и по сей день значил в человеческой жизни намного больше «вечно живых» «классиков марксизма-ленинизма». Ему показалось, что предания намеренно льстили Гермесу, провозглашая его «самым молодым богом». Объявляя его «вестником богов», они шли к шаманам в Дельфы, называя их оракулами. Предпочитая услышать волю богов без приземленных разъяснений Гермеса.

Люди точно и раньше сталкивались с этим психопомпом, провожавшим души умерших на тот свет. Ведь многие шаманы, борющиеся со смертью возле постели больного, говорили, что сражаются за душу вовсе не с женщиной, а с пленительно прекрасным юношей с удивительно холодными руками. Старик неоднократно встречал свидетельства, что, увидев у изголовья больного не женщин-сирен, а этого юношу, шаманы наотрез отказывались камлать.

Он все с большим нетерпением ждал, когда сможет встретиться с ним лично. И любопытство его настолько велико, что он даже не допускал мысли, что встреча эта может стать для него роковой. А с возрастом, после череды бессмысленных «реформ», принесших лишь разрушение и смерть на черных крыльях, он и вовсе перестал бояться, а, возможно, просто забыл о страхе.

Интересно, что и в буддистских наставлениях шаманам тщательно подчеркивалась мысль, что подобная психотехника есть средство постижения истины, освобождения, спасения или самореализации: «И познаете истину, и истина сделает вас свободными». Шамана заранее предупреждали о необходимости руководствоваться в камлании самыми высокими нравственными задачами – под леденящим страхом навсегда утратить собственную душу.

Позднее старик столкнулся с аналогичными представлениями даосизма, утверждавшими, что в ходе камланий можно достичь состояния просветления, приближающего к сонму богов.

Шаман Азат Миннекаев

Наиболее точно это подметил японский ученый Идзуцу Тосихико в статье «Мифопоэтическое „эго“ в шаманизме и даосизме»: для шамана существует разрыв между его могуществом, обретенным в трансе, — и его состоянием в обыденной жизни, тогда как для даоса и то и другое едино и неразделимо. Здесь необходима особая вера в собственные силы, а так же непереносимое создание круга единомышленников. Потому поэт-шаман Цюй Юань (III в. до н. э.), утративший веру в себя, оказавшись в изгнании и одиночестве, — кончает жизнь самоубийством в водах реки Мило. А лирический герой оды «Дальнее странствие» («Юань ю») наслаждается

созерцанием истока всего сущего, венчающим его как живое воплощение божественного творческого начала.

От внимания старика не ускользнуло, что шаманы всегда представляли собой интеллектуальную элиту своих народов и, как правило, выступали хранителями национальной культуры и традиций, фольклора и эпоса, то есть своеобразного «культурного кода» своего народа.

Шаманская деятельность представляла собой служение, причем, абсолютно бескорыстное, как это обычно происходило и у старших муз. Но и младшие

музы, посвящая себя сложным классическим искусствам, вряд ли получали оплату, адекватную вложенному труду, вдохновению и подвижничеству. Опера и балет требуют ежедневной упорной работы с раннего детства, поэтому для младших муз являются и способом заработка хлеба насущного.

Шаман, как и любой, предназначенный стать музой, вызывал спорные впечатления, с детства выбиваясь из толпы какими-то необыкновенными качествами и способностями. Затем шаман проходит через болезнь и исцелялся сам, выходит из болезни обновленным и просветленным. Насколько старик мог судить по имевшимся у него данным, у муз такого нет. Но как для шаманов, так и для муз — инициация являлась методом самораскрытия личности и индивидуальных способностей.

Риччи, Себастьяно. Жертвоприношение богу Селену, 1723

Старик изучил множество различных типов шаманских инициаций, но все они неизменно включали в себя элементы переживания смерти, очищения и последующего воскресения. Один сибирский шаман рассказывал ему, что в инициации как бы умирает «ветхий человек» и воскресает обновленная и укрепленная личность «нового человека», не испорченного искушениями цивилизации. По существу, это видение сродни библейскому пророческому обновлению, прекрасно прочувствованному и описанному Пушкиным в стихотворении «Пророк»:

*И он мне грудь рассек мечом,
И сердце трепетное вынул,
И уголь, пылающий огнем,
Во грудь отверстую водвинул.
Как труп в пустыне я лежал,
И Бога глас ко мне воззвал:*

*«Восстань, пророк, и виждь, и внемли.
Исполни волею Моей
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей!»*

Как и в шаманской инициации, божественному избраннику высший дух отверзает очи духовного видения, уши духовного слышания, заменяет «празднословный и лукавый язык» «жалом мудрая змеи» и, наконец, заменяет «сердце трепетное» на «уголь, пылающий огнем». Человек, прошедший через смерть, приходит к новой, высшей жизни и приступает к выполнению своей пророческой миссии.

— Музы заранее предназначаются для составления круга, — сказал вслух старик. — У древнегреческого поэта Авсония на самом деле описывается ритуал их камлания, где каждая выполняет свою роль. Каллиопа своеобразным эпосом описывает все, что увидела и услышала на своем веку, Клио тут же по ходу дает свой «урок истории». Что-то мне подсказывает, что в первом своем эпосе Каллиопа должна подать горгонам особый знак. В любом случае, музами при ней станут те, кого она упомянет в своем эпосе, ничего о них не зная. Урания связывает их со светилами, но в то же время поможет ощутить более твердую почву под ногами. Эвтерпа должна всех привести к «сладким песням», то есть к младшим музам, среди которых главная — Мельпомена. Авсоний вскользь упоминает Эрато, а вот какова в круге роль Эрато... лично я установить не смог. Но не думаю, будто кто-то приписывал большое значение ее «слову и жесту». Поэтому делать ставки на Эрато я бы не стал. А то, что Сфейно дала ей свои часы, так это лишь подтверждает, что и горгоны смотрят на Эрато — как на мальчика «принеси-подай».

*Терпсихора кифарой влечет, бурей чувства владея,
С плектром в руке Эрато чарует и словом, и жестом...*

Старик увидел, как Окипета насмешливо посмотрела на сосредоточенно слушавшего его Гермеса. Что-то в его лице испугало старика, поэтому он монотонно продолжил рассказывать все, что сам знал о культуре муз, стараясь не обращать внимания на гнетущую мрачность гостя.

Многие народы считали, что посвящаемый шаман остается «умершим» в течение трех дней после появления его духа-покровителя, причем многие находятся в бессознательном состоянии. У инициированных муз инициация происходила немного иначе, они могли долгие годы «спать наяву», находясь в весьма уязвимом состоянии. А сразу после «пробуждения» музы проходили некие испытания собственной силой, о которых старику удалось узнать крайне мало. Это было нечто вроде проверки: не злоупотребит ли новая муза своей силой?

В шаманизме тоже был похожий момент. Пережив смерть и воскресение, новый шаман проходил ритуал наделения силами и получал власть над духами-помощниками. После этого он обычно переходил к другому учителю, так как каждый шаман считался специалистом только в одной конкретной технике. В результате, новый шаман собирал целый сонм духов-помощников. Нечто аналогичное происходило и в объединении муз, каждая из которых олицетворяла собой отдельные духовные стремления человека.

Boulet, Susan Seddon

— У новой Каллиопы есть очень опасная черта, — задумчиво сказал он, вынимая из письменного стола небольшой пластиковый конверт с газетными вырезками и изъятыми из дела протоколами допросов. — Могут начать срабатывать всякие гнусные инсинуации, которые она раньше в своих сказочках писала.

В принципе, к ней сунулись вовремя, в самое темное время года. Но и надо было сосредоточиться исключительно на ней! Надо было до зимнего солнцестояния загнать ее в петлю! А ведь у наших садистов подход простой, вначале они ей прислали вызовы на допрос ее младшей несовершеннолетней дочери и восьмимесячной внучки!

На его замечание гость искренне рассмеялся, обнажив удивительно ровные и слишком крупные зубы, старик на секунду даже задумался, как они помещаются у него внутри, но с легкостью отогнал эту неуместную мысль. Окипета лишь презрительно фыркнула на замечание старика.

— Они зря дали ей сразу понять, что основной удар будет не по ней, а по самым незащищенным, — осуждающе заметил он, надевая на нос щегольское пенсне. — Я же не говорю, что им не стоило этого делать вообще, но надо было создать тягостную атмосферу ожидания. А они при обыске сразу потащили ее несовершеннолетнюю дочь на допрос, дав ей возможность собраться с мыслями. А мать в таких случаях никого не щадит.

— А внучку-то ее они допросили? — с веселыми искорками в глазах поинтересовался гость.

— А разве вам Аэлло не сказала, что старшая дочь с внучкой у нее живут за границей, хоть и прописаны в ее квартире? — одернул его старик. — У нее была

сказочка, где одна писательница сочиняет новый бестселлер о том, как банда черный риэлторов вместе с нотариусами завладевает недвижимостью стариков и продает их квартиры. И еще до обыска мне пришлось разбираться с ЭТИМ.

— А сами-то вы зачем ей звонили? – по-прежнему весело спросил красавец, принимая от старика конверт с документами.

— Ну... мне в голову не приходило, как это может обернуться, — несколько смущенно признался хозяин кабинета, несколько не удивляясь осведомленности гостя. — Думал, что ей пришел конец, не мог не выяснить некоторых вопросов... Хотя бы попытаться! Но она поняла, что я вовсе не «ее давний поклонник Александр из Санкт-Петербурга», как я ей представился. Мне показалось, что она полностью уничтожена, не смог скрыть своего торжества.

— А...а! Тоже любите... добить, да? – съехидничал гость, вынимая из папки переданные стариком документы. — Что-то вроде горбушки хлеба в руку умирающей блокадницы, верно?

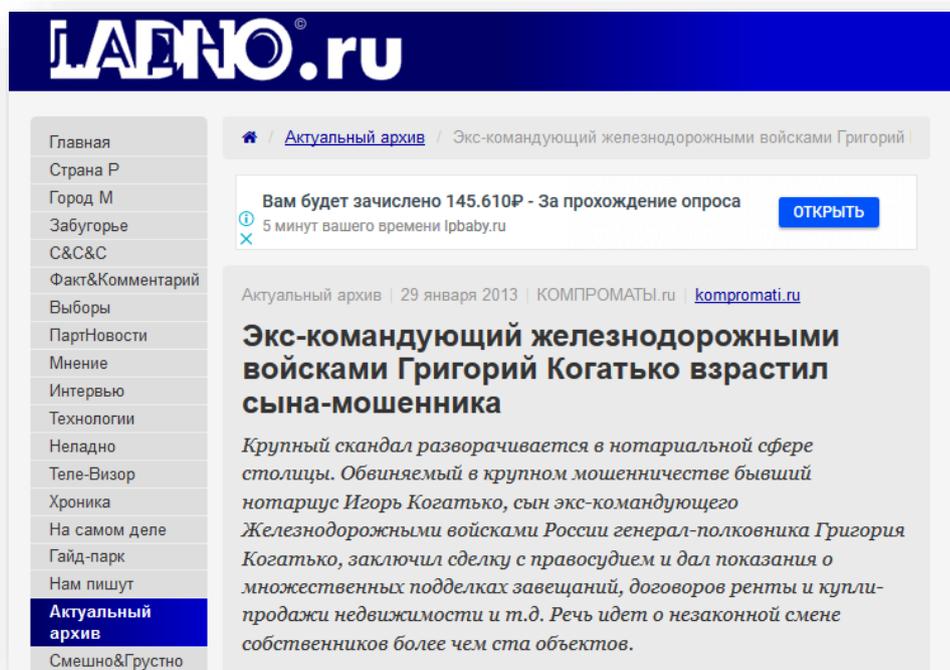
Последние слова он адресовал Окипете, чистившей перья у изразцовой печки в углу комнаты, но она даже не посмотрела в его сторону.

В пластиковом конверте старик держал те документы, которые ему передали практически сразу после его звонка Каллиоппе с просьбой как-то помочь своему бывшему сослуживцу, вышедшему в запас в звании генерал-полковника. После ликвидации и расформирования их прежнего отдела по идеологии, занимавшегося на самом деле возможными воплощениями мифа и прочими мифическими заморочками, он занимал теплое и хлебное место командующего Железнодорожными войсками России. Потом железные дороги реформировали в акционерное общество с единственным учредителем в виде самой России, и его приятель ушел на заслуженный отдых с полным боекомплектom в виде квартир, дач, загородных домов и двух зарубежных счетов в самых надежных банках. Невозможно было даже представить, что первый звонок поступил от этого счастливчика, которому все бывшие сослуживцы слегка завидовали.

Правда, после того, как генерал-полковник ушел в отставку, на его ближайших сподвижников была возбуждена серия уголовных дел. В частности, бывший начальник управления кадров Железнодорожных войск России был признан виновным в мошенничестве и осужден на пять лет колонии. А непосредственный заместитель командующего Железнодорожными войсками генерал-лейтенант Ванюшин за аналогичные преступления получил шесть лет тюрьмы. Ванюшина старик помнил в связи с одним потешным случаем. Однажды туманным утром после празднования именин командующего в одном загородном элитном клубе, генерал-лейтенант подал в милицию

заявление о краже у него золотого телефона Vertu стоимостью свыше \$10 тыс. Поэтому старик не удивился, что Ванюшина посадили вместе с кадровиком, поскольку этот случай его не только позабавил, но и вызвал легкую досаду. Именно такие любители «жить на широкую ногу» и дискредитировали всех своих коллег, привлекая к ним ненужное внимание.

Старику позвонили, когда сын бывшего командующего Железнодорожными войсками России, получивший, конечно, юридическое образование, отлично устроенный в жизни в собственной нотариальной конторе столицы, — уже заключил сделку с правосудием и дал показания о множественных подделках завещаний, договоров ренты и купли-продажи недвижимости. И речь шла не об очередной мелкой афере в нотариальной сфере, каких числилось за каждым нотариусом, а о незаконной смене собственников более чем ста объектов. Прочитав о «незаконной смене собственников», старик даже поморщился от зубной боли, поняв, что таким неожиданным и совершенно нелепым образом «заработала» и их дискуссия с Каллиопой о римском праве.

Почти сразу после обыска в далекой провинции, в правоохранительные органы столицы обратились родственники 81-летней женщины. Они с удивлением обнаружили, что при помощи непонятно откуда взявшихся документов у квартиры пенсионерки появились новые собственники, а вскоре она и вовсе загадочно исчезла. По данному факту были возбуждены дела по статьям УК РФ 159 (мошенничество) и 105 (убийство). Оперативники выяснили, что документы о смене собственника были заверены у одного столичного нотариуса, которым оказался сын его бывшего сослуживца

Вовочка. Изучив деятельность его деятельность, представители правоохранительных органов тут же вышли на след настоящей нотариальной мафии, от действий которой страдали как одинокие граждане, так и люди, имевшие семьи. Соблазн срубить палки по 28 «глухарям» был настолько велик, что делу был дан ход, хотя сразу же выяснилось, что информацию о появлении потенциальной жертвы участники группировки получали не только от работников Центров социального обслуживания столицы, представители которого ухаживали за пенсионерами, одинокими людьми, инвалидами, но и от сотрудников милиции. Обыск в нотариальной конторе Вовочки сразу дал всю фактуру по 70-ти с лишним случаям составления поддельных завещаний, доверенностей, договоров купли-продажи. А еще о двух десятках таких случаях признался сам Вовочка на допросе, размазывая слезы, обидевшись, когда следователи не разрешили ему позвонить папе.

Преступные схема завладения чужой недвижимостью были простыми и изящными. После сбора нужных сведений о «клиентах», к работе подключался Вовочка, сбивший банду из друзей своего личного тренера по фитнесу, бывшего неоднократного призера международных соревнований по восточным единоборствам. Вовочка с легкостью заверял фальшивые доверенности от имени жертв на право продажи квартир, при помощи которых и менялся собственник. В большинстве случаев после его очередной аферы пенсионеры и инвалиды просто исчезали. Вовочка со смехом называл этот неприятный в целом процесс – «аннигиляцией».

В редких случаях старики успевали умереть сами до назначенной им «аннигиляции», о чем в контору Вовочки немедленно сообщали представители Центра социального обслуживания. Вовочка тут же регистрировал поддельные завещания на недвижимость, а также фиктивные договоры аренды – будто владелец жилья передал право собственности на недвижимость его заказчикам, который взялся за ним ухаживать. И далее начиналась чистая комедия, которую предвкушали все, включая социальных работников. Бедные родственники ушедшего в мир иной пенсионера, явившись к Вовочке оформлять наследство, вдруг выясняли, что он перед кончиной успел заключить договор аренды с крупным олигархом или криминальным авторитетом.

Даже судьи не могли удержаться от смеха, представляя, как солидные люди в роскошных костюмах и брендовых часах, с золотыми печатками, украшенными бриллиантами, — бегали для пенсионеров в булочную и выносили им горшки, пока их родственники парились на работе, пытаясь свести концы с концами.

Жертвы Вовочкиных «аннигиляций», пытаясь оспаривать все это документы в судах разных инстанций, неизменно проиграли, однако внося в рутинную жизнь судей и приставов юмористическую нотку. Процессы длились годами,

новые собственники недвижимости приносили заверенные все тем же Вовочкой, копии или дубликаты завещаний, договоров и множество документов, а сами родственники неизменно выясняли, что не могут доказать, будто вообще имеют какое-то отношение к покойным. Как правило, у них исчезали свидетельства о рождении и даже семейные фотографии. Фирменным почерком Вовочкиных «разработок» были свидетельские показания участковых врачей и социальных работников, доказывавших в суде, что ни разу не видели мнимых родственников, а покойный пациент никогда о них не упоминал. Зато они хорошо помнили о помощи, оказываемой в уходе новым владельцем недвижимости. Некоторых истцов после таких представлений приходилось увозить с судебных заседаний на «неотложке».

Давид Винкебонс. Разбойники

С понятной ностальгией по прошлому старик вспоминал те времена, когда они всем отделом выезжали на дачу его отца на шашлыки. И кто бы мог увидеть «черного нотариуса» в обаятельном краснощеком пацане, с упоением катавшемся на трехколесном велосипеде. За ним приглядывала бабушка, мать Вовочкиного папы,

милая интеллигентная старушка, обучавшая всех их детей французскому. И что же в ней было такого, чтобы Вовочка с невиданной жестокостью принялся «аннигилировать» всех одиноких старух внутри Садового кольца?..

Аналогичные услуги Вова оказывал и рейдерам, пытавшимся захватить то или иное здание в центре столицы, оформляя от имени потенциальных жертв доверенности, договоры купли-продажи пакетов акций фирм, которым принадлежали объекты недвижимости. По словам знакомых оперативников, в незаконном бизнесе, который процветал с самого начала «нулевых» годов, принимали участие чиновники разного ранга, судьи, сотрудники правоохранительных органов, адвокаты, другие нотариусы... И слушая этот длинный перечень, старик тоскливо ежился, понимая, что все эти люди могли познакомиться друг с другом лишь за щедрым застольем хлебосольного отца Вовочки, всегда славившегося мощным аналитическим аппаратом и стратегическим мышлением.

Глядя на старинный зеркальный трельяж, в котором отражались матовые плафоны светильников из горного хрусталя с ручной инкрустацией, которые его папа изъял при обыске у одной бывшей балерины императорского

Мариининского театра, он впервые тогда примирился с отъездом собственного сына за океан, порадовавшись, что ничем не смог ему помочь в жизни. Узнав о решении сына, он не стал «давить ему на совесть», напоминая, что в достаточно преклонном возрасте остается один в квартире, набитой антиквариатом. И неизвестно, чем это может закончиться для него, если о его дорогих вещах, которые он собирал всю жизнь, продолжив дело отца, — узнают «серьезные люди», еще даже не предполагая, что одним из таких «серьезных людей» окажется сопливый Вовочка, гудевший на своем трехколесном велосипеде. Он видел, как болезненно и остро сын реагирует на любое его предложение о помощи, понимая, что он никогда не возьмет на память о нем из квартиры ни одну вещь. Но больше всего старик опасался одной горькой мысли, которую всегда старался не допускать до себя и не додумывать до ее логического завершения. Глядя, как сын бережно упаковывает старые коньки-«канадки», подаренные покойной матерью, он подумал, что его повзрослевший мальчик не станет переживать по этим вещам и пятикомнатной квартире, если и его отца когда-нибудь «аннигилируют» коллеги Вовочки.

Все попытки получить от Вовочки оригиналы или выписки из нотариальных книг заканчивались ничем. Вначале Вовочка вообще игнорировал запросы пострадавших и судов, потом присылал отписки, а потом известил суды, что из его офиса на Новом Арбате неизвестные украли абсолютно все документы: реестры, алфавитные книги завещаний, сами завещания и прочее, так что предоставить оригиналы документов и выписки нотариус не может.

Новости Статьи Мнения В России Москва Петербург В мире Бизнес Стиль Блоги Like Видео Рели

РОСБАЛТ **МОСКВА** **НОВОСТИ** **СТАТЬИ, ИНТЕРВЬЮ**

f 8
t 0
vk 0
хо 1

30 мая 2012, 17:43

Нотариус-аферист заплатит 80 млн рублей и сядет на пять лет

Вступил в силу приговор в отношении Игоря Когатько, сына экс-командующего Железнодорожными войсками России. Нотариус входил в группировку, которая с помощью поддельных документов лишала людей квартир.

Слушания по делу в отношении Игоря Когатько заняли всего две недели, поскольку обвиняемый полностью признавал свою вину и активно сотрудничал со следствием. Как сообщил «Росбалту» пресс-секретарь Никулинского суда Арсен Погосян, Когатько был признан виновным в мошенничестве в особо крупном размере (статья 159 УК РФ) в составе

Старик выяснил, что суд избрал Вовочке меру пресечения в виде ареста, как только Каллиопа получила повестку о вызове на допрос своей восьмимесячной внучки. Сразу после их телефонного разговора и его воспоминаний о давнем разговоре о римском праве, Вовочке предъявили

обвинения по части 4 статьи 159 УК РФ (мошенничество в особо крупном размере) и лишили права заниматься нотариальной деятельностью. После того, как Каллиопа поняла, что следователи решили «заняться» ее несовершеннолетней дочерью, решив заставить ее свидетельствовать против матери, Вовочка заключил сделку со следствием и показал следы «аннигиляций» на незаконных свалках бытовых отходов области.

Попытавшийся «перекрыть кран» старик, никак не мог избавиться от тревожившего его чувства дежавю, будто эту историю он не только читал в сказочке Каллиопы, но даже встречал в обсуждения письма, которое она вместе с читателя писала в Конституционный суд по поводу незаконной, по ее мнению, приватизации железных дорог России. В сущности, именно папа Вовочки должен был предотвратить весь этот фарс с учреждением акционерного общества от имени России, но у него в этот момент были свои, более насущные планы и задачи. Он определенно встречал в ленте комментариев угрозу Каллиопы, что «все они ответят за это шаг своими детьми, раз решили обобрать не только живых, но и мертвых и еще неродившихся».

Однако никто с Вовочкой и в таких обстоятельствах не стремился «сводить счеты». В СИЗО ему организовали сносные условия, на допросы привозили в отдел даже без наручников. Прямо в кабинете следователей его кормили обедом, а потом ужином, доставляемыми из ресторана высокой европейской кухни. С ним явно не знали, что делать, а он не собирался облегчать задачу следователям, спокойно сообщая все, о чем они интересовались по долгу службы. Его отец не стал тратить на адвоката, послав в следственный отдел старика с денежным кейсом.

И старик впервые тогда отметил уклончивое замечание начальника следственного отдела, занимавшегося делом Вовочки, что где-то за месяц до всех этих событий ему приснился сон, будто он читает какую-то книгу. И там уже было описание всех эпизодов преступной деятельности мальчика Вовы, были подробно перечислены все нехитрые способы и приемы составления поддельных завещаний и доверенностей. И когда сам Вовочка под протокол рассказывал обо всем, назвав всех своих сообщников, включая тех, кого ему точно не стоило называть, начальник СО не мог избавиться от навязчивого чувства дежавю.

Он показал старику список судей и чиновников разного ранга, сотрудников милиции, адвокатов, некоторые из которых уже были заключены под стражу, а другие томились на свободе, ожидая ареста. Старик, впервые понимая, что обстоятельства намного сильнее его, отдал начальнику кейс отца Вовочки и, с внезапно навалившейся на него усталостью, прошептал, прикрыв отяжелевшие веки: «Кончайте!»

Вечером того же дня в машину, на которой сытого и довольного жизнью Вовочку с допроса доставляли в СИЗО, на большой скорости буквально налетел КамАЗ. Как сообщили СМИ об этой «трагической случайности», водитель «КамАЗа» не справился с управлением, слишком поздно заметив ехавшую впереди «легковушку» и не успев затормозить. В результате аварии все пассажиры погибли на месте.

— Так вы хотите сказать, будто все здесь написанное случилось только потому, что Каллиопе объявили войну и затронули ее младшую дочь и внучку? — задумчиво уточнил красавец в белом костюме, возвращая папку. Старик слишком поспешно протянул руку, на какую-то долю секунды коснувшись руки гостя. Он ощутил такой ледяной холод, что у него содрогнулась душа, и он чуть не выронил злополучную папку.

— Нет, я хочу сказать, что... ну, вы же сами понимаете! — растерянно ответил он. — Вы же понимаете, что никто бы не стал заводить дело по поводу пропажи полоумной старухи восьмидесяти лет. А все эти рисованные завещания и доверенности давно стали обычным делом. А сейчас у меня все прикормленные нотариусы делают вид, будто знать меня не знают, видят впервые и абсолютно не понимают, о чем я им намекаю.

— Ах, вот вы о чем! — догадался незнакомец. — Но это дело поправимое, такие вещи наша контора делает намного надежнее, тут и беспокоиться не о чем. Лучше скажите, какие, к примеру, лично у меня гарантии, что вы абсолютно искренне со мной и не передумаете прекратить все эти безобразия, пристекающие от нашей общей знакомой?

— Какие гарантии? — переспросил старик, начиная догадываться, что это не только деловое предложение, но и нескрываемая угроза. — Мне поздно меняться. Хотя... некоторые меняются именно на пороге... вечности. Но она всегда у меня вызывала раздражение непредсказуемостью, этим своим фарсом, умением перевернуть все слова... Даже не этим! Вы полагаете, легко ощущать себя с ней каким-то щенком, с которым играют? Я с ней — «никто и звать никак», как это она заявляла не мне одному.

— Все же этого... недостаточно, — с сомнением проговорил молодой человек и особым движением щелкнул пальцами так, что у старика похолодела и начала саднить рука, которой он прикоснулся к ладони гостя.

— Вы меня в чем-то подозреваете, что ли? — постарался он не выдать голосом своего страха. — Я сделал все, что в моих силах! И продолжаю делать, несмотря на трудности. А подмоги мне ждать неоткуда. Между тем, подчеркну, обстоятельства изменились, это дело объединило две старшие музы, чего мы ни разу не допускали за весь минувший век. А как она написала статью про налогообложение и всю нынешнюю бухгалтерию, так возле них крутится третья старшая муза, Урания. Стоит ей признаться, что где-то она встречала в

написанных Каллиопой романах знакомые ей личные жизненные коллизии, как та запустит ее часики, она найдет способ! Эвтерпа тоже уже где-то рядом только ждет своего часа...

Рембрандт ван Рейн.
Старый солдат

В конце своей речи старик начал сбиваться на скороговорку, с мольбой глядя на продолжавшую безучастно молчать Окипету. Ему показалось, что в ее больших миндалевидных глазах теплилось какое-то сочувствие.

Внезапно горячей волной, залившей краской щеки его побледневшего лица, он вспомнил свой последний разговор с Каллиопой в ее блоге накануне суда. Это было больше года назад, но все отчетливо тут же всплыло в услужливой памяти. Он тогда высказал ей все, что думает о ней, зная, что следователи никак не могут написать ей обвинительное заключение.

У него на самом деле было такое чувство, будто она предала их всех, вставив в смешном виде все проведенные в отношении нее следственные мероприятия, подло сорвав попытку навсегда избавиться от нее, поместив в психиатрическую лечебницу. Каллиопа ответила, что в верности его ведомству не присягала и обеспечивать успехи их отвратительных «следственных мероприятий» за счет будущего своего ребенка – тоже не намерена. А скоро ему самому придется доказывать свою преданность со словами обычного предателя: «Ну, пожалуйста! Дайте мне еще немного времени! Я сделаю все, что в моих силах, прошу вас!» — в таких условиях, что врагу не пожелаешь. И тогда посмеялся над ее очередными фантазиями, пожелав ей сполна получить за ее экстремизм.

Он с ужасом увидел, как на холеных ладонях медленно приближавшегося к нему удивительно красивого мужчины выросли заостренные перламутровые ногти, будто все это время его гость с большой неохотой их втягивал. Глаза женщины-птицы засветились какой-то немислимой в этом мире страстью, и старик, чувствуя, как намокают брюки его пижамы, в отчаянии прорыдал: «Пожалуйста! Дайте мне еще немного времени! Я сделаю все, что в моих силах, прошу вас!...»

7. Клио

Clio — Pierre Mignard (1689, Museo Nazionale di Budapest).

*Клио прошлых времен дела вещает потомству,
Мельпомена трагический вопль исторгает печали,
Радует Талия шуткой, веселым словцом и беседой,
Сладкую песню поет с тростниковой флейтой Эвтерпа,
Терпсихора кифарой влечет, бурей чувства владея,
С плектром в руке Эрато чарует и словом, и жестом,
Песни времен героических в книге хранит Каллиопа,
Звезды небес изучает Урания, неба вращенье,
Жестами все выражая, Полимния славит героев.*

Авсоний

Никогда в жизни Анна не поверила бы, что судьба ее зарулит так круто, как ей всегда втайне хотелось, как только она посмотрела в детстве заграничное кино «Триста спартанцев». Можно сказать, к своей вполне реалистической биографии она с того времени относилась с определенной долей прохладцы, без огонька.

С самого начала ее жизни все шло к тому, что до самой пенсии перед ней расстилалась ровная дорожка, протоптанная ее родителями, дядей и двумя тетками. На Анну заранее нападала дикая тоска от мысли, что жизнь ее пройдет тихо и мирно, без громких битв и душевных терзаний, — так, как жили ее родные, испытывая нескрываемое довольство. Она понимала, что и ей придется смириться, а после уж до самого конца говорить вслух те же мысли, так сказать, «проверенные временем», в точности так же полагая их «мудростью народной». Скорее всего, трудиться ей доведется в том же

коллективе на комбинате. Она так же, как родители, будет годами ходить со своим цехом на демонстрации и даже праздники отмечать аналогично, «продолжая традиции». А на стол она будет выставлять те же самые привычные блюда, с такими же домашними консервами, которые они героически закручивали на зиму все лето из года в год. И от того, что изо дня в день до самой пенсии придется терпеть одно и то же, Анне заранее хотелось наорать на всех, начиная с кота Мурзика.

Пенсии еще надо было дожидаться. И в ее ожидании Анины тетки, притворно вздыхая «старость не радость!», сшили себе по зимнему пальто с норковыми воротниками и по демисезонному пальтецу с воротничками из каракульчи. Мать, с нескрываемой завистью обсуждая их обновки, тоже вслух прикидывала, как и ей придется «сварганить» такие же пальто перед пенсией. А у Анны в голове лихорадочно роились мысли, как бы ей попасть на пенсию, минуя необходимость радостной встречи с осточертевшим ей за все предыдущие праздники их слаженным коллективом. Думая, почему это пенсию не дают сразу после школы, а только тогда, когда никаких приключений не светит, она с тоской искала для себя лазейку, как бы ей

встретить свободное от социалистического производства времечко — без шитья мешковатых, но зато «практичных и носких» теткинских пальто.

Исторически сложилось так, что поступать после школы кроме индустриального техникума Анне было некуда, потому она вслед за своими подругами поступила в техникум, а когда устроилась на комбинат, то до замужества немного проучилась на заочном отделении машиностроительного факультета.

И возможно потому, что праздники слились с неразличимой чередой буден, а будущее представлялось фразой «советские люди имеют твердую уверенность в будущем», за которой в графе «приключения» стоял жирный прочерк — вдруг взяло и не наступило...

Само это будущее, не составлявшее в развитом социализме никакой загадки, желания задуматься или рвануть навстречу ветрам приключений, — рассеялось, будто морок, не оставляя никакой уверенности. То самое будущее, с детства пугавшее Анну своей предопределенностью, слишком близким горизонтом и отсутствием минимальной вероятности неожиданных и незапланированных поворотов судьбы, кроме дорожно-транспортных

происшествий и наводнений, — больше не мозолило глаза необходимостью испытывать за него благодарность «спасибо партии родной!», постоянно подозревая, что у будущего ведь могли быть и какие-то другие варианты.

*Portrait of Charlotte Berend In a Black Coat, 1908
no Lovis Corinth (Franz Heinrich Louis) (1858-
1925)*

Ожидания чуда тоже не появилось, поскольку Анну окутывал мрак неизвестности. Вся история, которая так не нравилась ей «историческими необходимостями», ненавистной предначертанностью «пролетарских революций», а главное самым уроком из этой истории, в результате которого ей остается шить два драповых мешка к пенсии, — была развеяна на ее глазах в течение двух памятных недель. И пока возле нее ветер с остервенением рвал красные знамена, гербы, лозунги «Слава КПСС!» и фанерные щиты с итогами социалистического соревнования, она осознала, что страны, которую она любила, несмотря ни на что, больше нет.

Вся прежняя ее жизнь не имела никакой исторической предопределенности и не содержала позитивного исторического урока, поскольку вуз, в котором она училась заочно, оказался в другом государстве. Ее краткое замужество, вполне устроившее ее в процессе медленного старения до пенсии, где не следовало «отрываться от коллектива» и настоятельно требовалось «быть как все» — вдруг стало обременительным и абсолютно никому не нужным, прежде всего, ей самой. Она поняла, что это замужество, в котором удобно с кем-то ходить на демонстрации и отмечать праздники в кампаниях, куда без мужа не приглашают, — больше никак не отвечало насущным требованиям исторического момента. Потеряв работу, ее молодой муж начал чаще обычного собирать дома осколки такого же «авангарда всего общества», чтобы под горилку и Анины консервы высказаться о том, что его жизнь «утратила всякий смысл».

Анна и раньше не видела много смысла в его самодовольном бытии, но когда он начал каждый день напиваться о внезапно утраченном смысле и ныть про то, что у него «нет будущего», нервы ее окончательно сдали, и она подала на развод.

Раньше, когда она иногда задумывалась о будущем, оно представлялось ей слишком тщательной «детальной проработкой» некоего огромного машиностроительного чертежа, где все винтики стояли на своем месте, не имея малейшей возможности сдвинуться в сторону от заранее

предначертанной «исторической необходимости». Она чувствовала, как этот механизм своим размеренным ходом перемелет и ее жизнь, оставив ее с двумя практичными пальтишками на старость.

В школе говорили, что до революции у жителей их рабочего поселка не было никаких перспектив, кроме как работы на прежних хозяев этого комбината, построенного еще в 50-х годах XIX века. Но, побывав в музее комбината, Анна выяснила для себя, что дирекция дореволюционного предприятия работала круглосуточно, без перерывов на Рождество, Пасху и Троицу. В старом здании детского садика при советской власти открыли исполком. А у комбината до революции было два санатория на море для рабочих и их детей и дом призрения. Еще была построена школа, где училась Анна. Больница с хирургическим и родильным отделениями тоже осталась от дореволюционных времен, к ней многие годы спустя пристроили два корпуса. Техникум, где училась Анна после школы — тоже был дореволюционным реальным училищем комбината.

Все это люди делали, вовсе за счет средств комбината, явно имея несколько иные планы на будущее, чем то, которое наступило потом. Они это все строили не из-за марксистско-ленинской идеологии, а потому что верили... может не в бога даже, а в то, что любой человек достоин уважения. Клуб ихний был, конечно, дореволюционным театром и библиотекой, тоже выстроенной за счет комбината без партийного нажима и без «исторически-неизбежных социальных преобразований».

Weekes, Herbert William

Проверив по датам все комбинатовские постройки, Анна убедилась, что строительство на комбинате велось даже в 1916 году, а вот потом, с 1917 года по 1928 год никакого строительства не велось, лишь с 1928 года по 1932 год на комбинате восстанавливали цеха, разобранные почти по кирпичику в «период разрухи». Она лишь хмыкнула про себя, что никто из этих марксистов-ленинцев так и не учел, что после «социальных преобразований» наступает длительный период разрухи, когда люди не верят в настоящее, а не то что — «в прекрасное будущее».

Анна понимала, что пожелтевшие дореволюционные фотографии с соревнованиями

цеховых пожарных команд, с любительскими спектаклями рабочей труппы и выездами на природу цехами комбината — содержат в себе иной, безмолвный урок истории, который их учительница пересказывает совершенно неправильно. Она словно не замечала этих пронизанных южным солнцем

предвоенных фотографий, говоря, будто у людей, позировавших с умиротворенными счастливыми лицами, была какая-то иная жизнь, от которой их следовало немедленно «спасти», действуя тайком за их спинами.

Анна смотрела на снимки первых большевиков завода, организовавших марксистский кружок, и думала про себя, что ж им не жилось, как всем этим людям? Физиономии у первых большевиков больше подходили для сала с горилкой, для бандитской гирьки и ствола-опилка, они не несли в себе какого-то отпечатка «идейности». Большевики с музейных фотографий больше были похожи на уркаганов с большой дороги, а не на кружковцев, вдумчиво изучавших марксизм.

Ее не удивил рассказ экскурсовода, насколько несознательными раньше были рабочие комбината, избившие первых кружковцев, когда те пришли в цеха агитировать их бросить работу и устроить политическую забастовку.

«Будущие сотрудники» – дети служащих и рабочих Това-рищества ситцевой мануфактуры Альберта Гюбнера с нянями и воспитательницами Фото «Шерер, Набгольц и Ко». 1884 г.

Она долго смотрела на фотографию большой группы детей разного возраста в одинаковых белых панамках. Надпись под снимком гласила, что это был последний выезд комбинатовского детского сада на летние дачи. Улыбающиеся воспитательницы в белых фартуках держали над детьми транспарант «Будущие сотрудники нашего комбината!», не подозревая, что скоро голодные сотрудники будут ночами разбирать цеха комбината по кирпичику, чтобы как-то прокормиться в наступившем будущем «социальной справедливости». В мазанке ее бабушки тоже было окно из цеховых рам и пристроена кирпичная кухня. Но взрослые не любили вспоминать то время «строительства нового общества», отмахиваясь от ее вопросов.

...И когда налаженная жизнь с наивной верой в безоблачное будущее вдруг рухнула под какие-то очередные тезисы об «исторической необходимости», Анна часто вспоминала ту давнюю экскурсию в музей при комбинате. Но почему-то из всех увиденных ею тогда фотографий чаще всего ей вспоминались снимки дам в скромных, но очень красивых платьях, в шляпках, с зонтиками и бисерными сумочками в руках, прикрытых ажурными нитяными перчатками. Дамы сидели прямо на траве, а возле них были разложены скатерки с запеченной на кострах курочкой, овощами, яйцами-крашенками и пузатыми винными бутылками. Учительница с легкой завистью тогда пояснила, что это жены дирекции комбината, но уж, конечно, не рабочих.

Анна тогда лишь горько усмехнулась. Ее бабушка была женой простого рабочего, да и сама была из рабочей семьи. Но в ее сундуке хранились в точности такие же перчатки и зонтик. Правда, раньше почти все рабочие еще держали скотину и рыбачили в путину. Но никто из женщин тогда по цехам не работал, марксизм не изучал и пальто на старость не шил.

Она понимала, что тот неправильно воспринятый урок истории, «легкие неточности», сообщаемые учительницей, — на самом деле значили в каждой жизни очень многое, гораздо больше, чем марксизм. И лишь когда весь жизненный уклад обрушился для мамы и ее сестер, Анна поняла, что пренебрежение к таким «мелочам жизни» и восхваление каких-то бандитов в качестве «марксистов» могут лишить любого, самого заурядного, а не какого-то «призрачного» будущего.

Ради будущего мамы и тетюшек, она с удовольствием распростилась бы со своими надеждами на приключения, но все ее сожаления уже мало что значили для какой-то грозной силы, заключавшейся в невыученных на зубок уроках истории. Прошлое с пожелтевших снимков, давно ставшее историей, будто догнало настоящее, навсегда отрезав дорогу к будущему. Началась та самая жизнь, о которой ее вскользь предупреждала бабушка, когда все вокруг «жили одним днем», не задумываясь, что через много лет внука может спросить у бабушки, откуда в ее мазанке цеховые рамы.

С детства Анна слышала об этих «уроках истории», о них раньше постоянно упоминали в школе и по телевизору. Но жизнь показала во всей своей отвратительной изнанке, что все вокруг, хоть и говорят об этих «уроках», сами их не выучили и не осознали. Всю жизнь они отвечали их по неправильным шпаргалкам, считая, будто можно немного приврать, это же всего лишь история. А то, насколько при этом смещались акценты восприятия настоящего – тоже не слишком кого-то волновало. Ведь все были уверены в своем будущем, представлявшимся иногда Анне серой железобетонной тумбой.

Стоило лишь дожидаться пенсии, сшив напоследок пару пальто – и вот перед тобой то светлое будущее, ради которого можно было солгать, будто в прошлом зонтики и летние перчатки носили исключительно дамы, а в округе до первого марксистского кружка — не было ни одного детского садика и больницы.

Неправильно воспринятые уроки истории сделали возможным новый виток «экспроприации экспроприаторов», только в качестве основного «экспроприатора» теперешние «прогрессивные люди своего времени» видели экспроприируемое по частным карманам государство. И при этом Анна нисколько не сомневалась, что как только борьба за государственную собственность завершится, так новые экспроприаторы нисколько не побрезгуют и теткинскими пальто, и мамкиной пенсией.

Историческое видение момента позволило Анне понять, что налаженный на машиностроительное производство народный быт намеренно разрушается, ждать светлого будущего там больше не имеет смысла, а шансов свести концы с концами у нее там не предвидится. Зарплату начали выдавать коврами и стиральными машинами, наборами инструментов, хрустальными вазочками, которые мать и ее подруги не знали, куда девать, с надеждой глядя на Анну.

Вначале она, купив место на рынке, продавала все, что выдавали в счет заработной платы ее многочисленной родне и знакомым, потом к ней напрямую обратились из профкома комбината знакомые женщины, и Анна начала торговать комбинатовским ширпотребом не только по всей Украине, но и добиралась до России, ставшей вдруг чужим государством. Она тащила со своим скарбом на автобусах и перекладных, видя, с какой неохотой молодые мужчины изображают из себя «таможенников» посреди степи, где люди веками строили единое государство.

Когда комбинат начал совсем останавливаться, а большая часть их прошлого коллектива разбрелась в поисках хлеба насущного, добираясь и до Москвы, Анна стала «челночить», прочесывая оптовые и «блошинные» рынки Польши и Одессы, торгуя на рынке теми влекущими женскими мелочами, которые из прошлых уроков истории считала чрезвычайно необходимыми в любой жизненной формации.

Она привозила сумочки, зонты, перчатки, заколки, колечки, платки... С безошибочным вкусом она выбирала самые красивые вещицы, которые, возможно, и не были предметами первой необходимости, но, по внутреннему убеждению самой Анны, — в наступивших временах являлись чем-то вроде воинских доспехов для каждой женщины, вынужденной сражаться за собственное будущее.

На ее рыночном пятачке висели непроданные с начала ее купеческой карьеры комбинатоские ковры, ценой которых давно никто не интересовался. Она сидела на стульчике с неизменной книжкой в руках на фоне огромных, слегка выцветших ковровых роз перед двумя вазочками с искусственными букетиками. К коврам удобно крепились шляпки, шали платки, а на прилавке были разложены черепаховые гребни и заколки, сумочки, шитые бисером и шелком, ажурные и лайковые перчатки. Анна выбирала эти «винтажные» вещицы так, будто старалась своими скромными усилиями вернуть незабываемую атмосферу тех музейных фотографий, навсегда запечатлевших настоящую женственность. И все вокруг настолько привыкли к ее завешенному коврами уголку, что так и называли ее торговый пятачок — «Розовый куст».

Из-за этого куста Анна наблюдала, как стремительно нищала ее обычная клиентура, все чаще отказывая себе в милых сердцу дамских мелочах, со скорбным выражением лица обходя стороной манящий нетленной женственностью прилавок. У Анны впервые оказалось достаточно времени, чтобы поразмыслить об «уроках истории», пусть с трудом сводя концы с концами. И больше всего исторических аналогий для себя Анна могла выявить с жизнью бабушки, которая «под немцем» в войну так же торговала на рынке, продавая то, что не удалось экспроприировать экспроприаторам.

Журавлёва Юлия. На остановке

С рынка до ближайшей автобусной остановки, отмеченной фонарным столбом и желтой жестянкой с расписанием, Анна шла, прогибаясь под тяжестью сумок. В платной камере хранения на рынке она свой товар не оставляла не только по причине бережливости, но и потому, что несколько не доверяла этой камере.

Она уже один раз оставляла там большую коробку с соломенными шляпками с виноградными гроздьями и цветочками из стекла под уговоры товаров: «Ань! Да кому нынче эти шляпки нужны? Никто на эти шляпки не позарится!» И на следующее утро Анна убедилась, насколько ошибались ее непродвинутые в современном маркетинге коллеги, ханжески уговорившие ее оставить без присмотра «никому не нужные шляпки». В ту ночь, кроме ее коробки, из камеры хранения украли лишь сумку с пробковыми танкетками у одной вьетнамки и баул с бархатными корсетами у толстой бабы из Молдавии, не тронув чувалы с такими практичными и необходимыми в хозяйстве брюками, резиновыми калошами и китайскими пуховиками. Поэтому даже стул с деревянными шариками на спинке Анна с некоторой опаской тащила каждый вечер на хранение вместе со своими полинявшими коврами.

Однажды, остановившись у фонарного столба с расписанием автобусов, Анна медленно соображала, как ей пристроить сумки на ноги, чтобы они не извзюкались в грязи. Был у нее такой негативный исторический опыт, потом сумка ни черта не оттерлась. Еще издалека она заметила, что прямо к расписанию какая-то несознательная сволочь прилепила рекламное объявление, написанное от руки. Что характерно, все бумажки с телефонными номерами под объявлением были оторваны, поэтому Анна заинтересовалась содержанием бумажки, наклепленной наискосок автобусного расписания, которая давно выучила назубок на личном горьком опыте без всякого расписания. На остановке, кроме нее, никого не было, лампа фонаря едва горела. В этих потемках Анна попыталась с сумками подпрыгнуть повыше, но получалось плохо.

Вдруг сильный порыв ветра сорвал объявление, и листок бумаги плавно спланировал прямо на лоб Анны, которой все же удалось немного подпрыгнуть. Клеили объявление домашним клейстером, поэтому сумки пришлось составить в грязь, чтобы двумя руками снять с лица тетрадный листочек и липкую кашу из ржаного хлеба, на которой он держался на грязной жестянке автобусного расписания. Текст, нацарапанный шариковой ручкой на измятой бумажке, был больше похож на какое-то издевательство.

Легендарная потомственная гадалка и ясновидящая!

Снятие предсказания кукушки, правка изгибов судьбы. Гадание по трещинам на пятках.

Исцеление бесноватых наложением дисциплинарных взысканий на срок до 15 суток, исцеление хитроватых.

Любовь: возвращение любимого, объятия, слезы. Регулировка потенции, коррекция угла. Настройка времени потенции. Помощь в бизнесе. Готовые ауры успешных компаний, фирм. Ауры под ключ. Разработка амулетов с логотипом вашей компании. Составление фирменных молитв. Снятие порчи с трудового коллектива по групповой фотографии.

Сниму: венец безбрачия, фату одиночества, печать бобылизма, штамп целомудрия, «пластырь немоты», «кандалы безручия», «трусы бессилия».

Легендарная знахарка, гадалка и провидица
ВЕСТА

Веста
 Веста

Более 15 лет Веста работает в Херсоне, где её любят, ей верят, её всегда ждут. Наибольшая награда за её труд – благодарная людская молва, которую не заменит самая изысканная реклама. О её популярности в народе говорят, что её именем прикрывается малоизвестная гадалка, бесовственно копируя Весту и её объявления – вводя в заблуждение и путая этим жителей Херсона.

Внимание!!! Не путать!!! Смотрите на фото Весты – это ТА ВЕСТА, которая много лет работала в городах: Херсон, Новая Каховка, Голая Пристань, Цюрупинск, Складовск, Николаев, Киев. Это настоящая Веста, которая, действительно, помогла тысячам людей в этих регионах.

ПЕРВАЯ НАСТОЯЩАЯ

Индивидуальный приём с 10.00 до 14.00
 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10 октября - г. Херсон, ДК Судостроителей (ул. Ленина 7)
 Первичная консультация – бесплатно! Контактные телефоны:
 (099)-17-17-458; (063)-377-76-07
 Смотрите на канале ВТВ-плюс Фильм «ПРОВИДИЦА ВЕСТА О НЕИЗВЕДАННОМ»
 3, 4, 5, 6, 7, 8 октября (время выхода фильмов будет указано в программе телепередач)

Изгнание тараканов из башки и жилища.

Поиск вещей, заговор от прыщей и клещей, исцеление мощей.

Временная порча для военкомата, справки о порче. Заговор повестки. Отворот военкома.

Анна вытерла лицо носовым батистовым платком, оставшимся непроданным из весенней коллекции дамских носовиков с кружевами и виньетками, заметив, что с обратной стороны листочка тоже что-то написано. Она удивилась такой бережливости потомственной гадалки и ясновидящей, написавшей

объявление на использованном листке. Неужели эта Веста не предвидела, что листок может наклеиться ей на лоб, а она потом прочтет, что та написала на обороте? В ожидании автобуса Анна лениво подумала еще несколько обличительных мыслей по поводу потомственной ясновидящей, как внезапно поняла, что записка адресована ей лично: *«Аня! Как завезешь сумки, приезжай к исполкому, я там тебя ждать буду!»*

Анна, конечно, решила, что ни к какому исполкому она, на ночь глядя, не поедет. Но, добравшись до дома, спешно кинула все сумки в коридоре и, не дожидаясь автобуса, побежала к исполкому, стараясь не упасть в окружавшей ее темноте очередной «разрухи», когда никому не было дела до уличного освещения. Проклиная всех, кто неправильно воспринимал уроки истории, экономя на обычной человеческой порядочности, она и не вспомнила о своем «историческом опыте», рванув, сломя голову, навстречу к долгожданным приключениям по первой же почеркушке неизвестной ей дамы, столько пообещавшей в своем объявлении всем желающим и страждущим. В голове Анны лишь кровью стучала ее фраза: *«Любовь: возвращение любимого, объятия, слезы...»* Не то, чтобы она на такое рассчитывала в реальности, давно став прагматичной и приземленной особой с твердыми материалистическими взглядами на будущее, но... чем черт не шутит?

Подбежав к исполкому, она чуть было разом не отказалась от своих материалистических принципов, поскольку исполком был освещен огнями газовых фонарей, а перед парадным, возле транспаранта «Будущие сотрудники нашего комбината!» фотографировались дамы в шляпках и белых фартуках с умытыми детьми с чистых рубашках. Но какие-то принципы все же остались в Анне непоколебимыми, потому что она сразу заметила одну неувязочку: все здания, фотограф, няни, дети и само здание исполкома – были в разных оттенках коричневого цвета, будто сошли с выцветших

дореволюционных снимков. Никаких больше цветов возле растерянной Анны не было, поэтому она не решалась перейти улицу, чтобы подойти поближе. Ей на минутку почудилось, будто стоит ей сделать еще шаг, как и она станет фигуркой с этого ожившего снимка, навсегда лишившись собственного будущего.

Она не заметила, как к ней подошла высокая темноволосая женщина и вежливо поздоровалась. Анна мельком взглянула на нее и тут же успокоилась, потому что у дамы были ярко-красные губы и голубые глаза, а сама она куталась в шелковую бордовую столу.

— Извините, а что здесь такое? – отважилась она спросить у незнакомки.

— Да решила как-то оживить обстановку, — призналась дама. — Ну, не принимать же тебя в съемной квартире, где две клуши будут ссориться на кухне на счет пеленок и картошки. Все же это можно было себе позволить, когда впереди маячило немного другое будущее. Пойдем, не бойся!

Она взяла Анну за руку, но стоило им шагнуть в направлении исполкома, как фонари погасли, а публика, фотографировавшаяся только что со смехом и шутками, исчезла. Анна даже засомневалось, не показалось ли ей все, что она только что видела собственными глазами, как вдруг она поняла, что они идут вовсе не к их исполкому, а к какому-то удивительно красивому сооружению, которое она смутно помнила по своим мечтам, на которых давно поставила жирный крест.

Palazzo Ducale and the Piazza di San Marco Canaletto

— Ты не ошиблась! — успокоила ее дама. — Палаццо Дукале, Дворец Дожей в Венеции, куда ты так рвалась когда-то в мечтах... Решила для начала исполнить твою мечту, чтобы все последующее в своем теперешнем будущем ты воспринимала с присущей тебе прагматичностью.

— Меня что, казнят на рыночной площади как Марино Фальеро? — с опаской спросила Анна.

— До этого, очень надеюсь, не дойдет, — неуверенно ответила дама.

Это не слишком успокоило Анну, уже догадавшуюся, что перед ней — та самая потомственная ясновидящая Веста, написавшая объявление на столбе с автобусным расписанием. Наверно, она что-то негативное рассмотрела на ее счет в своем хрустальном шаре, поэтому различными иллюзиями решила как-

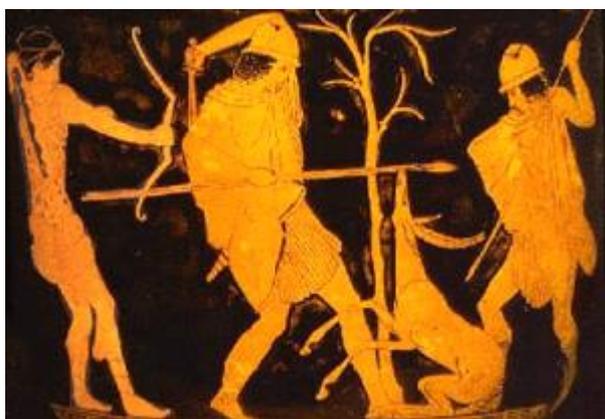
то скрасить Анне жестокий моральный удар. Ей даже вспомнилась какая-то книжка, где человек перед казнью тоже попадал в какие-то чудесные места, где он хотел побывать в своем будущем, сжавшимся до гильотины. Почему-то с нездоровым ажиотажем ей захотелось жить, хотя будущее давно не сулило ей никаких перспектив. Она вырвала свою руку из теплых мягких ладоней дамы с твердым намерением потребовать немедленно предсказать ей все те гадости, которые та хотела смягчить этими видениями.

— Уважаемая Веста, — неуверенно обратилась она к даме.

— Это я просто в объявлении написала, — призналась дама, жестом остановив ее сбивчивую речь. — Вернее, сняла со столба чужое объявление, написала тебе записочку, да и прикрепила к расписанию автобусов. На столбе же не напишешь: «Средняя горгона Эвриале приглашает на собеседование возможную претендентку на роль музы истории Клио. Моральных уродов, маньяков, жлобов и недоумков просьба не беспокоиться!»

— Да, такое лучше не писать на столбе, — подтвердила Анна, начиная порицать себя за легкомыслие.

— Анна, ты слышала что-то про муз из античной мифологии? — ответ поинтересовалась дама.

*Artemis & the Aloadae giants, Athenian red-figure krater
C5th B.C., Antikenmuseum, Basel.*

Еще бы Анна не слышала про муз, без конца читая всю, что могла отыскать по древнегреческой мифологии! Она перечислила имена муз, заметив, что, по сообщению Павсания, первыми, кто почтил муз и принес им жертвы на Геликоне, были не поэты, певцы и ученые, а страшные великаны алоады, которых звали От и Эфиальт. Они ввели культ муз и дали им имена,

считая, что муз только три: Мелета («опытность»), Мнема («память») и Аойда («песня»). Впоследствии этот культ вошел в ритуал почитания богини памяти Мнемозины, которую считали матерью всех девяти муз.

— Отлично! — похвалила ее дама. — Итак, хочу представиться официально. Как ты уже поняла, я вовсе не ясновидящая Веста, хотя о будущем кое-что знаю, но лишь потому, что лучше других знаю прошлое и чту богиню Мнемозину, зная, что когда боги хотят наказать людей, они лишают их памяти. Зовут меня Эвриале, и ничего гадкого лично тебе предсказывать не желаю! Более того, обязуюсь помогать тебе во всем и даже следить за твоим товаром в камере хранения, если ты согласишься... выступить второй музой Клио. И в качестве доказательства серьезности моего предложения и реальности происходящего

– я решила исполнить твою мечту! Конечно, я могу это сделать ненадолго, но до первого утреннего луча Палаццо Дукале в твоём полном распоряжении, благословенная Клио! Ну, ты ведь согласишься?

— А кто от такого откажется? – растерянно пробормотала Анна, понимая, что ей следовало бы помолиться для приличия и высказать толику недоверия.

Впрочем, Древняя Греция с её мифами давно стали для неё куда реальнее происходивших «демократических преобразований всего общества», наблюдать которые ей не составляло никакого резона, зная, что в них у неё вообще нет никакого будущего – ни ближнего, ни дальнего. Украдкой она потрогала плиты под ногами, сделав вид, будто завязывает шнурок на кроссовках. Камень был вполне реальным, шершавым и холодным. И она почувствовала, как душу захлестывает неудержимый восторг. Пусть лишь на одну ночь и может даже во сне перед казнью за просроченную плату на рынке, но она в Венеции!

Осматривая величественное здание резиденции дожа, она пожалела, что в нём почти не осталось от первоначальной античной конструкции, возведённой до 1000 года на основе существовавших с незапамятных времен римских стен. Вид с лагуны, который она так хорошо знала по фотографиям, придали Дворцу Дожей каменотёсы Филиппо Календарио, Пьетро Базейо и мастер Энрико в 1400-1404 годах. Но они с Эвриале стояли на Площади Святого Марка, где фасад дворца был достроен спустя почти 30 лет. Ей не терпелось попасть внутрь, чтобы увидеть росписи Беллини, Тициана, Веронезе, Тинторетто и многих других. Конечно, ей хотелось бы прикоснуться и к перилам крытого моста Вздохов, по которому осуждённых уводили в тюремное крыло Дворца.

Она залюбовалась балконом в центре восточного фасада, выполненным учениками Сансовино в 1536 году. Над балконом красовалось стрельчатое готическое окно со скульптурным изображением дожа Андреа Гритти перед символом Венеции и статуей Правосудия работы Алессандро Витториа. Именно с этого балкона, выглядевшим в свете фонарей особенно торжественно, в 1866 году было провозглашено воссоединение Венеции с Итальянским Королевством.

С площади Святого Марка во двор Дворца Дожей, как уже знала Анна, можно было пройти через Бумажные ворота — Порта делла Карта, созданные Джованни и Бартоломео Бон., в форме стрельчатой арки, украшенной в её верхней части декоративными элементами в готическом стиле. Сюда вносили

верительные грамоты, отсюда выносили важнейшие документы, поэтому

ворота со статуей дожа Франческо Фоскари перед крылатым львом носили такое интригующее название.

Но, перед тем, как через Бумажные ворота пройти в арочную галерею Фоскари, а затем во двор Дворца Дожей, Анна принялась искать хоть какую-то надпись на каменных плитах, упоминавшую о доже Марино Фальер или Марин Фальер, по-разному именовавшийся в литературе. Она знала, что помост, на котором ему отрубили голову, был прямо перед входом в Бумажные ворота. Возможно, она даже стояла на плитах, по которым стекала его кровь.

— Вряд ли ты найдешь здесь его имя, — усмехнулась Эвриале. — Имя Фальера было стерто с фриза в зале Большого совета, где выбиты имена всех дожей, и заменено надписью «На этом месте было имя Марино Фальера, обезглавленного за совершенные преступления». Больше никаких упоминаний о нем здесь ты не найдешь. Ты читала о нем трагедию лорда Байрона?

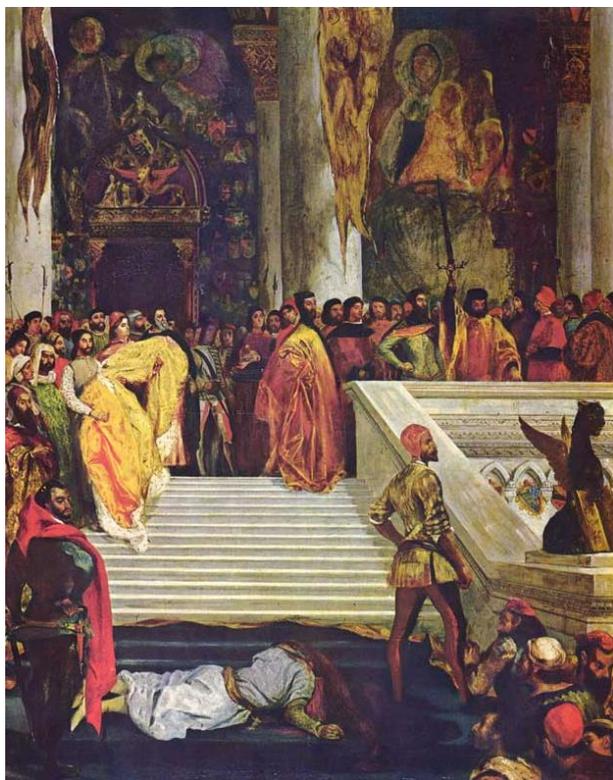
— Мне интересен этот человек, решивший взять всю ответственность власти на себя, — призналась Анна. — Марино было 33 года, когда после смерти маркиза Адзо д'Эсте, началась война за его наследство, и против Венеции выступил папский престол, а на Венецию был наложен интердикт, по которому венецианцы были отлучены от церкви, всё их имущество конфисковано, договора аннулированы, и любой человек мог законно взять венецианца в рабство.

Тогда возник заговор против дожа, который был раскрыт. Для контроля над заговорщиками был учрежден специальный Совет десяти. А Марино Фальера был военачальником, дипломатом и членом Совета Десяти. Он командовал венецианскими войсками при осаде Зары, победил 80-тысячную армию венгерского короля. Командуя флотом, взял Капо д'Истрия, был подестой на материке. Послом в Генуе и Риме представлял интересы Венеции. Дожем был избран в 80-летнем возрасте заочно, находясь при этом в Риме с дипломатической миссией. Сам Марино за это время превратился в мудрого старика, понимая, что Венеции предстоят трудные годы, поэтому решил сосредоточить власть, чтобы лучшим образом организовать оборону. А Совет десяти стал высшим государственным органом, состоявшим из таких же стариков, ни за что не отвечавших, желавших тайно править из-за его спины в интересах своих семей. Мне очень интересен этот человек, решивший вернуть власти ее первоначальное значение. Его заговор был обречен, а через три года после его казни Венеция утратила все его завоевания...

— Ну, у него были свои недостатки, — уклончиво прокомментировала Эвриале ее эмоциональную декламацию. — Но вот в чем ты права, так это в том, что ищешь подтверждение своим историческим изысканиям в настоящей литературе, у Каллиопа своего времени. У Байрона здесь был экскурсоводом

один темпераментный итальянец, сразивший его замечанием, что вот на этой «Золотой лестнице», спроектированной Сансовино в 1538 году для дожа Андреа Гритти и законченной Скарпаньино в 1559 году, — Марино Фальеро был коронован, а затем обезглавлен. Хотя, как ты сама понимаешь, рубить голову старику на лестнице, покрытой позолоченной лепниной, крайне неудобно. Но какой практичности можно ожидать от английского лорда и итальянского экскурсовода? Однако это замечание так зажгло Байрона, что он написал свою трагедию, а после сообщил в письме своему другу Меррею, что «вложил душу в эту трагедию», сделав очень важное примечание, которое лучше всего раскрывает связь Каллиопы и Клио: «Помните, это не политическая пьеса, хотя и может походить на таковую. Она строго историческая, читайте историю и судите по ней!»

The Execution of the Doge Marino Faliero by Eugène Delacroix (1818).

*Власть над Венецией!.. Да это вы —
Предатели! Вы, вы мне изменили!
Я, равный вам по крови, выше вас
По сану и делам, оторван вами
От дел моих высоких в дальних странах,
В морях, на поле брани, в городах
И жертвой, венценосной, но бессильной,
Закованной, на тот алтарь повергнут,
Где вы — жрецы! Не знал, не жаждал я,
Во сне не видел вашего избранья!
Я в Риме был тогда; я подчинился,
Но, воротясь, нашел, помимо зоркой
Ревности, с которой вы привыкли,
Смеясь, мешать благим мечтам князей,
Проделанную вами в дни межвластья,
Пока в столицу ехал я, урезку
И искаженье жалких прав, какие
Остались дожу! Это все я снес
И впредь сносил бы, если б мой очаг
Запятнан не был вашей клеветою.
А клеветник — вот он, среди вас, достойный
Судья в суде таком!..*

*Джордж Гордон Байрон
«Марино Фальер, дож венецианский»*

— Здорово! – искренне восхитилась Анна.

— Кстати, а какую эпоху ты предпочитаешь? – остановилась Эвриале на лестнице, которая вела в парадные залы дворца.

— Предпочитаю ту эпоху, которая мне досталась, но непременно с винтажными аксессуарами, — ответила Анна.

— Отлично! – одобрила ее выбор Эвриале. – Остановимся в зале Скарлатти, где собирались сановники в алых тогах, ожидали выхода дожа для проведения официальных церемоний. Отделка этого зала была выполнена под руководством Пьетро Ломбардо. Богатый деревянный потолок относится к началу XVI века. На изящном мраморном камине установлен герб дожа Агостино Барбариго.

— А я теперь, как Золушка? – поинтересовалась Анна, заметив, что на ней вместо джинсов лиловое вечернее платье, гармонировавшее с оливковыми тонами зала Скарлатти. – В двенадцать часов все превратится в капустную кочерыжку?

— Да как сказать, — туманно ответила Эвриале. – Платье с модного показа в Милане, с недели моды, аксессуары из города Парижа. Если не хватятся, оставим себе! Давай-ка, познакомимся с местной венецианской кухней, которая имеет отдельное название «Veneto». Она не совсем итальянская, поскольку сформировалась под влиянием Среднего и Дальнего Востока, благодаря иностранным купцам, привозящим с собой из далеких стран, но и оригинальные рецепты, а также специи и приправы. Венеция в течение многих веков была центром торговли между Европой и Востоком, здесь объединились воедино арабская, турецкая и азиатская кухня. И сейчас прямо среди этой исторической роскоши мы устроим венецианскую тратторию!

Эвриале хлопнула в ладоши, в зале зажегся верхний свет, появился столик на двоих и черед растерянных официантов с блюдами. На всех была разная униформа, поэтому Анна поняла, что Эвриале каким-то образом вытащила официантов из самых разных тратторий Венеции.

— Хотелось бы создать непринужденную атмосферу, — призналась она, разворачивая салфетку. — Ты же с работы, голодная? Любишь итальянскую кухню?

— О! Только не это! – взмолилась Анна. — У нас с утра до вечера на рынке праздник итальянской кухни! Там две бабы мини-пиццу разносят, у меня от нее изжога.

— Это с прокисшим огурцом и кетчупом? Фу, гадость какая! Я тоже попробовала, пока давеча за тобой наблюдала. Ну да, не повешу же я объявление на кого попало! – ответила горгона на вопросительный взгляд Анны. — Потому извини, наблюдала за тобой. И думаю, нам сегодня не совсем помешает гастрономическая атмосфера Венеции с ее аллегориями и загадочными натюрмортами украшенными моллюсками, крабами, омарами, лангустами, креветками... Как там писал Иван Бунин о великолепной Венеции?

*Голос давней жизни, от которой
Только красота одна осталась!
Утром косо розовое солнце
Заглянуло в узкий переулок,
Озаряя отблеском от дома,
От стены напротив — и опять я
Радостную близость моря, воли
Ощутил, увидевши над крышей,
Над бельем, что по ветру трепалось,
Облаков сиреневые клочья
В жидком, влажно-бирюзовом небе...*

Клас Питер «Завтрак»

— Мы же ночью здесь, — заметила Анна, восторженно наблюдая, как настоящие венецианские официанты грациозно сервируют их стол. — Поэтому о небе судить не берусь, а вся авантюризм обстановки больше ассоциируется с воспоминаниями венецианца Джакомо Казановы. Но, раз уж мы в Венеции, хочется местные блюда из рыбы! Хотя я всегда предпочитала нашу привычную кухню. Мы с мамулечкой даже бычков в томате на зиму крутили. Синенькие там... помидорчики...

— В курсе! — строго оборвала ее горгона. — Давай полакомимся чем-то более соответствующим романтической атмосфере.

— Да уж не отказалась бы! — сказала Анна, радостно потирая руки.

— Отлично! Какое вино предпочитаешь? — спросила Эвриале, подавая знак официанту в красном мундире.

— Вообще-то я не такая! — отмела возможные подозрения Анна. — Но сегодня... за встречу разве что... Можно красненького.

— Самое знаменитое вино Тосканы — Кьянти, — на чистом русском языке вдруг сказал склонившийся над Анной официант, подавая ей винную карту. — Его основа — сорт Санджовезе. Кьянти может быть очень простым и легким вином, но может — дорогим и ценным, с отличным потенциалом выдержки. Рекомендую попробовать и Франчакорту, являющимся самым престижным вином из Венеции, но Кьянти, безусловно, самое популярное итальянское вино в мире.

— А... так мы где-то у нас остались? Это все не настоящее? — разочарованно протянула Анна. — Вы сами-то откуда?

— В Венеции второй год, в Москве работал преподавателем, — сухо отрекомендовался официант.

— Вот черт! — втянула голову в плечи Анна. — Предупреждать надо! Давайте Кьянти!

— Ладно, нам тоже тут лишние люди ни к чему, — недовольно заявила Эвриале, явно расстроенная присутствием российского знатока венецианских вин.

Она щелкнула пальцами, и официанты, выставив свои подносы на появившийся перед ними стол, медленно растворились в воздухе. Сразу после их исчезновения на столе появились большие старинные часы с выдвигаемым ящичком внизу и бронзовыми лапками.

— Ты кого вообще брал? — обратилась горгона к часам. — Почему тут один начал нам вина рекомендовать по-русски? Нарочно переместились в Италию, чтоб никто ничего не понял! И тут нам Кьянти предлагают по-русски!

— А я в его анкету не заглядывал! — склочно возразили часики, почесывая ножку о салфетку. — Сейчас тут, поди-ка, и все гондольеры русские! Все сейчас подальше от реформ ломанули. И понять их можно! Сейчас в Японии, наверно, все гейши и самураи — русские.

— Ты Японией не прикрывайся! Мы в Венеции! И здесь гондольеры имеют потомственную лицензию, которую пока за взятки не продают! — жестко возразила Эвриале. — Сам теперь десерт подавать будешь! Организуй Берлинский симфонический оркестр и пару победителей международных конкурсов бальных танцев. Мы вообще-то в платьях от Армани!

Frans Snyders, Fischmarkt (Zinsgroschen) um 1621

Больше всего в ту ночь Анне запомнился даже не вальс с элегантным преподавателем танцев на паркете школы GallaDance из Монте-Карло, оказавшимся родом из Харькова, а то, что в каждом рыбном блюде она обнаруживала по серебряному колечку венецианской работы.

Эвриале объяснила ей, что Венеция – это не только город-рыба, но и город колечек. Ведь и святой Марк, в честь которого названа площадь перед Дворцом, передавал через рыбака дожу кольцо в знак своего покровительства Венеции. А каждый новый дож здесь бросал в море собственное кольцо, как бы обручаясь с морской стихией со словами: «О Боже, даруй нам и всем тем, кто поплывет вслед за нами, спокойное море!» Немудрено, что здешняя рыба просто кишит драгоценными кольцами.

Колечко на последний мизинец Анна вытащила из мидии уже под самое утро, с сожалением поместив его на свой пальчик, понимая, что чудесной сказке приходит конец.

* * *

...Она проснулась утром с гудевшей головой, лежа поперек кровати в атласных туфлях и лиловом платье. Джинсы, ветровка и кроссовки были кем-то небрежно брошены в кресло. С крайним облегчением Анна вспомнила, что нынче понедельник, поэтому на рынок ей идти не нужно. Она решила еще немного вздремнуть, но при этом из бережливости решила снять шелковое платье, ласковой пеной обнимавшее всю ее фигуру.

Как только она увидела, что на всех пальцах у нее надеты кольца, которые она накануне с азартом искала в каждом кусочке рыбы, до нее стали медленно доходить события минувшей ночи и обещания, данные ею горгоне под каждое колечко на ее пальцах.

Первый этап боевого задания она выполнила в тот же день, купив компьютер и заключив договор с провайдерской фирмой. Сидя у включенного компьютера и тупо глядя на заставку «Мы рады приветствовать Вас на просторах бескрайнего Интернета!», она почувствовала, что два колечка с аметистом и крошечным изумрудом, сжимавшие ее пальцы так, будто хотели впитаться в ее кожу, — совершенно перестали давить и сделались удивительно удобными.

Зато на среднем пальце немедленно давить начал большой венецианский перстень с дымчатым топазом и латинской надписью вдоль кольца «*Все Ангелы были заняты. Послали меня!*»

Анна сразу вспомнила, что ей надо найти в Интернете какой-то блог... или блок. Вот только она никак не могла вспомнить, что за блок ей надо было найти... смутно

припоминая что-то овощное. То ли помидоры на проводе, то ли хрен в томате...

Решив попробовать изучить поисковую систему, как советовала ей первым пунктом памятка для новичков, выданная молодым человеком, подключившим ее компьютер к Интернету, она так и набрала в Яндексе: «хрен в томате», радуясь тому, как все разумно и демократично устроено в этом новом для нее пространстве, поскольку ответ получила практически сразу.

*Самолет летит на Запад,
Солженицын в нём сидит,
«Вот-те нате, хрен в томате!»-
Бёльль, встречая, говорит.*

Первой строчкой в Яндексе по частоте упоминания этого выражения стоял блог «Огурцова на линии». Стоило Анне щелкнуть мышкой по указанной в поисковике ссылке, как кольцо с топазом перестало давить на палец, будто было тщательно подобрано ей по размеру.

Она начала читать статьи блога, поражаясь, как мысли этой «мадам Огурцовой» созвучны ее собственным, как давно, оказывается, она хотела почитать что-то такое, где одновременно присутствовало бы что-то историческое, политическое, литературное, философское.

Пожалуй, лента комментариев была зачастую даже интереснее, чем сами статьи. В ней самые разные люди спорили о жизни, а сама автор блога была среди них

своеобразным арбитром. Разговоры после статей принимали иногда неожиданные повороты, становясь темой очередного выступления хозяйки блога, расставлявшей акценты именно с исторической точки зрения, которая для Анны была верхом жизненного прагматизма.

Неизменно после каждой статьи первым появлялся комментарий одного и того же посетителя. Как поняла Анна, он был известным физиком. С небольшими вариациями, каждый раз он писал одно и то же: «Трепещите, лжецы предатели и воры!» А потому каждый вечер теперь, особо не задерживаясь на рынке, Анна спешила домой, чтобы узнать, не появилась ли новая статья в блоге? Для себя она так и формулировала свой интерес: трепещут уже эти самые или еще нет?

Она и сама все чаще ловила себя на мысли, что начинает трепетать от предвкушения чтения, которое вдруг начало приносить ей такое же удовольствие, как когда-то в детстве, когда она не могла оторваться от книги и читала под одеялом с фонариком.

Больше всего ее завораживали статьи из раздела по государственному управлению. Ей и до блога казалось неправильным вдруг среди шаткого социального равенства – выбирать государственным курсом «формирование класса эффективных собственников». Каждый из них имел в прежние времена «терки с законом», с нескрываемой ненавистью относясь к менее удачливым согражданам, разрушая все, к чему не прикасаясь. Мысли, тревожившие Анну, формулировались в блоге с невероятной простотой, вызывавшей радостную догадку, что где-то внутри она тоже всегда была в этом уверена.

Об «эффективных собственниках» хозяйка блога писала, что никто не может «эффективно» управлять собственностью, создать которую не в состоянии, если вдобавок убрать те критерии эффективности, в которых она создавалась. Из такого подхода вытекало лишь, что к управлению государством пришли необразованные люди, ничего не понимавшие в государственном управлении, неспособные проникнуться глобальным государственным мышлением. Но более всего Анне импонировало выражение «нетипичные мотивации», которые «мадам Огурцова» усматривала у всех, кто решил завладеть государственным достоянием для себя одного, «обирая не только живых, но и мертвых и еще не родившихся».

На исторических статьях Анна следила, как система управления государством изменялась с учетом опыта других государств еще в античности. Особо ревностно отслеживалась система управления древнего соперника Рима — Карфагена. Историк Полибий, излагавший точку зрения наиболее влиятельных римлян, писал, что решения в Карфагене принимались народом (плебсом), а в Риме – «лучшими людьми», то есть Сенатом.

Однако, по мнению более серьезных греческих историков, Карфагеном на самом деле правила Олигархия. В Греции считалось, что Карфаген продолжает путь, выработанный в Спарте с «ротационной» олигархией, в то время как большинство греческих городов-государств выбирало демократию. Поэтому для себя Анна никак не могла объяснить такую «историческую необходимость», когда посреди мамкиной подготовки к пенсии – в мирное время в самой богатой стране мира верхушка вдруг решало устроить олигархическую систему правления, хотя от нее уже пали и Спарта и Карфаген.

Никогда бы Анна о себе не подумала такого, но под влиянием публикаций блога она начала серьезно читать Аристотеля, опровергавшего распространённое в античности представление о необходимости имущественного ценза при избрании достойнейших, как это происходило в

Карфагене. Основную опасность такого подхода он видел в коррупции, то есть в фактической «покупке власти».

Decline of the Carthaginian Empire, Joseph Mallord William, Turner, 1817.

Всего же более отклоняется от аристократического строя в сторону олигархии карфагенское государственное устройство в силу вот какого убеждения, разделяемого большинством: они считают, что должностные лица должны избираться не только по признаку благородного происхождения, но и по признаку богатства, потому что необеспеченному человеку невозможно управлять хорошо и иметь для этого достаточно досуга.

Но если избрание должностных лиц по признаку богатства свойственно олигархии, а по признаку добродетели — аристократии, то мы в силу этого могли бы рассматривать как третий тот вид государственного строя, в духе которого у карфагенян организованы государственные порядки, — ведь они избирают должностных лиц, и притом главнейших — царей и полководцев, принимая во внимание именно эти два условия. Но в таком отклонении от аристократического строя следует усматривать ошибку законодателя.

... Хотя должно считаться и с тем, что богатство способствует досугу, однако плохо, когда высшие из должностей, именно царское достоинство и стратегия, могут покупаться за деньги.

Вполне естественно, что покупающие власть за деньги привыкают извлекать из неё прибыль, раз, получая должность, они поиздержатся. Невероятно, чтобы человек бедный и порядочный пожелал извлекать выгоду, а человек похуже, поиздержавшись, не пожелал бы этого.

[Аристотель. «Политика»]

В Древнем Риме постановления сената сохранили силу законов, но принимались обычно по инициативе императора. Начиная с Октавиана

Августа, фактический император Рима носил титул «принцепс» — то есть «первый из сенаторов».

История превратилась для Анны в захватывающий детектив. Она видела, как попытки демократизировать государственный строй Древнего Рима, разбить главенство сената давали лишь отрицательные результаты, восстанавливая магистратский произвол в лице *принципата* – власти избранного сенатора.

Больше всего ее потрясло, что и в античности цивилизованные люди искренне презирали «принципы восточной абсолютной монархии», предусматривавшие раболепство, преклонение и абсолютное пренебрежение к жизни и стремлениям подданных. Намного более полезным для государства считались демократические принципы и широкое развитие местного самоуправления.

На примере истории Древнего Рима она видела, как власть сената всё более ограничивалась, сосредоточиваясь в руках императора, хотя формально сенат продолжал считаться одним из высших государственных учреждений. На самом деле, сенат превратился в собрание представителей знатных семейств, не имеющее большого политического влияния.

The Last Senate of Julius Caesar, 1867 by Raffaele Gianetti.

Анна понимала, что демократическая система, предусматривавшая существование выборных институтов власти, – все же меньше зависела от конкретной личности одного человека, замыкающего на себе все государственное управление. Поэтому мысленно она часто возвращалась к истории Марино Фальеро, решившего узурпировать власть у Совета десяти, с которым была связана вся его жизнь. Теперь ей вовсе не было с такой же однозначностью ясно, кто же был предателем в той венецианской истории?

Все эти дискуссии в блоге то гасли, то разгорались на фоне происходивших в России изменений в государственном управлении, все больше замыкавшемся

на нескольких людях в высшей иерархии государственного управления, явно неспособных решать в такой огромной стране все и за всех. В результате, самоуправление все больше разваливалось по рукам приближенных «удельных князьков», в задачу которых входило лишь заткнуть малейший протест на местах. И из своего скромного исторического опыта Анна с горечью понимала, что «мадам Огурцову», жившую где-то на Урале, рано или поздно начнут душить в провинции местные «мандарины».

Главное, что именно здесь, в блоге, Анна, наконец, с душевным облегчением поняла, насколько безнравственными являются все поиски «национальных идей» и «национальных идеологий». Раньше слушая споры и беседы об этих поисках, она понимала, что за ними стоит лишь попытка оправдать захват государственной собственности... с точки зрения ее жизненной позиции. Но у нее еще хватало решимости не признавать, будто она – настолько ничтожна, что ее можно лишиться и такого будущего, которое маячило перед ней теткинскими пальто.

«Мадам Огурцова» с легкостью доказывала, что раз нация уже смогла создать такое государство, то какая идея может быть выше России? Все надо рассматривать с точки зрения блага государства. А какое благо может быть от ограбления практически всего населения, если некоторые присвоили и то, «что принадлежать никому в отдельности не может»? Она задавалась вопросом, какая еще «идеология» нужна в нормальном обществе в мирное время? Разве кто-то из живущих не знал заповеди «не убий, не укради, не лги, не прелюбодействуй...» и далее по тексту? Эта «идеология» была для всех единой, поскольку ее несоблюдение абсолютно одинаково не нравилось всем.

Здесь лучше задаться вопросом: а для чего нужна идеология? А для начала она, безусловно, требовалась, чтобы сподручнее плевать на конституцию и Уголовный Кодекс. А затем уж следовали и более насущные потребности «экспроприации экспроприаторов», то есть, идеология требуется исключительно с целью захвата чужой собственности. И ведь «светлые горизонты» для всего человечества рисовались идеологами вполне прозрачно: никто в коммунизме не будет иметь никакой собственности вообще. Идею так и не смогли воплотить в жизнь, но уроки восприняли на будущее: без частной собственности нет человеческой личности, нет и самого человечества. Но смысл любой идеологии – в отходе от цивилизованных принципов

римского права, когда никому нельзя приобрести собственность без согласия ее предыдущего владельца.

И, казалось бы, если уж вписываться в мировое сообщество, то, прежде всего, следовало бы отказаться от присвоения государственной собственности нецивилизованным, то есть «идеологическим» путем. Поскольку любая идеология – это попытка завладеть тем, что тебе никак принадлежать не может, — поверх существующего законодательства, поверх сложившихся общественных норм поведения. Поэтому такой «идейный» путь приобретения собственности всегда приводит к гуманитарной катастрофе.

Анне тогда вовсе не почудилось, как резко с почти животной ненавистью на хозяйку блога вскинулся один из посетителей с ником «Седой». Интуиция подсказывала ей, что этот посетитель доставит всем много проблем в будущем.

* * *

Постепенно на палец левой руки начал давить перстень с кораллом на указательном пальце, по которому вилось на латыни изречение из Плутарха «*Выйди из тени!*» Она даже не удивилась, что в блоге пошел цикл статей по «Застольным беседам» Плутарха, которые Анна начала с осторожностью комментировать, пересыпая свои размышления историческими примерами. Но пока она опасалась вступать в разговор с кем-то из посетителей, вовсе не из-

за «Седого». Больше всего она переживала, как к ее появлению отнесется сама хозяйка блога.

Ее выступления восприняли на удивление приветливо. Но стоило Анне высказаться о том, как их грабили в Польше, когда она ездила туда за товаром, ей ответили шутками, что не стоит настолько прикидываться, что в целом не слишком хорошо изображать из себя героиню романа хозяйки блога. Анна еще не успела перечитать все романы «мадам Огурцовой», поэтому вначале не поверила, будто в ее романе «Армагеддон №3» тоже есть героиня Анна, которая ездила за товаром в Польшу. Намеренно заглянув в этот роман, она обнаружила, что в качестве эпизодического персонажа там выведена именно она, даже внешне описанная с большой точностью. В романе действовал и другой персонаж, проводник прицепного вагона Петрович, в котором Анна

немедленно узнала польского проводника, пристававшего к ней всякий раз, стоило ей собраться «почелночить».

Кольцо давно перестало давить на указательный палец, но Анна не могла понять, откуда эта писательница могла знать идиотские стишки, которые ей писал этот проводник по-русски.

*Не придумать мне такой название,
До чего ж Вы, Анна, хороши!
Приходите в тамбур на свидание,
Отзовитесь мне на крик души!*

Она уже стала вполне «своей» в блоге, когда почему-то начало

давить кольцо с небольшим домиком вместо камня, которое Анна носила на большом пальце левой руки. Пока она старалась вспомнить свой прошлогодний сон про Венецию, ей пришло письмо с приглашением приехать в гости к хозяйке блога, который на ее глазах разрушили, продержав в неведении около двух недель. Через две недели блог восстановился на новой площадке, и Анна поняла, как много он стал значить для нее. И когда она купила билет к Каллиопе, кольцо сразу же перестало давить.

Как и Анна, никто из собравшихся в гости спонтанно, от себя такого не ожидал. Потому все происходящее слилось в какой-то непрерывный праздник, будто взрослые люди ненадолго окунулись в детство. Большинство посетителей блога двигалось к Каллиопе с Запада. На Киевском вокзале Анну встретила небольшая кампания, добравшаяся до места на машине. Ночью она только два раза спрашивала себя, как у нее хватило авантюризма оказаться посреди России в машине с мужчинами, которых она знает лишь по сетевому нику. Но за насущными проблемами эти мысли ее покидали, она весело подхватывала разговор, хохоча рассказываемым анекдотам. Особой популярностью пользовался один старый советский анекдот, который стал рефреном ее путешествия.

Накатала у одного мужика жена жалобу в партком. Типа не спит с ней продолжительное время. Того вызывают в партком на проработку. Мужик с ходу начинает оправдываться: «Во-первых, я — импотент!»

— Во-первых, ты — коммунист! — обрывает его парторг.

Утром восходящее солнце било им прямо в ветровое стекло. Они подъехали к дому хозяйки блога и встретили там всю кампанию из постоянных посетителей. И понеслось! Купание-загорание, водка-пиво и шашлыки, пение под гитару и непрерывный смех, будто рвавшийся из всех гостей, явно давно не смеявшихся, как и Анна. И на каждую просьбу или шутку присутствовавшие хором отвечали с наигранной назидательностью: «Во-первых, ты – коммунист!»

И уже на обратном пути, на подъезде к своему дому, Анна почувствовала нехорошую саднящую боль в сердце, с какой всегда встречала дурное предчувствие. И на данном историческом этапе дурные предчувствия оправдывались намного чаще, чем радужные надежды. К гадалке не ходи.

* * *

Все, что начало твориться в жизни «мадам Огурцовой» вскоре после их отъезда, больше напоминало Анне избитое выражение «кино и немцы». По исторической аналогии Анна, конечно, понимала, что такую дискуссионную площадку не могут не замечать люди, облепившие государственное управление с массой «нетипичных мотиваций». К тому же сама хозяйка блога пообещала научить управлять государством всех желающих буквально «за чирик». Она написала, что в России всех проблем на три месяца, как это и показало правительство из старых советских специалистов, ликвидировавших разрушительные процессы дефолта 1998 года за один квартал и организовавшее промышленный подъем, тут же подавленный их преемниками.

К ней домой ворвались следователи, устроив обыск, возбуждив уголовное дело по статье 282 УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства», явно желая попросту уничтожить. И Анна поражалась этим мужчинам, предавшим собственную профессию, выбрав которую, они все же сами должны были защищать права женщины, а не пользоваться ее полной беззащитностью. Они с такой ненавистью старались растоптать и унижить ее человеческое достоинство, что Анна больше нисколько не сомневалась – перед ней та самая Каллиопа, муза эпической поэзии, вызывавшая в людях чувство жертвенности, побуждающее человека преодолеть свой эгоизм и страх перед судьбой. Да, иногда она была резка с своих безошибочных суждениях, страшных именно тем, что оспорить их было невозможно.

Анна помнила, как один молодой человек спросил хозяйку блога, какие книги она посоветует ему прочесть, чтобы спорить с ней на равных. Анне очень понравился ее ответ: «Если я подумаю, то выскажу свое суждение в бесспорной форме!» И в этом она очень напоминала архаических муз, которых древние, как об этом сообщает Гесихий, греки называли «бурные»,

«неистовые», считая, что в чем-то именно увенчанная золотой короной Каллиопа сближается с ночными богинями мщения эринниями.

Анна сразу почувствовала, кто ворвался к ней в дом, прочитав в блоге, что полицейские заявили, будто выступают в интересах «двухсот наций», у которых Каллиопа «унизила человеческое достоинство». Она только хмыкнула про себя, прочитав ответ Каллиопы, что нация в государстве может быть лишь одна, а они, как служители Фемиды, должны стоять на защите ее исконных интересов.

Она давно не вспоминала свой красочный сон, когда однажды ночью она вначале попала в ожившее дореволюционное фото, а потом оказалась в Венеции, хотя так и не могла вспомнить, где же она купила лиловое платье, атласные туфли и венецианские колечки, сразу отмеченные Каллиопой. Но она помнила, что ее собеседница, носившая странное имя «Эвриале», с грустью сетовала на то, что раньше в роли Каллиопы и Клио выступали мужчины, поэтому и ей было значительно проще. Она явно не доверяла их слабой женской оболочке, удивляясь, почему на этот раз, когда само время взывает к настоящим мужчинам, музами стали слабые женщины.

Но если бы эта Эвриале сейчас следила за Каллиопой, она бы поняла, что ничего случайного не бывает. Возможно, ответ на доводы слабой ничтожной серости и должен был прозвучать именно от женщин, поскольку там шли спекуляции на лучших человеческих чувствах.

От Каллиопы явно требовалось изложить ситуацию драматически. Но создатели этих искусственных «ситуаций» явно не учли, что на их долю выпала совсем другая, никогда прежде не встречавшаяся им Каллиопа, которая из женского упрямства никогда в жизни не делала того, что от нее добивались вопреки ее убеждениям. Каждый наезд на нее она превращала в смешные заметки, умудряясь все происходящее свести к очередной сказке.

«Штрафом в размере заработной платы и арестом на срок четыре месяца осужден сегодня Мухосранским районным судом сантехник Управляющей компании «Комфорт» гражданин Копылов Вениамин Михайлович. В ночь на 14 августа этого года гражданин Копылов в нетрезвом состоянии совершил преступное деяние, предусмотренное ст. 280 УК РФ «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности». Пока его не забрал наряд милиции, вызванный жильцами дома №23 по улице Красногеройской, он кричал во дворе этого дома: «Вся система прогнила! Все надо менять!»

Этот идиотский анекдот в последнее время вспоминался мне неоднократно. Никогда не предполагала, что мои «терки с законом» колом вылезут со стороны... племянника Миши. За свою сознательную жизнь Михаил привык, что перед Новым годом тетя поступает в его полное распоряжение.

Мне тоже нравится корчить из себя добрую волшебницу перед неискушенным юным провинциалом. Триста рублей на китайскую пожарную машину — погоды в бюджете не делают, но могут вызвать бурю визга и восторга! Почему мужчины

©Книжная лавка <http://ogurcova-portal.com/>

утрачивают это с возрастом навсегда? Не припомню никого из своих знакомых, кто бы мог с таким же энтузиазмом порадоваться даже галстуку от Giorgio Armani или одеколону от Christian Dior.

«Портрет миссис Эдвард Л. Дэвис и ее сын, Ливингстон Дэвис» John Singer Sargent 1890

— Я понимаю, у вас — проблемы, — строго сказала воспитатель Мишкиной группы, оттесняя меня в сторону кабинета заведующей. — Буду вынуждена попросить, чтобы впредь Мишу забирали из садика только его родители. Вы хоть понимаете, что портите ребенку жизнь и лишаете его будущего? Вам ведь совершенно ясно было сказано, что Мише на елку нужен костюм мальчика-зайчика! Миша пришел в костюме человека-паука, который приобрели ему вы. Он сказал, что теперь будет лазать по стенам и спасать мир.

— У нас на утреннике была комиссия из Администрации! Пока дети звали на помощь Дедушку Мороза, Миша, вопреки сценарию, решил сам спасти Снегурочку от волка с криком: «Русские не сдаются!» Это же... экстремизм и разжигание, Ирина Анатольевна! Вы хоть бы знаете, что в Великой Отечественной войне сражались не только русские, но и... узбеки... вроде бы...

...Мы медленно тащились с племянником домой из садика, и я сосредоточенно соображала, как вообще сообщить его родителям о своей экстремистской и подрывной деятельности в отношении их сына. А Михаил, вполне понимая, о чем со мной могли провести

душеспасительную беседу напуганные воспиталки, пытался отвлечь меня от горестных размышлений обстоятельным докладом о всяких вкусных вещах, которые он нашел в картонной коробке, выданной после утренника.

Если костюм человека-паука и желание спасти мир самостоятельно, без узбеков, — могут воспитать в ребенке экстремизм, то могли бы подумать немного раньше, а не крутить этот фильм по телику, не шить костюмы, наконец! Нашли бы одних заячьих костюмчиков, да сняли бы хороший фильм про узбеков. Как узбеки, таджики, турки и китайцы спасают Снегурочку, побеждают Доктора Зло и раздают всем подарки без Деда Мороза. Зачем тогда всем этим радостно скачущим мальчикам-зайчикам — Дедушка Мороз?..

— Теперь нельзя никому говорить, что ты — русский! — вдруг сказал мне Миша, поняв, о чем я продолжаю пешее раздумье. — Марату можно говорить, что он — татарин, а мне — нельзя.

Я тяжело вздохнула, подумав, что надо искать какой-то выход из этого сумасшедшего дома, когда к малым детям лезут с подлыми взрослыми штучками.

— К нам дяденька приходил, он сказал, что Марата теперь и бить нельзя, когда он щипается.

— А зачем его бить? — ответила я Михаилу. — Надо было в тихий час в резиновую игрушку воды в туалете набрать и ему в подарок вылить. У нас так многие девочки делали мальчикам, которые их щипали, пока дети спали, а воспитатели с нянями Новый год отмечали у заведующей. А потом говорили, что это не они.

— Ну, ты, тетя, даешь, — рассудительно протянул Миша, — Я же не девчонка!

Из последующего общения с малолетним экстремистом я поняла, что он не ябедничает на дяденьку, объяснявшему детям статью 282 о разжигании, а пытается предупредить меня, что дяденьки у них в садике уже побывали и напугали воспиталок обысками и допросами. Из его сбивчивого рассказа я поняла, что именно сейчас возникают какие-то новые отношения, которые типа... «не все взрослые понимают». А раз они пока типа еще детки, так они лучше поймут друг друга по молодетству. Ну, как, к примеру, волчата в зоопарке, которые запросто играют в одном вольере с зайчатами.

...Перед тем, как забрать из садика представителя нового поколения экстремистов и разжигателей, я решила заскочить в собор. Заказать парочку Благодарственных молебнов. Вернее. надо было мне заказать-то один, но Пресвятая Богородица и Николай Чудотворец — должны были прикрыть мой... гм... экстремистский умысел.

— Какой Иосиф?

— Иосиф Виссарионович.

— Вы совсем уже... того? — зашептала мне дама в благообразном платочке. — Совсем, да?

— Я, между прочим, еще не до такой степени того, до которой вы давно здесь все того! — разозлилась я. — Лично я к детям со всякой ерундой из Ветхого Завета не прикалываюсь! Хорошо, раз не подумали послужить истинной вере, давайте молебен Иосифу Прекрасному из святых праотцов, но попрошу в скобках указать «Виссарионович». За щедрое пожертвование на нужды храмового строительства, конечно.

— Хорошо, я отдельно передам для литургии, но сегодня мы никак не сможем, — заюлила дама возле моей тысячной бумажки. — Действительно, лучше пускай они все завтра пойдут, народа завтра с утра будет немного, я попрошу, чтоб так и сказали: «Прекрасному Иосифу Виссарионовичу». Идите с богом отсюда! Скорее!

Уяснив из прочитанного, что Каллиопа ставит свечи Николаю Чудотворцу, Анна тоже зачастила в ближайший храм, не ограниваясь свечками, а заказывая сорокоусты и службы, хотя в творившемся вокруг беспределе давно перестала верить в силу молитвы и свечного огонька.

Но как бы не было Анне по-прежнему страшно за «мадам Огурцову», она беззаботно фыркала, читая ее очередную сказку, навеянную «борьбой с экстремизмом» силами районной прокуратуры и следственных органов, до скрежета зубного жалея, что той не удалось спасти четыре романа в конфискованных у нее компьютерах.

...Об этой лососине надо сказать особо. В минувшем году во всех торгово-развлекательных центрах нашего города, организованных местным Шалтаем-Болтаем в бывших производственных цехах огромных заводов, установили компактные немецкие коптильни, собирающие на запах — толпы жаждущих отведать копчененького.

Небо над нашим городом затянуло дразнящим обоняние сизым дымком непередаваемо прекрасного букета томящейся в маринаде лососины, прессованных древесных опилок и заморских специй. И хотя за вынимаемую из фашистского крематория лососину назначили платить по 349 рублей за килограмм, даже бабушки пенсионерки стали тратить на нее всю пенсию, остававшуюся после оплаты ЖКУ. Что-то было в этом лососином холокосте невыразимо притягательное! Так и тянуло впиться зубами в подкопченную шкурку, чтобы добраться до таявшей во рту прозрачной рубиновой лососины.

И как эта подлая лососина получалась не розовой, а именно рубиновой и прозрачной — сами коптильщики не могли ответить даже при жестком допросе, когда некоторые граждане (вовсе не я, конечно) угрожали плоскогубцами выдернуть у них ногти и тыкали им в лицо пневматическим оружием... Впрочем, с этой копченой лососиной у нас в городе происходили и более ужасные истории.

...Одна дама средних лет с некоторых пор стала замечать, что за ночь кусок копченой лососины в ее холодильнике уменьшается вдвое! Ну, она вначале, конечно, на своего зятя подумала. Поэтому не стала поднимать скандала, чтобы окончательно не отравлять дочери жизнь. Дочь у нее и так была несчастной, поскольку связалась с таким уродом и ублюдком в одном флаконе, что от него можно было только подлости ждать в любой момент.

То, значит, соврет, будто у них на работе зарплату задерживают, то возьмет и за ночь все средства с мобильного интернета израсходует! Поэтому не выдержала у этой дамы слабая женская психика, взяла она топор и встала за холодильником ночи дожидаться. Чтоб уж сразу выяснить все — и про незакрытый тюбик зубной пасты, и про пакет с молоком, забытый на весь день у батареи, — за все и одним ударом!

И ровно в полночь раздался такой слабый скрип... даже не скрип, а такой шорох. Дверца холодильника тихо отворяется и в свете лампочки, немедленно осветившей все содержимое полка, наша героиня с ужасом видит, что к копченой лососине из темноты тянется черная-черная рука с черными-черными кривыми когтями...

Любой бы дрогнул от ужаса на месте этой простой русской женщины. Но один бог видит, как все ее достало, чтобы вот так запросто отдавать кому попало копченую лососину! Взмахнула она топором и, что было силушки, шваркнула по протянувшейся из ночной тьмы костлявой длани! Раздался такой невыносимый визг, что даже дочь с зятем на кухню прибежали.

— Алиса Викторовна, — измученным голосом сказал зять, включая на кухне свет. — На хрен сдалась эта ваша лососина, жрите ее в прямо торговом центре, прошу вас по-человечески! Не носите больше эту гадость домой! Я вас вообще боюсь, когда вы топором на ночь вооружаетесь. Думаешь, а вдруг спросонок пойдешь на кухню воды выпить... и пипец!

Тут наша дама попросила этого щенка заткнуться и объяснила, что орала среди ночи вовсе не она! Ничего ей «такого» присниться не могло, она вообще с вечера

ушла в дозор и спать пока еще не ложилась. Сама видела, как отрубленная ею черная-черная рука на пол шмякнулась! Смотрят они — а на полу-то нет ничего!

John Henry Fuseli, The Nightmare (1781)

И только на следующее утро развеялись все их ночные страхи и сомнения. Поскольку утром, стоило собравшимся на работу зятю открыть дверь, как в квартиру к ним ворвались следователи прокуратуры Октябрьского района в сопровождении понятых, оперативников отдела по борьбе с экстремизмом и свидетеля, фамилию которого никто не знал, поскольку звали его просто Черный Абдулла.

Все знали, что на черных-черных джипах в сопровождении сорока членов своей диаспоры Черный Абдулла выезжал в соседние регионы. Чем они там занимались, никто не знал. Могу лишь предположить, что там у них был подпольный цех по разливу поддельного коньяка «Наполеон». Но все про этого Абдуллу знали точно, что где-то в Шарканском районе у него была тайная пещера, под завязку набитая сокровищами...

И когда вслед за оперативной бригадой быстрого реагирования Черный Абдулла вошел в помещение, все увидели, что правая рука у него — в гипсовой лангетке!

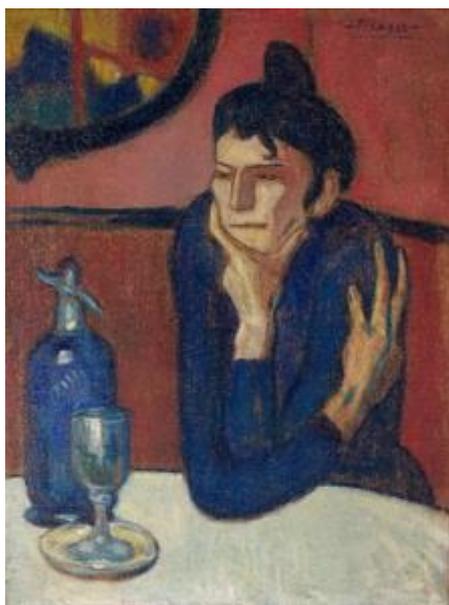
— Давайте, разбэритесь с этими ксенофобами, — начальственным тоном приказал он следователям. — Надо же выяснить, где они окровавленный топор прячут.

И с этими страшными словами Абдулла почесал себе живот под трениками «Адидас» — настолько волосатой левой рукой, что темной-темной ночью, отбрасывая костлявые тени, только такая рука могла быть черной и даже очень черной.

©Книжная лавка <http://ogurcova-portal.com/>

Впрочем, все закончилось благополучно, поскольку даже Черный Абдулла не знал, что Алиса Викторовна прячет топор в мусоропроводе, спуская его на веревке. Поэтому вечером они всей семьей отварили картошечки, добавили в нее сливочного масла, порезали ломтиками злосчастную лососину от греха подальше, да и впервые выяснили все непонятки без понятий. Зять принес с работы бутылку коньяку «Наполеон», который ему всучили в качестве взятки за участие в составе Счетной комиссии региональных выборов в Городскую Думу, но это уж совсем другая история.

В этом преследовании были и особенно страшные моменты, когда Анна отчетливо осознала, что в задачи следствия вовсе не входит довести с трудом вымученное дело до суда. Прокуратура и следственные органы старались любым способом физически расправиться с Каллиопой, которая уже перенесла тяжелую полостную операцию и с трудом приходила в себя. Когда она сообщила, что следовали для чего-то требуют от нее «добровольного» прохождения «психолого-психиатрической экспертизы», угрожая при ее несогласии заключить ее в психиатрический стационар на 90 дней, Анна поняла, что у этой странной музы, умевшей обо всем написать смешную сказку, — не осталось ни одного шанса спастись.

Пабло Пикассо «Любительница абсента».

Хотя Каллиопа говорила, что особенность ее литературного метода в том, что все кошмары превращать в фарс, Анна, хоть и поддакивала ей, чтобы оказать поддержку, уже мысленно прощалась с ней, понимая, что против такого давления женщине, недавно перенесшей операцию, просто не выстоять.

В момент, когда по сообщению «мадам Огурцовой» у нее была эта самая «психолого-психиатрическая экспертиза», Анна отправилась в церковь, твердо решив заказать молебен и «Прекрасному Иосифу Виссарионовичу». И когда она уже подходила к церкви, ей на телефон пришла фотография с

какой-то мордастой бабой в белом халате, разинувшей рот в крике. Вечером она уже читала в блоге полный отчет о пройденной экспертизе.

А в электронном почтовом ящике лежало письмо от Каллиопы следующего содержания:

Дорогая Анна! Присланную тебе эмэмэску выстави на наших ресурсах (я назначаю тебя главным редактором), ссылку скопируй и пошли ее на адрес нашего районного суда вместе с письменным обращением. Напиши какую-нибудь статью про это дело!

©Книжная лавка <http://ogurcova-portal.com/>

Сегодня я была на страшной тропе прокуратура-психушка. Во время экспертизы уже ждала медсестра третьего мужского отделения, они хотели делать мне укол, чтобы я навсегда превратилась в овощ. Следователь по дороге к корпусу сказал, что оттуда я выйду только в инвалидном кресле. И очень гадко добавил, что я теперь буду ходить под себя. Но мне очень повезло. Экспертизу эта гадина прекратила, поняв, что я переслала тебе ее фотку. Перешли ее всем знакомым!

Дело в том, что в молодые годы я хотела бороться со злом общепринятыми методами. Поэтому некоторое время работала в милиции, пока меня свои же бандитам не подставили. Мне прострелили дверь, я решила, что ничего любовными атаками хорошего не достигну. Но успела разок побывать на каком-то празднике, который отмечался в пустом детском садике с сауной и бассейном. Даже не могу тебе объяснить, почему в «лихие 90-е» все представители прокуратуры, судов и милиции все праздники отмечали в местах, где предусматривалась возможность коллективного омовения. Сколько народу на этом погорело – вспомнить страшно. Будто дома принять душ по-быстрому не могли.

A Favourite Custom, Lawrence Alma-Tadema, 1909.

И вот тогда я увидела эту Наташку, абсолютно голую и в дупель пьяную. Из одежды на ней был только короткий прокурорский китель. Картина была настолько живописная, что я даже к столу не присела, а смотрала удочки, потому меня-то эта жаба не видела.

И вот представляешь, приперлась «эксперта-психиатра» изобразить! Поэтому я улучила момент, когда они со следаком мои ответы обсуждали – да и сфоткала эту сволочь на добрую память. И после вспышки и писка телефончика, что эмэмэска ушла, она там так орала! Я и смылась, пока они там все в ступоре были.

Короче, они все равно полезут меня в дурку запикивать. Хотя у меня есть парочка милых подробностей для суда. У нас судьями бывшие прокуроры работают. Вряд ли они поймут Натаху, что с младшим лейтенантом юстиции она на «ты». Вдобавок, зная, как она любит праздники отмечать.

Насколько я это себе представляю, у нее

хватит наглости явиться на суд и объявить меня сумасшедшей, если я попытаюсь сказать, что именно она была на экспертизе. Ты эту ссылочку к письму-то в мою защиту присоветуй, чтоб она театральной деятельностью на работе не увлекалась.

А про ее другую деятельность я уже всем позвонила (зная, что они зачем-то мои разговоры пишут) и всем рассказала, в каком виде я видела эту порнозвезду, не стесняющуюся демонстрировать целлюлитную задницу молодым следователям.

Анне было некогда думать над изречением Томаса Джефферсона «Вводить законы, противоречащие законам природы, — значит породить преступления, чтобы потом их наказывать», которая обсуждалась в блоге после того, как «мадам Огурцова» чуть не отдала концы на операционном столе. Она больше не размышляла о том, во что превратились правоохранные органы России, если их «борьба с экстремизмом» совершенно не рассчитана на физический ресурс женского организма. Она даже не вспоминала шуточку самой Каллиопа на эту тему: «Почему-то каждый раз, когда в России к власти приходят юристы, в стране начинается правовой беспредел!» На указательный палец правой руки нещадно давило кольцо с изречением Платон «Власть — опека закона». Поэтому она писала статьи в защиту Каллиопа с текстами обращений и адресами рассылки, отправляя иногда по 15 писем в день, стараясь помочь выстоять в неравной схватке одинокой женщине, которую она давно воспринимала, как старшую сестру.

На первый суд по ходатайству прокуратуры о помещении ее в психиатрический стационар для проведения «психолого-психиатрической экспертизы», поскольку типа «эксперты не смогли определить степень ее вменяемости», Каллиопа не пошла, послав вместо себя родного брата с больничным.

Накануне они разговаривали с Анной по скайпу. Поэтому Анна видела, как с «мадам Огурцовой» попрощался весь Русский Интернет.

Проникнувшись трагизмом ситуации, Каллиопа заявила ей, что раз Наташка не оставила ей не единого шанса, так она – «тоже не Зоя Космодемьянская». Потом добавила, что «не война же, чтоб добровольно ложиться в психушку по приговору прокурорской подстилки», добавив, что не может губить жизнь дочери наличием матери-инвалидки.

Не выключая скайп, она вызвала скорую помощь, предварительно сказав в пространство: «Приготовиться, мать вашу! Чтоб было мне давление двести!»

Анна видела, как возле нее вертелись две приятные докторши, ставили горячий укол и уговаривали следить за своим здоровьем. Когда они уехали, Каллиопа попросила дочь налить ей бокал мартини с оливкой, сказав, что на сегодня шухер отменяется, а вот завтра он ждет Наташку и следователя.

У Анны дрожали руки, она тоже налила себе стопку горилки и осушила ее перед скайпом, с трудом вспоминая остроумное замечание Эдуарда Гиббона, написавшего фундаментальный труд «История упадка и разрушения Римской империи»: *«Многие народы (а вообще это — все человечество), никогда не пребывавшие под властью Римской империи и не зависевшие от нее, — далее на всем историческом и закономерном пути будут повиноваться её законам из чувства самосохранения»*. У нее самой чуть не подпрыгнула давление за двести, когда она поняла, что Каллиопа была на волосок от гибели.

На следующий день брат рассказал, как билась в истерике Наташка, узнав, что «мадам Огурцова» ей выкрутила фигу с маком. Она подбивала судью решить все в отсутствие «психически больной женщины», предлагая доставить ее с ОМОНОм. От ее предложений вежливо уклонились, делая вид, будто не догадываются о степени ее личной заинтересованности в госпитализации Каллиопы.

Конечно, по этому поводу состоялось еще два суда после выхода Каллиопы с больничного, поскольку прокуратура подала в суд сразу после первого решения, не дожидаясь его вступления в законную силу. Но оба раза судьи отказывали прокуратуре, особо не вдаваясь в причины отказа, советуя решать «проблемы со следствием методами, указанными в УПК».

Ставить в вину Каллиопе было нечего. Она рассказала, что следовали просто распечатывали содержимое блога вместе с комментариями, набивая тоннами бумаги «дело». Все публикации по времени относились к периоду после возбуждения уголовного дела, страницы сохранялись в текстовом редакторе, давшим возможность подправить текст статьи и комментарии. О выемке никто не предупреждал... но в результате возникло «дело», при ознакомлении с которым возникал вопрос о вменяемости самих правоохранителей. «Ознакомление с делом» свелось для Каллиопы в фотографировании всех восьми томов, после чего она выкладывала сканы «материалов дела» на специально заведенный сайт с запоролненным доступом для «своих».

Среди этих материалов все увидели протоколы допросов посетителей блога из разных городов, где они отвечали, что никаких «экстремистских» слов в блоге не видели, а письма по общественно-значимым вопросам подписывали исключительно из любви к родному Отечеству. Был запрос в украинские правоохранительные органы и по самой Анне. На этот запрос с «ридной неньки», особо не заморачиваясь, ответили, что по указанному адресу такой особы не проживает, сведений о ее противоправной деятельности нет, а потому устраивать засады и отлавливать бабу, которая что-то читает в Интернете, считают «для себе» нецелесообразным и в чем-то даже унизительным.

Анна внимательно следила за всеми публикациями «материалов дела», жестко выделив, что неприятный пользователь «Седой» проявился до конца и для

всех, кроме нее, пожалуй, самым неожиданным образом. Она нисколько не заблуждалась по поводу этого невзрачного старикашки, представлявшегося ей с характерной незапоминающейся внешностью. Он мог бы легко слиться с любой обстановкой, оставаясь полностью незамеченным, выглядя дико и сразу бросаясь в глаза своей неуместностью лишь в блоге «Огурцова на линии».

Блог будто выворачивал его наизнанку! Он будто не мог прийти в себя от мысли, что вряд ли суд примет решение расстрелять Каллиопа. В ее случае, что бы не решил этот суд, спасением уже было просто до него дойти на своих ногах, а не в инвалидном кресле.

В одной статье, включенной в материалы дела, Каллиопа рассуждала о стихотворении Осипа Мандельштама, после которого он подвергся преследования и погиб. Он писал о чем-то схожих впечатлениях и мыслях, на которых постоянно ловила себя и сама Анна. Много лет она, как этот Мандельштам жила, «под собою не чужа страны», размышляя, почему сравнительно небольшая прослойка людей решила раз и навсегда лишить их Родины?

*Мы живем, под собою не чужа страны,
 Наши речи за десять шагов не слышны,
 А где хватит на полразговорца,
 Там припомнят кавказского горца.
 Его толстые пальцы, как черви, жирны,
 А слова, как пудовые гири, верны,
 Тараканьи смеются усища,
 И сияют его голенища.
 А вокруг него сброд тонкошеих вождей,
 Он играет услугами полулюдей,
 Кто свистит, кто мяучит, кто хнычет,
 Он один лишь бабачет и тычет.
 Как подковы, кует за указом указ —
 Кому в пах, кому в лоб, кому в бровь, кому в глаз
 Что ни казнь у него — то малина
 И широкая грудь осетина.*

Осип Мандельштам

Каллиопа с присущим ей ехидством отмечала, что у следователя «совершенно случайно» оказался и первый вариант стихотворения, где в третьей и четвертой строках значилось:

*«Только слышно кремлевского горца,
 Душегуба и мужикоборца».*

Ей самой не хотелось накануне судилища вещать гробовым голосом с псевдо патриотическим прононсом, разоблачая всяких «тонкошеих», поэтому она предложила общему вниманию свой вариант «программного заявления»:

*Собиралась я с утра на казнь,
Губы подводила я «Шанелью».
Слов моих застенчивая вязь
Принакрылась драною шинелью.*

Анна знала, что, готовясь к суду, Каллиопа купила себе помаду «Шанель» и духи «Коко мадемуазель». С большим подъемом вновь обретенной истины она прочла главный вывод, сделанный Каллиопой из всего этого уголовного антуража, в котором очутилась не по своей воле: «Россия перестает быть сверхдержавой, когда перестает гарантировать своим гражданам — элементарные конституционные нормы».

Больше всего Анне понравились ее рассуждения о русском языке, который следовало пытаться превратить в оружие, направленное против самой Каллиопы.

Мне русский язык достался — полудохлым, извращенным и стерилизованным. Им слишком много лгали, прикрывая самые чудовищные преступления. А сейчас уже такого о нем не скажешь, верно? Он сдает с потрохами каждого, и каждое его слово больше не является мертвой ширмой, загоразживающей скелеты в чужом шкафу.

Это теперь — мой язык, он прошел во мне второе рождение. Не знаю, хорошо ли это, но знаю точно, что без меня бы он уже умер.

С сожалением могу лишь констатировать, что больше это не язык, описываемый у Ожегова, а уж тем более — у Даля. Слишком много он впитал за последние годы крови и предательства, лжи.

Но он жив. И здесь ведь... совершенно иные слова приобретают сакральное значение. Многие слова, напротив, обесцениваются. Ну, к примеру, слово «правда». После одноименной газеты — оно не значит ровным счетом ничего. Это обычный оборот речи. Некоторых слов начинаешь чураться, избегать их употребления по разным причинам.

Это означает, что наш язык — живой, развивающийся, ищущий проходы, сжигающий мосты. А вспомните, ведь еще недавно было чувство о его ненужности, о превалировании английского. Ну, а теперь, согласитесь, само это чувство никчемности родной речи — забыто начисто. Правда, для этого понадобилось проработать, напрягая все силы.

Но вспомните, еще недавно об этом говорить не хотели, стоял блок в сознании. Ведь я помню, с каким скрипом шли тексты на эту тему.

Я обожаю эту веселую псину — наш Великий и Могучий. В жизни приходилось много выхаживать собак, поэтому вся последующая работа с издыхающим, переполненным отравой лжи русским языком — напоминает мне именно такие острые моменты, когда просто пытаешься спасти, отодвигая от себя мысли о результате всех усилий.

Сейчас можно сказать, что результат превзошел все ожидания. Но, повторю, это больше не язык Лескова и Булгакова. Он уже отразил наш опыт, наш внутренний излом, наши мысли о жизни... и наши нравственные поиски ее смысла.

Это было очередным открытием для Анны. Хотя она видела, что даже разбитая по всем фронтам Каллиопа двумя циклами статей остановила страшную провокацию, готовившуюся под шумок ее дела, она в очередной раз испытала восторг. Сколько Анне вбивали в голову, будто Владимир Ильич Ленин был необычайно гениальным, сумев своими экстремистскими статьями устроить настолько кровавый дебош, что, как постоянно напоминала Каллиопа, в первый год после революции 1917 года Россия потеряла 16 миллионов человек. Читая, что в статистике, которая еще велась по привычке – впервые в мировой истории появилась графа «Число самоубийств до десяти лет», Анна полностью соглашалась с бесспорным афоризмом Каллиопы «В Гражданской войне героев не бывает».

Но сейчас она впервые задумалась, а столь ли «гениальным» надо быть, чтобы устроить подобное, остановив развитие страны на десять лет? А вот кем надо быть, чтобы противостоять напору всех государственной машины по обвинению в экстремизме, а при этом не дать устроить аналогичный переворот, несколькими статьями остановив массовые волнения? Каллиопа писала, что ей в лицо говорили: «Мы вам устроим новый 37-й год!», но при этом сделала все, чтобы подготовленные провокации и ответные репрессии на ней и захлебнулись. Это было непередаваемо захватывающе наблюдать, как надвигались свинцовые тучи, всех охватывало чувство беспомощности и понимание необратимости событий, — а затем, в течение нескольких часов все рассеивалось и превращалось в настоящий фарс, стоило появиться очередной статье в блоге «Огурцова на линии». Это было какое-то сверхвзаимодействие с языком, который теперь и Анне представлялся веселой псиной, резвящейся возле Каллиопы. И сомневаться не приходилось, что такая псина вполне способна сомкнуть стальные челюсти на любой глотке.

Сколько раз она задумывалась над тем, что русский язык «Ожегова, и тем более Даля» уже как-то не греет, ускользает, а смысл слов, истолкованных лишь по словарям, вне смысла происходивших вокруг перемен, оказывался ненужным и каким-то выхолощенным. И если уж говорить об уничтожении нации, то для Анны оно заключалось именно уничтожения языка. За этим процессом она беспомощно наблюдала последние 20 лет. Как много на ее памяти появилось бессмысленных иностранных слов, уничтожавших самобытность и полноту русского языка, а с ними появился и «новояз», присохший кровавой пеной от уркаганских 90-х. И после этого краткого замечания, каких в блоге было огромное множество, Анна вновь почувствовала непостижимую мистику русского слова.

И вот на это риторическое замечание вдруг выступил Седой с почти нескрываемой ненавистью. Каллиопа как-то рассказывала, что он звонил ей сразу после обыска и конфискации компьютеров, ехидно интересуясь, перекрыли ли, наконец, «мадам Огурцовой» ее «линию»? Он, конечно, не представился, но она поняла, что это был именно он.

'A Hopeless Case' by George Goodwin Kilburne (1839-1924)

И у нее тогда сложилось впечатление, что она говорила с человеком, который слишком много знает о мире мертвых, гораздо больше, чем о пока еще живых. В разговорах она часто возвращалась к этому звонку, и Анна видела, насколько ее поразило даже не сам смысл сказанного собеседником. Она не могла не почувствовать то жуткое знание, которое стояло за каждым его словом. Каллиопа признавалась, что почти сутки после этого непродолжительного разговора ее окружал запах мертвой разлагавшейся плоти, который исходил от каждого произнесенного этим стариком слова.

Безусловно, старика подстегнули замечание Каллиопы, что он напрасно ищет здесь «членов марксистского кружка» и рассказанный ею в тему анекдот, особенно дико смотревшийся в составе ее «уголовного дела».

На ферму является краснощекий партийный начетчик и требует с доярок, чтоб те срочно записались в члены кружка по изучению марксизма. Ему надо немедленно отрапортовать в район о росте сознательности.

Бабы ржут и в кружок записываться отказываются. Наконец самая молодая и прогрессивная поясняет: «Да какие мы — «члены кружка»? Мы... эта... кружки от ваших членов!»

Каллиопа говорила, что после телефонного разговора сразу после обыска и разрушения всех ее наивных представлений о неприкосновенности жилища, о каких-то гражданских правах, она поняла, что лишь этот старик точно знает,

кто на самом деле объявил ей войну. И вот этот старик написал в комментариях, глумясь над ней:

«Ложь и предательство, — вот вся ваша сущность. Никуда вы не уйдете от возмездия. Исключений, похоже, не бывает. Самое главное то, что вы уже сами все прекрасно понимаете, только признаться, это никогда.»

Ваше выражение «не бывает ни капитализма не социализма не коммунизма, а бывает только уголовный кодекс», — будет очень показательным на вашем собственном опыте. То чего вы хотели, вы получили, теперь имейте мужество нахлебаться этим до конца, по самое горло. К чему все это приведет дальше, вы прекрасно понимаете, с вашими знаниями экономики и системного анализа, в отличие, от простых посетителей, но не скажете.

А я спокойно несу свой крест, смотрю со стороны как предатели получают то, что заслужили, причем никому не желая зла. Когда устану, всегда есть возможность оборвать наблюдения, опять же в отличии от, трусам этого не дано.»

Посетители блога пытались у него поинтересоваться, кого же она предала? И что это за радость «отчаянного храбреца по поводу того, что ей предстоит «нахлебаться этим до конца»? Но раскрывшись раз, старик больше не делал такой ошибки, прикидываясь простачком, выращивающим овощи на дачном участке, пытаясь свести концы с концами на пенсию.

Анна вновь испытала стойкую неприязнь к людям, подобным Седому, полагающими себя вправе влезать в чужую жизнь, прикрываясь некими «высшими целями». А что за ними стоит? Банальное желание остановить время, как всегда отмечала Каллиопа.

Она напомнила старику, что все их «нестыковочки» начались с того момента, когда изложила тезис о том, что за всеми требованиями «вписаться в мировую цивилизацию» не стояло главного содержания. Само предложение «вписаться в цивилизованное общество» заключалось в слепом копировании ряда обычаев, законов, без истинного смысла, заложенного в основу человеческой цивилизации античностью. И уж никак по этой причине нельзя отнести к «процессам цивилизации» — разрушение государственной экономики, самого государства, жизненного уклада граждан.

Конечно, за аналогичными процессами 1917 года стояли «идеи» достижения «светлого будущего». Но насколько «светлое будущее» можно построить на таком фундаменте, все могли убедиться. Речь в этом случае идет даже не о сталинских репрессиях, а о «развитом социализме», когда под соусом «всеобщего равенства» — с инженерами, учеными, творческими людьми, лезли равняться «идейные» из числа партийных начетчиков. А с заявлениями об «авангарде всего общества» в виде «класса пролетариата» — они считали себя вправе перераспределять общественные блага по собственному усмотрению, а не по общим для всех законам. Все-таки любое развитие человеческой цивилизации предусматривает создание равных условий

развития, но с авангардом тех, кто создает и творит что-то новое, а не тех, кто устраивается в партийные распределители, пытаюсь контролировать процессы мышления и манипулировать общественным мнением.

Каллиопа неоднократно говорила старику, что «возвращение в русло цивилизации» означает вовсе не возврат к «марксизму-ленинизму», показавшему свою никчемность и лживость уже в последних «демократических преобразованиях», поскольку они показали, что никакого «нового человека» в результате «сформировать» не получилось. Для начала ему самому следует запастись уважением хотя бы к даме, в чьем блоге он решил излагать свои ошибочные суждения. И ощутить разницу для начала, хотя бы то неравенство, которое отличает их: он не может создать такую дискуссионную площадку, а пользуется чужой. Как, впрочем, и представители «марксизма-ленинизма», желая осчастливить все человечество, отчего-то не построили свое государство там, где требовались их труд и идеи всеобщего равенства. Они почему-то каждый раз пытались разрушить чужой государственный уклад, погружая жизнь людей в хаос.

Это был спор Созидателя и Разрушителя, который приобрел более острые формы, когда вместе с общим разрушением было предпринято несколько попыток разрушить жизнь самой Каллиопы. Она заметила, что все ее «предательство» заключалось в том, что она не последовала расчетам тех, кто пытался разрушить ее жизнь, не стала создавать «художественный фон» своими стенаниями, а предотвратила общее разрушение жизненного уклада. И поэтому есть надежда, что все эти господа, наконец, ответят за все преступления против общества, даже перекрасившись в очередной раз в «защитников народа, живущих его интересами». С ней-то был сделан твердый расчет на то, что обычный человек может жить исключительно своими интересами. Да, в этом они, конечно, сильно обманулись, но лишь потому, что пытались судить о других – по собственным низменным стремлениям. Но и она никому не предложила ничего нового, а лишь продемонстрировала, насколько плодотворным является путь, открытый человечеством в античности.

Слово «измена», которым старик сыпал почти в каждой фразе, Каллиопа трактовала как «изменения», согласившись, что изменения за все время преследований произошли настолько качественные и необратимые, что вряд ли он сможет их как-то нивелировать.

Обрушения общественного уклада не произошло. Более того, все сложнее вывести людей на улицы, спровоцировав их националистическими лозунгами, какими-то личными шкурными интересами. А в результате... придется им отменить «новый 37-й год» с «массовыми репрессиями». И все будет идти своим чередом, никаких «социальных взрывов» не будет, поэтому рано или поздно за все преступления против государства придется ответить в

установленном порядке. Революции не будет, а они – на руку тем, кто желает спрятать «концы в воду».

Васнецов Бог Саваоф

Другое изменение Каллиопа отметила в утверждении следователей о том, что в уголовном преследовании обрушится ее репутация и все от нее отвернутся. Она заметила, что не произошло этого именно по той причине, что она исследовала ситуацию, в которой оказалась, на благо общего творческого процесса, рассматривая ее «обострением внутреннего конфликта», которое необходимо любому произведению для поддержания интереса читателей, для создания условий их нравственного выбора. Всякие обыски, преследования, суды, попытки уничтожения... это как небольшая модель Троянской войны, отделенной от всех рамками ее жизни, — как настоящую Троянскую войну отделяет от читателей время. Читатель необходим для замыкания эстетической триады «автор-образ-читатель». Конечно, расчет был сделан на то, что она попытается создать свой собственный образ, хотя она неоднократно предупреждала, что это вовсе не является целью эпического повествования, которое вообще недопустимо вести от первого лица. Поэтому, рассказывая о переживаемых событиях, она создавала образы «прогрессивных людей своего времени». И когда эстетическая триада замкнется, пускай они сами подумают хорошенько о собственной репутации.

Изменения – это не есть измена, объясняла старику Каллиопа. Как в детских сказках никогда не удастся навязать вечную зиму и остановить наступление Рождества, так и здесь они услышали звон бубенчиков только потому, что сунулись к человеку, у которого из всех живущих есть настоящая Рождественская сказка.

Почему-то наивные люди считают предательством, когда другие не следуют их интересам, а поступают согласно своей сути. Но время, когда извращение человеческой сути под соусом «исторических закономерностей развития

человечества» — прошли. Ее задача – напомнить человечеству о вечных ценностях, о том пути, который определили предки каждого, а не юристы Маркс и Ленин, искавшие подходящее обоснование грабежа того, что им принадлежать не могло по умолчанию. И этот путь не предусматривает вторжения в частную жизнь на государственном уровне.

...После этого разговора, в приближении судилища над Каллионой – на мизинец правой руки начало давить колечко с изречением Посидония, которое позднее любил повторять Сенека: «Закон должен быть краток, чтобы невеждам легче было его усвоить». Анна засобиралась в дорогу, намереваясь помочь Каллиопе пережить испытание «медными трубами».

* * *

Весь этот судебный фарс Анна запомнила с трудом, поскольку он постоянно прерывался на 10 дней, поскольку у прокуратуры постоянно рушились обвинения. Основными свидетелями обвинения выступили следователи и эксперты. Последние эмоционально доказывали, что против такой мерзавки они могут «немножко нарушить» закон о судебной экспертизе, самостоятельно роясь в блоге, составляя произвольные тексты из высказываний хозяйки блога и ее посетителей, давая оценочные суждения, отвечая на свои собственные вопросы, сами себя предупреждая об ответственности.

Главный эксперт, проводивший лингвистическую экспертизу, не имел специального образования. Для экспертизы он самостоятельно надергал откуда-то несвязанных между собою фраз, сказанных неизвестно кем и по какому поводу, самостоятельно определившись и с вопросами экспертизы. На вопрос Каллиопы о том, почему он составил для экспертизы произвольный текст, с выделение жирным шрифтом то, что она бы никогда выделять не стала, он ей заявил, что текст, составленный им для экспертизы, является «его интеллектуальной собственностью», которую оспаривать она не имеет права, потому что судят ее, а не его. Она ответила ему, что никогда подобной бессмыслицы не писала, но раз это его «интеллектуальная собственность, то почему за нее должна отвечать она? Судья и секретарь суда откровенно заржали.

Анна и сама видела, что все протоколы «дела» фальсифицированы настолько, что некоторые допрашиваемые утром давали показания о том, что с ними, якобы случилось в обед этого же дня. Каллиопа несколько не сомневалась, что ей будут вынесен обвинительный приговор, минимальный интерес лишь заключался в том, как суд опишет совершенное ею «преступление», если даже в обвинительном заключении было сказано, что преступление она совершила уже после возбуждения против нее уголовного дела. Но когда в их город за ее

приговором явился сам генерал, всесильный министр МВД, судья вынес приговор, обозначив простым словом «преступление» то деяние, за которое ее чуть не сжили со свету.

Этим и закончилось почти трехмесячное пребывание Анны в доме Каллиопы, когда она лишь в очередной раз убедилась в правильности своего выбора. Она мыла полы, ходила по магазинам и периодически «выгуливала» Каллиопу, к которой окончательно обрела старшую сестру. И в эти их прогулки Анну невероятно раздражало желание каждого прохожего навязаться к ним с разговором о своей жизни.

Domenico Ghirlandaio's «Portrait of an Old Man and a Boy» (1490, left)

Однажды в погожий летний день они шли по абсолютно пустынной улице. Анна порадовалась тому, что никто не лезет с рассказами из цикла «немного о себе». Можно было идти и идти, спускаясь к пруду, хоть немного отдыхая душой от этого позорного судилища, висевшего дамокловым мечом на голове Каллиопы.

Радовалась Анна недолго. Из подворотни им навстречу выскочил какой-то пожилой мужчина, явно торопившийся навстречу Каллиопе.

— Скажите... скажите! – запыхавшись выдавил из себя он, поднимая авоську с молочными пакетами к лицу ошалевшей Каллиопы. – Скажите, это будет хорошо?..

— Что вам будет хорошо? – неприязненно спросила его Анна. – Если не останете, вам плохо будет, а не хорошо!

— Хорошо, если я принесу внуку шоколадное молоко? – ответил старичок, не глядя на Анну. Он осторожно оттеснил ее плечом и раскрыл свою кошелку перед мадам Огурцовой. В кошелке было два пакета с шоколадным молоком.

— Вы идете к внукам? – тут же догадалась она, с любопытством заглядывая в пакет. – А сколько им уже?

— Одному четырнадцать, а другому тринадцать, — с каким-то идиотским восторгом ответил мужик.

— У меня дочери шестнадцать, она любит шоколадное молоко, — одобрила мадам Огурцова. – Мне кажется, сейчас оно у них пользуется популярностью.

— Значит, хорошо! – с видимым облегчением решил мужчина. – Что-то немного переживал, вы же знаете, какие они нынче.

— О, и не говорите! – поддержала его Каллиопа. – В этом возрасте все дети воспринимают любую промашку личным оскорблением. Но им понравится, будьте уверены! У вас все сегодня пройдет, как по маслу.

— Спасибо вам! – сказал старик с такой искренней благодарностью, будто ему было очень важно это услышать. Он взглянул на скучавшую рядом Анну и вдруг, приосанившись, выдал: «Эх, девчата! Если бы вы оказались на набережной в мои лучшие годы во Владивостоке... Я бы ни одну из вас не пропустил! Я вам обеим мозги запудрил и кудри закрутил! Каких шалав я там только не встречал...»

И, не обращая внимания на слабые протесты Анны, старик рассказал, как он встретил на набережной во Владивостоке одну с виду совершенную шалаву, которая родила ему двух девчонок. А недавно он ее схоронил, так места себе найти не может. Он ходит к внукам, но с ними сложно найти общий язык, а у девчонок трудная жизнь, он не хотел бы им быть обузой. Ему бы хотелось им что-то купить, но они сами лучше знают, что им нужно, а он так отстал от жизни... похоронив свою шалаву. Он всегда им деньги давал с пенсии, но ведь внукам просто деньги не дашь, как-то надо показать... заинтересованность. Раньше шалава его все вопросы решала сама. То им яблочек купит, то мандарин. А теперь ему самому соображать приходится.

Они не заметили, как прошли три остановки, а потом посадили на трамвай старика, рассказавшего им всю свою жизнь. По пути он выслушал много ценных советов, как ему наладить отношения с дочерьми и внуками без его драгоценной шалавы. Пока трамвай не отошел, они махали ему руками, и Анна невероятно злилась на эту особенность прогулок с мадам Огурцовой, когда приходилось кого-то провожать на автобус или вообще переться с сумками до вокзала, обливаясь слезами над рассказом о военном детстве очередного случайного прохожего.

— Что подделаешь, они все рассказывают мне свою жизнь, им это почему-то очень важно. Будто они знают что-то, чего не знаю я, — оправдывалась Каллиопа. Но Анна несколько не сомневалась, что ей самой нравится оказываться посреди чужой истории. Уж она могла бы их как-то отогнать, хотя бы не давать вешаться на шею с такой развязностью.

— Вам надо с них деньги за это брать, почасовые, — говорила ей Анна с раздражением.

— Нет, мне надо восстановить другой механизм. Как-то надо научиться брать деньги с них за их же истории, но уже рассказанные для всех, — отмахивалась мадам Огурцова. — Они хорошо знают, что это их единственный способ «вписаться в человеческую цивилизацию».

Каллиопе вынесли приговор заплатить двадцать тысяч рублей за некое экстремистское «преступление против государственного строя». На пяти

страницах приговора перечислялось, сколько следственных мероприятий пришлось провести, сколько заслушать свидетелей, никто из которых, кроме следователей и экспертов в блоге «Огурцова на линии» лично не бывал, чтобы выявить это тщательно скрываемое «преступление», совершенное «в отношении неустановленного круга лиц» и направленное против государственного строя. А на шестой страничке сообщалось, что раз при этом Каллиопа потеряла здоровье, а само «преступление» — является «преступлением небольшой тяжести», то она приговаривается к штрафу в двадцать тысяч рублей, что в пять раз меньше минимального штрафа, предусмотренного инкриминируемой ей статьей.

После вынесения приговора судья пригласил Каллиопу к себе в кабинет на разговор.

— Видите... не все в наших силах! — с тяжелым вздохом сказал он, не решаясь высказаться по существу.

— Вижу, ага, — зло ответила Каллиопа. — Спасибо вам огромное, что не издевались еще!

— Спасибо вам, что хоть оценили, — с печальной ехидцей ответил судья.

— Конечно, могли бы вдоволь удовлетворить садистские наклонности, — язвительно ответила Каллиопа.

— Я вам с адвокатом ссориться не советую! — сказал судья про адвоката, весь процесс вымогавшего деньги, никак не проявившего себя в защите, абсолютно не готовившегося к процессу, да вдобавок даже не явившегося на оглашение приговора.

Половину судебных заседаний Каллиопа с Анной сидели на лавочке перед зданием суда, пока ее адвокат вместе с прокурором и судьей гоняли чай в кабинете судьи, готовя таким образом Каллиопу к обвинительному характеру приговора. Адвокат, проникнувшийся собственной значимостью, до такой степени уверился в какой-то незаменимости, что начал ходить по коридорам суда, громко приставая с разговорами к знакомым, с хохотом рассказывая о перипетиях дела «одной экстремистки», в котором принимал участие в качестве защитника. После скандала, устроенного им на вахте, когда он не захотел раскрыть портфель перед судебными приставами, судья был вынужден сделать ему замечание, после чего он начал опаздывать на каждое заседание на 30-40 минут.

Само «замечание» судьи было достаточно своеобразным. Он поинтересовался у Каллиопы, кто ей посоветовал добровольно согласиться на психолого-психиатрическую экспертизу. Пожав плечами, она ответила, что ей все объяснил ее адвокат. Она увидела, что ее адвокат при этом дернулся, будто ужаленный и с удивлением посмотрела на него.

William Hogarth (10 November 1697 — 26 October 1764)

Тогда судья добил ее вопросом: «А потом, на *тех* судах, вы разве не поняли, что в результате вам все равно пришлось отбиваться от стационарной экспертизы? И это было сложнее с заключением экспертов на руках, чем без него? Садитесь!»

Каллиопа с потемневшим лицом села, не глядя на адвоката и не слушая, что он пытался сказать в свое оправдание, не реагируя на его пинки коленкой под столом.

Судья был вынужден прервать заседания на неделю, понимая, что ни с кем из них она раньше не заговорит.

— Ваш адвокат всех *нас* устраивает, — откровенно сказал судья, напирая на слове «нас», стараясь не смотреть ей в лицо. — И кассационную жалобу я вам писать не советую, это бесполезно.

— Я вас тоже отлично понимаю, — ответила Каллиопа. — Но ведь вашей целью является вынести мне запрет на профессию. Боюсь, мне такой адвокат просто не по карману. Да и осточертело его по часу перед каждым заседанием разыскивать.

— Да понимаю я все! — оборвал ее судья. — Но и вы поймите...

— Вот и отлично, что мы так хорошо понимаем друг друга! Всего доброго! — сказала Каллиопа и вышла из кабинета.

Когда они с Анной свернули в глухой неосвещенный аппендикс коридора перед общим холлом районного суда, их нагнала приятная улыбчивая секретарь суда. Схватив Каллиопу за локоть она задержала ее в коридорчике, явно зная, что на этом глухом участке их разговор не будет записан.

— Послушайте, зачем вы так? — спросила она Каллиопу чуть не со слезами. Анна подумала, что еще им не хватало услышать рассказ о трудном детстве и неудачном замужестве этой дамочки.

— Они уже были... у него? — догадалась Каллиопа.

— Приходили за вашим приговором, как генерал в город пожаловал, — прошептала сквозь слезы секретарь суда. — Мужчина в белом костюме и странная женщина в черном. Сделайте, что-нибудь?..

— Женщину вы вообще видеть не должны были, — задумчиво сказала Каллиопа. — Но вы тоже решили мило устроиться! И рыбку съесть, и кое-куда

пристроиться! Я-то сейчас при чем? Я должна за вас драться, когда вы такое сделали? Так вот зачем меня судья вызывал...

— У вас такое мягкий приговор, вы же должны были оценить, — жалобно сказала женщина. — Вы же понимаете, что по такой статье, как этот закон написан, с вами можно было сделать что угодно.

— Как и со всеми, — уточнила Каллиопа. — Но вы для «отработки законодательства» выбрали единственного человека, кто мог вас защитить от этих ваших посетителей. Вы признали меня виновной, заставив ответить за каждое слово и заплатить кровью. А вам известно, что следователи врывались ко мне в больничную палату женского отделения и требовали снять трусы и показать прокладку?

Женщина отшатнулась от нее, с ужасом глядя на ее отстраненное, ничего не выражавшее лицо.

— И сейчас... ничего нельзя сделать? — тихо спросила она, выпустив из рук локоть Каллиопы.

— Повернуть время, — пожала плечами та.

...На следующий день они прощались в слезах на вокзале. Анна понимала, что Каллиопе еще предстоит «нахлебаться этим до конца», испытывая горечь, что мужество в этой жизни приходится проявлять лишь против чьей-то подлости и желания пристроиться жить за чужой счет.

Она дала Каллиопе обещание приехать следующим летом к «общему сбору», озабоченно думая про себя, что до будущего лета надо еще дожить. На средний палец правой руки тут же начало давить аметистовое кольцо с изречением Пифагора: *«Говори человеку о его правах, а народу — о его обязанностях!»*, и Анна подумала, что приехать будущим летом ей все же доведется.

И лишь когда тронулся поезд, до нее дошли последние слова Каллиопы, которые она шепнула ей, обняв в последний раз: *«Я тебя познакомлю с Уранией и Эвтерпой, Клио! Они уже на пути к нам!»*

8. Терпсихора

The Muse Terpsichore. 1652 Eustache Le Sueur (1616-1655, France)

*Ведут таинственные оры
Свой тайнозримый хоровод.
Умрёт ли кто иль не умрёт —
Но дивной музыки Терпсихоры
Прекрасен в вечности полёт.*

*Ты, смертный, утешайся пляской.
Следи движенье снежных рук,
И флейты нежный тонкий звук, —
И очарован музыки лаской
Не бойся горестных разлук.*

*Увянут розы, всё истлеет,
Испепелится твой чертог,
Но на Парнасе дивный Бог
Всё в странном свете пламенеет:
Он тлен печальный превозмог!*

*Своей любимой — Терпсихоре —
Он повелел тревожить нас,
Чтоб в сердце пламень не угас,
Чтоб в радость обратилось горе,
Когда пробьёт последний час.*

Чулков Георгий Иванович (1879-1939)

Эрато подождала, пока старушка, подозрительно косясь на ее самую приторную улыбочку, медленно достанет ключ от домофона и войдет в подъезд, пытаясь захлопнуть дверь прямо перед ее носом. Божий одуванчик, конечно, не рассчитывала, что она вставит ногу в замшевом ботильоне в дверной проем. Схватив бабульку за норковый воротник драпового пальто, она энергично отжала ее в сторону, прорываясь в подъезд.

— Тихо, старая! – прошипела она приготовившейся заорать бабке. – Я – врач! Да успокойтесь, больная! Где тут Владимирская кастинг проводит?

— В подвале! За той дверью, — прошептала старушка. — А что с ней?

— С ней – ничего! Здоровая, как лошадь! — ответила она, дергая за дверь в подвал, которая на удивление легко открылась. Но, спохватившись, добавила для старушка, которая, похоже, вовсе не собиралась никуда уходить и в любой момент могла заорать: «С парнем там из подтанцовки опять проблемы, грыжа паховая!»

— А-а, — протянула старушка понимающе. – Это с Игорем? Он у них слабенький.

— Не знаю, — ответила Эрато, спускаясь в подвал.

Глаза не успели привыкнуть к полутьме подвала, поэтому она не сразу поняла, что за большая уютная преграда возникла у нее на пути.

— Вы по какому вопросу? – спросила преграда приятным мужским баритоном.

— А вот по какому! – ответила она, что есть силы саданув охраннику в пах жалобно зазвеневшим ридикюлем.

Она бежала по подвалу впереди охающего охранника, стараясь не зацепиться прической за подвешенные к потолку канализационные трубы, проклиная Владимирскую, назначившую кастинг в столь экзотическом месте. Охранника она старалась не слишком опережать, понимая, что тот должен охранять именно то, что ей тут было нужно. Вообще охранник в черном костюме в подвале, пахнувшем канализацией, как-то оттенял дикость обстановки, которая, впрочем, вполне соответствовала ее представлениям об известной балерине.

Fanny Cerrito in «La Lituana» (lithograph from an 1840 drawing by J. Bouvier)

Хотя она понимала, что охранник поставлен специально для нее, она все же надеялась ворваться к Владимирской раньше, чем он преградит ей вход. Но реакция ее подвела. Увидев застекленную дверь, освещенную изнутри, она сделала рывок, но немного запоздала, и увесистая туша охранника повисла у нее на плечах. Она пнула дверь ногой, та открылась, и она попыталась войти в неожиданно большой светлый зал с зеркалами по двум стенам, посреди которого на дерматиновых креслах сидела Владимирская с двумя танцорами своего коллектива.

— Так вот где ты кастинг проводишь! – прохрипела Эрато, пытаясь укунить руку душившего ее охранника. – Отстань ты, я же по делу! Скажи ему, чтобы он отстал! Мы можем поговорить?

— Да о чем мне с тобой говорить? – возмутилась балерина Владимирская, поправляя безупречно гладко зачесанные волосы, украшенные серебристой заколкой с жемчугом и перламутровыми цветочками.

На ней было ярко-синее трико и розовая маечка, украшенная черными стразами. Поверх этого одеяния, больше похожего на оперение райской птицы, небрежно болтался огромный многоярусный кулон из белого золота,

усыпанный бриллиантами. Ее спутники были одеты намного скромнее, кроме эластичных брюк, белых маек, поверх которых красовались черные подтяжки, — из одежды на них больше ничего не было.

Владимирская грациозно встала, вышла из зала в коридор и, сделав знак охраннику, жестом предложила Эрато следовать за собой.

— Так и думала, что будет какая-то подстава! — недовольным тоном заметила она на ходу, оборачиваясь к Эрато, пригibasшейся, чтобы не зацепиться за навешанные к потолку трубы.

— Ну, и место ты для кастинга выбрала! — пробормотала Эрато.

— Для тебя и выбрала, — ответила ей Владимирская, приглашая в какой-то кабинет за простой дверью. — Думаешь, я не поняла, что это ты? «Молодая, подающая надежды балерина!» Я сразу поняла, что за надежды ты можешь подавать и кому! Мы здесь хореографию прорабатываем. Ты представить себе не можешь, сколько вокруг воров! Стоит что-то придумать, как это все снимают и выкладывают в Интернет. Но ты — хуже всех!

В кабинете стоял стол, заваленный бумагами и окурками, возле которого примостили два обшарпанных кресла.

— Я не понимаю, в чем ты меня-то обвиняешь? — поинтересовалась Эрато.

— А кто мне посоветовал самой опубликовать эти снимки с летнего отдыха? Кто меня на это подбивал? Кто мне хвастал, как тебе помогает в работе эротическая фотосессия, выложенная в Интернет? Я-то все места ракушками прикрыла, а ты вообще на фотках голая была! И теперь она врет, будто это чей-то

«подлый фотошоп», а ты никогда «не опускалась до такого, как Владимирская!» Больно кому-то надо вместо тебя без трусиков сниматься! А как ты мне врала, что мне просто необходимо выложить свою фотосессию самой, чтобы больше никто не говорил, будто я — толстая? И теперь я должна тебя поблагодарить за это? Учитывая, что началось потом? — возмутилась Владимирская.

— Скажем, я тебя не подбивала, а вдохновляла! — отрезала Эрато. — Ну, и что? Тебе же понравилось!

— Ах, ты дрянь! – в сердцах бросила Владимирская. Эрато нисколько не сомневалась, что она примеривалась, как бы кинуться на нее, поэтому на всякий случай прикрылась сумкой.

— Ты же сама сказала, что надо быть добрее друг к другу! – прокричала она Владимирской из-за ридикюля. — Цитирую: «Жизнь такая не вечная! Красота и доброта ее спасет!»

— Значит, тебя можно спокойно придушить, ты страшная и злая! – более спокойно сказала Владимирская, опускаясь в кресло. В своем ярком костюме и театральном макияже она смотрелась еще более нелепо на фоне порванной грязной обивки кресла, в обстановке этого мрачного подвала, пропитанного запахами гнили и пота.

— Зато я оставила записку с адресом этого подвала и написала, что поехала на кастинг к Владимирской! – ответила ей Эрато, рассматривая стены с вздувшейся от племени масляной краской. — Слушай, перестань дуться, у меня к тебе дело!

— Какие у меня с тобой после этого могут быть «дела»? – капризным тоном проворчала Владимирская, скрестив руки.

— Но кастинг-то ты мне назначила! – пожала плечами Эрато. — Я хочу у тебя спрятать одну вещь...

— Конечно, краденую? – съехидничала Владимирская.

— Нет, — отмахнулась Эрато, убирая со стола бумаги и окурки, чтобы выложить на освободившееся место часы Сфейно. — Но ходить мне с этой вещицей страшно, а ты... и тебя...

— А я – дура, и меня не жалко! – догадалась балерина. – Какая же ты... все-таки!

Вместо ответа Эрато полезла в сумку и вынула хрустальные часики с топазовой чашей. Владимирская зачарованно смотрела, как в тусклом свете грязной лампочки во флаконах вспыхивали золотые песчинки.

— Что это? – шепотом спросила она. — Я ведь такое где-то уже видела! Мне давно приснился сон, где женщина показывала мне вот эту колбочку, щелкала по стеклу, и я понимала, что буду балериной. А потом мы с ней на одну ночь попадаем на спектакль балета «Лебединое озеро» 1895 года...

— Мне сейчас только цитат из твоих мемуаров не хватало! Я уже прочла это место в твоей книге: «В тот момент у меня появилась не просто мечта, а настоящая цель в жизни и уверенность, что я ее достигну. В тот день я сказала: «Мама, я буду балериной!» — поддела ее Эрато.

— Будто ты не знаешь, как такие книги пишутся! Честно говоря, «Мама, я буду балериной!» – общий момент всех балетных мемуаров, – пояснила

Владимирская. — Детей до шести лет не пускали на спектакли, о чем сообщалось на обратной стороне билетов. Но все нынче пишут, будто попадали туда раньше. Ну, и мне написали, как всем, тем более, что мои родители были действительно знакомы с администратором театра. Я на сайте нашего прославленного премьера прочла, что он был на «Щелкунчике» перед Новым годом, взяла, да и себе такое же написала. На самом деле я действительно была в театре, но на «Спящей красавице» и практически ничего не помню. Что вообще можно запомнить в пять лет?

Зичи Михаил Александрович Спектакль в московском Большом театре по случаю священного коронования императора Александра II

— А как же «сеточка, натянутая под бархатными перилами лож, на которой лежали программки»? — поинтересовалась Эрато. — Мне эта деталь запомнилась. И как тебе мама объяснила, что в старину красиво одетые дамы укладывали на эти сеточки свои веера. Да и обстановку театра ты очень даже возвышенно описала: люстры, роспись плафона, золотую лепнину, бархатные кресла. Ерунду всякую, вроде «и этот ни с чем несравнимый запах праздника и чуда»! Очень на тебя похоже.

Потом тебе мама объяснила, как надо вести себя в театре, а тебе «очень захотелось быть такой же нарядной и выглядеть так же красиво и достойно, как те дамы». Кто эти мемуары за тебя писал? Сама, что ли?

— И сама тоже! — ответила Владимирская, упрямо поднимая подбородок. — Я же не напишу в мемуарах, что среди ночи за мной пришла незнакомая женщина и повела меня на представление, где перед спектаклем я разговаривала с воспитанниками Императорского театрального училища. У них была мечта выбиться хотя бы в состав корифеев и корифеек для Valse champetre, «Пейзанского вальса» в «Лебедином озере». Все тогда страшно волновались. Балет с треском провалился, долгое время не шел, хотя нам сегодня сложно это себе представить. Честно говоря, мне было не до плафонов. За кулисами творилось что-то невообразимое. Был полностью изменен сюжет. Но еще было неизвестно, как публика воспримет новую оркестровку Дриго, ведь к тому времени все писали, что Петр Ильич — не «балетный» композитор. Отдельные номера в партитуре были переставлены, часть из них изъята, добавлены новые номера. Pas de deux I акта стало дуэтом Зигфрида и Одиллии, причем женская вариация была заменена на оркестрованную фортепьянную пьесу Чайковского — то ли «Шалунья», то ли «Резвушка». Для адажио Одетты и Зигфрида в последнем акте использована

мазурка «Немного Шопена». А это «па-па-па-парапа-па» для ансамбля тоскующих лебедей, которую все исполняют нынче на капустниках и корпоративах, был взят вальс «Искорка», который вначале назывался «Вальс-безделушка». И все тряслись, как это воспримут критики, ведь из балета были изъяты па де сис в дворцовом акте и сцена бури – в последнем. А, в отличие от спектакля в целом, они были оценены критикой очень высоко! Поэтому всех колотила нервная дрожь. И потом... был такой триумф! Зал грохотал от аплодисментов, все со слезами выходило на поклонны. А Эвриале тоже разрыдалась и сказала, что, благодаря гению Мариуса Петипа, из почти навсегда погибшего балета — возник шедевр всех времен и народов.

Edgar Degas The Dance Lesson, c. 1879 National Gallery of Art

— Владимирская, ты это серьезно? – потрясенно спросила ее Эрато упавшим тоном. – Ты же книжек не читаешь! Ты на самом деле там была? И про Эвриале знаешь?..

— А вот как на эти часы посмотрела, так сразу вспомнила! – радостно подтвердила Владимирская. – У нее еще свои часы были! Они мне подарили диадему госпожи Пьерины Леньяни, танцевавшую королеву лебедей Одетту... Еще они стащили серебряную заколку и крахмальную сеточку пачки, а весь костюм не успели.

— Это точно Эвриале! – больше для себя прошептала Эрато, устало присаживаясь на колченогий стул, стряхнув с него пыль на всякий случай. – У нее вечно эти часики тащат отовсюду, что плохо лежит. Не понимаю только, что расстраиваться из-за костюмов, если на тебя они все равно бы не налезли?

— Должна тебя разочаровать, госпожа Леньяни была шире меня на пять сантиметров в талии, плечи немного поуже, согласна! – зло одернула ее Владимирская. – Но в 16 лет мне бы это все было впору, чуть пришлось бы убавить, так-то! Ты понятия не имеешь, как мне потом пришлось прорываться

на дебют в «Лебединое озеро»! Мне, как и всем начинающим балеринам, хотелось бы дебютировать с опытным танцовщиком и хорошим партнером.

ПЬЕРИНА ЛЕНЗИ,
балерина Императорских с.-петербургских театров.

Но прима театра Юлия Маратовна, и слышать об этом не хотела! Она могла диктовать свои условия руководству балетной труппы, расставаться со своим положением и влиянием не собиралась, а уж ко мне проявляла повышенный интерес. Потом мне сказали, что Юлия Маратовна заявила, что мой дебют надо перенести на следующий сезон и запретила шить для меня в мастерских театра, предложив выдать мне из костюмерной чью-нибудь старую балетную пачку. Хотя по правилам специально для дебютантки всегда шили новый костюм.

Я рыдала целыми днями, представляя, как буду в старой пачке ждать, когда Юлия Маратовна соизволит выпустить меня на сцену, как состарюсь вместе с ней в этой

пачке. А мы еще потеряли квартиру...

— Слушай, сколько можно? – раздраженно заметила Эрато. – Ты уже где-то рыдала про то, как вы потеряли квартиру.

— Это ты не тратила на дорогу каждый день по три часа! – заорала Владимирская. – Вы все считаете, что мне все дается просто так, за красивые глаза. Мне это прямо говорят! Это ты не засыпала в метро и не каталась до конечной станции, проспав свою остановку. Родители решили продать гараж и нашу двухкомнатную квартиру в Выборгском районе и купить однокомнатную в центре, недалеко от театра. Уже были подписаны документы, квартира – продана, а люди, которые этим занимались, обманули нас, украли деньги и сбежали. И никто нам не помог! Весь год подготовки к премьере и одновременно к госэкзамену у меня прошел в переездах с одной съемной квартиры на другую. И это было непросто! Мы жили как попало, переезжая со всеми вещами одной большой «цыганской» семьей: папа, мама, я, бабушка Аня без ноги, больная сахарным диабетом, кот Маркиз, питбультерьер Франтик, попугайчик и хомячок Васька. И тут после всех страданий я узнаю, что мой дебют Юлия Маратовна решила отложить еще на год, а мне лишь остается в старой пачке ждать ее пенсии! Теперь ты понимаешь, как мне быгодились костюмы Пьерины Лензи?

— А хомячка-то вы зачем завели? – спросила Эрато, понимая, что от вошедшей в раж Владимирской толку не будет, пока она в очередной раз не поведаст миру свою историю. То, что мир сузил свои рамки до жуткого

подвала, где, кроме нее самой, эта скорбная повесть была никому не нужна, балерину несколько не смущало.

— Мои родители не допускали мысли, что мне придется дебютировать в чем-то старом костюме, — со слезами в голосе сказала Владимирская. — Было решено шить пачки за свой счет, а после потери квартиры у нас совсем не было денег. Нам стали помогать друзья, кто чем мог Балетный тюль тогда привозили только из-за границы, в наших магазинах он не продавался, нам помогли купить материал на обе пачки, белую и черную. Мой педагог принесла нам туфли, богато расшитые разноцветными камушками. Мы эти камушки срезали и украсили ими

черную пачку, как это было на костюме Одиллии госпожи Линьяни. Мамины подружки приносили нитки бус и старинные боа – и все пошло на украшения балетных пачек. А папа добыл воздушные гагажьи перышки. Из всего этого были созданы настоящие костюмы белого и черного лебедя. И после я непременно вносила в любой костюм что-то свое! А обшивала меня тогда лучшая театральная портниха с безупречным вкусом, с особым строгим петербургским стилем..

— Отлично! Ты дебютировала, преодолела очередные интриги, поздравляю! – подвела итог ее монологу Эрато. – И все для того, чтобы оказаться сейчас в этом подвале и рассказывать мне в сотый раз про перышки и камушки.

— А мы с тобой встретились в таком неподходящем месте потому, что ты подличала против меня, как и другие! – сказала Владимирская, вытирая повлажневшие ультрамариновые глаза. – С вас-то какой спрос? Сидели бы в зале, радовались бы классическому искусству! Ведь все это я делала для творчества! Вы же даже знать не хотите, что это стоило мне самой и моим родителям! Не понимаю, зачем надо было лишать меня единственной возможности проявить себя? Это всем, кто расправлялся со мной, несколько не нужен балет! А для меня это так же естественно, как дышать! Хоть в подвале!

— Слушай, как бы нам перевести тему разговора в более конструктивное русло? – пробормотала явно пристыженная Эрато, не решаясь взглянуть на хлюпавшую носом Владимирскую.

1845. Carlotta Grisi (left), Marie Taglioni (center), Lucille Grahn (right back), and Fanny Cerrito (right front) in *Pas de Quatre*, London

— Меня из профессии выкинули в 27 лет, когда я только начала подходить к пику своей формы, — окончательно разревелась Владимирская. — Я только-только должна была собирать хоть какие-то дивиденды от каторжной работы, постоянных интриг, издевки... У меня оставался краткий миг расцвета! Пять лет были моими по праву за постоянную ежедневную работу с пяти лет! И меня оскорбили, выгнали из театра люди, которые в своей жизни не делали ничего, кроме всяких гнусностей!

— Ну, успокойся, прошу тебя! — попыталась утешить ее Эрато, уже готовая сама разреветься.

— За три года до этого кошмара я видела, как у всех на глазах был уволен прежний директор театра, — ответила Владимирская, опустив голову. — Ничего гаже и страшнее я не видела до тех пор, хотя пережить довелось многое. Ты же понимаешь, что наш прежний директор был одним из балетных корифеев, имел мировую известность, их пара с моим педагогом считалась лучшей мировой балетной парой всех времен и народов. Он пригласил меня в «Лебединое озеро», его жена столько сделала для меня! И тут на моих глазах... его выгнали из театра, как собаку! И кто? Он шел в театр на собрание труппы по случаю открытия сезона, у служебного подъезда навстречу ему неожиданно бросился суетливый неопрятный субъект, бывший тогда министром культуры... Мы все почувствовали недоброе, но не понимали, что происходит. Вдруг этот министр, протягивая руку с какими-то шуточками, начал бормотать, что «государственная необходимость» вынудила «их» принять неприятное для него решение. До меня такие вещи вообще доходят до последней! Я думала, что директору сейчас дадут орден, даже чуть в ладоши хлопать не начала. Потом смотрю, что-то не так... Директор, не дослушав кривлявшегося министра и не подав ему руки, развернулся, сел в машину и уехал из театра навсегда. Вместе с ним о его увольнении узнал и весь мир, так как эту ужасную сцену российское телевидение многократно показало по всем каналам. И когда аналогичная история случилась со мной, я уже не удивилась. Было просто противно.

— Ужасная сцена, — пробормотала Эрато. — А главное, все так неожиданно.

— Нет, я этого ожидала, — призналась Владимирская. — Люди вначале считают, будто смогут избежать того, что уже маячит в будущем, если... расплатятся кем-нибудь другим. И каждый раз мне кажется, что, не начини они расплачиваться другими, все могло сложиться иначе. Когда в театре художественным руководителем балета стал постоянный партнер ведущей солистки, которая потом в Грузию уехала. Могла бы и раньше свалить, глядишь, у меня бы все сложилось иначе. Говорят, у себя на родине она такое устроила среди балетных, что самый известный хореограф в бега ударился, недавно в Твиттере читала. А тогда она у нас правила балом или «праздником жизни», на котором я очень быстро почувствовала себя чужой: мне не предлагали танцевать ничего, кроме партии Одетты в «Лебедином озере», и то — угождая желанию директора театра. Его возмущенная жена, мой педагог отправилась к худруку отстаивать мои права. Вернулась она совсем в другом настроении — подавленной и удрученной. Из ее объяснений я поняла, что ее муж теряет власть в театре. Вскоре встретила в коридоре театра и самого директора. Он, стараясь не смотреть мне в глаза, сказал, что, если выполнят данные мне обещания, то пострадает сам. Уговаривал меня подождать, пока изменится ситуация в театре, уверяя меня, что я еще все успею станцевать, потому что у меня вся жизнь впереди, ведь мне всего двадцать два года. Мне уже было почти двадцать три. Через три года его выгнали у всех на глазах самым унижительным образом, а еще через три года выгнали меня. Человек, которого ты увела у меня, пришел к новому директору и за деньги попросил выгнать меня из театра. И все!

— Но ведь он и до тебя был женат! — заметила Эрато. — Он бы все равно тебя бросил!

— Возможно, — согласилась Владимирская. — Но сделал бы это менее садистски, не так. Ведь для меня театр, балет — это все!

— Нет, он бы сделал еще хуже, поверь, — возразила Эрато, вспомнив его бесцеремонную жену. . Вообще неизвестно, чем бы все закончилось.

— Но главное, что множество пережитых мною измен, интриг, тяжелого труда... все свелось к нашей перепалке из-за фотосессии с камушками, — вздохнула Владимирская. — Какая глупость и суета!

— Но посмотри, это еще не конец! — сказала Эрато, указывая на флакон Терпсихоры с клубящимися в нем золотыми искорками. — Чтобы ты не делала, по каким бы подвалам не скиталась с хомячками и питбультерьерами, ты вся в золотом песке Терпсихоры! Ты — сама муза танца, олицетворяющая гармонию между внешним и внутренним, душой и телом. А твое имя переводится как «наслаждающаяся хороводами». Смотри, в какой дыре мы находимся, а ты пытаешься улыбаться! Терпсихору всегда изображали танцующей, со счастливой улыбкой на лице. «На голове — венок, в руках — золотая лира», как тебя описывали древние поэты.

— Я чувствую, что это, возможно не конец, я могу создавать авторские программы, но... это не классический балет, — с горечью сказала Владимирская. — Чтобы поддерживать школу, нужен класс, педагог. Балет — единственная профессия, которая до конца жизни нуждаешься в педагоге. Впрочем, моих лучших педагогов уже нет на этом свете. И

должна признать, что жена бывшего директора театра, сама бывшая самой прославленной примой, до которой нам всем не дотянуться, была самым фантастическим педагогом! Как мне ее не хватает! Педагог — это стержень всей нашей профессии. Меня восхищали ее широкая образованность, ум и интеллигентность, очень старалась быть достойной ученицей. И еще меня удивляла ее скромность: прославленная балерина делила гримерку с шестью артистками кордебалета.

— Вот и тебе скромности не занимать! — улыбнулась Эрато. — Хорошо грустить, давай подумаем, где можно спрятать эти часы.

— Ну, здесь точно ничего прятать нельзя, — задумчиво ответила Владимирская. — Здесь к ночи люди всякие собираются, подвал теплый, замок вот опять сорвали. А какая твоя личная заинтересованность? Ты что, тоже Эвриале видела?

— Нет, я видела владелицу этих часов, Сфейно, — сказала Эрато. — Гордиться мне особо нечем, вот мой флакон. У тебя полно золотого песка, потому что ты пока себя не растратила. И все твои фотосессии, как ни странно, не принесли никакого вреда искусству. Единственное, что можно поставить тебе в вину, слишком сильную опеку твоей мамы, вовсе не мою. Ты позволяешь ей жить за себя, понимая, скольким ты ей обязана. Но не дети должны родителям, а родители дают своим детям то, что могут и хотят дать. А из-за того, что у тебя детства и юности не было, ты начала все наверстывать не в то время, не с теми и в целом неправильно. Но действовала ты именно в том русле, в какое я направляла не тебя одну, пропитывая все вокруг нездоровым эротизмом. А теперь, как видишь, мое время подходит к концу. И если бы ты знала, как мне сейчас страшно.

— Хорошо, откуда у тебя эти часы, и что я ними должна делать? — спросила Владимирская тоном примерной ученицы. — Спасибо тебе, конечно, за самокритику, но не думаю, что ты чем-то «пропитывала все вокруг», такое

время было... уже все насквозь пропитое. И еще я не понимаю, при чем здесь музы и как они связаны с флаконами.

— На «Лебединое озеро» 1895 года ты ходила с горгоной по имени Эвриале, — теряя терпение, ответила Эрато. — Только я не хочу об этом говорить здесь, мне тут еще страшнее. Когда ты в первый раз говорила о ней, мне показалось, что кто-то за трубами шевелится.

— Возможно, это крысы, — безмятежно предположила Владимирская. — Они тут дикие, не домашние. Не такие симпатичные, как хомячки, но я всегда себе говорю, что крысы и хомячки — это почти одно и то же.

— Я с хомячками и питбулями не жила, но считаю, что это нечто побольше крысы будет, — лучше нам отсюда убраться подобра-поздорову, — с опаской сказала Эрато, складывая часы в ридикюль. Поедем ко мне в офис, я тебе по дороге про этих крысок расскажу.

Вдруг тусклый свет в подвале два раза мигнул и погас. В сгустившейся тьме они услышали шорох, будто рядом с ними поправляла оперенье огромная птица.

— У тебя хомячок свет вырубал? — одними губами спросила Эрато.

— Это не хомячки, — уверенно прошептала в ответ Владимирская.

Чьи-то уверенные тяжелые шаги медленно приближались к ним по коридору от электрощитовой. Им надо было как можно скорее возвращаться к выходу из подвала. Эрато почувствовала, как Владимирская взяла ее за руку и потянула за собой. Они тихо вышли в коридор, Владимирская ступала легко и почти неслышно, а Эрато приходилось идти на цыпочках, чтобы каблук не стучали по цементному полу. Позади хлопнула дверь в комнате, где они только были, там будто прошелся вихрь, было слышно, как отлетел к стене стул, на котором только что сидела Эрато.

— Давай быстрее! — скомандовала Владимирская. — Ты кого ко мне привела?

— Гарпии! — ответила Эрато, прибавив шагу, стараясь не прислушиваться к шорохам за спиной. — Думаю, это Окипета... или Келайно. Аэллопе при мне Сфейно сожгла оперение, Аэлло сейчас точно с ней... Все гадости, которые ты описывала в своем театре, очень похожи именно на нее. Она так и действует напролом, чтобы непременно уничтожить творческое начало в зачатке.

— Ты давно с ними? — удивилась Владимирская, чуть замедлив шаг. — Лучше бы ты с хомячками возилась!

— А ты вот с ними возилась, но думаешь, будто гарпии только за мной идут? Ты еще не поняла, что вся твоя жизнь — это попытка жить наперекор им! — с излишней горячностью ответила Эрато. — Ты хоть бы сама свою книжку перечитала! Там везде один и тот же почерк! Тебе не приходило в голову, что

люди разные, разные города, даже театры разные – а сценарий один и тот же. И все делается за спиной, тихой сапой... Ты слышишь?

Эрато резко остановилась, она больше не слышала шагов за спиной. До стеклянной двери зала, откуда в коридор падал мутный дневной свет, оставалось несколько шагов. Со скрипевших над головой труб и потолка прямо на них посыпалась какая-то гадость. Эрато, вслед за близоруко щурившейся Владимирской, подняла голову вверх, тут же столкнувшись с немигающим взглядом Окипеты. Венец на ее голове сполз на бок, она качалась у них над головой, удерживаясь на трубе одной медвежьей лапой, пытаюсь когтями другой подцепить ридикюль, который прижимала к груди Эрато.

— Бежим! – завизжала Эрато, поскакав к выходу, обогнав Владимирскую. – Я тебя в машине подожду, ей нужна эта сумка! Главное, не быть с ней под землей. Давай скорее!

...Владимирская в шубке устраивалась на переднем сидении машины, Эрато внимательно наблюдала в зеркало заднего вида. Никто, кроме Владимирской, из подъезда не выходил.

— Мальчики сейчас номер остались отработать, — пояснила Владимирская. – Но я им сказала, что ты обещала нам сделать промоушен нашей новой программы. Сделаешь?

— Ладно! – пообещала Эрато сдавленным голосом.

Она все никак не могла прийти в себя от этого ничего не выражавшего взгляда Окипеты. В машине было тепло, в воздухе пахло весной, а сквозь облака проглядывало солнце. Но она не могла избавиться от ощущения ледящего холода. Если раньше ей казалось, что с кем-то из свиты Холодца она сможет договориться, то этот абсолютно отстраненный, сосредоточенный только на желаемом предмете взгляд, окончательно освободил ее от последних иллюзий.

— Владимирская, ты болтай о чем угодно! О своем творчестве, переживаниях, мне все равно, — тихо добавила она. – Только не молчи!

— А почему я их не вижу? – больше саму себя спросила Владимирская. – Ты опять скажешь, что я их не вижу, потому что я – дура. Но это не так! Впрочем, один раз мне показалось, что я имела дело с настоящей гарпией. Вот как только

ты сказала, что гарпии борются с нашим творческим началом, так сразу же поняла!

Эрато совершенно не хотелось признаваться Владимирской, что гарпий видят лишь обреченные. Может быть, их видели и другие музы, но ее случай был наиболее тяжелым. В зеркале заднего вида на какую-то долю секунды промелькнула чья-то большая тень. А Владимирская продолжала беззаботно щебетать, как она, почувствовав в себе творческое начало, стала писать стихи. Впервые Эрато была даже благодарна за умение рассказывать о себе и собственной внутренней жизни самым вычурным образом и в самое неподходящее время. И сейчас для нее наступили такие времена, что какую-то уверенность она чувствовала лишь рядом с лучезарно улыбавшейся Терпсихорой.

— Мне было странно и удивительно, что в моей душе появились эти стихотворные строки, потому что я уже давно перестала сочинять стихи. Это случилось после потрясения, перенесенного мною в школе, — грустно улыбаясь, говорила Владимирская, подправляя кисточкой губную помаду. — Я тебе как-то уже рассказывала, что в детстве у меня была потребность постоянно рифмовать свои мысли и впечатления. Возможно, во мне погиб великий поэт! За несколько лет собралась целая тетрадка стихов, написанных на разные случаи и посвященных разным людям. Эту тетрадь я захотела показать своей классной руководительнице – учительнице литературы, уроки которой мне очень нравились. Одноклассникам я стеснялась читать свои стихи, боясь насмешек. Мне важно было узнать мнение человека, который профессионально разбирается в поэзии. Отдавая учительнице тетрадь, я, конечно, просила никому ее не показывать. Однако на следующий же день учительница заявила на весь класс: «У нас появилась поэтесса. Послушайте ее стихи!» И начала их читать. Я оцепенела от ужаса! Она читала совсем не так, как стихи звучали у меня. В ее голосе мне слышались насмешливые, издевательские интонации. Я боялась смотреть в глаза своим одноклассникам. Мое сердце разрывалось от боли из-за предательства и унижения. Я поняла, что мне грубо и жестоко влезли в душу. Не помню, как я смогла сдержать слезы и как доехала до дома. Там я разорвала тетрадь со стихами на мелкие кусочки. Я сказала себе, что больше не позволю никому вторгаться в мой душевный мир и поэтому прекращаю писать стихи. Каким-то образом маме тогда удалось меня успокоить, но сама она до сих пор не может смириться с утратой моих детских поэтических откровений.

— А маме понравилась фотосессия с камушками на животе и зоне бикини? – поинтересовалась Эрато.

— Мама мне помогла эстетично уложить камушки! – удивилась ее вопросу Владимирская, твердо решившая больше никому не позволять вторгаться в свой душевный мир.

Странно, но от всех глупостей, что она несла вслух, Эрато начинала чувствовать себя гораздо уверенней. Будто на самом деле эта по-своему очень наивная и простодушная до глупости, но не злая и удивительно красивая женщина, каким-то образом так меняла всю обстановку возле себя, что гарпия при ней явно не могла приблизиться. Внезапно Эрато пришла в голову какая-то шальная и даже нелепая мысль.

— Владимирская, — обратилась она к Терпсихоре, внимательно изучавшей свой маникюр. — Загляни в мою сумку! Посмотри, какие флаконы светятся ярче всех.

— О! — с любопытством ответила ей Владимирская, хлопая безупречными накладными ресницами. — Ярче всех горят наши флакончики! Это, наверно, потому что мы рядом, да?

— Ты не возражаешь, если я немного поживу у тебя? — ответила ей Эрато вопросом, исключавшим возражения. — Сделаем парочку эротических фотосессий, продвинем вашу программу, разработаем маркетинговые ходы... что угодно, Владимирская! Я даже в миллионный раз выслушаю, как тебя пять раз из театра выгоняли вместе с хомячками и морскими свинками... Мне очень надо, пойми!

* * *

Позвонив домой и убедившись, что у домашних все нормально, Эрато вышла к столу, где, кроме самой Владимирской, сидели ее мама и маленькая дочка, конечно, названная в честь какой-то героини греческой мифологии, имя которой Эрато все время забывала. Девочка старательно вела себя, как взрослая. Наверно, ей уже тоже объяснили, как ведут себя настоящие дамы, когда к маме с ночевкой заваливается «светская львица» и известная журналистка.

Мама Владимирской неодобрительно поджимала губы, очевидно, отлично зная об их давнем соперничестве за олигарха Бероева. Возможно, она даже считала, что многие гадости в жизни ее дочери произошли именно из-за нее. Это было не так уж далеко от истины, поэтому Эрато и не рассчитывала завоевать ее расположение. Что поделать, если на фоне ее необыкновенно красивой дочери, такой одаренной балерины, но невероятно простодушной и открытой, только ленивый не пытался выглядеть «продвинутым» интеллектуалом. Она была ничуть не хуже и не лучше других, хотя единственная, пожалуй, лучше других знала, насколько уникальна Владимирская, насколько для всех было важно, чтобы она оставалась в театре.

Сделанного не воротишь, поэтому Эрато честно делала вид, будто все, что рассказывает Владимирская за чаем, она слышит впервые. В ее изложении все окружавшие ее в театре люди были удивительно духовными, они всегда заботливо опекали ее и поддерживали в самые трудные моменты. Эрато лишь

удивлялась про себя, вспоминая про подмену пуантов, мелкие пакости и зависть, постоянные интриги и открытую ненависть... Но Владимирская абсолютно искренне помнила только хорошее! Эрато даже позавидовала этому ее свойству клинической идиотки.

Albert Lynch (1851 — 1912) — Women Taking Tea

Она прислушалась, как та с воодушевлением рассказывала о своем сольном благотворительном концерте в пользу артистов кордебалета театра, с артистками которого ее связывали самые нежные, по ее убеждению, отношения. На первых ее гастролях с театром в Лондоне в посольстве России состоялся благотворительный вечер, инициатором которого выступил известный меценат, русский граф. Эрато и раньше догадывалась, как нелегко живется в театре простым артистам, поэтому ей уже просто невыносимо было дослушивать вполне прогнозируемый конец этой истории, как собранные средства Владимирской никому из артистов не достались, их прямо в посольстве поделили между собой представители дирекции и дипломатического корпуса, даже не поинтересовавшись мнением самой артистки.

Она не удивлялась и жалобам Владимирской, что как в училище на ее выступлении всегда заканчивалась пленка, так и потом ни разу съёмочную группу не пускали в театр, стоило администрации узнать, что фильм будет о ней.

— Но слава просочилась в народ из-за тех неприятностей, которые тебе довелось пережить! — заметила она задумавшейся о своих неудачах Владимирской. — И посмотри, все будто делается нарочно, чтобы лишить

технического преимущества всех, кто раньше просто гнобил бы тебя в неизвестности! Сейчас у каждого при себе фотокамера, видеокамера, а после фотосессии и скандала с твоим весом – у твоих роликов очень высокий рейтинг просмотров. Мне вообще кажется, что это вернуло неподдельный интерес к русскому балету.

— И все же это не тот интерес, о котором нам мечталось, — тихо сказала мать Владимирской, глядя в свою тарелку с остатками вегетарианского овощного рагу. — Все же наша Ляля мечтала быть классической балериной! Мы были готовы к профессиональной критике, но не к откровенной подлости, на которую не знаешь, как реагировать! А главное, почему все это разворачивается в отношении нее? Ведь она ни с кем не скандалила, никому не делала ничего дурного!

— Скажем, ваша Ляля действительно особенная, — тоном вынужденного признания попыталась утешить мать Владимирской Эрато. — И, несмотря на все препятствия, вы живете в прекрасном доме, а у нее есть свой творческий коллектив.

На Владимирскую вновь нахлынули воспоминания. Она начала рассказывать, какой жестокой критике подвергся прежний директор театра за свою постановку «Лебединого озера». Вокруг творилось что-то ужасное, повисла какая-то тяжелая гнетущая атмосфера, поэтому в конце «лихих 90-х» директор сделал кардинальные изменения классического сюжета балета и хореографии в духе мрачной немецкой сказки, заложенной в основу его либретто. Эти изменения далеко не всем пришлись по душе, а если честно, его балет не был принят ни публикой, ни критиками. Сама балерина, по его убеждению, более всего соответствовала его замыслу и позволила бы ярче и убедительнее донести его до зрителей.

Это «Лебединое озеро» было совершенно другим балетом, в котором слабая схожесть с классической редакцией имела лишь в первом «лебедином» акте. Во втором акте (а их в балете было всего два, вместо классических трех) отсутствовал привычный черный лебедь, но вводился и новый персонаж – русская Царевна Лебедь, в которую влюбляется принц. Это была абсолютно неожиданная трактовка.

Но сложность исполнения этого балета заключалась в том, что солистка исполняет свою партию под «мужскую» — то есть музыку в обычной редакции.

Партия русской царевны на балу длится пять с половиной минут, после чего балерина практически сразу выходит танцевать дуэты. А после дуэтов она начинает свою вариацию. Далее идет вариация принца, а затем кода, которую они танцуют вместе. И под конец этой коды балерина делает не тридцать два, как обычно, а сорок восемь фуэте, после чего сразу же начинается еще третья

кода. То есть солистка танцует совершенно без перерыва. От балерины требовалась невероятная выносливость.

После сцены бала, без антракта, шла последняя картина, к которой надо успеть переодеться. Словом, исполнительница главной роли в балете директора совершала изнурительный марафон. Для зрителей такое кинематографическое решение сценического действия было захватывающим и увлекательным. Но исполнители должны были выдержать серьезные физические нагрузки. На это даже смотреть тяжело, а выучить, казалось, было просто нереально.

— Нереально для других, но возможно для Владимирской! – с гордостью сказала мама балерины. — Для нашей Лялечки – все возможно!

— И через непродолжительное время спектакль явно начал нравиться публике, — улыбаясь, закончила свой рассказ Терпсихора. — Особенный успех балет имел на гастролях в Лондоне и во Франкфурте-на-Майне. В лондонском театре «Колизеум» был настоящий переаншлаг. Сам директор даже не смог попасть в зрительный зал. А мамочке повезло – ей достался входной билет, весь спектакль она просидела на ступеньках последнего яруса и наблюдала, как бушевал от восторга зрительный зал, сожалея, что в зале нет самого директора, и что он не может почувствовать в полной мере грандиозность успеха.

— Я там плакала от восторга! – прошептала мама Владимирской сквозь слезы. – Мало кому удастся дожить до такого триумфа... Я благодарил бога, что у меня в жизни выпала такая возможность... все мне вокруг говорили, что я сама дура, что у меня дочка дура... а вот сами бы на такое посмотрели... и поняли бы, кто из нас – дура!

Мать и дочь дружно захлюпали носами и принялись нежно уговаривать друг друга, что ни та, ни другая – физически не могут считаться дурами после триумфа в лондонском «Колизеуме». А тем, которые считают себя очень умными, надо для начала сорвать такой же аншлаг! А только потом уже говорить гадости про других.

Эрато слушала их взаимные утешения и какие-то нелепые комплименты растяжкам и овощным рагу и вдруг поймала себя на мысли, что вовсе не считает этих двух с виду беспомощных женщин – дурами. Они уже начали смеяться сквозь слезы, хором повторяя любимый слоган Владимирской про

«три золотых ключика», что все их истории — это история искусства открывать запертые двери тремя ключами: работой, творчеством и истовой верой в то, что если чего-то по-настоящему очень хочешь, то обязательно этого достигнешь. Странно, но в этой обстановке, пропитанной женскими слезами, взаимной поддержкой, истовой верой в то, что жить надо самыми высокими идеалами, — не раз слышанные ею слова о «золотых ключиках», казавшиеся неуместными даже в храме искусства, в театре, — здесь звучали как-то иначе, очень искренне. Она даже почувствовала какую-то благодарность к обнявшимся маме с дочкой, к которым прицепилась и самая маленькая собеседница, тоже решившая пореветь с мамой и бабушкой. Это небольшая связка из трех ревеливших в голос ключиков будто доказывала всем, что все преграды можно преодолеть любовью и поддержкой, не имея семь пядей во лбу, не обладая большими средствами, если ставишь перед собой высокие цели.

— Можно тебя на минуточку? — намекнула Эрато затихшей в родственных объятиях Владимирской. — Мне очень надо поговорить о... промоушене.

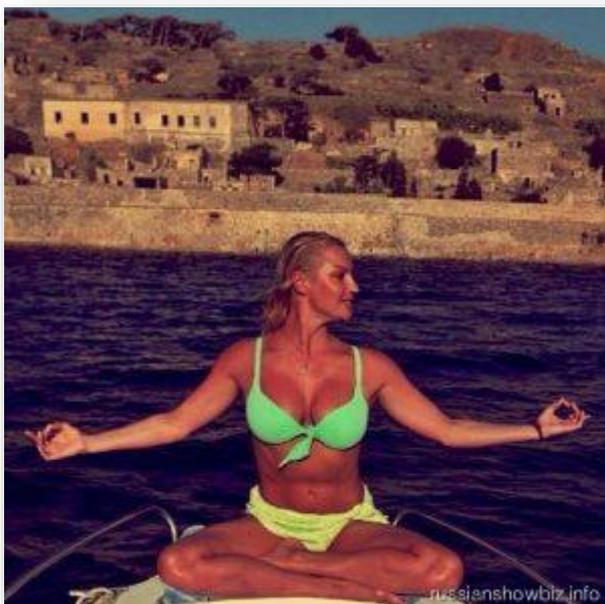
С неохотой отцепившись от матери и дочери, Владимирская пригласила ее на холодную веранду.

— Владимирская, ты ничем не ширяешься? — чисто из любопытства поинтересовалась Эрато.

Зная ее жизнь, вдобавок усиленную сценой «трех золотых ключиков», Эрато прикидывала ее на себя, удивляясь, как это Владимирская, когда ей сорвали ангажемент в Лондоне в «Альберт-Холле», так никого и не избилла, никому ничего не насыпала, не устроила парочку публичных скандалов, как жена Бероева. И домашнее воспитание в обществе безногой бабушки, попугая и хомяка здесь было ни при чем.

Ведь даже бывший директор театра, делая новую постановку балета «Лебединое озеро» — не выдержал и сорвался. В сущности, главной идеей его постановки, не сразу принятой критиками и зрителями, Эрато могла бы выразить хорошо понятной ей фразой: «Всех примочить в последнем акте!»

Поэтому Эрато не исключала вероятность того, что в доме Владимирской может найтись травка или таблетки, которые сейчас ей самой несколько бы не помешали. Она просто не допускала мысли, что все рассказанное о себе Владимирской, усугубленное и ее скромным участием в истории с олигархом Бероевым и фотосессии на морском песочке, — можно вынести без анестезии.

— Ой, ничего не держу! — радостно призналась Владимирская. — Я йогой занимаюсь, могу показать методику расслабления! И, как видишь, придерживаюсь вегетарианской диеты. Орехи замечательно стресс снимают. Миндаль хочешь?

Отказавшись от миндаля, Эрато вкратце рассказала ей о встрече с Холодцом и том, как к ней попали часы Сфейно. И где-то в глубине души она даже порадовалась, что новое воплощение Терпсихоры на редкость наивно. Любой на ее месте не поверил бы ни одному ее

слову, чего она бы уже, признаться, не выдержала.

Больше всего Владимирскую заинтересовало ее изложение разговора с сиреной, которой тоже был остро необходим промоушен.

— Теперь я тоже понимаю, — важно сказала балерина, — что меня часто склоняют к постановке таких номеров... без жизнеутверждающей позиции. Чтобы все в конце умирали... А это неправильно! Я всегда программу выстраиваю так, чтобы все заканчивалось хорошо.

— Это ты правильно делаешь, конечно, — машинально поддакнула Эрато. — Вот давай сообразим на троих следующее. Итак, в машину ко мне Холодец сел с душой министра МВД. Какой вывод можно из этого сделать?

— Какой? — с любопытством переспросила ее Владимирская.

— Значит, атаку они начнут через МВД! — больше для себя, чем для нее сказала Эрато. — Что-то подгребут такое, чтобы это дело так в недрах МВД и похоронить. Но тогда им нужны очень твердые позиции в Генеральной прокуратуре! Но они, наверно, у них уже есть...

— Уже есть! — с готовностью эхом откликнулась Владимирская.

— А раз тебя выгоняли из театра под совершенно дикими предложениями, — значит, они все это устроят в театре! — торжествующе закончила она свою мысль. — А тебя оттуда им надо было выставить, потому что ты явно что-то видела, важность чего до тебя пока не доходит... Да и, если судить по флаконам, ты одним своим присутствием усиливаешь свечение других муз. И это же объективные данные, полученные физическим путем, а не какая-то мистика...

The Ballerina (1899), Pierre Carrier-Belleuse

— Я много чего видела, — мрачно сказала Владимирская. — Думаешь, я зря с девочками из кордебалета дружила? Они мне все рассказывали! Вывозят театр за рубеж, а там устраивают вечеринки для олигархов, для спонсоров. В самых удивительных местах! В Версале, например. И на них приглашают балерин из театра, причем, не частным образом, а через администрацию театра. Девочкам говорят: если вы пойдете на вечеринку, у вас будет будущее. Если откажете кому-то, то в следующую поездку вы не поедете. Ну и что они могут тут поделать? Я видела все это своими собственными глазами. И это говорилось совершенно открыто, ничего даже не скрывалось. Да ведь я и сама с Бероевым познакомилась на таком приеме для спонсоров.

— И при этом там непременно должен быть человек с твердыми связями в МВД и в администрации.

А уж, учитывая, кто у нас совсем недавно был министром культуры, так и сомневаться не приходится, — продолжила мозговой штурм Эрато, — Мне кажется, травлю они начнут сейчас, стараясь выпихнуть всех муз из театра. И какие лица будут в этих скандалах задействованы, те и будут воплощениями муз. У тебя какие предположения?

— А музами только женщины бывают? — поинтересовалась Терпсихора.

— Старшими музами женщины бывали крайне редко, — заметила Эрато.

— Тогда на роль Мельпомены мне и в голову никто не приходит, кроме моего бывшего партнера, нашего самого известного танцовщика, — сказала Владимирская, наморщив высокий лоб с безупречной лилейно-белой кожей. — Когда меня выгнали из театра, объявив толстой, ему надо было просто промолчать, за него уже директор все соврал, будто он не может меня поднять. А он выступил и сказал, что это — неправда! А мой постоянный партнер,

которого похитили и держали в больнице, стараясь сорвать мой спектакль, потом в газете соврал, что его никто не похищал.

— Значит, у их есть больницы и свои верные врачи? – тут же отметила ее информацию Эрато.

— Мне сказали, что якобы заболел мой партнер, хотя в последнюю неделю его вообще не могли найти, — вспомнила Владимирская. – Но я-то была вполне здорова и могла бы танцевать с другими артистами театра! А мне никто этого не разрешал! Вот тогда всплыла эта ужасная версия про мой вес, которая стала решающей в конфликте с театром. Больше им прицепиться было не к чему. Пресс-служба театра заявила, что я — самая высокая балерина в театре, и партнеры якобы не могут справиться с моим весом. У меня при росте 171 см был вес 48 кг, а они сказали, будто я вешу 60 кг. А директор театра в интервью сказал: «С ней некому сегодня танцевать. Я разговаривал, например, с нашим прославленным премьером, может ли он танцевать с ней? Он ответил, что может попробовать «Раймонду», но другие спектакли — это исключено. Ее не поднять, она стала толстой, как бегемот!» А Коля ничего такого не говорил! И вдруг приходит эсэмеска от моего постоянного партнера, что его держат где-то в больнице и не выпускают! И оказалось, что он заперт в клинике МВД!

— Что-то они такое разрабатывают, где примут участие сотрудники МВД и врачи, которые давно у них прикормлены, — догадалась вслух Эрато. – Раз схема отработана на тебе, они новую и придумывать не станут. Зачем? Значит, Николай – Мельпомена! Да, скорее всего, так и есть. Он же все время выступает против воровства средств на реконструкцию исторической сцены театра. И скандал, связанный с тем, что ему не дают учеников – весьма показательный. Они знают, что к нему нельзя подпускать никого, он ищет Талию!

— Если Мельпомена – это Николай, тогда все вообще складывается именно так, как ты говоришь, задумчиво заметила Владимирская. – Я предпочитаю обычно его в интервью не упоминать, сводя стрелки на более весомые и практически уже исторические личности. Но ты в курсе, что именно он приложил больше всего усилий, чтобы перетащить меня из Санкт-Петербурга в Москву? Он мне все время звонил и поддерживал! Я его всегда воспринимала рыцарем, защитником! Если он – муза, то у него непременно должен быть карающий меч! И при этом никто от него никогда не слышал грубого слова, он ни в каких интригах никогда не участвовал.

— Хорошо, я свяжусь с ним и попытаюсь что-то сделать, — сказала Эрато. – А кто еще может быть там? Вот посмотри, я из Интернета распечатку сделала про муз из электронной энциклопедии. Может быть, по описанию узнаешь кого-нибудь?

Видишь ли, в балете и классическом искусстве – очень важна преемственность, — заученным тоном заявила Владимирская. – У кого ты учился, таких высот можешь достигнуть и превзойти. Но вначале надо дойти до этих высот. Если Коля – Мельпомена, то все сходится еще и потому, что из прежних поколений я бы к Мельпоменам отнесла его педагога, нашу прославленную балерину, которая вообще дала понять, что такое русский балет в образе непревзойденной Джульетты.

Если я – Терпсихора, в чем я чувствую какой-то подвох, конечно, но ты так в этом уверена... то пусть будет так, тем более, что я тоже сама всегда была уверена, но считала нескромным говорить такое вслух. Но тогда мой педагог, жена бывшего нашего директора – точно раньше была Терпсихорой! А вот Талией в свое время была жена нашего самого знаменитого хореографа, это точно! Видела бы ты ее в «Спящей красавице», сразу бы поняла.

Но кто сейчас может быть Талией? Думаю, это единственная ученица Николая – Александра. Все говорят, будто ее «открыл» нынешний худрук балета, но он сделал все, чтобы она не попала в театр. На самом деле, Коля и мой педагог, которую я считаю бывшей Терпсихорой, увидели ее на международном конкурсе молодых артистов балета в Перми. Они приехали, рассказали о победительнице с восторгом. А наш этот нынешний худрук, который тогда был художественным руководителем другого московского

театра, имевшего мощное финансирование программы поддержки артистов балета, съездил за ней в ее провинциальный город, перевез в Москву и устроил в свой театр. То есть с виду он сделал доброе дело за государственный счет, а на самом деле он увел у Николая феноменальную ученицу. А я эту девочку видела, она все время смеется, счастливая такая. Мне кажется, что только она подходит под твое описание Талии.

— Значит, этот ваш худрук – тоже будет участником драмы, — озабоченно пробормотала Эрато. – Он выступит против Николая, постаравшись непременно уничтожить эту девчонку. Смотри! Флакон Талии светится! Вроде бы до нашего разговора, он был темным.

— А потому что две премьеры прошло, — безмятежно сказала Владимирская. – Я вот тоже почувствовала, что становлюсь не обычной балериной, а просто начинаю царить на сцене – после дебюта. Мало просто всего добиваться в репетиционном зале, надо покорить зрительный зал!

— Значит, в театре сейчас Мельпомена и Талия, учитель и ученица, — подвела итог Эрато. – Посмотри внимательно, тебе описание Полигимнии никого не напоминает?

— Вот по промоушену это с виду написано про Грушницкую, жену нашего знаменитого виолончелиста, — задумчиво сказала Владимирская. – Вроде бы они вернулись из заграницы... Но я тебе скажу, что свою зарубежную славу Грушницкая здорово преувеличила. За рубежом больше знают нашу несравненную Кармен, ее слову все доверяли без всякого обсуждения. Но она умерла, а флакон Полигимнии не такой уж полный, можно сказать, заканчивается...

— Да, будто это флакон большой человеческой жизни, правда? – начиная догадываться, заметила Эрато. – А это не может быть руководительница оперной школы Еленская? Бывшая оперная солистка театра? Она ведь самая известная на сегодня певица, до сих пор числится при театре.

— У нее сложный голос с многообразной тембровой окраской, — ответила Владимирская. – Ее лучшие композиторы просили свои вещи исполнить... А голос Грушницкой... слишком уж сухой какой-то, монотонный. Хотя прессой она больше раскручивается. Но не как оперная певица, а как персонал таблоидов. В ее голосе нет многообразия эмоциональных оттенков и жизни... Я же итальянцев слушала неоднократно. Мне после них голос Грушницкой казался танком, утюжащим окопы... И мне не нравилось, что она так на Еленскую нападает! Зачем-то ей надо было изобразить ее в мемуарах какой-то доносчицей, хотя ту, в отличие от самой Грушницкой, никогда политика не интересовала. Но ее голос... слишком русский, что ли. За рубежом ее считаю кем-то вроде «типичного представителя» русской оперной школы.

- Значит, там уже три музы, — а это означает... что?
- Что? – эхом повторила за ней Владимирская.
- А то, что на них уже есть две гарпии, а остальные будут расставлены в стратегических ведомствах, чтобы полностью лишить даже слабой надежды на какую-либо справедливость, — ответила Эрато.
- А что тогда делать нам? – поинтересовалась Владимирская.
- Давай часы у тебя спрячем! – предложила Эрато. – У тебя же есть сейф? Понимаешь, у тебя тут все с таким приветом, что действительно стали какими-то «золотыми ключиками». У тебя мама с таким приветом, так верит в лучшее в людях, что ни одна гарпия к ней не подступится.
- Да как же! – обиженным тоном протянула Владимирская. – А как с квартирой получилось? Мама так верила этим людям, а они сбежали с нашими деньгами и документами!
- Я вовсе не говорю, что спихиваю всю ответственность на тебя! – оборвала ее Эрато, чтобы в очередной раз не выслушивать историю о неудачной продаже квартиры. – Тем более, оглянись вокруг! Не думаю, что люди, обокравшие вас тогда, живут так же. Я вообще думаю, что их уже нет в живых.
- Мне их даже жалко, — призналась Владимирская. – Я уверена, что они хотели бы нам вернуть эти деньги, просто им было стыдно.
- Наплевать на этих подонков! – заметила Эрато. – Мы все равно будем держаться вместе, потому что лишь с тобой, как ни странно, я чувствую уверенность. Наша задача – хоть как-то помочь музам в театре, когда их начнут обвинять в чем попало. Давай рассуждать логически! Зачем нам с тобой им помогать?
- Ну, наверно, из доброты и светлого чувства любви ко всему сущему? – предположила Терпсихора.
- Это так убого, заметила Эрато. – Тебе ведь нужен промоушен? И хочется красиво ответить дирекции театра? А еще тебе хочется защитить девочек из кордебалета, так?
- Так!
- Ты и будешь в своем репертуаре! – мстительно заметила Эрато. – Ты представить себе не можешь, какой промоушен получается на чужом скандале, не на своем. Там можно как бы в запальчивости крикнуть, что, несмотря на все гадости, ты создала новую программу и танцуешь назло врагам! Защищать себя надо всегда, защищая других. Но при этом нам придется, что?..
- Спасать часы? – предположила Терпсихора.

Краковяк из балета «Джипеи» Исп. Фанни Эльслер

— Забей на часы! Раз Сфейно сказала, что заберет их, значит, сама и заберет, — махнула рукой Эрато. — Просто мне тоже невозможно испытывать каждый раз эту жуть с попыткой вырвать у меня сумку. У меня с этими часами голова не работает, я всего боюсь, а надо вообще-то подготовиться к атаке!

— Я на тебя так злилась, но с тобой так интересно! — призналась Терпсихора. — Ты навсегда ко мне переедешь?

— Нет, но пару раз в неделю ночевать у тебя буду.

— Здорово! Давай, будем устраивать пижамные вечеринки!

— Нет, это исключено, — озабоченно ответила Эрато.

Зябко поживаясь, они вернулись в спящий дом, дышавший таким безмятежным спокойствием, что на минуту Эрато стало немножко стыдно оставлять здесь этот опасный мифический часовой механизм.

9. Келайно

De harpij / The harpy

Освещенный Манускрипт Koninklijke Bibliotheek

*Нет чудовищ гнусней, чем они, и более страшной
Язвы, проклятья богов, из вод не рождалось
Стигийских.*

*Птицы с девичьим лицом, крючковатые пальцы
на лапах;*

*Все оскверняют они изверженьями мерзкими
чрева,*

Щеки их бледны всегда от голода.

Вергилий, «Энеида»

Пожилой человек в старомодной дубленке и пыжиковой шапке подошел к охране помпезного здания прокуратуры на Большой Дмитровке и тихо сказал какие-то слова дежурному. Тот кивнул, позвонил по внутреннему телефону. Дедок терпеливо ждал у ограды, и в его внешности было нечто такое, что вызывало опасение, будто, если он вплотную прислонится к тумбе ограды, окрашенной под серый камень, то немедленно с ней сольется. На его лицо можно было смотреть часами, пытаться запомнить каждую черточку, чтобы отвернувшись, тут же понять невозможность составления фоторобота его личности. Через пять минут после звонка за стариком пришел молодой человек в строгом гражданском костюме. Он вежливо поздоровался и пригласил следовать за ним, предупредительно распахивая двери перед гостем.

В комнате, куда вежливый человек пригласил посетителя, но сам проходить не стал, стояла удобная, почти домашняя мебель, невысокий столик был сервирован на две персоны, а на его левом углу лежала толстая папка-скоросшиватель.

— Проходи, Лев Иваныч, присаживайся! – раздался голос прокурора, стоявшего у окна. – Мы сегодня здесь посидим, тут нет

прослушки, можно поговорить спокойно. Спасибо, что приехал!

— Да как я мог бы не приехать? – удивился старик. – Это папка для меня?

Прокурор молча кивнул, и старик, водрузив на нос узкие очки для чтения, взял папку, присев в угол дивана. Имени автора или какого-то сопроводительного

бланка не было. Вверху первой страницы стояло странное название «Оборотни в погонах. Сказка».

Жил да был один мальчик по имени Антон. И как все приличные мальчики с самого раннего детства он мечтал вырасти, закончить юридический факультет, а уж сразу после этого стать членом Московской городской коллегии адвокатов с неременным учредительством в самых крупных юридических фирмах. Кроме того, в его обширные планы входило непременно являться учредителем конноспортивного клуба, фирмы оптовой торговли и самого крупного в Сибири соляного рудника.

Как бы сама его жизнь к таким планам с детства располагала, поскольку папа у него вначале был замом главного прокурора, потом даже побывал министром юстиции. А после того, как ихнего главного прокурора турнули наоборот в министры юстиции, так его папашу на его место утвердили, поменяв, так сказать, их местами, чтобы, значит,

окончательно решить этот сложный кадровый вопрос.

Только папа и понятия не имел, что пока он всего себя отдавал государственной службе и защите прав граждан в рамках действующей конституции, с его сыном приключилась однажды драма на охоте.

Решил однажды Антон поохотиться на дикого зверя в одном заповедном подмосковном лесу со своими друзьями из тамошней прокуратуры. С детства вокруг него сложился такой нездоровый круг общения, что, куда ни плюнь, сразу попадешь в прокурора или его заместителя. Все это было потому, что его папа синим пламенем горел на работе, поэтому мальчик с раннего детства только прокуроров и видел. Остальных он старался не замечать. У него даже о жизни сложилось такое впечатление, будто в этом мире живут одни прокуроры, а всем прочим следует держаться скромнее на ее дальней обочине.

Поохотившись в окружении одних прокуроров, выехал он с сотоварищи на опушку необычайно красивого леса, чтобы отведать чудесных шашлыков, которые приготовил для них в сумрачной лесной чаще шашлычник Мирзоян. Посреди реликтового перелеска его стараниями возникло чудесное патио с разными яствами и спиртными напитками

— в качестве благодарности за своевременное закрытие заведенного на него уголовного дела вследствие отсутствия состава преступления.

От коньяка, салатов, душистых трав и самих шашлыков шел такой чудесный аромат, что поняли тогда все собравшиеся к застолью прокуроры, что живут на свете далеко не они одни. Из глухого леса на этот запах выскочил к ним местный оборотень Степанчук и всех до одного перекусал, хотя они палили в него из всех стволов, не зная, что оборотней можно было завалить лишь специально отлитыми серебряными пулями.

Степанчук убегал в леса лишь в периоды новолуния, а во все другие периоды он работал в ГИБДД и вел вполне сносное существование, хоть и не был прокурором, а всего лишь проводил техосмотры личного автотранспорта. И тогда по его виду даже представить себе было невозможно, кем он мог обернуться в моменты новолуния.

Все эти прокуроры от болезненных укусов лохматого слюнявого Степанчука стали оборотнями... в погонах. А вернувшись на место службы с злополучной охоты, они перекусали у себя всех в районных отделах, чтобы больше не испытывать никаких затруднений с выездами на природу в новолуние и подозрений, не держит ли кто за пазухой серебряную пульку.

Wolf And Fox Hunt Painting by Peter Paul Rubens.

Антон, хоть сам и не был полноценным прокурором, но постоянно оказывался в полном взаимодействии с взрастившим его ведомством. Как-то, значит, чисто случайно, по слезной просьбе одного

предпринимателя, заверившего стражей порядка, что благодарность его будет длительной и существенной, — в той области был задержан один профессиональный рэкетир с Северного Кавказа, прославившийся доселе невиданными в тех краях жестокостью и корыстью. А после задержания сразу же выяснилось, что на рэкет он с подручными выезжал на шикарном иностранном автомобиле, принадлежавшей компании Антона, с доверенностью на вождение автотранспортным средством им же подписанной размашистым почерком. В салоне машины, вместе с боевой гранатой и ручным пулеметом, растерянные правоохранители обнаружили подлинный спецталон, освобождающий ее от досмотра, оформленный на имя папы Антона.

От греха подальше в особом режиме всех вымогателей, ездивших в той машине по своим делам, приговорили к шести годам лишения свободы каждого и отправили в самую дальнюю колонию строгого режима, где следы их затерялись в нашем вечном российском бардаке. А вот висевшие в воздухе вопросы, почему спецталон на папино имя оказался у рэкетиров, да почему им Антошка доверенности подписывал, — так и остались без ответа, поскольку ни судья, ни прокурор, ни адвокаты обвиняемых решили подобными вопросами не задаваться, ведь сам-то Антон никакого отношения к предъявленному рэкетирам обвинению не имел...

— Что это такое Максим? — с плохо скрываемым раздражением спросил гость, откидывая от себя распечатку. — Ты меня за этим позвал?

— И за этим тоже, — сказал прокурор, потирая щеку, чтобы унять тик лицевого нерва. — Ты просмотри по диагонали, как там дальше эта сказочка сказывается.

А дальше в сказке сказывалось, как однажды, в сумрачную февральскую погоду сотрудниками по борьбе с экстремизмом были внезапно арестованы два подмосковных бизнесмена по обвинению в создании сети подпольных казино. Если бы борцы с экстремизмом честно в ордере прописали, что творить собираются, им бы судья никогда этого ордера не подписал. Поэтому они сказали судье, что хотят поговорить с этими бизнесменами об экстремизме, чтобы завербовать их как внештатных сотрудников.

А того они не сказали, что сын одного из них по имени Феденька проиграл в рождественские каникулы в подпольном казино папину машину, бабушкину квартиру и земельный участок в ближнем Подмосковье, выделенный его папе под жилую застройку. И, несмотря на самоотверженную службу папы на ниве защиты прав неустановленного круга лиц от экстремизма сограждан, к нему уже несколько раз приходили серьезно настроенные молодые люди, бритые наголо, чтобы требовать немедленного перевода имущества с регистрацией прав собственности на того, кого они ему укажут.

Но как только они ЭТИХ бизнесменов задержали, так те радостно упали им ноги, прослезились и сказали, что во всем с радостью признаются, потому как устали они служить всяким гадам, отдавая практически все добытое от их нелегкого подпольного бизнеса. Тут, значит, незадачливые борцы с экстремизмом и узнали, куда вляпались, да делать было нечего,

ведь и сделанного не воротишь.

Ежемесячный оборот подпольных игровых залов составлял \$5-10 миллионов, но по чистосердечному признанию их владельцев, более восьмидесяти процентов всех доходов уходило на взятки: районным прокурорам, которым ежемесячно платили они по \$20-30 тысяч, а высокопоставленным офицерам правоохранительных органов — по \$75 тысяч в месяц. На оставшиеся деньги двум незадачливым владельцам сети казино надо было сводить концы с концами, держа вооруженную до зубов армию рэкетиров и вышибал. А еще капризные столичные посетители требовали концертную программу с именитыми артистами и высокую кухню в буфетах и ресторанах. Оба владельца этого подмосковного Лас-Вегаса уже хотели сами застрелиться от такого чудесного бизнеса, если честно, но тут на их счастье подоспел с арестом папа азартного Феденьки...

— Это что, правда? – в недоумении спросил гость.

— Представь себе, правда, — упавшим голосом сказал прокурор, потирая щеку. — Наши тихонько поинтересовались, с какой стати весь сыр-бор разгорелся, почему никого не предупредили, а им ответили, что одному их офицеру пригрозили дочь и жену похитить, если долг сына казино не отдаст. А пойти в прокуратуру ему и в голову не пришло. Да кто сейчас по таким вопросам обращается в прокуратуру? Ну, решили с сослуживцем разрулить вопрос самостоятельно.

— Хорошо, а Степанчук... этот... тоже правда? – еще больше недоумевал гость.

— Действительно, работал в ГБДД области старшина Степанчук, но исчез в новолуние, в аккурат перед описываемыми событиями, на работу больше не вышел, зато все наши охотнички на работу пришли в самое новолуние, ничего не опасаясь... Ты дальше читай! – ответил прокурор.

Дальше в сказочке неспешно повествовалось, как по полученным под протокол показаниям — такими же беспринципными следователями в обход прокуратуры в марте были возбуждены уголовные дела против сотрудников ГУВД и нескольких высокопоставленных районных прокуроров, включая заместителя прокурора области Романенко.

Открыв дверь в кабинет Романенко, служители Фемиды увидели странное лохматое существо, сидевшее на четвереньках на столе заместителя прокурора области и жевавшее его бумаги и важные для

следствия вещественные доказательства. Увидев вошедших, существо рыкнуло, показав огромные желтые клыки в розовой пене, сверкнуло желтыми глазами и выскочило в окно. Потом это существо видели удиравшим семимильными прыжками в сторону Польши. В столе прокурора были обнаружены денежные средства в размере 4 миллионов рублей, а в сейфе примерно двенадцать миллионов рублей в валюте зарубежных государств.

— И это... правда? — с растущим интересом спросил гость.

— Не совсем, — смущенно ответил прокурор. — Самого... этого... монстра никто не видел. Окно было действительно разбито, а по всему кабинету валялись такие вот клочья шерсти. Эксперты сказали, что это шерсть очень крупного волка, но не характерной окраски. Он, очевидно, линял.

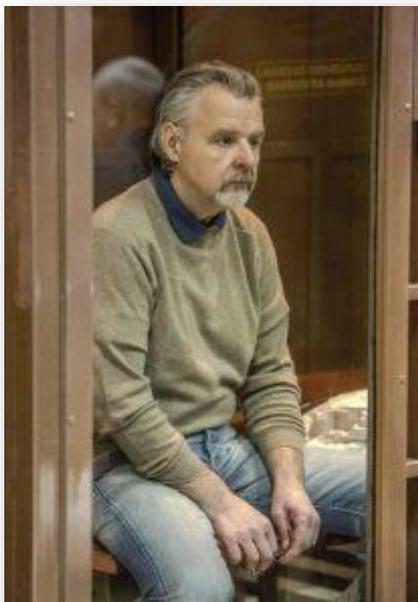
Прокурор подал гостю прозрачный пакет с грубой рыжеватой шерстью и пояснил: «Мы для проформы запрос в Польшу отправили, а его там взяли, у него вид на жительство был, оказывается, он ни от кого и не скрывался, дурак... Вообще сейчас не знаю, что делать...»

Гость неопределенно хмыкнул и углубился в чтение, по-новому для себя переживая недавние события, широко освещавшиеся в прессе. В повествовательную ткань были вставлены обширные выдержки из публикаций прессы на эту тему.

Арестованный в Польше главный обвиняемый по так называемому игорному делу о коррупции подмосковных правоохранителей Александр Романенко удовлетворен тем, что решение об его экстрадиции в Россию наконец-то принято. За проведенные в польской тюрьме

одинадцать месяцев, бывший заместитель прокурора похудел на 30 кг и заработал псориаз на нервной почве.

Однако эта полная трудностей и лишений отсидка все равно не зачтется ему в сроки содержания под стражей, поскольку время, проведенное в польской тюрьме, никак не уменьшает общий срок его содержания под стражей. Согласно п. 10 ст. 109 УПК РФ в общий срок ареста должно засчитываться время, «в течение которого лицо содержалось под стражей на территории иностранного государства по запросу об оказании правовой помощи или о выдаче его РФ». Однако, в п. 11 той же статьи УПК оговаривается, что для подобной категории граждан российский суд может продлить предельный (полтора года для обвиняемых в особо тяжких преступлениях) срок ареста еще на шесть

месяцев. Иначе говоря, вся польская отсидка господина Романенко, независимо от ее длительности и условий содержания, ни на один день не приблизила арестанта к выходу на свободу. Польский срок зачтется только при вынесении приговора.

Польские правоохранители, изучив предоставленные СКР материалы на него, признали только предъявленные бывшему зампрокурора обвинения в получении взяток в особо крупном размере (ст. 290 УК РФ). Мошенничество в особо крупном размере (ч. 4 ст. 159 УК РФ), по мнению поляков, их арестант совершить не мог, в силу неадекватной реакции его организма на лунные циклы. В период

новолуния он точно не мог участвовать в руководстве сложной сетью игорного бизнеса, поэтому польская сторона решила, что, пользуясь этим хроническим заболеванием Романенко, российские правоохранительные органы хотят спихнуть на несчастного чужую уголовную ответственность. Признание этого факта СКР стало одним из условий экстрадиции, поэтому вменять Александру Романенко эпизод мошенничества теперь не сможет и российское следствие.

Будучи в польском изоляторе, Александр Романенко перед каждым новолунием добивался встречи с российским следователем по «игорному делу», а когда стало ясно, что допрос не состоится, направил в СКР по почте заявление, в котором подробно изложил свое видение ситуации. Однако в СКР этот документ в качестве протокола допроса обвиняемого не приняли, поскольку невозможно было идентифицировать почерк обвиняемого и, соответственно, установить авторство документа. Все документы, изъятые в ходе обыска в служебном кабинете Александр Романенко, были сильно повреждены зубами предположительно кавказкой овчарки, которую бывший заместитель прокурора области мог тайком провести в свой кабинет.

— Что это за хрень? – спросил гость, начиная терять терпение. – Псориаз, новолуние, шерсть в пакетике... Что у вас здесь происходит? И почему Романенко, как все нормальные люди, в Лондон не сбежал? Его бы оттуда не выдали, английский он знает, какого черта его в Польшу потянуло?

— Ну, не знаю, — уклончиво ответил прокурор. — Эта писательница по маме полячка, наверно, сама мечтала в Польшу от нас сигануть, вот и приписала это Романенко. А этот дурак поддался влиянию... Понятия не имею! И главное, когда Сашу назад экстрадировали, он заявил, что забыл русский язык, потребовал себе польского переводчика. Хотя сам воспользовался 51-й статьей Конституции, чтоб показания на себя не давать, но на все вопросы отвечал «не вем» по-польски. С адвокатом говорил по-русски без проблем!

— Да, а что это за писательница? Ты с ней сам разобраться не мог? – выходя из себя, зло поинтересовался гость.

— У тебя никогда не было... такого... дежавю? – тихо спросил прокурор. — Будто ты что-то делаешь, но раньше ты это уже где-то читал... или знал, что это уже написано...

— Ты же знаешь, что такое у всех бывает от нервов, — отмахнулся от него гость, но, что-то рассмотрев в листочках, которые продолжал держать в руках, прочел вслух:

«А когда главу районного следственного отдела спрашивали, почему он упорно возбуждает уголовное дело, если прокуратура каждый раз отменяет его постановления о возбуждении очередного дела в отношении владельца казино, он с некоторой долей растерянности отвечал, что не может не возбуждать, будто это ему «прописано». Каждое утро он вставал с постели с твердой решимостью больше не возбуждать никаких уголовных дел, но шел и опять их возбуждал из какой-то фатальной обреченности. Подняв красные от бессонницы глаза, он спросил корреспондента «Областных Ведомостей»: «А у вас

никогда не было такого дежавю, будто все, что вы делаете, вы уже раньше где-то читали или знали, что это уже написано?»

— Ты, Лев Иванович, не читай вслух, еще хуже будет! – предупредил его прокурор. – Мы тут голову ломали, как все-таки закрыть очередное уголовное дело, оснований-то никаких, а все, что приходило в голову, уже раньше перепробовали. Решили посмотреть, что там написано. А там довольно точно перечислялись все доводы по отмене предыдущих постановлений, а про наш случай говорилось, будто мы написали, что «обвиняемый «добровольно и окончательно отказался от приготовления к совершению преступления», в связи с чем не подлежит уголовной ответственности». Плюнули на все условности, да так и написали в тот раз.

— Я дальше такое вообще читать не стану, пока ты не объяснишь, что это такое и зачем ты меня вызвал так срочно? – жестко заявил старик. – Мало того, что перед охраной личность спалил, да еще сказочки подсовываешь? А тут выясняется, что ты постановления по этим сказкам пишешь!..

— Да в конце ноября прошлого года орлы одного следственного отдела провели обыск у сетевой писательницы, которая очень мешала своим сослуживцам, да и тут всех достала организацией коллективных обращений к президенту по делам, которые их лично никак не касались. Например, подбила она нестойких граждан уплатить пошлину и послать письмо в Конституционный суд по поводу приватизации железных дорог России в ОАО РЖД. Причем, довольно грамотно доказала, что делать это с единственным учредителем в виде самой России, чтоб потом все распилить по дочерним предприятиям – никто права не имел. Но там много доказательств чисто по неконституционности такого подхода. Письма, конечно, рассматривать не стали, но волна пошла. К тому же она раньше заявляла, что приватизировать государственное имущество без должной оценки – это государственное преступление. Но высказывалась в таком «сказочном» стиле, типа: «Покажите мне человека, который может точно определить, сколько стоят железные дороги России, а я спрошу, а почему этого гражданина еще не лечат принудительно в психоневрологическом диспансере, ведь мы можем потерять его для всего общества!»

— Так, а почему ее саму до сих пор не лечат... принудительно?- зло спросил гость. — Ты помнишь историю с Татьяной Гармаш, которая писала президенту о коррупции в прокуратуре, проверка факты подтвердила, а ее начальнику сначала вынесли «неполное служебное соответствие», но затем... перевели на повышение в Москву! Потому что прокурора края не теряла самообладания, возбудила уголовного дела против нее, потребовала провести ей стационарную психолого-психиатрическую экспертизу, с которой наша Таня вернулась тихой и спокойной, неспособной участвовать в следственных мероприятиях. Ты первый день на службе?

Отделение в Больнице в Арле Винсент Ван Гог

— Нет, не первый, — ответил прокурор. — Здесь эта история тоже описывается, потому что два ее участника уже побывали в СИЗО в качестве обвиняемых. Ты, наверно, не понял сути. Распечатку эту мне один тип передал из следственного отдела, изъявшего у одной провинциальной тетки компьютеры в ноябре, а все эти дела начались в феврале. Начинает доходить?

— Как это? — озадаченно спросил старик.

— А ты на дату распечатки посмотри! — ткнул прокурор в примечание внизу каждой пронумерованной страницы. — Причем, она знала, что ее республика выиграла грант на «борьбу с экстремизмом», хотя ей ведь никто этого не говорил. Я запросил видеосъемку обыска, который проводили, чтобы прослушку ей кинуть и всех ее знакомых вычислить. Компьютеры чисто из садистских соображений изъяли, зная, что они необходимы ей в работе. Но раз она жалобу в прокуратуру написала, я попросил передать мне видео, но чтобы они ничего не вырезали и не правили, как они это умеют. И там был такой момент, когда молодой следователь, нарочно провоцируя ее на камеру, орет ей, что они уничтожат ее репутацию, смысл жизни, а ее привлекут за оскорбление представителя власти. А она ему говорит, что такие, как он, оскорбляют любую власть одним своим присутствием. А все они типа потеряют и репутацию и смысл жизни, как только она «заплатит кровью за все сказанное». Добавила еще «сказочки читать надо!»

— Какая нахалка! Вы совсем народ распустили! Они что, наркотики ей подбросить не могли? — удивился старик.

— Там вообще бессмысленно было подкидывать, как они сказали, за ней вообще ничего не числится, никто бы этому не поверил, — проворчал прокурор. — Ты дальше слушай! Чтобы ей доставить дополнительные неприятности, содержимое компьютеров, где были разные научные разработки, книги, исследования, — передали в другие руки, чтобы люди

публиковали это от своего имени. Один писатель даже фильм начал тогда снимать исторический по ее материалам. Ей следовало указать, что ее самой как бы вообще и на свете не было, а все другие вместо нее написали. А она только переписывала, да несла всякий бред.

— Это... умно! — похвалил старик.

— Да, — неопределенно ответил прокурор. — Но потом пошел слух среди экспертов, изучавших ее железки, что среди всяких строительных программ и бухгалтерии там есть такие сказочки, которые точно совпадают с тем, что происходит. А происходить начало, когда она в больницу загремела с жизненными показаниями на полостную операцию по женской части.

— Так надо было... сам знаешь! — ставил свое веское слово старик.

— Да знаю... чего там не знать! — откликнулся прокурор. — Ее сотрудник один пришел выгонять из палаты накануне операции, а она ему заявила, что он уже опоздал, у нее, дескать, весь декабрь были кровотечения, поскольку «физиология женского организма не рассчитана на вашу борьбу с экстремизмом!» Так что типа она уже «заплатила кровью за сказанное» и на дальнейшее не претендует, но из палаты не уйдет, им придется ее в отделении кончать.

— Так что, она после наркоза не проснулась? — почти кровожадно поинтересовался гость.

— Проснулась как миленькая! Потому что накануне ее операции выяснилось, что дети борцов по борьбе с экстремизмом и следователей, которые такими делами занимались, спустили во всех подпольных казино страны имущества на десятилетнюю зарплату этих славных ведомств. А как она с больничного вышла в феврале, так и началась в тот же день эта жуткая карусель с теми казино, что у нас под боком. Можешь по датам проверить, ее перед Днем защитника Отечества с больничного выписали. А сказочка, если ты заметил, имеет еще сорок страниц. И когда я ее первый раз читал, Сашка Романенко

еще в Польше на нарах парился, еще ничего про него не писали в газетах, а ведь после публикация вышла – один к одному, как здесь написано! Попросил поинтересоваться у этого корреспондента, почему он написал именно так, а он тоже заявил про дежавю. Будто, когда он писал этот текст, у него складывалось впечатление, что он видел, как этот текст пишет. Будто даже в какой-то книге про это читал, но не помнит, в какой именно.

— Так ведь это просто так нельзя оставлять! – заявил старик, и прокурор тоскливо подумал про себя, что Антошка в таких случаях бы весело вставил: «Капитан Очевидность!»

— Она за все заплатит! С судебной психиатрической экспертизой что-то сорвалось, три суда было, не смогли ее в дурку поместить. По экстремистской статье ее тоже удалось только на 20 тысяч рублей осудить, генерал лично в ихнюю Тьмутаракань за ее приговором ездил. А нынче Дума приняла закон о том, что экстремистам с судимостью работать преподавателями запрещается, специально ее статью в Трудовой Кодекс включили, чтобы

отовсюду с работы выгнать по прокурорскому предписанию.

— Так... погоди! Закон же обратной силы не имеет, — растерялся Лев Иваныч.

— А в ее случае иметь будет! – твердо заявил прокурор. – Думаешь, легко такое читать про собственного сына?

Он говорил что-то еще, сбивчиво рассказывал про то, каким чудесным ребенком был его Антон. А старик с ужасом читал небольшую главку про его бывшего заместителя, погибшего недавно под колеса КамАЗа. Нельзя сказать, что Лев Иванович так уж жалел погибшего начальника инспекторского управления Мартынова, обвинявшегося в изнасиловании собственной помощницы. Старик вспомнил, каким Мартынов пришел когда-то в прокуратуру. Старик не любил говорить об идеалах, но Мартынов всегда казался ему порядочным и надежным человеком. Мало кто не догадывался, что именно генерал Мартынов руководил проверками прокуроров, попавших под подозрение в коррупции в связи со скандалами в подпольных казино, составив списки тех, кто должен был немедленно покинуть прокуратуру.

Впрочем, старик не сомневался, что в этих условиях и за самим Мартыновым могли водиться разного рода грешки. Но не допускал мысли, будто 59-летний

генерал-лейтенант Мартынов мог домогаться своей 35-летней секретарши, несколько лет проработавшей ведущим специалистом в организационно-инспекторском управлении прокуратуры. В папке говорилось, что прокурор был вынужден пойти на такой шаг, сдав своего подчиненного, поскольку все выявленные Мартыновым нити разветвленной сети подпольных казино сводились к его сыну Антону.

Расчет был сделан на то, что после скандалов с казино можно было поверить всему, что ни сообщалось, в приложении к понятиям «прокурор» и «прокуратура». Но очередная сенсация о попытке изнасилования собственной секретарши высокопоставленным чиновником прокуратуры — отчего-то не срабатывала именно в отношении Мартынова.

Поэтому в последние дни рождественских каникул генерал Мартынов был доставлен в больницу после страшного ДТП, в которое он попал вместе с членами своей семьи около 19 часов вечера, когда вместе со своей женой и ребенком переходил дорогу, возвращаясь из кино, когда на них на большой скорости буквально налетел КамАЗ. Жена и ребенок чудом уцелели, потому что в последний момент Мартынов успел с силой их оттолкнуть в сторону, — Сам генерал-лейтенант попал под колеса большегруза, получив тяжелейшие травмы. С пробитой головой, переломом основания черепа и тупой травмой живота его доставили в реанимацию ближайшей больницы. Спасти Мартынова врачам не удалось, он умер в горбольнице, не приходя в сознание.

Как сообщили СМИ об этой «трагической случайности», водитель «КамАЗа» не справился с управлением, слишком поздно заметив пешеходов и не успев затормозить.

Читая это, старик хмыкнул на едкое замечание автора сказки, что у умиравшего генерала медики перед смертью успели проверить уровень алкоголя в крови, выяснив, что Мартынов был абсолютно трезвым. Но ни один источник массовой информации не сообщил содержание алкоголя в крови водителя КамАЗа.

— Я тебя не за этим позвал, — сквозь плотный туман услышал он голос прокурора. — Все предыдущее как-нибудь я бы пережил, не в первой. Но вот тут есть эпизод, подчеркнутый фломастером, посмотри!

Оранжевым фломастером в папке было выделено замечание, что советником главного прокурора страны, многое сделавшей «для укрепления прокурорского корпуса», служила всесильная Агата Викторовна, при входе в кабинет которой все посетители разувались. А теперь, когда с должности областного прокурора она перешла на должность советника, все прокуроры страны ее и вовсе называют «наша мамаша». Агата Викторовна никогда не скрывала своего влияния в ведомстве. А сын главного прокурора страны Антон всегда называл ее «моя вторая мама».

The Harpy, Katie Hallaron

Но чего Агата Викторовна никогда не рассказала бы ни в одном интервью, это то... что, на самом деле, она вовсе не была женщиной, являясь гарпией по имени Келайно, устроившейся в прокуратуру, чтобы без особых проблем кормиться там душами людей.

— Я не понял... это что такое? — вопросительно посмотрел старик на прокурора.

— За этим я тебя и позвал, собственно, — сказал прокурор, взяв со стола тарелку, на которой лежал огромный бифштекс с кровью. Не обременяя себя вилок, прокурор, с нежностью

принюхиваясь к куску мяса, сочившегося кровью, отошел к окну.

Старик, уже ничему не удивляясь, прочитал газетную вырезку, выпавшую из папки.

Свидетель рассказал о том, что между владельцами казино и областными прокурорами существовали коррупционные связи. О них он рассказал весьма подробно. При этом свидетель сделал сенсационное заявление о том, что координатором в этих взаимоотношениях выступали люди сына главного прокурора страны.

Доводы представителей прокуратуры, полагавших, что постановление о прекращении уголовного дела в отношении бизнесмена было отменено вполне законно и обоснованно, свелись к следующему: бизнесмен добровольно отказался от совершения преступления.

Выслушав доводы сторон, суд счел постановление заместителя областного прокурора об отмене возбужденного уголовного дела незаконным и необоснованным. «Материал проверки, послуживший основанием к возбуждению уголовного дела, не был изучен прокурором, принявшим решение об отмене постановления о возбуждении уголовного дела», — говорится в постановлении суда.

Официальный представитель прокуратуры Марина Тимофеева, после оглашения в суде показаний свидетеля, заявила, что «вряд ли бред анонимных заявителей нуждается в каких-либо комментариях».

Между тем вчера в конфликт между прокуратурой и следствием по делу о выявленных подпольных казино решил вмешаться комитет Госдумы по безопасности. Ситуация с крышеванием так называемого прокурорского дела уже вышла за границы области. К сожалению, за всей этой публичной риторикой, которой обмениваются представители прокуратуры и следственного комитета, мы так и не услышали ответа на главный вопрос — почему игровой бизнес практически легально продолжает существовать и фактически крышуются коррумпированными чиновниками разного уровня...

Раскрыв папку на случайной странице, он нисколько не удивился сразу же прозвучавшему ответу, подтвердившую его догадку. Прекращения уголовного дела против владельцев казино прокуроры добивались исключительно затем, чтобы немедленно прикончить на свободе важных свидетелей. На страничке рассказывалось, как был задушен и брошен прямо на улице водитель одного из них, лично развозивший по высоким кабинетам мзду с подпольного бизнеса. Потому сами бизнесмены упрашивали судью не прекращать заведенного против них уголовного дела и не выпускать их из СИЗО.

Не оставалось сомнений и на счет официальной реакции представителя прокуратуры Марины Тимофеевой в случае гибели бизнесменов. С такой же невозмутимостью молодая особа заявила бы, что «вряд ли гибель от злоупотребления алкоголем лиц, бредивших вслух о действиях прокуратуры, поливавших ее грязью, нуждается в каких-либо комментариях».

— Лев Иванович, пойдем, посмотришь на нее издалека! – просительно поторопил его прокурор. – Ты же понимаешь, что на фоне всего сказанного в этой папке, мне хотелось бы знать, кого мой Антон называет «второй мамой»? Ты же столько лет работал в специальных подразделениях КГБ, у тебя опыт-то какой!

Старик с тяжелым вздохом поднялся с дивана, приготовившись идти в кабинет Агаты Викторовны, чувствуя, как начинает меняться его отношение к содержимому папки, к ее автору и родительским проблемам главного прокурора. До самой двери кабинета по коридору прокурор с ним не пошел, знаками дав понять, что вернется в гостевую комнату. Старик подошел к двери советницы прокурора и резким движением распахнул дверь. Перед ним, поптичьим наклонив голову, чистила перья огромная черная птица с женской головой. Крючковатыми пальцами на лапах она с упоением чесала под крыльями и пропускала сквозь них жесткие блестящие перья. Лицо ее было очень бледным, поэтому старик понял, что гарпия очень голодна. Как только ее глаза сверкнули из-под опущенных ресниц, он вежливо поздоровался, быстро закрыв за собой дверь.

Гарпии — виновницы шторма; они являются причиной внезапной смерти человека.

— Ну, что? – спросил его прокурор, как только он спустился к нему в комнату без прослушки.

— Да ничего, — ответил Лев Иванович. — Женщина как женщина.

— Уф! – с облегчением вздохнул прокурор. – Знаешь, на фоне того, что я тут прочел, мне только этого не хватало. Мне кажется, она нарочно так «фантазирует», мол, чего взять со сказочки. Шифруется она так. А мы тут с ума сходим!

— Можно, я еще пару страничек гляну, — спросил старик, потянувшись за папкой.

— Да смотри, у меня еще есть полчаса, — добродушно разрешил прокурор.

С недобрим предчувствием старик заглянул в конец папки. Она заканчивалась где-то через 7-8 месяцев после их встречи. В сказке про оборотней говорилось, что на следующий день после того, как суд примет решение об удовлетворении иска прокуратуру к ее университету, где работает некая

писательница, получившая судимость за обращение к президенту страны, следователи ворвутся в квартиру крупной чиновницы Министерства обороны, обнаружив в ее квартире из тринадцати комнат самого министра обороны в шелковом кимоно и трусах на левую сторону.

— Слушай, это ведь уже почти про наше ведомство! — озабоченно сказал старик. — Может, вы все же оставите ее в покое?

— Да ты сам-то этому веришь? — поинтересовался прокурор, у которого будто камень с души свалился, после того, как заслуженный эксперт по всему экстремальному и нетривиальному подтвердил, что его советница точно никакая не гарпия. — Там и о тебе всякие глупости написаны, но выбрось ты все из головы! Мы дали негласное распоряжение ни к кому из проигравших детей следователей и оперативных работников больше не приставать, а напротив содействовать их выигрышам. Жалко, что ли? На сегодня война между нашими ведомствами фактически закончилась, поэтому ни одно из дел, заведенных в рамках основного игорного дела, до суда не дошло. Мы суды будем по разным общественно-значимым поводам проводить, действовать совместно, развивать сотрудничество. Чтобы навсегда изжить нездоровый антагонизм. Главное, чтоб между нами никакой чертовщины не затесалось.

— А... шерсть в пакетике? И эти... новолуния? — недоверчиво спросил Лев Иванович.

— Да жили же с этой шерстью до нас, и мы переживем! — оптимистически заверил старика прокурор. — Новолуния у нас раз в месяц, можно и бюллетень взять.

Старик не отвечал, шелестя страницами папки, потрясенно произнося себе под нос цифры и название ведомств, потом, спохватившись на какой-то поразившей его мысли, он медленно отсчитал несколько страниц назад. Его лицо начало бледнеть, он явно что-то неприятное для себя прочел о своей встрече с прокурором. В сказке было достаточно точно изложено, как прокурор, позвонив ему среди ночи, задыхаясь, прохрипел в трубку: «Иваныч, если ты еще можешь, приезжай, помоги мне в этой хрени разобраться!»

— Это было в новолуние, — пояснил прокурор, понимая, что читает побледневший старик. — Пришел Антошка к нам с семьей. Веселый такой! Я давно его таким счастливым не видел. Думал, что он радуется тому, что все позади... Потом пошел в кабинет работать. Сын зашел ко мне, подошел и обнял, как обнимал только в детстве. «Спасибо, папа!» — говорит. Я чуть не прослезился... А он...

Старик поднял на него глаза и внимательно посмотрел на слабо заметные синие точки от зажившего укуса оборотня, видневшиеся над строгим жестким воротничком форменной рубашки прокурора.

— Но ведь не было раньше такого! – выдохнул он слова, давно вертевшиеся у него на языке. Потом он обреченно подумал, что многого не было раньше из того, что было написано в папке, которую он держал в руках так, будто старался защититься от приближавшегося к нему прокурора. И в памяти вновь всплыли строчки из обращения Валерия Брюсова к посетившей его когда-то музе.

*Я изменял и многому, и многим,
Я покидал в час битвы знамена...*

— Послушай, Максим, не делай этого! – постарался он остановить оборотня в погонах. – Я ведь тогда не смогу тебе ничем помочь, как тебе никто не помог из всей камарильи твоего сына.

— Не могу рисковать, извини, Иваныч! – ответил оборотень, уже не скрывая желтых зубов и заострившихся когтей. – Ты ведь умный, Иваныч! Вдруг тебе придет в голову отлить пару серебряных пуль? Нет, ты должен понимать, что после этой папки у тебя иного пути нет!

Старик зажмурился, понимая, что вряд ли оборотень оставит его в живых, чувствуя, как пиджак начал трещать от когтей того, кого он знал, как Максима. Последней его мыслью было недоумение, как такое может быть только потому, что некая баба написала какую-то глупость про оборотней... но тут дверь без стука распахнулась. На пороге стояла встревоженная Агата Викторовна, по-птичьему переводя глаза с одного на другого.

— Максим Эдуардович, вас по правительственной связи спрашивают, срочно! – приказала она втягивавшему когти оборотню. – А вам тоже пора домой, Лев Иванович.

Выходя из кабинета, старик едва заметно кивнул гарпии головой. Та тоже быстро мотнула головой, как бы подтверждая свою благодарность. И Лев Иванович, понимая, что столь мимолетное движение головой было бы невозможно для обычной женщины, испытал очередной приступ подступавшей к горлу тошноты.

* * *

В ресторане «Азия» на большой Димитровке давилась суши советник прокурора, которую сын ее начальника ласково называл «мамочкой». Она сидела на втором этаже, расписанном мясистыми, кроваво-красными розами, несколько неуместными в

конструктивистском решении интерьера с лестницей в центре зала, огражденной прозрачными панелями. Но ей здесь неизменно нравилось. Сидя за столиком у окна, она, наконец, за долгий день ощущала себя птицей на жердочке, которую напоминали ей деревянные перила лестницы.

— Ну, чего ты расстраиваешься понапрасну? – ласково спросил ее сидевший напротив красивый молодой человек в ослепительно белом костюме.

— Этот мерзкий старик, — мрачно произнесла Агата Викторовна. – Подкрался неожиданно! А я перья чистила, едва успела спрятаться.

— Сколько раз тебе говорил, — что надо терпеть, днем перья не чистить, отводить глаза! – проворчал ее собеседник. – Меня тоже заинтересовали эти сказочки. Говоришь, все прописано примерно на 7-8 месяцев вперед? Надо сделать все, чтобы после этого Каллиопа ни строчки не написала! То, что она в блоге пишет – это ерунда. Главное, чтобы она не начала писать романа, чтобы к ней не пошло этого потока литературы, которым она может менять ход событий.

— Того, что ею в папке написано, пережить бы, — еще мрачнее произнесла женщина, по-птичьи присматриваясь к посетителям, и в такт резким движениям ее головы в ушах качались грушевидные рубиновые серьги.

Тьеполо Джованни Баттиста Тьеполо Меркурий, явившийся к Энею

— Этого уже никак не исправить, — подтвердил ее худшие опасения красавец. — Но окончание ее записок как раз выпадает на темное время года, на самое темное время за всю эпоху Рыб в канун наступления эры Водолея. И надо успеть до Нового года покончить с ней и с Мельпоменой. Каллиопа уже имеет судимость за экстремизм, пусть на 20 тысяч рублей, а впереди ее ждут суды по представлениям прокуратуры. Как я понимаю, в твоём любимом жанре, Келайно! Думаю, тебе понравится лишиться куска хлеба саму Каллиопу. Хотя твоё имя переводится как «мрачная», понятия не имею, чего ты грустишь?

— У меня какое-то неприятное чувство, — призналась Келайно, глядя на него глазами, полными слез. — Будто спокойной жизни приходит конец... И пока мы с тобой говорим здесь, пока я пытаюсь этими глупыми палочками есть эти рыбные рулеты, скрывая, чем питаюсь на самом деле, она уже пишет страницы, где именно мне уготован самый страшный конец.

— Ну, брось! Когда ты боялась смерти? Смерть — наш дом, наша обитель, — улыбнулся красавец. — Что она может о тебе написать, зная, что ты — бессмертна? Пусть напишет о себе, подумает, как будет сама в нашем гнездилище искать себе пропитание.

— Вон он! — кивнула в сторону улицы Келайно, где за окном шел Лев Иванович, сосредоточенно глядя себе под ноги. — Я сделала тебе копию папки, которую они читали. Не в этом дело! Он так был потрясен, хотя всегда имел дело со сверхъестественным. Видишь, сейчас едва ноги волочит! Ещё пытался содрать с меня эту личину. Он вовсе не так прост. Непонятно, почему он меня не выдал.

— Какие проблемы? — усмехнулся ее спутник. — Зачем ты помешала получить ему укус оборотня? При каждом оборачивании, каждое новолуние эти господа безвозвратно утрачивают кусок души. С этого, после всех его экспериментов с гипнозом на расстоянии, было бы довольно пяти-шести новолуний. Он бы после них тоже заявил, что русского языка не помнит. Но, скорее всего, укус бы вообще его прикончил.

— Мне показалось, что старик нам ещё может пригодиться, — по-прежнему мрачно заметила Келайно. — Хотя и он вызывает у меня опасения. Мне неплохо жилось все эти годы с оборотнями, хотя их раненные души не приносят насыщения, но они раскрывают необычайные

возможности. Полиция, прокуратура, следственные органы, спецслужбы и суды... еще недавно это было так романтично!

— И не говори, — поддакнул ее спутник. — Будто где-то Каллиопа написала, что все вокруг должны презирать тех, кто в самое сложно время не защищал права тех, кто стремился жить честно, а попирал их.

— Очень похоже на нее, — подтвердила Келайно. — А сейчас стремительно исчезает разлитый вокруг страх! И эти преследования самой коронованной музы лишь заставили ее постоянно петь о том, какой чудесный вокруг нее народ, внушая людям надежду. Вместо того, чтобы навсегда разочароваться в людях, она вдруг выступила против уже победившего утверждения, что народ — толпа спившихся деградировавших уродов. А раньше мрак этого стереотипа помогал моим подопечным ни во что не ставить души «простых людей», не удостоившихся чести стать служителем закона. С ним я столько лет без труда выхватывала лишние надежды, гибнувшие на глазах души людей, понимавших, что никакой надежды больше нет. Это непередаваемое чувство, когда видишь, как человек вдруг сам что-то неуловимое делает с собственной душой, считая, будто делает все для того, чтобы жить «долго и счастливо», жертвует другими, а не самим собой. Из одного ложного утверждения, будто каждый окружен «плебеями» и «дебилами», душа бесполезной тряпкой сползала с тела... И вначале я с упоением вкушала его растерянность и отчаяние от внезапного понимания бесповоротности своего поступка. От сознания, что он делает это сам, — внутри пробуждалось ликование, восторг, мне хотелось расправить крылья и... петь!

— Я не ошибся в тебе! — с обаятельной улыбкой отметил ее явное оживление мужчина. — Мне нравится видеть в тебе томную мрачность нерассуждающей жестокости. Невыносимо видеть почти человеческую мрачность растерянности. Ты всегда была менее порывистой и страстной, чем твои сестры, напоминая медленно спускавшийся тяжелый туман... Ты больше всех похожа на гарпию. И не надо это скрывать! Это наше время, наше царство!

— А я очень боюсь, что этому придет конец, — порывистым движением прервала его Келайно. — Вижу, как вдруг начинают многие вокруг начинают цепко держаться за собственную душу, как за последнюю настоящую ценность. Несмотря на все эти попытки заткнуть рот, они начинают бояться «что скажут люди»! Они перестают плевать на них, даже кампания по «борьбе с экстремизмом» захлебнулась на ее деле. Будто все вокруг каким-то образом реагируют на все, что пишет эта Каллиопа. И очень многие подмечают это дежавю, когда им кажется, будто та или иная ситуация уже встречалась им в книге, которую они читали, но забыли, как она называется.

— Надо будет все же хорошенько подготовиться к темному времени, такое бывает раз в пять тысяч лет, — перевел разговор в более рациональное русло ее собеседник. — Так что ты хочешь от этого старика?

— Он сильный энергет, — заметила Келайно. — Пусть он соберет всех, кого можно, и попытаются покончить с ней своим гипнозом или хоть черной магией! Ведь как-то они могли раньше сеять апатию и равнодушие, лишая человека воли... Она — человек! Пусть люди с ней и расправляются, раз у Аэлло ничего не получилось. У них ведь получилось осудить ее на 20 тысяч рублей, получится выгнать с работы. Иногда они действуют лучше гарпий.

— О! Семьдесят лет воинствующего атеизма посеяли такое неверие в наличие души, в собственную одухотворенность... что позволяло долгие годы таким людям, как этот Лев Иванович, действовать незаметно и весьма эффективно, — почти одобрительно констатировал красавец. — Да, ты права, надо будет натравить на нее старую гвардию.

— Это главное! И заставить все службы действовать синхронно, — озабоченно сказала женщина. — У меня очень плохие предчувствия. Достаточно ей догадаться, кто действует против нее, этот Лев Иванович придет ко мне со своими дурацкими «практиками» и я не выдержу!

— Нет, он будет изо всех сил мешать тому, что уже неотвратимо, — рассмеялся ее собеседник. — Ты даже не представляешь, насколько

замечательно все складывается. У нее изъяли компьютер и извлекли эту папку. Из депрессивных опасений, будто ты можешь действительно можешь оказаться некой мифической птицей, дурно влияющей на прокурорского отпрыска, папку показывают этому опасному старику. Тот читает прогноз на полгода вперед. Поэтому стоит ожидать от него попытки немного поправить прогноз, чем он и занимался всю жизнь. Так что твое желание легко исполнить, Келайно! Моя любимая птица с девичьим лицом, с крючковатостью пальцев на лапах...

10. Урания

Пьетро Либери. Урания, муза астрономии

*«Слава наших ушей об источнике новом достигла,
Том, что копытом пробил в скале Быстрокрылец Медузы,
Ради того я пришла. Я хотела чудесное дело
Видеть. Я зрела, как сам он из крови возник материнской».*
*«Ради чего б ни пришла, — отвечала Урания, — в наши
Сени, богиня, всегда ты нашему сердцу желанна!
Верен, однако же, слух: Пегасом тот новый источник
Был изведен», — и свела Тритонию к влаге священной,
Долго дивилась воде, от удара копыта потекшей,
Обозревала потом и лесов вековечные чащи,
Своды пещер и луга, где цветы без счета пестрели,*

Овидий «Метаморфозы», Песнь пятая

Жалюзи у ограждающих стеклопакетов были подняты, поэтому кабинет начальницы отдела операций с валютой и зарубежных депозитов банка «Транс-кредит» был похож на большой аквариум. Среди кишевшей день-деньской мелкой плотвы, в него иногда заплывала очень крупная рыба, а иногда с кривой улыбкой бочком входили и настоящие «акулы бизнеса». Но сейчас к Веронике Евгеньевне зашел сумрачный молодой человек, с подчеркнутым недовольством передавая ей пачку распечаток банковских операций по депозитам в оффшорные зоны.

В отделе работали преимущественно молодые люди, устроившиеся на «теплое место» по твердым рекомендациям и надежным гарантиям. Большинство из них имело ясно читающуюся на безмятежной физиономии цель сделать себе на валютных операциях хорошее состояние, чтобы больше никогда в жизни не работать. Но были мальчики с желанием создать свой собственный банк или, на худой конец, занять место Вероники Евгеньевны. Поэтому она вздрагивала от каждой остроты в своей адрес, понимая, что каждая ее ошибка будет немедленно использована против нее. В пустых глазах своих сотрудников видела не только готовность за свой законный процент перечислить что угодно и куда угодно, но и растущее раздражение в ее адрес, будто она нарочно загораживала от них далекие горизонты их детально продуманных «смыслов жизни». Она нисколько не сомневалась, что любой из ее милых и вежливых подчиненных с легкостью перешагнет через нее на пути к достижению своих грандиозных планов.

Она взяла распечатки и, подняв на молодого сотрудника свои красивые фиалковые глаза, тихо сказала: «Не беспокойтесь, Олег Васильевич! Мне эти данные необходимы для анализа, чтобы сделать доклад руководству. В том числе, как вы поняли, мне придется доложить и сведения самого конфиденциального характера. Затем я воспользуюсь шредером, а часть листочков сожгу прямо здесь. У меня здесь пожарной сигнализации нет, прежний начальник отдела был курящим человеком и позволял делать это в рабочее время на рабочем месте».

Молодой человек внимательно посмотрел на письмо Росфинмониторинга со списком лиц, причастных к экстремизму и терроризму, и текст Федерального закона №115-ФЗ от 07.08.2001 года «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма». С намеренной небрежностью Вероника Евгеньевна бросила на самое видное место эти документы, по которым все банки должны были закрывать счета и платежные карты лиц, упомянутых в списке. Среди людей, указанных в этом списке, Вероника Евгеньевна не встретила ни одной фамилии клиентов банка, да и была абсолютно уверена, что все эти фамилии вымышлены, поскольку у большинства граждан в качестве места постоянного жительства были указаны самые глухие населенные пункты, где вряд ли имелись даже отделения вездесущего Сбербанка. Что-то подсказывало ей, что весь этот список составлялся ради одной единственной фамилии женщины, которую Вероника Евгеньевна никак не могла отнести к числу «террористок-смертниц» или «шахидок», поскольку хорошо знала, кем та является на самом деле. И при этом большую часть средств, которыми оперировал их отдел, можно было с чистой совестью отнести к «доходам, полученным преступным путем», но такой совести в их учреждении не водилось, а свою совесть Вероника Евгеньевна привыкла ничем не проявлять.

— Вы что, решили наших клиентов по этому списку проверять? – с почти нескрываемым презрением спросил молодой человек Веронику. И она нисколько не сомневалась, что весь его негатив относится к ней, а вовсе не к документам, и уж точно не к тем, кто их писал.

— Я что, по вашему мнению, совсем... того? – со своей знаменитой «змеиной» улыбкой поинтересовалась Вероника у молодого человека. Эту омерзительную улыбку она долгие годы отработывала на всех молодых людях, презрительно смотривших сквозь нее, вглядываясь в свои далекие целлулоидные мечты. И пока она в совершенстве не освоила эту улыбку, обнажавшую краешки верхних зубов так, что казалось, будто во рту у нее торчат острые иглы, готовые впиться в чужую глотку, она не могла рассчитывать и на свое скромное доходное место возле финансовых потоков, мутной рекой уходящих за границу.

— Есть и другие... списки, — заметила она, насладившись произведенным эффектом. – И вы сами понимаете, что мы не можем *им* отказать в информации!

— Вот черт, мы же кредитное учреждение! – в крайней досаде прошептал молодой человек.

— А мне что прикажете делать? – ответила Вероника ему таким же шепотом. – Вы знаете, что если мы им не предоставим данные по оборотам, у нас возникнут проблемы!

— А где эти списки? — спросил ее сотрудник.

— Здесь, — показала ему Вероника карандашом на собственный висок. – И там нет тех фамилий, которые их интересуют на самом деле. Поэтому я должна увидеть всю картину!

— Вы мне не доверяете, — почти обиженно спросил молодой человек. Вероника с удивлением посмотрела на него, впервые услышав в его бесстрастном голосе что-то вроде неподдельного интереса.

— Да ты бы сдал всех и сразу! – ответила ему Вероника, улыбнувшись еще раз для закрепления достигнутого результата.

Молодой человек отвел глаза, пожал плечами и вышел из ее аквариума. Конечно, они ведь тоже мысленно ставили себя на место тех, кто мог оказаться в каком-то очередном списке в рамках очередной «кампании по борьбе».

Вероника, сидя вполоборота к общему залу так, чтобы подчиненные не видели ее шевелившиеся губы, раскрыла распечатки и нашла депозитные счета братьев Думбаевых. Эти, конечно, ни в какие списки не попадут. Но из-за всей этой кутерьмы со списками, которыми Росфинмониторинг уже достал всех, проявляя активность на фоне полной бесполезности, она, наконец, получила доступ к операциям, которыми ведал очередной претендент на ее место.

Половина интересовавших ее депозитных счетов была в банках на Кипре. И Вероника на минутку представила лазурное прозрачное море, теплый песок и обрывистый берег на горизонте. Глядя на счета, она прошептала слова над каждым счетом. Пытаясь сохранить бесстрастное лицо, она смотрела, как счета в распечатке будто сжимались и корчились, может быть потому, что листок просто дрожал

в ее руке. Затем, зная, что за ней, не мигая, холодными рыбьими глазами наблюдают ее мальчишки, она положила в шредер все листочки, кроме тех двух, со счетами на Кипре. Их она подожгла отдельно в пепельнице и прошептала себе под нос странные слова, напоминавшие ей детскую считалку.

John William Waterhouse, *The Magic Circle*, 1886 (detail)

*Сгори дотла, старая трава!
Сгорите до точки, неровные строчки!
Да будет слово верно, окажите милость,
Пусть вернуться деньги, где бы не водились!
Да будет слово крепко, сказанное в срок,
Накажите деньги подлость и порок!
Да будет слово твердым, я на нем стою.
У земли и неба на самом краю.
Зеленейте листики, каждый в свой черед,
Подрастайте, денежки, будет нам доход.
Аминь!*

Ей захотелось прикрыть горевшие листочки рукой, так как охватившее их пламя явно имело свой собственный интерес к указанным на них счетам и клиентской базе. Синий огонек внимательно пробежал по строчкам, переворачивал страницы и будто отмечал наиболее интересные транзакции, причем, именно те, которые

показались особенно подозрительными и самой Веронике.

Затем огонек некоторое время будто пребывал в задумчивости, но вдруг одним рывком, раскалившись до светло-желтого пламени, уничтожил листки с информацией, добытой для него Вероникой.

Она опасливо глянула на операционный зал и успокоилась, никто за ней больше не наблюдал. Как только она щелкнула зажигалкой, мальчики ее отдела тут же потеряли всякий интерес к происходящему, понимая, что криминала она нынче не совершит и должностных инструкций не нарушит.

Вероника убрала пепельницу, включила вытяжку и взяла, наконец, в руки списки Росфинмониторинга, думая про себя, что никогда бы не докатилась до такого средневекового шаманства без этих списков. Нет, ей и раньше хотелось устроить что-то подобное, и было бы славно, если бы это помогло. Она уже не могла смотреть на эти распечатки в руках своих довольных жизнью сотрудников. Но последней каплей стали именно эти гадкие списки и наезды правоохранительных органов и спецслужб на кредитные организации с требованием доносить на клиентов. Впрочем, до самого камлания, пожалуй, ее довело то, как эти силовые структуры распорядились полученной информацией, опускаясь до шантажа и вымогательства.

* * *

В своем детстве и юности Вероника не могла найти и малейшего намека, что когда-нибудь будет одаривать змеиной улыбкой своих молодых сотрудников, даже не считая их за людей, куда более органично воспринимая их в качестве строчки в ведомости.

Она родилась в маленьком старинном уездном городке, в часе езды от Москвы. Городок был наполнен давно позабытым уютом и домовитостью давно ушедших времен, когда жившие в нем люди радовались жизни невдалеке от столичной сутолоки. Веронике тех времен не досталось, на ее долю выпали ущербная подобострастность и заискивание перед любым начальственным окриком из Москвы. В городке царил такой культ столицы, будто только там сосредоточился весь смысл жизни, который сразу же утрачивался при пересечении МКАД. Стоило среди «столичных веяний» появиться чему-то новенькому, будь то телепередача или конкурс, — немедленно

откликались уездные деятели культуры и делали что-нибудь «свое» с абсолютно одинаковым названием, дабы «не отстать от жизни». В разговорах местного бомонда главной новостью была недавняя поездка в первопрестольную по каким-нибудь делам или просто так, без дела. Самые важные гости в городе всегда были из Москвы, всем вокруг было понятно, что в других местах ничего «важного» укорениться не может.

К пятому классу все это так достало Веронику, что ее единственным заветным желанием стал переезд в столицу. Ей была невыносима сама мысль о том, что ее жизнь может пройти на обочине столичного шоссе, провожающем льстивыми улыбками каждую машину с московскими номерами.

Спустя долгие годы Ника неоднократно возвращалась мыслями к этому своему желанию, самым роковым образом отразившемся на ее судьбе. Будучи одной из первых учениц в лучшей школе города, девочка была уверена, что Москва ее ждет с нетерпением. Смутные терзания по поводу выбора профессии были закончены поступлением в хороший отраслевой ВУЗ и удачным, как казалось всем ее восторженным родственникам, замужеством за москвичом из интеллигентной семьи. Они с утра и до вечера рассказывали, какую замечательную партию сделала Вероника в Москве. Ее муж Василий и в самом деле был красивым парнем, очень неглупым, но не слишком расположенным к «провинциальному домострою», как он называл наивные представления Вероники о семейном быте.

А иногда он любил крепко выпить, становясь агрессивным, обвиняя Веронику, что она вышла за него замуж исключительно из желания получить столичную прописку. Вероника продолжала верить в светлое будущее и изо всех сил старалась вить свое гнездышко, полагаясь на русский «авось». По нему Васенька должен был образумиться и оценить её усилия. Она вставала в пять утра, чтобы проводить мужа на работу горячими пирожками, за руку отвела его в институт и помогла его закончить, решая все задания по математике, физике, теоретической механике, сопротивлению материалов... И пока Василий отсыпался от запоев, в которых выговаривал, что все это нужно ей, а не ему, она, глотая горькие слезы чертила своему суженному курсовые.

Но время шло, маховик судьбы начинал раскручиваться, первым оборотом унеся в могилу маленького сыночка, первенца – Андрюшу. Нелепая трагическая случайность, полное отсутствие врачей на рабочем месте в нужный момент. Впрочем, момент был нужен только ей, тербившей

холодную ладошку сына. Для всей страны намного нужнее было послать врачей на уборку урожая, как ей объяснила потом заведующая педиатрическим отделением, когда она в слезах попыталась укорить медиков, больше казня саму себя. Свекровь, которой всегда было намного нужнее побыть на дачном участке, она и корить не стала, зная, сколько ответных укоров та имеет в ее адрес и без Андрюши. И во всех глазах вокруг Вероника читала лишь один немой укор, что она не смогла уберечь сына. Она была благодарна всем, кто не высказывал его вслух, потому что ко всем укорам Василия в его запоях прибавились и обвинения в смерти сына.

Но тогда она поняла, сколько защитных барьеров внутри выставляет душа, чтобы ужас происходящего вокруг не сразу доходил до нее в хлопотах о ритуальных принадлежностях, поминках и устройстве съехавшихся на похороны ее мальчика родственников. Внутри она так и не приняла произошедшего. В памяти остался лишь снег, выпавший в летнюю ночь в Подмосковье накануне похорон Андрюши.

Вторая беременность и вторые роды, и второй оборот маховика настиг Нику точно так же, навсегда лишив для нее смысла поговорку «Бомба два раза в одну воронку не падает». Еще как падает... Третий, долгожданный сыночек родился, когда семейная жизнь уже трещала по швам, хотя молодые уже жили в отдельной квартире, полученной Никой на производстве. Питть ее муж не бросал, уже начиная поднимать руку на разочаровавшую его жену. И в одну бессонную ночь Нике пришло в голову нечто вроде укора, хотя она привыкла никого, кроме себя, не корить.

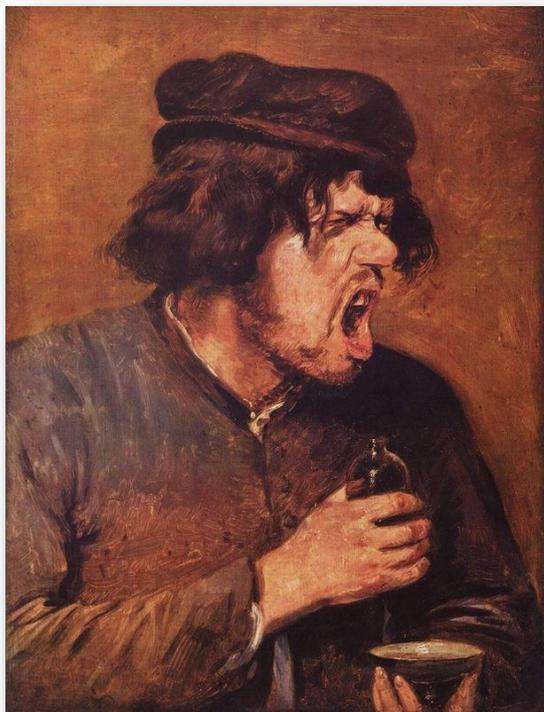
Она вдруг вспомнила, как мужа и его родных раздражали ее материнские заботы. Она вспомнила, как свекровь запрещала ей сушить пеленки в ванной комнате, как могла позавтракать детским творожком с домашней кухни. Она впервые удивилась тому, с каким раздражением родня ее мужа

воспринимала все ее просьбы хоть в чем-то поступиться своими интересами ради ее детей. Да, оба ее мальчика были только ее, в этом она несколько не заблуждалась. Вспомнив вечную присказку свекрови «С моими детьми никто не водился!», она поняла, как некстати были все ее просьбы для этой женщины, с огромным облегчением сбросившей на плечи Ники все материнские заботы о своем Васеньке, доставлявшем ей столько проблем. А потом она вспомнила ее странные слова на кладбище возле маленького холмика, сказанные больше из недоумения, чем

со зла: «Ведь только жить начала!», и поняла, что и ей именно сейчас, чтобы в очередной раз не потерять ребенка, надо срочно начинать свою жизнь.

Утром, не глядя на потрясенного мужа, вкратце объяснив ему банальную мысль «Боливар не вынесет двоих», она предложила ему немедленно развестись. Все прозвучало обыденно, будто давно созревший плод скатился с ветки на стылую землю. Да и сам развод бы ничем ей не запомнился, поскольку ее душа, вновь готовившаяся к материнству, выставляла прочные барьеры напрасным и бесполезным сожалениям. Но здесь возникла одна пикантная деталь в виде Тоньки, веселой и бесшабашной двоюродной сестры Вероники с Украины, уже дважды побывавшей замужем. Раз в год приезжала в Москву «скупиться», внося в серую, семейную жизнь Вероники массу захватывающих впечатлений. Как только она узнала из письма Вероники о разводе, она тут же ринулась к ней в Москву, будто бы затем, чтобы помочь разъехаться. Но с той же легкостью, с какой рассказывала о своих амурных приключениях, она на глазах Вероники сошлась с уже разведенным Василием и начала отвоевывать себе место под солнцем самым простым способом, поливая грязью оторопевшую от неожиданности Веронику, стараясь поделить жилплощадь бывших супругов до рождения ребенка.

Адриан Браувер. Горький напиток. Ок. 1630-1640 гг.

Хорошо, что Тонька спешила с отъездом на Украину, поскольку они с Василием решили сыграть свадьбу в доме родителей невесты. Веронике уже тяжело было задерживаться на работе и гулять в парке до темноты, чтобы меньше общаться с Тонькой, почувствовавшей себя полной хозяйкой в их доме. Она с упоением делила их «совместно нажитое имущество», роясь в шкафах и комодах двоюродной сестры, посягая и на приданное, которое Веронике собирали мама и бабушка.

Их свадьба была назначена на один из праздничных дней, перед которыми Василий должен был уехать к невесте на Украину.

В последний рабочий день Вероника с особым удовольствием не спешила домой, надеясь, что когда она придет в квартире уже никого не будет. Но, придя домой, застала пьяного в стельку Васеньку, безмятежно спавшего возле

снятой трубки телефона. Подняв трубку, Ника услышала плачущий голос бывшей сестры. Выслушав ее укоры о заколотом кабанчике, накрытых столах и доходившей в холодке горилке, она объяснила Тоньке, что Василий в нетранспортабельном состоянии. Тонька в слезах принялась ее умолять посадить жениха в такси и отправить на вокзал. У нее срывалась свадьба, над ней и ее «московским женихом» уже начало посмеиваться все село. И ей было совершенно недосуг вспоминать свою недавнюю войну за простыни и полотенца, вышитые для Вероники бабушкой.

Хотя посильная помощь в устройстве личной жизни бывшего мужа не входила в планы Вероники на вечер, но она тут же начала себя корить, что пьяного Василия могут не только ограбить, но и убить ни за грош, времена начинались лихие. Представив еще одни похороны с бесконечными укорами в чужих взглядах, она взвалила на себя почти бесчувственное тело, которое, к счастью, еще могло переставлять ноги, и поехала на вокзал. Вася, иногда приходил в себя и спрашивал, куда они едут, с трудом вспоминая, что он едет жениться, чем вызывал недоуменные взгляды таксиста. Проводница, которой Васенька был сдан с таким облегчением, что на минуту Вероника поняла свою бывшую свекровь, тоже пришла в замешательство. При расставании ей пришлось с силой отрывать от себя руки вцепившегося в нее Василия, начавшего понемногу трезветь. Смахнув скупую мужскую слезу, он, пока поезд не тронулся, признавался в любви Веронике из-за плеча проводницы, но это было уже лишнее. Загнав его в вагон, проводница спросила, кем она сама приходится беспокойному пассажиру. Услышав в ответ «бывшая жена», женщина лишь сочувственно помотала головой.

Потом был размен квартиры на две комнаты в коммуналках, несколько скандалов при разъезде, где бывшие супруги безучастно стояли в стороне, слушая, как орет неугомонная Тонька, и вот новая жизнь началась. Нике досталась комната в двушке с одинокой бабушкой.

В первый же вечер, когда Вероника сидела на покореженной при переезде кровати, беспомощно глядя на неразобранные узлы, не раз перерытые Тонькой, дверь в ее комнату без стука распахнулась и высокая строгая дама пригласила ее на ужин тоном, не терпящим и малейшего возражения. Вероника почувствовала

нестерпимый голод и была благодарна Серафиме Михайловне за дымившийся в чашке бульон, золотистые теплые гренки и огромный шницель.

На свой сбивчивый рассказ о своей жизни сквозь вкуснейшее песочное печенье — она впервые не услышала ни одного укора, чего втайне боялась и уже вряд ли была способна вынести. Серафима Михайловна была старухой суровой, прожившей свою жизнь одиноко, она была из того поколения женщин, чьих мужей и женихов унесла война, не оставив им и малейшей надежды на счастье. Но к ее бабьей доле она отнеслась сочувственно, никогда не болтала лишнего на людях и всегда была готова присмотреть за маленьким Алешкой.

Оставляя с ней сына, Вероника была полностью уверена, что с ним не случится ничего дурного, а ее саму всегда будет ждать завернутый в чистое полотенце ужин. Наступали странные времена, когда женщины с обескураживающей ясностью поняли, насколько всем вокруг будет безразлично, если и они сгинут со свету с маленьким ребенком на руках. Поэтому давно не различали пенсии Серафимы Михайловны и заработков Вероники, лихорадочно искавшей дополнительные источники средств существования.

Однажды, в ее отсутствие, сына соизволил навестить бывший муж, попытавшийся за ужином, накрытом для него старухой, открыть ей глаза на новую соседку, которая бросила на нее ребенка, а сама по «хахалям шастает». Она-то, мол, ее полтора года знает, а вот он уж успел изучить до тонкости. Все последующее произошло настолько быстро, что Василий пришел в себя только на лестничной клетке с шапкой и пальто в руках, выслушивая из-за захлопнувшейся перед ним двери гневную отповедь, из которой сумел разобрать, что Серафима Михайловна без посторонней помощи способна оценить человека, а ему лучше разобраться с собственной совестью.

Вокруг их квартирки проносились черные бури, но десять лет, названные после в народе «лихими девяностыми», прожитые в коммунальной квартире душа в душу с Серафимой Михайловной, стали самыми счастливыми в жизни Вероники. Старуха не оставляла надежды, что ее соседка еще сможет «устроить свою жизнь», а та делилась «девичьими» секретами, впервые получая взамен не укоры, а очень взвешенные жизненные советы.

С мужчинами, надо сказать, Нике не особенно везло. Девушка она была видная, неглупая, мужчинам нравилась, но вот романы у нее получались какие-то бестолковые. Время, когда вокруг было много свободных парней, безвозвратно прошло в заботах о Васеньке, а возникавшие время от времени отношения с женатыми мужчинами всегда кончались расставанием. Ей всегда было совестно настаивать на разрыве с семьей, терзали сомнения, а сможет ли она построить отношения лучшие, чем у него были до нее. И в самых «располагавших» к разводу случаях у Вероники неизменно возникала перед

глазами орущая над ее тряпками Тонька, и она делала все, чтобы ее поклонник смог сохранить свою семью.

Вот с чем у нее не было проблем, так это с работой. Специальность, полученная в институте, позволила без проблем переквалифицироваться в бухгалтера, потребность в них в перестроечные годы резко возросла и специальность, так часто высмеиваемая с эстрады, стала делом всей жизни. В бухгалтерии Вероника нашла тот порядок, к которому всегда стремилась, она любила систематизировать и упорядочивать хозяйственные операции, которые в самом хаотичном порядке сваливались ей на стол. Она забывала о всех своих личных проблемах, воспринимая самым важным в жизни очередную отчетную компанию. Но с новым кварталом все начиналось с начала, и так без конца, пока она не поняла, что ходит по кругу осликом, запряженным в мельничное колесо. Только вот сама мельница, на которую она поливала воду налоговых отчислений, была где-то очень далеко.

Однажды одна из сотрудниц дала ей почитать распечатку статьи из Интернета, которая становилась культовой, цитируемая хмурыми женщинами в бухгалтерских очередях в налоговых инспекциях и внебюджетных фондах. Статья называлась «Объективная необходимость», как именовали налоги все экономисты XIX века. Читая ее, Вероника будто слышала собственные мысли и сомнения.

Вначале было Слово. Оно называлось Закон «О Государственной налоговой службе РСФСР» от 21 марта 1991 г. Свои именины налоговая инспекция отмечает, согласно Указа Президента РФ от 31 декабря 1991 г. «О Государственной налоговой службе РСФСР».

Раз, надо, так надо! Мы зарегистрировались по месту образования предприятий и стали приносить отчеты. Налоговые инспекции тогда занимали две комнатки при исполкомах, которые не переименовали еще в районные Администрации. Именно так, с большой буквы.

В одной комнатке сидел начальник инспекции, в другой — инспектора. В этот момент в исполкомах освобождалось много комнаток — ушли в небытие комиссии по охране материнства и детства, всякие там ветеранские комитеты и прочее. А сама районная власть впала в анабиоз и почти не шевелилась, поэтому и практически не размножалась.

Мне нравилась налоговая в тот период. Все предприятия работали, мы все записывались у своего инспектора и приходили по графику в почти домашнюю атмосферу с фикусами и резедой в горшочках, с бутербродами на подоконниках и детскими рисунками на обратной стороне шкафов, разделяющих комнату. Налог на добавленную стоимость был всего 5%, а у нас еще и прибыль была! Правда, был налог

на пенсионное обеспечение 32,6%, но мы понимали, что государству сейчас трудно, надо помочь государству с выплатой пенсий. Ну, были еще подходящий налог, налог на имущество, на милицию... Все пока по мелочи. Все терпимо.

То, что налоги, как форма изъятия части первичных доходов хозяйствующих субъектов и работающего населения в пользу государства объективно необходимы, по-видимому, не вызывает сомнения у образованного и законопослушного члена общества. Государству собираемые средства нужны для выполнения принятых на себя функций. Требовать уничтожения налогов значило бы требовать уничтожения самого общества.

Главное, что у нас было замечательное государство! Оно позволило нам, образованным и законопослушным членам общества, самим зарабатывать на жизнь! То, что творилось вокруг, казалось нам «временными трудностями», а они не могут продолжаться долго. От инфляции еще никто не помер. Однако, отчитавшись за 1992 год, мы узнали, что нас вовсе не хотят отпускать надолго, нам сказали, что мы должны отчитываться каждый квартал, хотя вся мировая экономика считает отчетным налоговым периодом год. Мы тогда впервые нахмурились и поняли, что, наверно, у государства совсем плохи дела, раз оно решило залезть в нашу текущую прибыль, копившуюся нарастающим итогом. Ее могло и не остаться на конец года, но государство решило снимать с нас ее каждый квартал, сказав строго голосом налогового инспектора: «Что в бюджет попало, то пропало и возмещается лишь платежами будущего периода». «Что с воза упало..» Но все-таки это еще были семечки.

Как-то осенью, прибежав в налоговую, заняв очередь к инспектору, мы обнаружили кодовые замки на туалетах. Бухгалтера, знавшие своих инспекторов по «довоенному времени» (ведь не родились же эти женщины инспекторами), вдруг с удивлением обнаружили, что те подчеркнуто смотрят сквозь них и даже не здороваются, не поддерживают разговоры о детях, не разговаривают вообще. Мы поняли, что наступает время «Ч». Мы перестали быть людьми, гражданами, мы были негосударственные структуры. Но мы еще не до конца понимали, кем мы стали. Очень скоро нам дали это понять. Мы проходили какие-то совершенно новые для себя «университеты»...

Вечером, выйдя из ванной, она увидела, что листочки распечатки статьи, оставленные на кухне, внимательно изучает Серафима Михайловна. На ее вопрос, откуда она взяла эту статью, Вероника пояснила, что ее «скачали из Интернета», и очень удивилась, когда старуха серьезно заявила, что ей

необходимо непременно попасть в этот Интернет и узнать, что за женщина написала в статье о бухгалтерском учете «Вначале было Слово!»

Они долго говорили в тот вечер, и Серафима Михайловна дала ей последний, очень нужный в ее жизни совет — поменять место работы и перейти в банк. Она рассказала, что когда-то до войны встречала удивительную женщину по фамилии Сфейно, которая наказывала ей всем помочь той, которая напишет эту фразу в книге или статье. Но сколько она потом не читала, никто такого почему-то не писал, ведь эта фраза была из Ветхого Завета, а в ее время было не принято демонстрировать подобную осведомленность. За нее могли выгнать с работы.

Бол, Фердинанд — Портрет старушки с книгой на коленях,

Хотя эта фраза, пожалуй, была намного древнее самой Библии, ведь еще греки верили в это Слово, называя его просто – «калли опа», прекрасное слово.

И под конец их последнего душевного разговора за чашкой чая Серафима Михайловна сказала, что приняла решение лечь в больницу на операцию,

которую оттягивала, сколько могла. Она показала ей багровые распухшие ноги и сообщила, что ей предложили «убрать» одну почку.

Об Интернете, переходе в банк и прекрасном слове пришлось забыть на полгода, пока она изо всех сил боролась за здоровье старухи, ухаживая за ней после тяжелой операции как самая преданная дочь. Как-то ночью бабушка схватила ее горячей ссохшейся ладошкой и выдала ей свое решение. Она заявила, что долго присматривалась к ней, решив все для себя давно. Просто не была вполне уверена, что Вероника не бросит ее у последней черты. Она сказала, что в ее серванте среди документов она найдет завещание, она давно решила оставить свою комнату им с Алешкой. Но взамен Ника должна ее похоронить не в Москве, а на своей малой родине в Подмоскovie, рядом с родителями и детьми, чтоб ей не разрываться лишней раз. Да и вряд ли в Москве она сможет часто навещать ее могилу. А там, в городе, в котором бабушка не была ни разу в жизни, она будет под ее надежным присмотром. Вероника плакала в ту ночь одна, потому что Серафима Михайловна уже не имела ни слез, ни сил оплакивать их разлуку.

Через неделю Ника организовала скромные поминки, отмахиваясь от осторожных укоров в том, что схоронила «чужую» соседку по коммуналке в одной ограде с родителями. Слушая людей, внезапно ставших ей чужими, она с удивлением отмечая, как мало для нее теперь значат чьи-то чужие укоры и косые взгляды со стороны.

После похорон Серафимы Михайловны, ставшей для нее родным человеком, Вероника уволилась с работы. После недолгих поисков она устроилась начальником отдела транзакций в тихий банк в центре Москвы, где в аккурат перед налоговой проверкой ее предшественник попал в автомобильную аварию. На его машину, припаркованную на обочине, на большой скорости

буквально налетел КамАЗ. Водитель «КамАЗа» не справился с управлением, слишком поздно заметив машину прежнего начальника отдела и не успев затормозить.

Она осмотрела операционный зал, вежливых мальчиков в белых рубашках, деловито таскавших от шредера мешки измельченных в труху документов к ближайшим мусорным бакам. Она уже была знакома с этой обычной суетой перед проверкой, которая в банках иногда заканчивалась изъятием документов. А в «мирные дни» шредер так же бесперебойно работал лишь перед Новым годом, когда измельченной в нем мелованной бумагой

«офисный планктон» набивал коробочки, внутри которых прятался маленький ювелирный сюрприз.

Все ящики стола ее предшественника уже были пусты, и Вероника несколько не сомневалась, что находившиеся в них бумаги и записки первыми отправили в мусорный контейнер в мешке, набитом бумажной лапшой. На столе был сиротливо брошен кожаный футляр опустошенного ежедневника. Чисто по привычке, понимая, что всем сейчас здорово не до нее, Вероника взяла в руки футляр, сразу же поняв, что мальчишки проявили неаккуратность и некоторую долю пренебрежительной неосмотрительности, не вынув толстые картонки, на которые была натянута кожа. Возможно, они боялись повредить картонками измельчитель, не зная, что опытные люди именно на них записывают наиболее ценную информацию. Она вынула картонки и незаметно переложила их в свою сумочку, чисто чтобы иметь хоть какие-то гарантии не угодить под колеса КамАЗа сразу после проверки.

По пути домой она успела заехать в магазин компьютеров, где приобрела компьютер, модем и несколько карточек разных провайдеров. Вечером, уложив сына, который продолжал тосковать по «бабушке», она без особых проблем нашла эту странную женщину в Интернете.

Вспомнив многочисленные укоры в свой адрес и немного поколебавшись ради приличия, Вероника зарегистрировалась в ее блоге со странным названием «Огурцова на линии», удивляясь и радуясь, сколько всего ей предстоит прочитать...

Только сейчас она поняла, насколько ей надоела та псевдо-литература, стоявшая в супермаркетах в кричащих обложках в отделах сопутствующих товаров. Она видела, что сама «мадам Огурцова», даже не имея возможности написать роман, может несколькими фразами на крошечном пятачке публицистической статьи создать образы, которые перекрывали все, что пыталась прочесть Вероника за последние годы, удивляясь, почему чтение перестало приносить ей удовольствие. В детстве она так мечтала прочесть множество книг, уверенная, что как только мама перестанет контролировать ее досуг, требуя заняться домашними делами, она сама будет читать и читать столько, сколько ей захочется. Но пережив вместе с Серафимой Михайловной «лихие времена», она вдруг поняла, что читает по привычке, без прежней радости, что вообще умеет читать. Книги изматывали душу, лгали, не сообщая ничего нового. И только блоге она столкнулась с вещами, которые затронули ее давно, казалось бы, похороненные чувства. У нее и раньше иногда возникало такое чувство, будто пока она живет, стараясь не утонуть в текучке, постоянно выслушивая чужие укоры, где-то далеко кто-то пишет настоящий роман, а в нем непременно найдется место и для нее. Встречая в жизни неожиданные подарки, она воспринимала их драгоценной живой строчкой среди вороха пустых слов, пригодных лишь для неумолчного стрекотания шредера.

Поэтому она почти не удивилась, встретив в романе «Повелительница снов» чуть-чуть измененный, согласно общему сюжету, рассказ о том, как она нашла Серафиму Михайловну, как та оставила ей свое жилище, как много сделала для нее и ее мальчика.

Конечно, чтобы сходство коллизий не так бросалось в глаза, старушка из романа жила в частном секторе в покосившемся домике, а молодая мать ждала отца ребенка из армии. Но Вероника уже твердо знала, что пока она сидела в своей комнате, глядя на узлы, перерытые Тонькой, одна строчка из этого романа перевернула всю ее жизнь. И впервые за много лет она заплакала возле монитора, так и не понимая в перепутавшихся мыслях и чувствах, — то ли литература вновь вернулась к ее измученной душе, то ли она опять начала душой чувствовать литературу.

* * *

Вначале ее любимый блог обрушили, затем он кое-как, со сбитыми картинками, вместо которых стояли красные крестики, восстановился и заработал. Появлявшиеся в блоге статьи вновь отвечали на самые болезненные вопросы, возникавшие у Вероники. Будто каким-то образом между ней и хозяйкой блога возникла мысленная связь, хотя она никогда ничего не писала, кроме вежливой благодарности. Ей даже иногда казалось, будто «мадам Огурцова» с молчаливым одобрением следит за ее попытками получить в блоге что-то вроде сетевой «прописки».

А потом, после недельного молчания, в блоге появились фотографии, где совершенно счастливые взрослые люди купались, загорали, пели под гитару, собравшись на «Огурцовских чтениях» на даче у самой хозяйки блога, где-то «посередке России», как прокомментировал встречу один из ее участников.

Читая кратенький отчет о сборе завсегдатаев блога, Вероника испытала не только щемящую зависть к этим людям, но острый приступ страха, понимая, что в наступившие времена никто не позволит людям просто радоваться жизни и испытывать друг к другу дружеские чувства.

Ирина Анатольевна Дедюхова
российский писатель, публицист, экономист и строитель.

Основные интересы находятся в плоскости системного анализа и синтеза, стратегического планирования, а также детального исследования вопросов социальной инженерии, информационных войн, неравносильных и иерархических многоуровневых систем.

Дедюхова Ирина Анатольевна — кандидат технических наук, известный специалист в области обследования, технической эксплуатации и реконструкции зданий и сооружений.

Рубрики

- Государственно-частное партнерство до 1917 года
- Государственно-частное партнерство после 1991 года
- Жилищно-коммунальное хозяйство России — история и современность. Реформа ЖКХ
- Жилищное строительство и макроэкономика
- Исторические очерки и статьи о государственном управлении в России
- Предложения ЕЭК ООН
- Создание и развитие нормативной системы в строительстве

Литература

- Драматургия
- Критические эссе
- Повести и рассказы
- Публицистические сериалы

Тексты

С растущим чувством негодования она читала, как по надуманному поводу против «мадам Огурцовой» возбудили уголовное дело, стараясь уничтожить единственного писателя, которого Вероника читала без предубеждения, зная, что здесь никто не нанесет никакого ущерба ее истерзанной сомнениями душе. Она видела, с каким трудом та проходит все испытания, которые в мирное время, в родной стране беззащитной женщине устроили люди, отлично сознававшие, что делают на самом деле.

Но в этом случае сама «мадам Огурцова» проявляла изрядную выдержку, внимательно отслеживая все общественные «тренды», сразу же выступив против нагнетания общественной истерии националистами, составляя письма и обращения о немедленном запрете всех организаций националистического толка.

Уголовное дело против «мадам Огурцовой» было возбуждено по доносу представителей «Российского конгресса народов Кавказа», которые усмотрели в ее письме президенту страны – некое «оскорбление достоинства», хотя, как выяснилось на следствии, никто из них блога не лично не видел, о письме знал с чужих слов. После никто из них на суд не явился под различными предлогами.

Само письмо было написано с требованием разобраться в ночном погроме в детском лагере. За неделю до этого события прямо на улице, возле столичной станции метро произошло циничное убийство журналиста. Убийца «кавказской национальности», как расплывчато писали в СМИ, был тут же отпущен органами правопорядка под подписку о невыезде, хотя запись с камеры наружного наблюдения однозначно свидетельствовала о его виновности.

Письмо «мадам Огурцовой», в сущности, было написано в защиту 13-летней девочки, которую высшие чины государства, здоровые мужчины, вдруг начали обвинять во всех грехах, заявляя, что та – «проявляла желания, несвойственные ее возрасту». Веронике тоже показались, по меньшей мере, некрасивыми подобные заявления взрослых мужчин зарубежной прессе. Она лишь примерила подобную ситуацию на себя и поняла, насколько невозможной оказалась бы жизнь девочки-подростка, если бы «мадам Огурцова» не вызвала огонь на себя. Впрочем, она не понимала, как девочка может «спровоцировать» ночную драку, в результате которой ее саму жестоко избили, попытавшийся ее защитить начальник лагеря получил тяжкие телесные повреждения, а корпуса лагеря оказались с выбитыми окнами, пробитыми стенами и разрушенной мебелью. За всем этим «инцидентом» стояла подлость испорченных и вполне взрослых людей, решивших прикрыть свое преступление «испорченностью» несовершеннолетней девочки.

С наездами на «мадам Огурцову», которой после допросов вдобавок мазали лифт человеческими фекалиями, намекая на «возмущенных» ее письмом

«пострадавших» исключительно «кавказской национальности», происходили и другие, не менее знаковые события. В Екатеринбурге водителю снегоочистительной машины выстрелил в лицо из «травматики» владелец автомашины, которую попросил отогнать потерпевший. При задержании на защиту «стрелка» встало местное отделение «Российского конгресса народов Кавказа», заявив, что все претензии органов правопорядка имеют «этническую окраску». В Ростове-на-Дону студент с Северного Кавказа зарезал своего однокашника, сославшись на то, что покойный «оскорбил его национальные чувства». В маленький городок на Ставрополье ворвалась группа бандитов с Северного Кавказа, которые оказались к тому же представителями правоохранительных органов. Они попытались изнасиловать двух девушек, на защиту которых встало местное население. Местные представители органов правопорядка, пытавшиеся защитить бандитов от самосуда, получили огнестрельные ранения в спину. Происходило и еще множество преступлений – непременно публичных, с криками «Россия будет нашей!», как бы намеренно провоцируя людей на необдуманные поступки. Ведь и само письмо «мадам Огурцова» написала в противовес к призывам выйти на улицу и «доказать любыми способами наше право на жизнь». И как бы последующие события должны были изменить ее отношение к происходящему, настроить ее против чеченцев и других выходцев с Кавказа. Проблема лишь заключалась в том, что ее отец был в точности таким же «выходцем с Кавказа», армянином по национальности.

Вероника лишь зябко передернула плечами, когда читала, что «мадам Огурцова» отправилась на стройку, чтобы выяснить, чем это она так достала чеченцев, что те испачкали у нее лифт в доме. Следовали, допрашивавшие ее, сказали, что раз заявление на нее написали чеченцы из «Российского конгресса народов Кавказа», то и в лифте у нее побывали тоже чеченцы, оскорбившиеся, что она обвиняет в разгроме детского лагеря «чеченских отдыхающих», а не девочку 13-ти лет. Однако сами чеченцы, работавшие на стройке, заявили ей, что никаких претензий к ней не имеют, предпочитают ни во что не вмешиваться и жить в мире. А в ее лифте гадили те, кто заставил чеченцев из «Конгресса» написать на нее заявление.

Сразу после обыска у нее дома и изъятия всех компьютеров и радостных заявлений прессы «Огурцовой перекрыли линию» — в Москве выходец с Северного Кавказа застрелил из «травматики» представителя фанатов футбольного клуба. Вероника несколько не сомневалась, что и этого борца за «национальное достоинство» немедленно отпустят, хотя свидетелей убийства бы вполне довольно.

Jacque-Louis David, *Sabine che arrestano il combattimento tra Romani e Sabini* (1799)

В сети появились призывы выйти на Манежную площадь. И, казалось бы, это лишь на руку «мадам Огурцовой», от которой требовалось лишь поддержать этот протест, выступив в националистическом духе. Вероника нисколько не сомневалась, что в этом случае ее «линию» напротив поддержали бы сменившие ориентацию правоохранительные органы. Но она вдруг с крайним презрением заявила, что все, кто уговаривает людей прийти на Манежную площадь, — в равной мере виновен в смерти несчастного парня, заметив, что ни одно мероприятие на Манежной площади не обходится без участия спецслужб.

Вероника вспомнила, как встречала в сети замечание об Огурцовой, что раз та когда-то поработала в милиции, то так «ментовкой и останется», потому что «бывших ментов не бывает». Речь шла о статье «Ментовский разговор».

Предупреждение в духе политкорректности и толерантности — этот разговор... чисто ментовский. Потому ряд сложных вопросов юриспруденции обсуждается в чисто ментовской терминологии: «сука», «ссученный», «параша» и т.д. Правда, мой собеседник делал скидку, что я пока не его подследственная, а, прежде всего, товарищ женского полу — в общей самозабвенной борьбе за правовую защиту нашего с ним населения.

В чисто ментовской лексике мы разбирали с ним наши ментовские стереотипы восприятия дела Ульмана.

©Книжная лавка <http://ogurcova-portal.com/>

Мой собеседник — заслуженный мент, не раз бывавший в командировках в Чечне.

Олег Викторович

Здравствуйте! Открыл для себя нового автора, т.е. Вас, и с удовольствием читаю. Так вот, по Ульману. Он далеко не белый и пушистый. Расстрелять гражданских, не в районе разведпоиска, а в заблокированном районе, это надо еще иметь очень вескую причину, которую мы не знаем, в виду недостатка информации.

Мне представляется, что здесь имеют место быть, какие-то интриги в самой среде спецслужб. Известна зоологическая «любовь» ГРУ к ФСБ, Спецназа ГРУ и ВДВ, и т.д. и т.п. Но это всего лишь мои догадки. А с Вашей, политико-эмоциональной оценкой ситуации я полностью согласен. С уважением.

Огурцова

Олег, я знакома с вашей позицией. Моя политическая точка зрения такова, что я вовсе не считаю Эдуарда Ульмана — «героем России» и митинги с подобными лозунгами не посещаю.

Тем более, что около двух лет, не располагая всей полнотой информации, не видя, куда именно волокут все следствие, — рассуждала в точности так же, считая, что в ГРУ и ФСБ — мальчишки вполне взрослые, поэтому могут в своих непонятках разобраться и без ментовских.

Но в ходе пиар-кампаний по поводу, когда СМИ на дню по десятку раз пафосно заявлялось о Нюрнбергском процессе и американских военных, творивших зверства во Вьетнаме, я поняла, что мои поверхностные рассуждения продиктованы не столько процессуальными нормами, сколько чисто ментовскими стереотипами, которые уже не вышибить! Как говорится, можно вышибить петуха из деревни, но деревню из петуха не вышибить. Так и с ментовкой.

Ваши доводы мне немного раньше привел наш общий знакомый. Я ему сказала, что вы рассуждаете типично по-ментовски. Понятно, что

Ваши доводы мне немного раньше привел наш общий знакомый. Я ему сказала, что вы рассуждаете типично по-ментовски. Понятно, что

наша родная ментовка, если кто-то где-то честно жить не хочет, — обчистит карманы задержанного и напинает сапогом — без всякого приказа из штаба. Чисто на автомате.

Но далее, ежели менту из штаба кто-то предложит в приказном порядке расстрелять подследственных, а трупы — сжечь, любой мент сразу сообразит, что эти штабные анашой обкурились, всех обзванивают, а утром проснутся и гордо заявят, мол, ни колы цъого ни було! И тебя же за такое «исполнение» поимеют.

Отсюда оптимистический вывод: наша родная ментура способна адекватно оценивать уровень преступного умысла приказов своего штабного руководства!

А что вы хотите от спецназовца ГРУ, который думает, что это — разведгруппа, что штаб что-то знает сурьезное, что сейчас этих задержанных будут отбивать и в штаб ему их живыми не доставить? Он думает, как сам сейчас будет уходить. Он ведь требует далее, чтобы ему минные поля дали и точки обстрела — а в штабе молчок!

Нет, тут со штабом надо очень серьезно разбираться. Дело явно не доследовано. Вы сами, как мент, должны это понимать лучше кого-либо. Я, кстати, сказала нашему знакомому, что вы рассуждаете типично по-ментовски, в обычных ментовских стереотипах. Он заржал и ответил, что вы и есть мент.

Олег Викторович

У всех есть свои недостатки. На самом деле, по данному вопросу, я мог бы, наверное, еще много чего домыслить, и даже дополнить. Но что делать? Я ведь не ГРУшник, тут бы им слово дать. Хотя, с другой стороны, я очень много работал в контакте с ними, и слово даю, ребята очень адекватные.

Это тот самый случай, когда у каждого своя правда, а в общем — ее нет совсем. Хотя, где-то я читал, что за военные преступления надо расстреливать на месте, или не судить совсем. Так и тут — объективно оценить действия Ульмана с точки зрения уголовно-правовой квалификации невозможно, сразу встречается этика и политика. Если этику, можно привычно перешагнуть, то с политикой — закавыка.

Неужели опять по-ментовски излагаю? С уважением.

Огурцова

Олег... я даже могу дать ссылочку, где писала один-в-один то, что пишете вы. Тоже из тех же ментовских стереотипов. Но ведь и вас учили так же, как и меня! Вспомните простую вещь! Есть в этом деле

©Книжная лавка <http://ogurcova-portal.com/>

состав уголовки? Есть! Разве для уголовки не достаточно шести трупов, расстрелянных и обгоревших? Да выше крыши!

Конечно, мотивация очень важна именно в уголовке. Ведь далее вы должны квалифицировать этот состав по статьям УК. И вы знаете, что эти шесть трупов можно квалифицировать от трех лет (причем, условно при отсутствии рецидива) — до 16 лет стогача.

Опять вспоминаем уроки старших! А старшие нам говорили, что, ежели мы имеем дело с нетипичной для уголовки мотивацией, надо искать рядом с этим терпилой — настоящего заказчика уголовного преступления. Только тогда дело будет доследовано. Разве мы не имеем подобных заказчиков в штабе? Разве эти заказчики, изворачиваясь, уже не дали суду ложные показания, будто понятия не имеют, кто же руководил операцией? Да только за это все штабные крысы свои пять лет честно заработали!

Этот кусочек статьи о «деле Ульмана» Вероника тут же вспомнила, заметив, с каким непонятным ей ажиотажем «мадам Огурцова», которой бы надо было больше думать о своем, о «девичьем», сразу же отреагировала на сообщение, что выходец с Северного Кавказа, застреливший футбольного фаната, был уже неоднократно судим.

Уже отметив, что неоднократно ранее судимый обвиняемый находился в полнейшем распоряжении правоохранительных органов, а гулять по московским проспектам с травматикой мог лишь в состоянии полнейшей лояльности к нуждам и потребностям всех, «кто нас бережет», — не могу не отметить один немаловажный факт. Простите, но даже искренне сочувствуя близким убитого парня, погибшего совсем молодым, вынуждена сказать, что обвиняемый не лжет. И если его проверить на детекторе лжи, то полиграф покажет, что он говорит правду. Кстати, а почему его не проверили на детекторе лжи, а моему брату, который никого не убивал, следовательно угрожал «прогнать на детекторе»?..

Причем, никто не предлагает провести обвиняемому, отстрелившему незнакомому человеку голову на улице — принудительную психиатрическую экспертизу. Хотя в данном случае это были обязаны сделать по закону, поскольку... с точки зрения уголовной мотивации убийства, он бредит вслух и вряд ли отдает себе отчет в происходящем. В сущности, он попытался объяснить свой поступок, начиная осознавать всю тяжесть и необратимость содеянного. И он объясняет его — страхом, а не ненавистью.

Вряд ли человек мог испугаться толпы футбольных болельщиков, не представлявших никакой опасности для его родных в Нальчике. Уверена, ни убитому им молодому пареньку, ни его друзьям — и дела не было до беременной жены обвиняемого. Перед судом он ее перепрятаывает и боится назвать домашний адрес. Но разве он боится мести со стороны близких убитого, собравшихся в зале суда? Нет! Он боится... новых заказов со стороны тех, в чьих руках

находится его судьба после неоднократных судимостей. У него самого не было никаких причин убивать футбольного болельщика, по своей воле он бы к ним и не вышел. Его погнал туда страх, кто напрямую угрожал его беременной жене и близким в Нальчике.»

Вероника почувствовала, как после взвешенного анализа «мадам Огурцовой» не только успокаивается сама, но спадает и общее напряжение. Она видела, как сразу уходят в тень те, кто только что орал о своих болезненных «национальных чувствах», стоило ей заметить: «У человека должна болеть душа, а не национальность!»

В детстве у Вероники была толстая хрестоматия русской литературы «Живое слово», она обожала эту книгу, всегда считая ее название легким преувеличением. Но когда на ее глазах «мадам Огурцова» с легкостью всех вывела на чистую воду, успев пройти по сомнительной правительственной программе «мультикультурности», тут же после этого сошедшей на «нет», — Вероника поняла, что впервые имеет дело с человеком, у которого все слова не только по-настоящему живые, но и действующие наверняка.

Перед ней разворачивалась масштабная битва, где «мадам Огурцова» обобранная при обыске, уничтожаемая и ежедневно возрождавшаяся, выступала против всех, отбиваясь только словом. И вряд ли сам автор поэмы «Во весь голос» владел словом так, как автор блога «Огурцова на линии». Ее остроты и статьи не стояли в показушном параде, они тут же шли в атаку, уничтожая свинцовые тучи тщательно спланированных массовых провокаций.

*Парадом развернув//моих страниц войска
я прохожу//по строчечному фронту.
Стихи стоят//свинцово-тяжело,
готовые и к смерти//и к бессмертной славе.
Поэмы замерли,// к жерлу прижав жерло
нацеленных//зияющих заглавий.
Оружия//любимейшего//род,*

*готовая//рвануться в гике,
застыла//кавалерия острот,
поднявши рифм//отточенные пики.
И все//поверх зубов вооруженные войска,
что двадцать лет в победах//пролетали,
до самого//последнего листка
я отдаю тебе,//планеты пролетарий.*

В.В. Маяковский «Во весь голос»

Это не было попыткой кому-то «раскрыть глаза», Вероника не могла избавиться от ощущения, что оживающие на ее глазах строчки «мадам Огурцовой» — тут же шли в атаку, зная, что никто им на помощь не явится. И Вероника нисколько не сомневалась, что каждая строчка старается защитить и отвоевать именно ее душу, а не каких-то «планеты пролетариев».

* * *

И вот посреди всего этого сетевого кошмара, когда она выходила в Интернет, прежде всего затем, чтобы проверить, жив или уничтожен огуречный блог, зная, что всем терзаниям многим ненавистой «мадам Огурцовой» еще далеко не конец, она получила письмо, поразившее ее крайней беспечностью.

Дорогая Вероника! Наступает лето, хотя и не такое, как хотелось бы. Я приглашаю всех на очередные «Огуречные чтения». Надо выехать не позднее пятницы, потому что в субботу никто уже не сможет уехать. Неприятно говорить, но что-то произойдет большое и страшное, связанное с водой. Поэтому лучше приехать, потому что потом у тебя начнутся квартальные отчеты, да и душа станет неподъемной.

Надо захватить купальник, я устрою хорошую погоду. Все нормально приедут и уедут, все будет хорошо! А я очень хочу вас увидеть, особенно тебя. Мне так нравится это твое увлечение астрономией! Не переживай, ничего в твое отсутствие не случится. Полотенец не бери, все их потом забывают, у меня весь дом в этих полотенцах. Мазь от комаров тоже есть, но я комаров разгоню, у меня есть любимые ручные лягушки. В принцев не превращаются, отказываются. Как бы сделать так, чтобы все, наконец, захотели стать принцами?

Да, я же забыла сказать дату! Настраивайся выехать седьмого июля, это будет идеально. Хорошая Луна и приятная попутчица, что еще надо для дорожной романтики?

В конце письма стоял смайлик, которые Вероника терпеть не могла. И это писала женщина, противостоянием которой против всей репрессивной машины она так восхищалась! Машинально она поразилась, откуда она знает, что астрономия всегда была ее любимым предметом. Как, впрочем, и то, что Вероника с детства обожала сказки, где все лягушки превращались в принцев.

Потом ей пришлось поразиться самой себе, давно не совершавшей никаких поступков, продиктованных «внезапными порывами». Вначале она заказала билеты на поезд, хотя никогда бы не решилась сорваться с работы накануне квартальных отчетов. Глянцевые мальчики ее отдела смотрели на нее с нескрываемым интересом, не понимая, что могло ее резко сорвать с места, чтобы она немедленно написала заявление с просьбой предоставления недельного отпуска за свой счет.

Пытаясь закрыть туго набитую сумку, не желавшую застегиваться, она опять поразилась странному письму и еще более странной манере срывать незнакомых людей с насиженного места, приглашая их поехать на природу кормить комаров. Она вспомнила предупреждение на счет мази для комаров, которых должны были отогнать ручные лягушки, не желавшие превращаться в принцев, вытащила из сумки флакон спрея против комаров, и сумка сразу же застегнулась.

В купе, пихая перед собой большую сумку на колесиках, вкатилась невысокая женщина, чем-то смутно ей знакомая, с коротко стриженными неприбранными волосами. Кроме «дорожных» тренировочных штанов на ней была черная майка с надписью на спине, которую Веронике никак не удавалось прочесть, пока она впихивала сумку под ее сидение с дежурными извинениями. В стекло застучал какой-то

мужчина с девочкой лет тринадцати. Женщина басом заорала прямо в ухо Веронике: «Идите отсюда! Скоро час пик, а он провожать решил! Все со мной в порядке! Еду не с мужиками! Домой, домой езжайте! Немедленно!»

Мужчина, прижимая лицо ладонями к стеклу, пытался разглядеть, с кем же в одном купе его оказалась строгая супруга, тяжело плюхнувшаяся на полку напротив Вероники.

— Ага, не с мужиками еду, — вдруг сказала она, посмеиваясь так, что Вероника не могла не ответить на ее улыбку. — Но еду-то точно к мужикам!

Смеясь, она в изнеможении упала на аккуратный угольничек подушки в чистой наволочке, хотя Вероника поняла, что раз она прятала сумку под ее нижнюю полку, то ее место явно над ней, а не на подушке, на которой она расположилась. Вероника начала опасаться, что в купе, с ручной кладью наперевес, немедленно закатятся другие попутчики, разгорится неминуемый скандал с неизбежными укорами из сказки «кто спал на моей подушке», а в эпицентре всех укоров, конечно, окажется она.

На стук мужчины в окошко попутчица оглушительно крикнула: «Не пойду!», и мужчина с девочкой, невозмутимо разговаривая и чему-то улыбаясь, отправились вдоль вагона к выходу с перрона.

— Чего к ним выходить? — сама себе сказала женщина. — Знают ведь, что все равно поеду! Нет, стучат и стучат! Кстати, меня зовут Лера!

— Вероника, — представилась она, поняв, что последнее относится к ней.

— А она мне написала, что мы доедем по-царски, как в СВ, что в купе больше никого не посадят, она за этим проследит, — ответила на ее опасения Лера. И Вероника окончательно смутилась, понимая, что совсем распустилась и перестала следить за мимикой, а на ее лице опять все отразилось, о чем ее не раз предупреждала Серафима Михайловна.

— Вы тоже едете к... ней? — осторожно поинтересовалась Вероника, рискуя быть непонятой.

— А к кому туда еще ехать-то? — ответила Лера встречным вопросом. — Да и у вас даже на лице написано... такое... огуречное.

Вероника внимательнее посмотрела на нее и поняла, где она могла видеть эту растрепанную особу. Иногда по утрам в выходные дни она смотрела какую-то огородную передачу про то, как на дачном участке надо выращивать газоны, томаты и, конечно, огурцы. Вероника хорошо запомнила ее лицо, когда в одной из таких передач дама, зарывшись всем телом в мощные плети парниковых огурцов, предлагала зрителям — «вообразить, о чем огурцы могут думать, а о чем и задумываются».

Как только вагон тронулся, Лера с той же бесцеремонностью полезла к ней под лавку — доставать сумку. Билет у нее был действительно на верхнюю полку над головой Вероники. Трещя без умолку, она сообщила, что хотя и верит во все сказанное «мадам Огурцовой» безусловно, неоднократно убеждаясь, что всему сказанному надо следовать «тупо и без рассуждений», но все же не была

уверена стопроцентно. Но ведь почему-то оказались же они с ней в одном купе! И раз та написала, что ее попутчица любит сливовую наливку, так она специально захватила бутылочку.

Ladies having tea Painting. Walter Granville-Smith, 1904

По купе распространился тонкий, непередаваемый аромат сливовой наливки, именно такой, какой ей так нравился когда-то. Вероника почувствовала, что с ее плеч слетает лет десять, никак не меньше. И, глядя на заглядывавший в купе серебряный рожок Луны, она окончательно почувствовала себя в дороге.

Коротким сном они забылись уже под самое утро, успев рассказать другу свою жизнь, два раза пореветь и поругаться со стучавшими в стенку соседями. Утром, когда сердитая проводница подняла их за час до остановки, на перроне их ждал высокий молодой человек с бумажкой «Огуречные чтения», возле него уже топтались какие-то симпатичные молодые люди. Они тут же подхватили их сумки, и Вероника с облегчением поняла, что ей никуда не придется тащиться на общественном транспорте.

Дорогу до загородного дома, который молодой человек за рулем битком набитой большой машины называл «Избушкой Бабы Яги», она помнила смутно. Избушка оказалась скромным трехэтажным коттеджем, где их встретила хозяйка блога с юзершей Анной, приехавшей днем раньше. Анну Вероника помнила по развернутым комментариям с историческими справками и непременно «уроками истории», склочным поведением в отношении одного противного старикашки, писавшем про марксизм, и героическим участием в судилище над «мадам Огурцовой».

— Я очень рада вас видеть! – сказала хозяйка. – Познакомься, Анюта, это наши Урания и Эвтерпа!

Вероника не поняла, что она имела в виду, так как ей показалось, что Анна смотрит на них с Лерой с нескрываемой озабоченностью. Но тут же началась суета за огромным столом, она с Лерой оказались посреди поистине мужского сборища, гости все подъезжали... и Вероника поняла, что давно не была в такой теплой обстановке, хотя многие, как и она, видели друг друга впервые.

Потом было купание в пруду, украшавшему собой весь горизонт за «избушкой», а после они готовили шашлыки. Весь вечер она в каких-то немислимых шляпах снималась с полуголыми нетрезвыми мужчинами, казавшимися Веронике давно знакомыми, будто она всех знала сто лет. Она давно не проводила время с такой беззаботностью, поражаясь, что действительно даже не слышит комариного писка, не говоря о чьих-то укусах. Анна ей со смехом сказала, что ручных лягушек хозяйки дома зовут Вернер и Браун, они сейчас «в смене». Вероника не знала, как серьезно ей следует воспринимать сказанное, но Анна уже тащила ее кормить молоком ручного ежа Пафнутия, отвечавшего в доме за отсутствие мышей и слизняков в теплицах.

Им с Лерой досталась большая светлая комната на втором этаже. Хозяйка извинилась за своего негодника-кота, избравшего уютный диван, на котором устроилась Вероника, в качестве... своего ритуального туалета. Зная, как его хозяйка любит на этом диване размышлять о превратностях бытия, мерзавец метил его ежедневно, как бы заявляя на нее свои особые права. Поэтому диван из квартиры вывезли

подальше от обескураженного кота в «избушку», залив дезодорантами и

чистящими средствами. Однако, на свежем воздухе диван несколько не «выветрился», ничего из предпринятых мер не помогло, и при двух раскрытых окнах кошачьи запахи окутывали бедную Веронику так, что она не могла больше ни о чем думать, кроме немых укоров в адрес распоясавшегося кота. Не выдержавшая ее вздохов Лера сказала, что на кухне она видела палочки благовоний. Но когда они спустились вниз, они обнаружили всю кампанию, разливавшую коньяк из огромного хрустального рога. Кто-то пояснил, что это – «рог изобилия». Обрадованная Лера потянула ее к столу, и Вероника окончательно забыла, зачем они шли на кухню.

В руках лысоватого мужчины, приехавшего с красивой женой и множеством очень вкусных разносолов, зазвучала гитара. Все громко подхватывали строчки огуречного гимна, сочиненного тут же всеми собравшимися. Не весь что, но Веронике так понравилась на ее глазах возникшая песня, что она громко подхватывала припев.

*Замечательный венец,
Всем «делаю» — покрываю,
Наш зеленый огурец, —
Свежий, в пупырышках.*

*Развеет непонятки
Огурец на грядке!
Время скоротечно
В блоге огуречном!*

*Огурцами закусив,
Мы найдем тропинку,
Чтобы весело тусить
С музами в обнимку.*

Засыпая под пение ночной птицы, несколько не сомневаясь, что у птицы тоже есть имя и она исполняет свои песни специально для нее и других гостей, она шептала ей «бис!». Она чувствовала себя такой счастливой, какой чувствовала лишь когда-то давно, в молодости, поехав с институтским стройотрядом юных проводниц по железной дороге от Москвы до Владивостока...

* * *

Вернувшись в Москву, она получила письмо от «мадам Огурцовой», что на нее началась очередная атака. Всей мощью государственной машины ее пытались лишить средств к существованию. Она сообщила, что ее вызывали в Сбербанк, где мальчик в белой рубашке издевательски сообщил, что уничтожают все ее счета, лишая возможности пользоваться платежной картой

на том основании, что она внесена в список Росфинмониторинга опасных террористов. Формальным поводом такого «противодействия экстремизму» стала ее судимость по ч. 1 ст. 282.

В словаре Ожегова Вероника прочла, что экстремизм — это «крайние методы в политике», подумав, что вводить уголовную ответственность по этой статье и надо в отношении политиков, которые своей деятельностью наносят вред обществу, а вовсе не против отдельных граждан, вдоволь расхлебывающих все последствия таких «крайних методов».

И невооруженным глазом было видно, что как раз прокуратура, следствие и судебные органы в отношении хозяйки блога занимались именно неразбавленным экстремизмом в ходе ими же провозглашенной «борьбы с экстремизмом». И, судя по растущим оборотам ее отдела, ничего не предвещало, будто они действительно желали побороть какие-то негативные явления хотя бы на ниве «отмывания средств, полученных преступным путем». Удар «КамАЗа», судя по записям на картонке организера, ее предшественник получил за излишний интерес к счетам в Гонконге и Панаме, крупной дилерской сети синтетических наркотиков. Но в списке Росфинмониторинга рядом с фамилией «мадам Огурцовой» не было ни одного человека даже из Московской области.

Вероника понимала, что этот закон, как и многие другие, нарушавшие конституционные права граждан, писали даже не юристы. Это был один из многих законов, написанный в качестве «узаконивания» определенных, явно незаконных действий в отношении вполне конкретных людей. Даже в самом законе не предполагалось возможности «легализации преступных доходов и финансирование терроризма» лиц, над которыми уже были проведены юридические «манипуляции» по «экстремистской» статье, так сказать, «путем совершения преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ». Авторы закона вообще не смогли никак связать эту статью с понятием «легализация преступных доходов», вовсе не желая интересоваться этими «преступными доходами» всерьез, чтобы не ожидать удара «КамАЗа», водитель которого не справится с управлением.

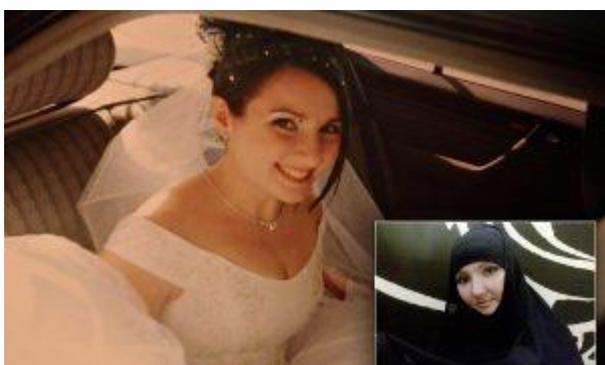
Напротив, весь смысл и содержание закона, направленный на борьбу с особо тяжкими преступлениями, — на предотвращение террористических актов, захват заложников, пресечение действий бандитских формирований и т.п., — нивелировался дополнением этой одиозной статьи 282 в качестве основания для голословного обвинения человека в терроризме.

Внезапно, кое-что вспомнив, Вероника решила посмотреть новостные сообщения недельной давности. Она быстро нашла новость о взрыве, который произвела какая-то женщина-смертница, подорвав известного в Дагестане богослова, пользовавшегося большим уважением. Ей сразу было подозрительно, что в качестве такой «шахидки» выступила бывшая

драматическая артистка, да еще и танцевавшая брейк-данс. Судя по всему, погибшая при взрыве женщина вела достаточно легкомысленный образ жизни. Веронику не убедили разъяснения, что до взрыва она трижды побывала замужем, а потому «разочаровалась в жизни» и «мысленно склонилась к шахидству». Это абсолютно не вязалось с личным опытом Вероники, на минуту представившей себе Тоньку. Для нее эта подробность означала лишь желание идти по чужим головам, но уж ни в коем случае не совершать публичное самоубийство.

Но в качестве «последнего аргумента» журналисты и начали сообщать о каких-то «списках» и перечнях», в один из которых угодила сейчас и «мадам Огурцова».

Как стало известно, в организации взрыва, жертвой которого стал известнейший в Дагестане богослов шейх Саид Афанди, подозревается бывший амир кадарской бандгруппы. Отмечая свое назначение лидером северокавказских боевиков Доку Умаровым амир вилаята Дагестан, он и отправил к шейху смертницу —

30-летнюю актрису. Молодая женщина еще с прошлого года числилась в списках потенциальных смертниц, по которым работали оперативные службы. В Дагестане после очередного громкого преступления решили создать отряды самообороны.

Естественно, поняв, в какие списочки внесли «мадам Огурцову», Вероника тут же помогла ей составить жалобы, прежде всего, в этот самый Росфинмониторинг, в которых указала, что та всегда являлась законопослушным налогоплательщиком, имела исключительно легальные доходы и лишних средств у нее на «терроризм» не имеется.

Для себя Вероника отметила, что список существует в некоем нестабильном, постоянно обновляемом виде. Никого из внесенных туда граждан особо не предупреждают и ничем такие представления о них не обосновывают. Вносят... далеко не всех, имея жесткие требования к кандидатуре очередного «стрелочника». И здесь на роль «разочарованной жизнью» хозяйка блога подходила куда больше, чем исполнительница брейк-данса. Вероника похолодела, вспомнив, что муж старшей дочери «мадам Огурцовой» — мусульманин. Она знала, насколько любят заявлять спецслужбы, будто все русские женщины, принявшие мусульманство, становятся террористками. Что им стоит заявить, будто и с блоггершей произошел аналогичный «общий для всех» случай?..

Фредерик Артур Бриджмен (1847-1928) Королева разбойников 1882

Через несколько дней им ответил начальник Управления по противодействию терроризму Росфинмониторинга. В ответе он обосновывал законность внесения ее в такие списки и объяснял, будто получив такую вот судимость, уплатив штраф — ее через полгода можно отнести к особо опасным преступникам начать «финансово мониторить». Но по самому недовольному тону его ответа и Вероника, и сама «мадам Огурцова» поняли, что теперь вряд ли кто-то захочет делать из нее «шахидку».

* * *

Ночью, после затянувшегося в скайпе за полночь дамского обсуждения ответа мужчины, организующего «противодействие терроризму», Веронике приснился сон, будто она сидит в царской ложе главного театра страны. Она тихонько осмотрелась, в чем она оказалась в переполненном рукоплескавшем зале, не в ночной ли рубашке? Но на ней было черное атласное вечернее платье в стиле бюстье. Немного успокоившись, она неуверенно взглянула на сцену и чуть не закричала от восторга! Она будто оказалась в любимом с детства фильме «Музыкальная история», потому что на сцене пел сам Сергей Яковлевич Лемешев! Только он был почему-то не Ленским из «Евгения Онегина», а кем-то с бородой. Но по первым же аккордам она поняла, что сейчас начнется каватина Берендея из оперы Римского-Корсакова

«Снегурочка» — «Полна, полна чудес могучая природа! Дары свои обильно рассыпая...»

Вероника ловила каждый звук, жалея лишь о том, что сон начался не с увертюры, а с каватины... Потом она вспомнила, как в детстве пела песню «Снегурочка», которую исполнял Сергей Яковлевич на «Голубом огоньке». Она даже вспомнила слова, стараясь удержать слезы.

*А ночь морозная светла,
А вся земля белым-бела.
Своей Снегурочке метелица
На шубке кружева сплела.
А ночь светла, а ночь светла,
Наверно, ты, моя волшебница,
Из сказки в эту ночь пришла.*

Она забыла, что когда-то любила ходить в театры, благо Москва была в ее распоряжении, позабыла про выставки, классическая музыка тоже осталась в прошлом. Только Лера всю дорогу щебетала, что им надо выбраться в театр... Вот и сон в руку!

— На «Евгения Онегина» с Лемешевым в царскую ложу не протолкнуться, — недовольным тоном сказала сидевшая рядом с ней дама в синем бархатном платье и черном страусовом боа. — Да и попасть, конечно, в оперу хотелось бы не к каватине, а к увертюре. Но боже, как он хорош! Это послевоенная постановка 1946 года, сейчас ему всего 44 года, голос просто тает! Редкое дарование! А партию Берендея он сам выбрал когда-то для дебюта в театре.

— А вы...кто? — запросто поинтересовалась Вероника, понимая, что раз это всего лишь сон, то и лишние церемонии ни к чему.

— Конь в пальто! — резко ответила дама, поводя белоснежными плечами под пышным боа. — Вторая горгона Эвриале приветствует тебя, третья муза Урания!

— Мне вообще никогда ничего подобного не снилось, — нисколько не обидевшись, блаженным тоном сказала Вероника. — А что должна делать муза Урания?

— Мне кажется, ты должна заниматься тем, чем уже занимаешься, — фыркнула дама. — Раньше муза Урания занималась астрономией, являясь олицетворением звездного неба, считаясь воплощением возвышенной, небесной любви. Владеет силой созерцания и размышления... Ну, хоть что-то из названного тебе близко?

— Я в детстве так любила астрономию! — призналась Вероника. — А любовь мне нынче светит только небесная. Да и осталось только созерцать...

— Ну, ты ведь уже много достигла этим... созерцанием, — напомнила ей Эвриале. — Ты уже спасла Каллиопу от уничтожения по спискам.

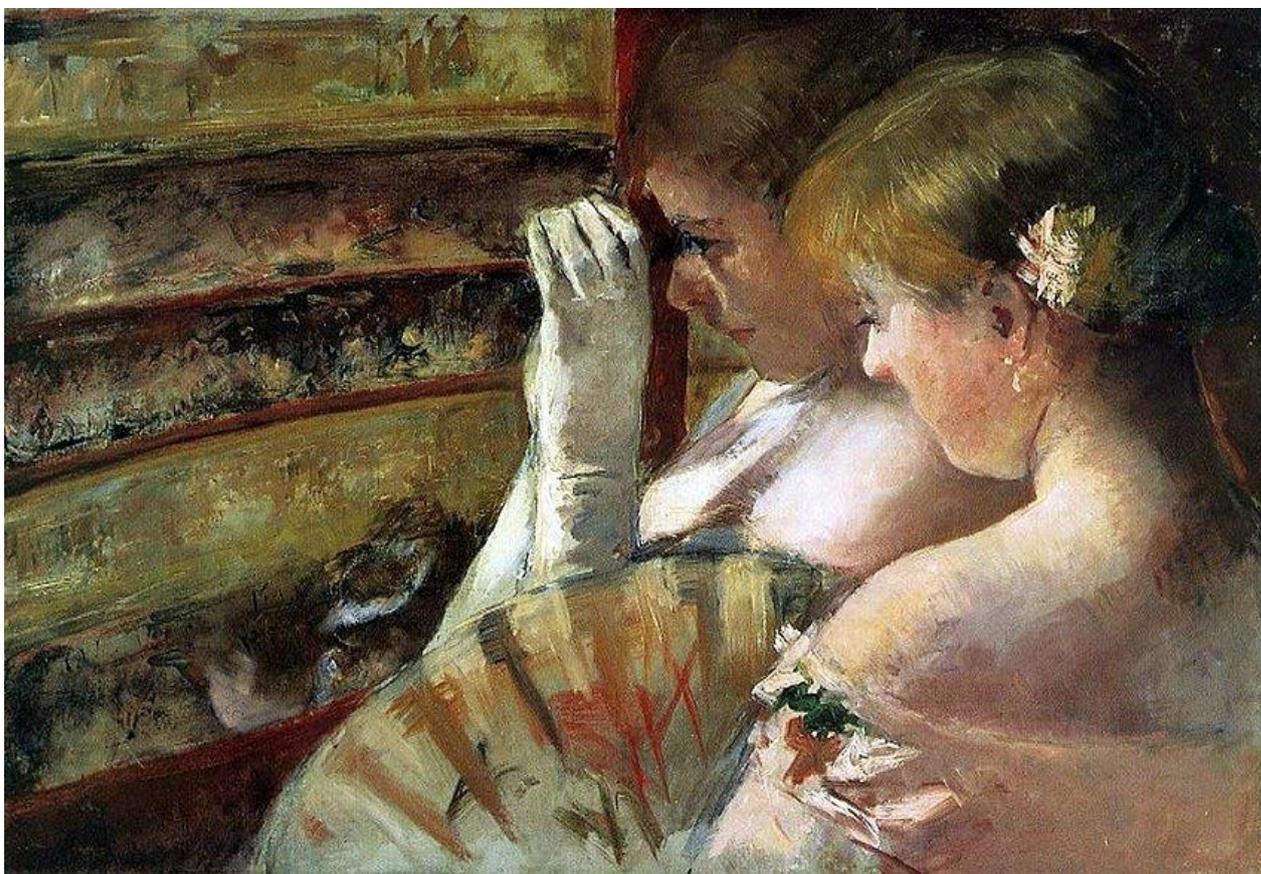
— «Мадам Огурцова» — Каллиопа? — уточнила Вероника.

— Конечно! Она тебе не сказала? А вообще хоть что-то сказала?

— Она сказала Анне, что мы — Урания и Эвтерпа, — вспомнила Вероника.

— Этого достаточно, — успокоилась Эвриале. — Вообще вам предстоит очень необычная и страшная зима. Все гарпии начнут уничтожать Каллиопу, а здесь, в театре младших муз ждет суровое испытание. И без вашей помощи им не выстоять. Знаешь, почему мы попали именно на «Снегурочку»?

— Потому что нас ждет зима? — рассеянно спросила Вероника.

На балконе. Музей искусств Филадельфии Мэри Кассат / Mary Cassatt (1844–1926)

— Зима ждет в России всех сразу после лета, — оборвала ее Эвриале. — Опера «Снегурочка», как и «Евгений Онегин» — в русском искусстве триумф взаимного творчества младших и старших муз, слияние литературы и музыки, классического искусства... Но «Снегурочка» — чудесная сказка, которую вы все должны повторить! А ты — муза, зовущая покинуть внешний хаос и суету бренного мира и погрузиться в созерцание величественного бега звезд, который является отражением человеческой судьбы. Ты — воплощенная сила познания, которая тянет к высокому и прекрасному...

— Я сейчас бухгалтер, наблюдающий, как российские деньги тянутся к прекрасным оффшорам, — с грустью констатировала Вероника.

— Тебя выбрала Каллиопа, а она не ошибается, — строго поправила ее Эвриале. — Даже это вам как-то должно пригодиться! Меня лишь удивляет, что четыре старших музы... женщины. Это, конечно, как-то станет понятнее со временем, но раньше все четыре музы были мужчинами. Представь себе, одной из них был и автор этой оперы. Ты даже представить себе не можешь, как ему поначалу не понравилась эта сказка Островского. И вот однажды зимой, после многих неприятностей, он вдруг решил перечитать эту сказку, которую считал глупой и наивной. И он будто прозрел, ощутив ее удивительную поэтическую красоту... И больше для него не было лучшего сюжета и лучших поэтических образов. Что-то такое нужно сейчас и от вас! Вы должны растопить сердца! Посмотри, в зале люди, пережившие войну, а какие у них одухотворенные лица... Посмотри, они чувствуют всем сердцем смысл этой чудесной вещицы с переходом от снежного холода — к неудержимой страсти! Именно здесь наиболее ярко воплощается мысль о великой преображающей силе искусства...

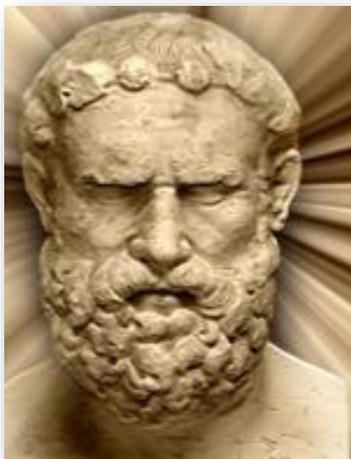
— Но это же всего лишь сон! — с отчаянием воскликнула Вероника, не понимая, почему ее собеседница так серьезно относится к происходящей вокруг фантастике.

— Ты мне не веришь? Не надо верить мне! Поверь в себя! На твоих глазах, одним словом Каллиопа рушила самые тайные и тщательно подготовленные замыслы! Прибавь к музам свою силу, замкни эстетическую триаду... или как это у вас там называется? Вы должны составить круг и растопить сердца!

— Я.. я не смогу! — в отчаянии замотала головой Вероника.

— Тогда она погибнет!

— Ну, хорошо!

— Знаешь, кого ты мне напоминаешь? — улыбнулась Эвриале. — Одного древнегреческого поэта по имени Архилох. Его отец происходил из аристократического рода, а мать была рабыней-фракиянкой. Как незаконнорожденный сын, социальной перспективы на родине не имел и избрал карьеру наемного воина. От этого у него остался какой-то комплекс... Но главное, он вываливал это все... из такого же чувства правдивости... или справедливости, не знаю! Вот как ты! Вечно грызешь себя за что-то и не веришь себе самой. Архилоху говорили, что он напрасно сообщает о

себе все худое! Кому надо было знать, что его мама – рабыня? Лучше бы папу одного назвал, верно? Но нет! Потерял на поле боя щит – опять сообщил в стихах всей Греции. Но стихи у него были на редкость великолепные.

*Сердце, сердце! грозным строем встали беды пред тобой.
Ободришь и встретишь их грудью, и ударим на врагов!
Пусть везде кругом засады – твердо стой, не трепещи.
Победил — своей победы напоказ не выставляй,
Победят — не огорчайся, запершись в доме, не плачь.
В меру радуйся удаче, в меру в бедствиях горюй.
Познавай тот ритм, что в жизни человеческой сокрыт.*

Архилох

Лоуренс Альма-Тадема (1836-1912). Сафо и Алкей 1881.

— Это сейчас даже в переводе трогает, а тогда... про сердечный ритм, сокрытый в жизни... не писал никто. Никто, кроме той, которую ты боишься признать Каллиопой, хотя уже точно знаешь, кто она.

*...Не услышим в ответ мы ни звука,
Не узнаем исток и конец.
Здесь сокрыта немая наука
Отстучавших когда-то сердец.*

*Все равнины покроются солью
И исчезнет последний народ...
Сердца трепетом, нежною болью
Отмечаем мы времени ход.*

— Да, я читала эти стихи. Но мне не приходило в голову, что.. они как-то связаны с тем, чего... нет в романе, — призналась Вероника.

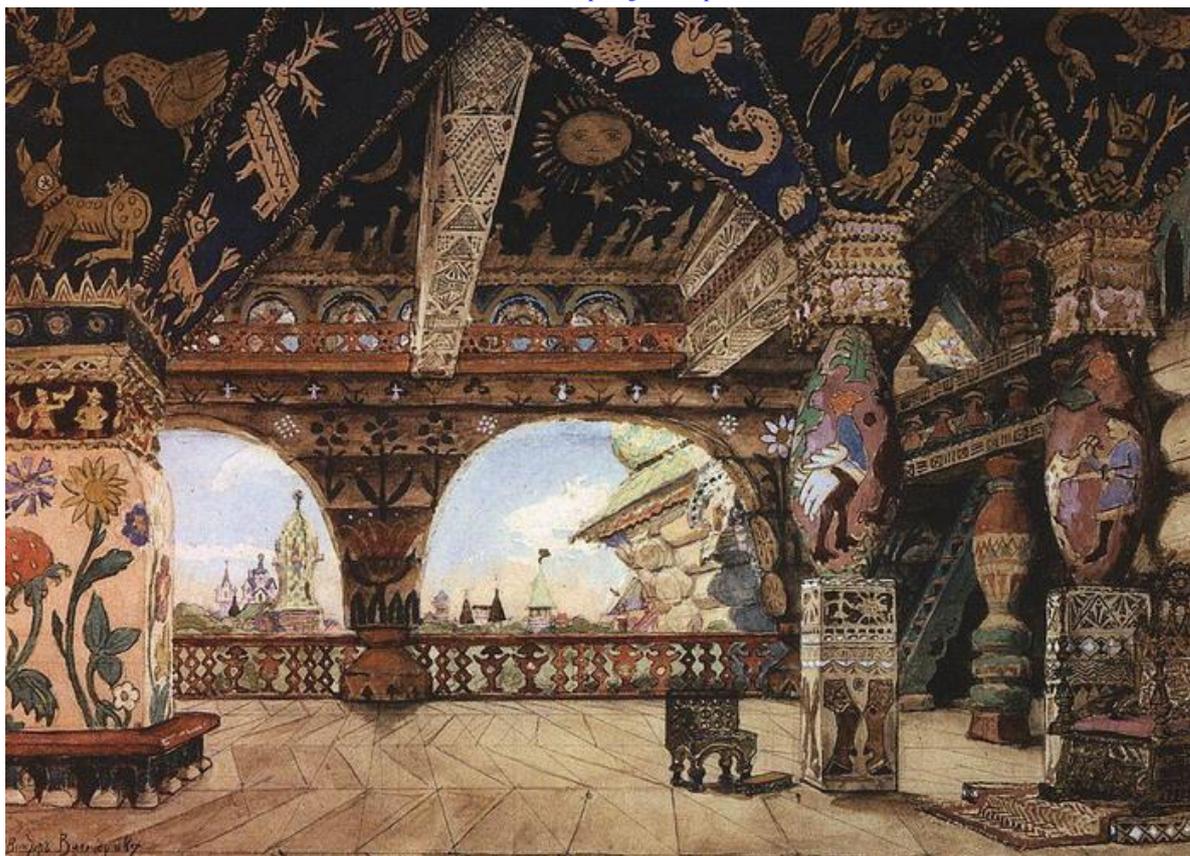
— Что они связаны с жизнью вообще и самим источником творчества? — откликнулась Эвриале. — Тут надо не просто знать всех предшественников, но принять их со всеми промахами и ошибками, такими, какими они были. Обычно о времени писали иначе. Только двое поняли, что время — не что-то внешнее, а глубоко личное. Хотя... можно было ощутить это в мемуарах или на школьном сочинении про «людей своего времени». Но... мало кто понимает, что отнюдь не молчуны и те, кто «не высовывается» — являются олицетворением своего времени, в которых стучат его часики. Люди считают, что можно посоветовать таким часикам солгать, промолчать... А это бессмысленно. И тут следует отметить, что все необходимо делать в свое время. Можно подождать, пока другой человек «сломает шею», чтобы после подсунуть, казалось бы, то же самое. Однако есть поговорка — «всему свое время». Стоит пропустить это время, промолчать, подождать «удобного момента»... и все! Нет согласия между временем и сердцем, давным-давно подсказавшим «Пора!»

— А что с ним стало? Ну, что стало с Архилохом? — спросила Вероника, уже догадываясь об ответе.

— Убили, конечно. Вот как чуть-чуть на твоих глазах не прикончили Каллиопу под соусом «борьбы с терроризмом». Его в точности так же «внесли в список», дали понять, что прикончившему его — «ничего не будет». Так и случилось. Про Архилоха нынче мало кто знает, хотя все слова при его жизни — подчинялись только ему. То, что он без утайки рассказывал все о себе, это полбеда. Ему ставилось в вину, что в его критике не было ни друзей, ни врагов, обо всех он говорил... не слишком почтительно.

— Как и нынешняя Каллиопа, — заметила Вероника. — Ей многие боятся писать, потому что она очень точно разбирает сказанное, что человек бы предпочел скрыть. Многие на нее злятся... очень многие.

— Люди скрывают то, что в результате непременно приводит к разрушению личности, — ответила Эвриале. — А настоящее искусство помогает душе стать цельной, полностью раскрыться! Взгляни на эти лица... А ведь можно было лишить людей такого праздника, гораздо проще, чем позволить им оттаять от смертельного холода войны. В «Снегурочке» заложена высшая правда! Открыть свои чувства перед всеми, стать искренним и честно признаться в любви... это весьма и весьма опасно. Можно превратиться в холодную лужицу. Но вот Купава с Лелем всегда были искренними, они жили, не пряча своих чувств, им не надо делать никакого усилия, чтобы полюбить, они и так любят все сущее.

Васнецов Виктор Михайлович. «ПАЛАТЫ ЦАРЯ БЕРЕНДЕЯ» Эскиз декорации к постановке оперы Н.Римского Корсакова «Снегурочка» в Частной опере Саввы Мамонтова в 1885 году

— Но я... я никому была не нужна с этой моей любовью! Я чувствую, что ненавижу эту любовь! – со слезами обернулась Вероника к Эвриале.

— Не одна ты так думаешь, — спокойно возразила та. — Любовь, это ведь свойство души. Оно есть или его нет. Боль испытываешь, когда тебе кажется, что оно никому не нужно. Там от души требуется почти божественное великодушие, не каждый на него способен. Гораздо проще жить без любви, но ты же знаешь, какой это божественный восторг! Укорять себя за любовь и смысла не имеет, как не имеет смысла искать ее источник. Она дается нам как жизнь, не спрашивая, догадываемся ли мы о ее цели и смысле.

— Да... Знать бы, зачем все это?

— О! Вопрос не по адресу! – легкомысленно ответила Эвриале. — Знать бы, какую практическую ценность имеют все эти чудесные дары, трогающие душу, заставляющие сильнее биться сердце... Лишь спустя многие годы выясняется, как они необходимы... Все эти люди могли не пережить зиму без этого потрясения «Снегурочки». Видишь, даже в буфет не идут, им кушать не на что. После такой войны их ждет самая страшная зима 1946-1947 года...

— Нет, я понимаю, что это нужно...

— Да, ты просто до конца не понимаешь, как сложно нести по жизни эти дары тем, кому они достаются вне нашей логики или желания. Каждый ведь считает

«почему это досталось ему?» Вот и про Лемешева все говорили, что ведь он из бедной крестьянской семьи, после ремесленного училища и школы красных кавалеристов... за что ему такое? Каждый хочет сейчас оказаться на его месте, представь себе. Все видят лишь триумф на сцене, не зная, сколько раз он в отчаянии хотел бросить все. Он на пике формы, но за каждый выход платит кровью. И лишь спустя годы те, кто сейчас критикует его за «пошлость», «кривляние» и «популизм», поймут, насколько он именно сейчас, в этом голодном послевоенном году был нужен со своей каватиной Берендея... И ты ведь не знаешь, кто его травил? У него сегодня, прямо после спектакля будет партийная разборка.

— Нет! Я ничего такого не знала! У меня мама была поклонницей Сергея Яковлевича, все знали, что его очень любят...

— А ты об этом не знаешь только потому, что, вставая на пути музе, человек неминуемо лишается будущего. Эти люди так и остались в прошлом, считая, что наступило «их время». Но только потому, что этими государственными переворотами, революциями и идеологиями... что?

— Что?

— А то, что люди, не следующие Божественному Промыслу, пытаются произвольно изменить ход истории! Они этого и не скрывают! «Кто был ничем, тот станет всем!» Правильно бывший

директор этого театра, которого выгнали у всех на глазах, говорил: «Кто был ничем, тот ничем и останется!»

— Да, я помню эти кадры, — отозвалась Вероника. — Его наш бывший министр культуры выгнал прямо у входа в театр.

— И так же Лемешеву угрожали, что его в театр не пустят! — заметила Эвриале. — Мол, слишком он «слащавый»! А на твоих глазах прославленного премьера прямо у входа в театр остановила серость, ничтожество, бюджетный вор! И он в себя верит, а ты — нет! И пока ты не поверишь в себя, он так и будет думать, что имеет на это полнейшее право, раз «наступило его время».

— Но почему...я?

— Понятия не имею! Я бы тоже предпочла, чтобы на твоём месте оказался мужчина, серьёзный учёный, как это было всегда! Впрочем, я ведь и сама не знаю, как это получается, потому что не помню, как появилась сама, почему появилась именно такой... Думаю, тебе надо смириться и принять все таким, какое оно есть. Ты – муза с циркулем и небесным сводом! Ты – муза цифр и расчетов! Будь добра, соответствуй своему предназначению!

— Вы что-то говорили о том, что... ну, если кто-то встанет против муз...

— О да! Будь добра, отслеживай это в круге муз, как помогла придать гласности эти списки на уничтожение. Сейчас и понимаю, почему это я вспомнила историю Архилоха. Его убили на острове Наксос. А жизнь у него... мягко говоря, не получилась, поэтому многие считали, что и жалеть его не стоит. Вот только дельфийский оракул вначале отказался отвечать на вопросы наксосца Калонда, сразившего Архилоха, поскольку от его руки погиб великий поэт. А потом Дельфы обходили все рожденные на острове Наксос. А в античности именно Дельфы определяли хоть истории, а не Политбюро ЦК КПСС. Верь своему сердцу, Урания!

Конец первой части